

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)



ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

5

2025



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ, кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук, доцент

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubysenko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

D. Subošić,

PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. Х. Абашидзе,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

A. Kh. Abashidze,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Piyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor



А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor



Л. В. Туманова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,

доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,

доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,

доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,

доктор юридических наук

L. V. Tumanova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,

Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,

Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,

доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,

доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,

доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,

доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,

доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,

доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,

доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,

доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,

Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor



В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный
экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored
Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the Federal Migration Service of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоенко,
А. И. Антопина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК**МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ****Содержание № 5 • 2025****ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АРХИРЕЕВА А. С. Эффективность административного контроля в сфере предпринимательства	10
АХМЕДОВ Р. М. Применение социально ориентированных технологий искусственного интеллекта в сфере государственного управления: современный опыт Федеративной Республики Бразилия	13
БАТЮКОВА В. Е. Актуальное состояние молодежного экстремизма в России	18
БУЛАКОВ О. Н. Права человека: охрана и защита на конституционном уровне	23
БЫСТРОВА Ю. В., ДОЛГОПОЛОВ К. А. Проблемы соблюдения процессуальных прав несовершеннолетних в российском уголовном производстве и пути их решения	27
ВАГАПОВ М. А. Содержание правового механизма разрешения политического кризиса	34
ВАСЮКОВ В. Ф. Криминалистическая классификация цифровой информации, используемой при расследовании преступления	40
ГЕЛЬДИБАЕВ М. Х. Безопасность свидетеля как объект уголовно-правовой охраны	45
ЗЕЛЕНСКИЙ В. Д., КУЕМЖИЕВА С. А. Организационно-тактические вопросы выявления подозреваемого и подготовки его к допросу	50
КАЛЛАГОВ Т. Э. О декларативности Конституции Российской Федерации	56
КОБОЗЕВ А. А., МАТВЕЕВ Д. А. Организационно-правовое обеспечение профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: проблемы и пути решения	60
КОВАЛЕВА Н. В. Средства измерения, меры и веса по законодательству Российской империи XIX — начала XX вв.	70
КУЗЬМИНА М. В. Право и правосознание в эпоху информационных манипуляций: философский и правовой анализ	78
ЛАНГНЕР Т. С. Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий	84
ЛЕВУШКИН А. Н. Правовое регулирование рекламной деятельности в сети Интернет	89
ЛОНЧАКОВА Ю. А. Цифровизация документооборота в сфере грузовых перевозок на основе информационных технологий	95
МАЙЛИС Н. П. О расширении рамок общей теории судебной экспертизы за счет совершенствования ее функций на современном этапе развития	101

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 57

Подписано в печать 15.10.2025
Цена договорная

**Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикота
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

**Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>**

МИШИН А. В., ГАБДРАХМАНОВ А. Ш. Современный взгляд на криминалистическую технологию в уголовно-процессуальной деятельности	106
МЫШКО Ф. Г. Гибкие графики работы для лиц с семейными обязанностями	111
ПАНКРАТОВ В. В., МАЗУРОВ И. Е. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Что не так с названием кодекса?	118
ТИТОР С. Е. Некоторые проблемы правоприменения дополнительных трудовправовых гарантий женщинам с детьми	126
ХАЛИФАЕВА А. К. Влияние суфизма на формирование правовой культуры народов Северного Кавказа	131
ЧУЛАХОВ В. Н., МАКСИМОВ Н. В. Трансформация криминалистической характеристики под влиянием современной преступности: проблемы использования в методиках расследования и пути их решения	137
ШЕЛЕНГОВСКИЙ П. Г. Охрана и защита конституционных прав человека: международно-правовой аспект	144
ШИШКОВ А. А. Процессуальные решения в досудебном производстве в отношении недееспособного лица по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ	149
ЭРИАШВИЛИ Н. Д. Решение демографических задач в условиях федеративного устройства России	156

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика
Финансы

БЫКОВ В. А., ПРОЯВА С. М. К вопросу о понятии военно-экономического обеспечения Вооруженных сил	162
ГРЯДУНОВ М. Ю. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций и их возможное влияние на экономику субъектов РФ в зоне СВО	167
ГУЗЬ Н. А., ЛИПАТОВА И. В. Об отдельных аспектах правового регулирования инициативного бюджетирования в свете реализации реформы местного самоуправления	182
ЕШТОКИН С. В. Проектирование институтов экономической безопасности банковского сектора	189
КУШХОВА А. А., ИВАНОВА Л. Н. Роль импортозамещения и параллельного импорта медицинского оборудования в обеспечении экономической безопасности региона	195
МИЛОСЛАВСКАЯ М. М. Значение информационных технологий в деятельности правоохранительных органов: реальность и перспективы	203
САРАДЖЕВА О. В. Моделирование технологических направлений обеспечения национальной безопасности России	208
ТУФЕТУЛОВ А. М., БАЛАБАНОВА Ю. Н. Оценка состояния национальной экономической безопасности с учетом влияния миграционных потоков	212

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

ГОГИБЕРИДЗЕ Г. М., РЕАН А. А. Проблема рисков деструктивного поведения старших школьников	218
МИШИНА Е. И., АГАПОВ В. С. Специфика взаимосвязей показателей целевого компонента структуры рефлексивного Я субъектов учебной деятельности	228

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of science and technics,
the Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

Editorial Staff adress:

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35

E-mail:

vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 5 • 2025

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

ARKHIREEVA A. S. Efficiency of administrative control in the sphere of entrepreneurship	10
AKHMEDOV R. M. The application of socially oriented artificial intelligence technology in public administration: the current experience of the Federal Republic of Brazil	13
BATYUKOVA V. E. The current state of youth extremism in Russia	18
BULAKOV O. N. Human rights: security and protection on the constitutional level	23
BYSTROVA YU. V., DOLGOPOLOV K. A. Problems of observance of procedural rights of minors in Russian criminal proceedings and ways to solve them	27
VAGAPOV M. A. The content of the legal mechanism for resolving the political crisis	34
VASYUKOV V. F. Forensic classification of digital information used in crime investigation	40
GELDIBAEV M. KH. Witness safety as an object of criminal law protection	45
ZELENSKY V. D., KUEMZHIEVA S. A. Organizational and tactical issues of identifying a suspect and preparing him for interrogation	50
KALLAGOV T. E. On the declarative nature of the Constitution of the Russian Federation	56
KOBOZEV A. A., MATVEEV D. A. Organizational and legal support for professional training of citizens newly recruited to the internal affairs bodies of the Russian Federation: problems and solutions	60
KOVALYOVA N. V. Measuring instruments, measures and scales according to the legislation of the Russian Empire of the XIX — early XX centuries	70
KUZMINA M. V. Law and legal awareness in the era of information manipulation: philosophical and legal analysis	78
LANGNER T. S. Legal analysis of the status of the Central Bank of the Russian Federation: study of the legal nature and powers	84
LEVUSHKIN A. N. Legal regulation of advertising activities on the Internet	89
LONCHAKOVA YU. A. Digitalization of document management in the field of freight transportation based on information technology	95
MAYLIS N. P. On expanding the framework of the general theory of forensic examination by improving its functions on the present stage of development	101

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st batch — 300)

Order № 57

*It is sent for the press 15.10.2025
Contractual price*

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

**Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629, or on the website
Scientific electronic library:
<http://elibrary.ru>**

MISHIN A. V., GABDRAKHMANOV A. SH. A modern view of criminalistic technology in criminal procedure	106
MYSHKO F. G. Flexible work schedules for people with family responsibilities	111
PANKRATOV V. V., MAZUROV I. E. Civil Procedure Code of the Russian Federation. What's wrong with the title of the code?	118
TITOR S. E. Some problems of law enforcement of additional labor and legal guarantees for women with children	126
KHALIFAEVA A. K. The influence of sufism on the formation of the legal culture of the peoples of the North Caucasus	131
CHULAKHOV V. N., MAXIMOV N. V. Transformation of forensic characterization under the influence of modern crime: problems of use in investigation methods and ways to solve them	137
SHELENGOVSKY P. G. Security and protection of constitutional human rights: international legal aspect.	144
SHISHKOV A. A. Procedural decisions in pre-trial proceedings against an incapacitated person under the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries	149
ERIASHVILI N. D. Solving demographic problems in the context of the federal structure of Russia	156

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics

Finance

BYKOV V. A., PROJAVA S. M. On the concept of military economic support for the Armed Forces	162
GRYADUNOV M. YU. Activities of socially oriented non-commercial organizations and their possible impact on the economy of the subjects of the Russian Federation in the SVO zone	167
GUZ N. A., LIPATOVA I. V. On certain aspects of the legal regulation of initiative budgeting in the light of the implementation of local government reform	182
ESHTOKIN S. V. Designing institutions for economic security in the banking sector.	189
KUSHKHOVA A. A., IVANOVA L. N. The role of import substitution and parallel import of medical equipment in ensuring the economic security of the region	195
MILOSLAVSKAYA M. M. The importance of information technology in law enforcement agencies: reality and prospects	203
SARADZHEVA O. V. Modeling of technological directions of ensuring Russia's national security	208
TUFETULOV A. M., BALABANOVA YU. N. Assessing the state of national economic security taking into account the impact of migration flows	212

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

GOGIBERIDZE G. M., REAN A. A. The problem of the risks of destructive behavior of high school students	218
MISHINA E. I., AGAPOV V. S. The specifics of the interrelationships of the indicators of the target component of the structure of the reflexive Self of the subjects of educational activity	228



Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-10-12>
EDN: <https://elibrary.ru/zspplk>

NIJON: 2003-0059-5/25-367
MOSURED: 77/27-003-2025-05-566

Эффективность административного контроля в сфере предпринимательства

Анастасия Сергеевна Архиреева

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия,
arkhireeva@inbox.ru, SPIN-код: 3155-3006

Аннотация. Рассматривается значимость административного контроля в экономической сфере, а также его влияние на развитие предпринимательства. Описаны различные функции административного контроля, его воздействие на развитие бизнеса и социальн-экономическую стабильность страны. Представлены как положительные аспекты (снижение коррупции, защита прав потребителей и работников, поддержка макроэкономической стабильности), так и отрицательные стороны (коррупционные риски, снижение инновационной активности) воздействия данного вида контроля на экономику. Особое внимание уделяется существующим проблемам административного контроля: недостаточная квалификация кадров, низкий уровень прозрачности и другие. Предлагаются пути решения указанных вопросов, включая внедрение цифровых платформ, улучшение открытости контрольных процедур, а также повышение квалификации сотрудников. Делается вывод о необходимости совершенствования административного контроля для стабильного роста предпринимательской деятельности и оптимизации работы государственных институтов.

Ключевые слова: административный контроль, рыночная экономика, предпринимательская деятельность, валовой внутренний продукт, занятость населения, экономический рост, государственное регулирование, функции административного контроля, законность, инновация, прозрачность, квалификация кадров, цифровые технологии

Для цитирования: Архиреева А. С. Эффективность административного контроля в сфере предпринимательства // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 10–12. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-10-12>. EDN: ZSPPLK.

Original article

Efficiency of administrative control in the sphere of entrepreneurship

Anastasia S. Arkhireeva

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia,
arkhireeva@inbox.ru, SPIN-code: 3155-3006

Abstract. The importance of administrative control in the economic sphere is considered, as well as its impact on the development of entrepreneurship. Various functions of administrative control, its impact on business development and social and economic stability of the country are described. Both positive aspects (reducing corruption, protecting the rights of consumers and employees, supporting macroeconomic stability) and negative aspects (corruption risks, reducing innovation activity) of the impact of this type of control on the economy are presented. Particular attention is paid to the existing problems of administrative control: insufficient qualifications of personnel, low level of transparency and others. Ways to solve these issues are proposed, including the introduction of digital platforms, improving the openness of control procedures, as well as improving the skills of employees. It is concluded that it is necessary to improve administrative control for the stable growth of entrepreneurial activity and optimize the work of state institutions.

Keywords: administrative control, market economy, entrepreneurial activity, gross domestic product, employment, economic growth, government regulation, administrative control functions, legality, innovation, transparency, qualifications of personnel, digital technologies

For citation: Arkhireeva A. S. Efficiency of administrative control in the sphere of entrepreneurship. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):10–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-10-12>. EDN: ZSPPLK.

В условиях рыночной экономики развитие предпринимательской деятельности играет важнейшую роль, а именно влияет на формирование валового внутреннего продукта, занятости населения, а также способно обеспечивать инновационное развитие страны [9]. Помимо этого, предпринимательская деятельность в своем развитии является одним из ключевых факторов социальной стабильности и экономического роста. Государство используют различные инструменты, позволяющие влиять на бизнес, одним из которых является административный контроль. Он представляет собой процесс проверки и непрерыв-

ного мониторинга различных явлений и процессов с целью выявления текущего состояния и отклонений от установленных административных норм.

Административный контроль имеет ряд функций. К ним относятся предотвращение различных нарушений, соблюдение законодательства, обеспечение законности и правопорядка, устранение и корректировка обнаруженных недостатков, а также защита интересов общества [4; 5]. Административный контроль как форма государственного регулирования способен обеспечивать исполнение обязательных требований, сводить до минимума риски для государства

© Архиреева А. С., 2025



и общества и способствовать развитию правовой культуры среди субъектов предпринимательства [5]. Однако, некомпетентность работы административных органов или их чрезмерное вмешательство, может снижать развитие предпринимательства, ослаблять инвестиционную привлекательность, а также ограничивать инициативу бизнеса и понижать интерес инвесторов [9]. Эффективное объединение надзорной деятельности с консультированием бизнеса позволяет не только укрепить правопорядок, но и повысить рост экономической эффективности.

Что касается органов, регулирующих предпринимательскую деятельность, то к ним относятся: антимонопольная служба (ФАС), которая контролирует госзакупки, рекламу, естественные монополии; Росздравнадзор, который следит за качеством медицины; Роскомнадзор, который следит за деятельностью телевидения и работой СМИ; Росреестр, который регистрирует аренду, продажу и залог земли, помещений; Рособнадзор — следит за качеством образования и выдает образовательные лицензии; Россельхознадзор — осуществляет надзор за перевозкой животных, за их выращиванием, также следит за качеством почвы и сырья; Роспотребнадзор — контролирует как предприниматель соблюдает права потребителей. Каждое из вышеперечисленных ведомств действует в рамках федеральных и региональных нормативно-правовых актов [2].

Рассмотрим влияние административного контроля на экономику. Выделяют два вида — положительное и отрицательное. Положительное влияние включает, прежде всего, обеспечение законности и правопорядка. Контроль позволяет ликвидировать финансовые нарушения, коррупцию, тем самым создавая условия для ведения «чистого» бизнеса. Далее это стабилизация экономики, т.е. административный контроль поддерживает макроэкономическую стабильность, а также контролирует инфляцию и возникающий дефицит бюджета. Еще одним положительным влиянием является защита прав работников и потребителей. Контрольные механизмы гарантируют соблюдение стандартов качества, продукции, условий труда, тем самым способствуя росту доверия со стороны потребителей.

Рассмотрим отрицательный характер влияния административного контроля. К нему относятся коррупционные риски, когда достаточно высокий уровень административного контроля может способствовать возникновению коррупции. Далее это снижение инновационной активности. Строгие контрольные меры могут ограничивать свободу предпринимателей и ограничивать внедрение инноваций [4; 5; 10].

Административный контроль, как и любая система, может сталкиваться с рядом проблем, которые требуют внимания и незамедлительного решения. Необходимо выявить значимые аспекты, влияющие на эффективность данного контроля. Рассмотрим ряд проблем и подходы к их решению. Начнем с низкого качества подготовки кадров. Проблема заключается в некачественной подготовке и уровне квалификации лиц, которые занимаются контрольными функциями. Формы проявления этой проблемы различны, например, слабый уровень знания законодательства, недостаточный уровень профессионализма в сфере анализа или отсутствие опыта с новыми технологиями [5]. Для того, чтобы решить данную проблему, необходимо повысить требования к квалификации работников. Это можно достичь путем обеспечения для них обучения, участия в различных семинарах и конференциях.

Еще одной проблемой является недостаточная открытость и прозрачность, т.е. административный контроль нередко сопровождается слабым уровнем прозрачности процедур, что вызывает претензии со стороны представителей бизнеса и граждан. Из-за недостаточного количества информации о действиях проверяющих органов может возникать рост коррупции, а также недовольство со стороны контролируемых субъектов [7]. Для решения данной проблемы можно применить внедрение механизмов открытости в процессе административного контроля, помимо этого, — обеспечить доступ к данным путем внедрения системы «обратной связи» для граждан.

Еще одной проблемой является сложность в координации между разного рода контрольными органами. В ряде случаев административный контроль осуществляется несколькими государственными органами, что может приводить к недостаточной координации действий и к неэффективности [8]. Для того, чтобы повысить эффективность контроля, необходимо улучшить координацию между различными государственными органами, развить электронные платформы для обмена данными и формацией между учреждениями.

Следующей проблемой являются ограниченные возможности для применения новых технологий. Деятельность административного контроля может быть низкой в связи с отсутствием или минимальным уровнем использования современных технологий. Это может касаться отсутствия электронных баз или неиспользования искусственного интеллекта для анализов и мониторинга [6]. Для решения этой проблемы необходимо развивать цифровые технологии. Например, использовать блокчейн для проверки данных.



Для совершенствования административного контроля необходимо учитывать ряд проблем, использовать различные меры для их решения, тем самым позволив повысить эффективность контроля и улучшить качество государственного управления.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что административный контроль занимает важное место в рыночной экономике, так как оказывает влияние на предпринимательство и стабильность в экономической сфере. Он выполняет различные функции, помогает создать все необходимые условия для «чистого» бизнеса, стабилизировать экономику. Но, несмотря на ряд положительных сторон, данная система сталкивается с определенными проблемами, которые требуют решения. Это поможет сделать контроль эффективнее и поддержать развитие экономики.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 1 апреля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 489 «О федеральном государственном надзоре в области защиты прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Колесникова И. А. Проблемы административного контроля в России // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 12–18.
5. Гаврилова М. В. Проблемы и пути повышения эффективности административного контроля в России // Журнал государственного управления. 2019.
6. Сидоров Н. П. Влияние новых технологий на эффективность административного контроля // Информационные технологии в государственном управлении. 2022.
7. Кузнецов А. И. Транспарентность в административном контроле // Вестник правозащитных исследований. 2021.

Информация об авторе

А. С. Архиреева — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. S. Arkhireeva — Candidate of Legal Sciences.

8. Иванов Д. А. Межведомственная координация в области административного контроля // Вестник государственной службы. 2018.

9. Балакирев А. А. Государственное регулирование предпринимательства: современные тенденции и проблемы // Экономика и право. 2020. № 5. С. 27–34.

10. Грачев С. Ю. Проблемы правоприменения в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 45–53.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part 1) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 1, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law of December 26, 2008 No. 294-FZ «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control» // LRS «ConsultantPlus».
3. Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 2010 No. 489 «On Federal State Supervision in the Field of Consumer Rights Protection» // LRS «ConsultantPlus».
4. Kolesnikova I. A. Problems of Administrative Control in Russia // Administrative Law and Process. 2022. No. 3. P. 12–18.
5. Gavrilova M. V. Problems and ways to improve the efficiency of administrative control in Russia // Journal of public administration. 2019.
6. Sidorov N. P. The impact of new technologies on the efficiency of administrative control // Information technologies in public administration. 2022.
7. Kuznetsov A. I. Transparency in administrative control // Bulletin of human rights studies. 2021.
8. Ivanov D. A. Interdepartmental coordination in the field of administrative control // Bulletin of the public service. 2018.
9. Balakirev A. A. State regulation of entrepreneurship: modern trends and problems // Economy and Law. 2020. No. 5. P. 27–34.
10. Grachev S. Yu. Problems of law enforcement in the context of the reform of control and supervisory activities // Journal of Russian Law. 2021. No. 6. P. 45–53.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 24.09.2025; принята к публикации 02.10.2025.
The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 24.09.2025; accepted for publication 02.10.2025.



Научная статья
УДК 34.342
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-13-17>
EDN: <https://elibrary.ru/zvjkm5>

НИОН: 2003-0059-5/25-368
MOSURED: 77/27-003-2025-05-567

Применение социально ориентированных технологий искусственного интеллекта в сфере государственного управления: современный опыт Федеративной Республики Бразилия

Руслан Маратович Ахмедов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, ahmedov@list.ru

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) все больше оказывают влияние на деятельность национальных органов государственной власти, которые применяют их в достижении технологического суверенитета, для своевременного выявления текущих и перспективных вызовов и угроз при обеспечении национальной безопасности страны, а также в вопросах разрешения социальных запросов и нужд населения в сфере государственного управления.

Исследуется опыт современной Федеративной Республики Бразилия в развитии и применении технологии ИИ в сфере государственного управления как на национальном, так и на межгосударственном уровнях, который представляет особый научно-исследовательский интерес среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Бразилия, государственное управление, государственно-частная инициатива, инновационные технологии

Для цитирования: Ахмедов Р. М. Применение социально ориентированных технологий искусственного интеллекта в сфере государственного управления: современный опыт Федеративной Республики Бразилия // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 13–17. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-13-17>. EDN: ZVJKMS.

Original article

The application of socially oriented artificial intelligence technology in public administration: the current experience of the Federal Republic of Brazil

Ruslan M. Akhmedov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, ahmedov@list.ru

Abstract. Artificial intelligence (AI) technologies are increasingly influencing the activities of national government bodies that use them to achieve technological sovereignty, to timely identify current and promising challenges and threats in ensuring the country's national security, as well as in resolving social demands and needs of the population in the field of public administration.

It examines the experience of the modern Federative Republic of Brazil in the development and application of AI technology in the field of public administration at both the national and interstate levels, which is of particular research interest among the countries of Latin America and the Caribbean.

Keywords: artificial intelligence, Brazil, public administration, public-private initiative, innovative technologies

For citation: Akhmedov R.M. The application of socially oriented artificial intelligence technology in public administration: the current experience of the Federal Republic of Brazil. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):13–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-13-17>. EDN: ZVJKMS.

Результаты технологической инновации в виде цифровизации, где искусственному интеллекту (далее — ИИ) отводится особое место, стали активно интегрироваться во все сферы реализации общественных отношений. Алгоритмизированный искусственный интеллект в качестве эффективного ассистента, менеджера повсеместно проявил свою эффективность для повышения вспомогательных, управленческих, контрольных и иных решений. Поэтому не случайно то, что в ряде государств стран мира ИИ внедрен в структуру органов государственной вла-

сти для оптимизации государственной деятельности и снижения криминогенного фактора.

Особый исследовательский интерес в обозначенной теме представляет опыт Федеративной Республики Бразилия (далее — Бразилия), ключевого партнера Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (далее — ОЭСР)¹, важного члена объединения стран БРИКС (BRICS)² среди стран Ла-

¹ URL: <https://www.oecd.org/en/topics/artificial-intelligence.html>

² Law & policy centre BRICS competition // URL: <https://brics-competition.org/ru>

© Ахмедов Р. М., 2025



тинской Америки и Карибского бассейна, по применению цифровых инструментов на основе ИИ в сфере государственного управления.

В 2024 г. президент Бразилии Луис Инасио Лула да Силва в выступлении подчеркнул необходимость того, чтобы сделать технологии ИИ доступными, конкурентными, способными обеспечить технологический суверенитет страны, сказав, что: «вместо того, чтобы ждать пока ИИ придет из Китая, США, Южной Кореи или Японии, почему бы не создать свой собственный»³. Это дало толчок реализации национальных государственных инициатив по регламентации разработок в применении технологии ИИ, результатом которого стал принятый 30 июня 2024 г. Министерством науки, технологий и инноваций Бразилии — Бразильский план развития искусственного интеллекта (РВИА) на 2024–2028 гг. (далее — Стратегия) в период проведения V-й Национальной конференции по науке, технологиям и инновациям.

Идеи главы государства относительно перспективного развития и применения технологии ИИ поддержали представители правительства Бразилии, которую представили международному сообществу. Так, Фредерико де Сикейра Фильо на министерской встрече G20 в Кейптауне по вопросам цифровой экономики обозначил стремление Бразилии сократить технологическое неравенство среди развивающихся стран глобального Юга, цель которого состоит в том, «чтобы инновации вели не только к экономическому росту, но и к социальной справедливости»⁴. Обозначенная международная инициатива по технологическому развитию ИИ среди стран глобального Юга также была представлена бразильцами на форуме высокого уровня БРИКС по ИИ в мае 2025 г., где Энрике Мигель продемонстрировал национальную программу по ИИ, ориентированную на этическое, устойчивое и независимое развитие технологий⁵. В своем докладе Мигель отметил, что в перспективе развитие технологии ИИ позволит устранить цифровое неравенство, быстрее добиваться преимуществ цифровой экономики для всех, расширит цифровую интеграцию и усилит национальный технологический суверенитет.

Как следствие, международная позиция-инициатива Бразилии по развитию доступности технологии ИИ среди развивающихся стран нашла свое практическое воплощение в «Декларации о глобальном управлении искусственным интеллектом (ИИ)», принятой на XVII саммите БРИКС, который прошел в Рио-

де-Жайнеро 6–7 июля 2025 г. Этот документ, подписанный лидерами стран БРИКС, выразил намерения ее участников способствовать разработке международных принципов развития и применения технологий ИИ, ориентированных на инклюзивность, устойчивость и соблюдение прав человека⁶.

Таким образом, можно отметить, что руководство Бразилии на протяжении ряда последних лет как на национальном, так и на межгосударственном уровнях уверенно демонстрирует эффективные результаты по продвижению ускоренной интеграции цифровых технологий ИИ в среду человеческих отношений и систем государственного управления. Те успешные результаты, которые достигла Бразилия в массовом продвижении технологии ИИ указывает на то, что работа по интеграции ИИ в общество и сферу государственного управления ведется на регулярной и, главное, системной основе. На это указывает национальная Стратегия, где обозначена комплексная стратегическая цель — позиционирование Бразилии в качестве мирового лидера в области разработок технологии и применения ИИ путем продвижения устойчивых и социально ориентированных технологий в различных секторах общественных отношений⁷. Этот документ, кроме направлений реализации государственных инициатив в развитии технологии ИИ, также содержит анализ текущего состояния по применению технологии ИИ в мире, представляет сравнительный анализ глобальных и региональных сценариев перспективного генерирования технологии ИИ, что указывает на далеко намеченные глобально-интеграционные замыслы бразильцев в вопросах развития и применения технологии ИИ в государственно-частном сегменте взаимодействия.

Содержание бразильской Стратегии под идейным замыслом «ИИ на благо всех», сгруппировано в

³ Бразилия инвестирует 4 млрд долл. в ИИ // URL: <https://tenc-hat.ru/media/2522623-braziliya-investiruyet-4-mlrd-v-ii?ysclid=mgpe9oc4gv696963788>

⁴ Brasil reforça liderança digital e a importância da IA em reunião do G20 na África do Sul // URL: <https://www.gov.br/mcom/pt-br/noticias/brasil-reforca-lideranca-digital-e-a-importancia-da-ia-em-reuniao-do-g20-na-africa-do-sul>

⁵ Бразилия представила программу развития ИИ на форуме стран БРИКС // URL: <https://tvbrics.com/news/braziliya-predstavila-programmu-razvitiya-ii-na-forume-stran-briks?ysclid=mgpe-abx7xt987425518>

⁶ Неофициальный перевод с английского языка // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/n1eGkN9xVCOwXIAGek-bAIJOLApDGIXEq.pdf>

⁷ Launches the Brazilian Artificial Intelligence Plan 2024–2028 // URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-policy-monitor/measure/4930/launches-the-brazilian-artificial-intelligence-plan-2024-2028>



пять основных разделов, которые являются приоритетными в избранном виде государственной деятельности для устранения технологического отставания и устранения тех вызовов и угроз, которые связаны с технологиями применения ИИ. Обозначим их: 1) создание инфраструктуры и разработка ИИ, где обозначена официальная поддержка государственно-частных инициатив по инвестированию в создание инфраструктуры и технологии, работающих с большими данными и ИИ; 2) обучение и наращивание потенциала ИИ. В качестве путей реализации данного направления государственные меры сфокусированы на подготовке специалистов в области ИИ, обладающих, прежде всего, креативным мышлением; 3) ИИ для улучшения предоставления государственных услуг. В данном сегменте отмечена важная роль применения ИИ для повышения эффективности и качества предоставляемых населению государственных услуг в таких сферах, как: здравоохранение, образование, общественная безопасность; 4) ИИ для бизнес-инноваций. В данном разделе отмечается увеличение мер государственной поддержки для стимуляции частной коммерческой деятельности тем организациям, которые активно интегрируют в свою деятельность во взаимодействии с технологиями ИИ; 5) регулирование и управление ИИ указывает на необходимость создания правовых рамок для обеспечения этического и ответственного использования ИИ. Для этого предложено создать Национальный центр алгоритмической прозрачности и надежного ИИ.

Реализация национальной Стратегии финансируется из казны Бразилии в объеме 23,03 млрд реалов. Большая часть денежных средств (около 14,0 млрд) предполагается направить на поддержку тем структурам, которые занимаются созданием и развитием технологии ИИ, национальных центров обработки больших данных, стартапам, прежде всего, направленным на модернизацию промышленности. Перспективы и намеченные результаты от реализации Стратегии по генерированию технологической суверенности Бразилии подробно рассмотрены в аналитической публикации местных специалистов⁸. Предполагается, что реализация Стратегии позволит расширить научные исследования в вопросах интеграции технологии ИИ в общественную среду и государственную деятельность; обновить национальные образовательные программы, где знания о специфике применения технологии ИИ станут обязательными для обучаемых; расширит экосистемы управления

для использования ИИ в государственном и частном секторах⁹.

В настоящее время в Бразилии имеется регулятивный механизм надзора за текущими и перспективными разработками и эксплуатирующими технологии с ИИ. Этим государственным органом является Национальная система регулирования и управления искусственным интеллектом (SIA). Предназначение данного государственного органа — оценивать и тестировать безопасность технологии, а также принимать меры по защите данных и предотвращению дискриминации.

Для Бразилии характерно то, что социально-ориентированные частные разработки в сфере применения технологии ИИ получают публичный характер и поддерживаются официальными властями. Пример тому — проект ИИ *Serenata de Amor* («Серенада любви»), который реализуется с 2016 г. после ряда публичных скандалов о нецелевом расходовании бюджетных средств государственными служащими.

ИИ *Serenata de Amor* получил свое практическое воплощение не благодаря финансированию разработки из казны государства, а благодаря краундфиндинговой кампании, которую организовал программист Ирио Мускопф с единомышленниками. Проект, получив в Интернете поддержку граждан страны, в короткие сроки собрал пожертвования в денежной сумме 25,0 тыс. долл. и позволил присоединиться к команде разработчиков более 700 волонтеров. Это позволило в течение 90 дней разработать и обучить ИИ, который 7 сентября 2016 г. представили общественности, приурочив начало «жизни ИИ к празднованию в Бразилии «Дня независимости»».

В основе рассматриваемого ИИ программа-робот «Рози» (*Rosie*), которая запрограммирована автоматически анализировать финансовые отчеты бразильских государственных служащих и выявлять целевые аномалии. При обнаружении подозрительных данных, «Рози» публикует типовое сообщение в официальном аккаунте @RosieDaSerenata: «Сомнительные расходы у депутата. Вы можете помочь мне проверить?» Также сообщение содержит ссылку, перейдя по которой, любой бразилец может изучить

⁸ Brazil's Artificial Intelligence Plan (PBIA) of 2024: Enabler of AI sovereignty? // URL: https://www.researchgate.net/publication/387496601_Brazil's_Artificial_Intelligence_Plan_PBIA_of_2024_Enabler_of_AI_sovereignty

⁹ Angelica Mari. Brazil publishes national artificial intelligence strategy // URL: <https://www.zdnet.com/article/brazil-publishes-national-artificial-intelligence-strategy/>



полную информацию о финансовом отчете, который представил ИИ в отношении конкретного государственного служащего, использовавшего средства государственной казны, а затем представившего отчет по расходам. «Рози» не может сама подать жалобу в государственные органы, поэтому жалобу направляет только человек, который проявил интерес к представленному ИИ отчету, как правило, ими являются волонтеры. Интегрированная в состав ИИ программа Jarbas визуализирует данные в виде списка компенсации, которые представлены Палатой депутатов и собранных Rosia по персоналиям¹⁰.

За период своей деятельности в виртуальном пространстве ИИ Serenata de Amor существенно сократило финансовые потери государства. Так, за первые три месяца применения ИИ программе удалось обнаружить 626 аномалий, в которых под сомнение ставились расходы 216 федеральных депутатов, благодаря чему в бюджет было возвращено 380 тыс. реалов.

Таким образом, польза применения ИИ Serenata de Amor в качестве аудитора за расходованием денежных средств государственными служащими и депутатами многократно превысила сумму, пожертвованную гражданами Бразилии на ее разработку. Интересно то, что, придерживаясь политики открытости, разработчики ИИ выложили на GitHub бесплатный набор инструментов Serenata Toolbox, предназначенный для использования вместе с языком программирования Python. Это позволило запустить в Бразилии схожие стартапы с применением ИИ. Пример тому — ИИ «Профиль политика» (Perfil Politico), предоставляющий полную информацию (пол, возраст, образование, профессия, активы) о всех кандидатах, претендующих на различные государственные должности, в том числе главы государства¹¹. Нейросеть по запросу представляет данные о всех тех избирательных платформах кандидата, на которые он ранее выставлялся. Сбор и анализ данных идет со всех электронных источников, а также по информации, представленной пользователями посредством направления материалов по электронному адресу: contato@SEREnata.ai. Обратная связь с пользователями позволяет оперативно обновлять текущую информацию в отношении каждого кандидата на государственную должность.

Схожий мануал имеет ИИ «Парламентария» (Parlamentria), анализирующая текущую деятельность палат бразильского парламента; ИИ «Забота о моем районе» (Cuidando do Meu Bairro), отслеживаю-

щая государственные финансовые расходы бюджета Сан-Паулу; ИИ Data Science, осуществляющая мониторинг и прогнозирование коррупционных преступлений, — благодаря этому ИИ были идентифицированы суперкоррупционеры, которые участвовали в нескольких преступных схемах и с высокой долей вероятности установлены люди, имеющие отношение к совершению правонарушений¹². Перечисленные ИИ интегрированы с ИИ Serenata de Amor, что позволяет выдать полную информацию по интересующему пользователя запросу.

Особый интерес представляет и опыт Бразилии по применению технологии ИИ в законотворческом процессе. Пример тому — деятельность члена городского совета бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул-Порту-Алегри Рамиру Росариу, который в виде промтов поставил задачу чат-боту OpenAI ChatGPT о подготовке законопроекта, который затем одобрил городской совет из числа 35 членов и был подписан мэром Себаштиу Мелу¹³. При этом сведения о том, что одобренный законопроект подготовлен ИИ стали публичными после вступления одобренного документа в юридическую силу, которое состоялось 23 ноября 2023 г. Как отметил Рамиру Росариу: «стратегия заключалась в том, чтобы не говорить никому, что это сделал искусственный интеллект», тем самым сделав отсылку на то, что им был проведен эксперимент, «было бы несправедливо по отношению к населению рисковать тем, что проект не будет одобрен просто потому, что он был написан искусственным интеллектом»¹⁴.

Структура законопроекта, подготовленного Chat GPT состояла из восьми статей и обоснования. Затем законопроект был передан на лингвистическую и юридическую экспертизу специалистам, которые представили правки и корректировки. В результате законопроект стал состоять из двух статей, где одна

¹⁰ Operação Serenata de Amor // URL: <https://serenata.ai>

¹¹ Perfil Politico // URL: <https://perfilpolitico.serenata.ai/sobre>

¹² ИИ помогает бороться с коррупцией? И контролировать чиновников. Изучаем опыт Бразилии // URL: <https://skillbox.com/media/code/ii-pomogaet-borotsya-s-korruptsiei-i-kontrolirovat-chinovnikov-izuchaem-opyt-brazilii/?ysclid=mgp1yytsn8825328805>

¹³ Первым, направившим запрос к чат-боту OpenAI ChatGPT о подготовке законопроекта, являлся сенатор США от демократической партии Барри Файнголд. Проект предполагал закрепить регулятивные нормы по регламентации применения различных моделей ИИ, включая ChatGPT.

¹⁴ Brazilian city enacts an ordinance that was secretly written by ChatGPT // URL: <https://apnews.com/article/brazil-artificial-intelligence-porto-alegre-5afd1240afe7b6ac202bb0bbc45e08d4>



статья включала ряд подпунктов. Надо отдать должное оператору ИИ в лице Рамиру Росариу о том, что подготовленный ИИ законопроект направлен на социальную защиту населения, а именно позволял муниципалитетам не взимать с населения плату за замену счетчиков воды в случае их кражи. Это дало поддержку закону со стороны населения на то, чтобы документ, подготовленный ChatGPT, не был приостановлен в правореализации в виду особого (негативного) мнения о разработчике со стороны ряда влиятельных лиц в правительстве Бразилии.

Таким образом, можно отметить, что современная Бразилия активно и интегрирует технологии ИИ в социально ориентированные направления в вопросах национального государственного управления. Это позволяет повысить цифровую грамотность населения, сделать деятельность лиц и органов государственной власти открытыми и прозрачными для населения, повышает заинтересованность граждан страны в контроле за деятельностью должностных лиц в освоении бюджетных средств, что существенно осложняет возможность совершения финансовых правонарушений. При этом социально ориентированная частная разработки технологии ИИ, получившая поддержку со стороны населения, приобретает характер публичной, которая оказывает влияние для принятия решений в сфере государственного управления по тем или иным социальным запросам, нуждам.

В межгосударственных отношениях Бразилия, занимая активную позицию в вопросах продвижения суверенных технологии ИИ, которые способствовали бы интеграционным процессам в сфере экономики и, прежде всего, в промышленном секторе, стремится установить технологическое лидерство среди стран глобального Юга, и, как минимум, Латинской Америки. Предполагается, что это предоставит доступ стране к инновационным технологиям, будет способ-

ствовать модернизации и интеграции национальных линий производств в промышленном секторе с передовыми мировыми и региональными технологическими решениями. А, это позволит повысить производительность труда, привлечь инвестиции, повысить уровень занятости населения, которые бы обладали навыками применения инструментария, синкретизированными с технологиями ИИ. Что характерно, подобные государственные замыслы руководства Бразилии вполне осуществимы если не в ближайшей перспективе, то как минимум в течение десятилетия при сохранении того «ритма» государственных преобразований, которые осуществляет современная Бразилия с использованием технологии ИИ.

Библиографический список

1. Ахмедов Р. М. Digital Religion и традиционные религиозные ценности (по материалам электронных ресурсов): моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
2. Ахмедов Р. М. Цифровая модальность государственности. Теоретико-правовой аспект: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2022.
3. Киберпреступление как фактор угрозы национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: моногр. / под ред. Р. М. Ахмедова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.

Bibliographic list

1. Akhmedov R. M. Digital Religion and traditional religious values (based on electronic resources): Monogr. M. : UNITY-DANA, 2021.
2. Akhmedov R. M. Digital modality of statehood. Theoretical and legal aspect: monogr. M. : UNITY-DANA : Law and Legislation, 2022.
3. Cybercrime as a threat factor to the national security of the Russian Federation: theoretical and legal research: monogr. / edited by R. M. Akhmedov. M. : UNITY-DANA, 2023.

Информация об авторе

Р. М. Ахмедов — профессор кафедры уголовного и публичного права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Akhmedov — Professor of the Department of Criminal and Public Law of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 24.09.2025; принята к публикации 02.10.2025.
The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 24.09.2025; accepted for publication 02.10.2025.



Научная статья
УДК 343.3/7
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-18-22>
EDN: <https://elibrary.ru/zwbzcg>

НИОН: 2003-0059-5/25-369
MOSURED: 77/27-003-2025-05-568

Актуальное состояние молодежного экстремизма в России

Вера Евгеньевна Батюкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, Batuykova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается современное состояние экстремизма среди молодежи. Анализируется официальная судебная статистика, опубликованная в различных источниках. Устанавливаются некоторые причины данного явления. Предлагаются меры, направленные на противодействие молодежному экстремизму в России.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, преступление, уголовная ответственность, противодействие, причины молодежного экстремизма, СВО

Для цитирования: Батюкова В. Е. Актуальное состояние молодежного экстремизма в России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 18–22. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-18-22>. EDN: ZWBZCG.

Original article

The current state of youth extremism in Russia

Vera E. Batuykova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, Batuykova@yandex.ru

Abstract. The current state of extremism among young people is being considered. Official judicial statistics published in various sources are analyzed. Some causes of this phenomenon are being established. Measures are proposed to counter youth extremism in Russia.

Keywords: extremism, extremist activity, crime, criminal liability, counteraction, causes of youth extremism, Special Military Operation

For citation: Batuykova V. E. The current state of youth extremism in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):18–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-18-22>. EDN: ZWBZCG.

Понятия экстремизма и экстремистской деятельности определены законодателем в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [13]. Так, экстремистская деятельность (экстремизм) — насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности РФ, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение розни по разным признакам (социальным, расовым, национальным) в разных сферах жизни общества (религиозной, политической, экономической и других); пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по различным признакам; деятельность, в результате которой нарушаются права, свободы и законные интересы человека и гражданина в зависимости от его принадлежности или взглядов и иные действия. По мнению С. Н. Чируна [7], данное закрепление и юридическое выражение не решило проблему использования термина «экстремизм» так как данное юридическое выражение расходится с любым политическим и даже с разговорным толкованием данного понятия.

Кроме того, противодействию экстремистской деятельности направлены многие нормы Уголовно-

го кодекса РФ, например, ст. 136, 148, 149, 212, 239, 278–280, 282–282.4, 357 УК, а также ст. 105, 111, 112, 115–117, 119, 141–142.1, 150, 213, 214, 243, 244, 281, 335, 336 УК РФ, если они совершены по мотивам ненависти или вражды.

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [14] установлено, что молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации. В связи с данными установленными возрастными границами, можно сделать вывод, что молодежный экстремизм — действия лиц в возрасте от 14 до 35 лет, признанные экстремистской деятельностью.

Согласно статистике МВД РФ, в январе–июле 2025 г. зарегистрировано 1375 преступлений экстремистской направленности, что составляет на 45,3 % [8] больше аналогичного периода прошлого года; согласно официальной статистике Верховного Суда РФ в 2024 г. за преступления экстремистской направленности было осуждено всего 795 человек [16].

Кроме этого, Судебный департамент при Верховном Суде РФ публикует сводные статистические све-

© Батюкова В. Е., 2025



дения о состоянии судимости в России за 2024 г. [11], которые содержат отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ, в том числе по преступлениям экстремистской направленности. Рамки рассматриваемых в отчете возрастов лиц на момент совершения преступления — 14–17 лет, 18–24 года, 25–29 лет, 30–49 лет, 50 лет и старше. Благодаря данному отчету можно сделать вывод о точном количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними или лицами, относящимися к категории «молодежь» (в данном случае — от 14 до 29 лет). Так, по ч. 1 и 2 ст. 280 всего за 2024 г. осуждено 215 человек, из которых к молодежи относятся 64 человека, среди которых 12 человек в возрасте от 14 до 17 лет, 25 — 18–24 года, 27 — 25–29 лет. По ст. 282 УК РФ осуждено 42 человека, среди которых двое несовершеннолетних, три человека в возрасте 18–24 года и пятеро — 25–29 лет. За организацию и участие в экстремистском сообществе (ст. 282.1 УК РФ) осуждено 23 человека. При этом, четыре человека являются несовершеннолетними — в возрасте от 14 до 17 лет, шесть человек — в возрасте от 18 до 24 лет. Лидирующее значение по количеству осужденных в 2024 г. значит за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) — 274 человека, и по ст. 282.2 УК РФ — 274 человека, среди которых двое несовершеннолетних, 19 человек в возрасте 18–24 года, 29 — 25–29 лет. По ч. 1 ст. 282.3 осуждено 38 человек, пять из которых несовершеннолетние и в возрасте 25–29 лет — три человека.

Анализ представленной статистики позволяет заключить, что большинство преступлений экстремистской направленности совершается молодежью в возрасте 18–24 лет, 25–29 лет и изменяется по возрасту лица в зависимости от конкретного совершенного преступления. Однако, интересно, что за участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ) большинство осужденных лиц являются несовершеннолетними.

Для анализа существующих проблем необходимо проанализировать причины возникновения и развития молодежного экстремизма.

Так, по данным МВД РФ [12] обозначено, что молодежный экстремизм на территории Российской Федерации представляет собой систему, состоящую из трех уровней — организационного, ментального и поведенческого.

Первый уровень системы представляет собой организационную составляющую деятельности экстре-

мистской направленности, которая выражается в участии в экстремистских организациях и движениях.

Второй уровень — ментальный, включает в себя пропагандистскую деятельность в разных сферах жизни общества (политической культуре, религии, в национальных и межэтнических отношениях и иных), в том числе в средствах массовой коммуникации.

На третьем, поведенческом уровне, играет роль поведение и рассматриваются конкретные совершаемые действия экстремистской направленности.

Причин возникновения и проявления экстремистской деятельности у молодежи насчитывается достаточно много, однако среди них можно выделить основные факторы, которые сильно влияют на личность молодого человека, его деятельность и мотивы [6]:

1) обострение социальной напряженности в молодежной среде;

2) криминализация ряда сфер общественной жизни, вовлечение лиц, относящихся к молодежи к действиям, связанным с криминальной деятельностью, в том числе в качестве работы. Как правило, данному фактору поддаются малообеспеченные лица, имеющие материальные проблемы;

3) рост национализма и сепаратизма;

4) наличие незаконного оборота средств совершения экстремистской деятельности. Данный фактор также связан с материальной составляющей, так как зачастую привлечение лиц к подобной деятельности (например, связанной с изготовлением и хранением оружия) осуществляется или в качестве работы, или за счет моральных убеждений данной личности;

5) использование сети Интернет в противоправных целях. В настоящее время сеть Интернет является самой масштабной площадкой для пропаганды экстремизма, вербовке молодежи и призыву к определенным действиям.

Также на появление молодежного экстремизма, а также на некоторые вышеперечисленные факторы оказывает большое влияние политическая обстановка в государстве. Так, например, некоторые авторы делают вывод о том, в результате СВО обострилась и усилилась деятельность в сфере молодежного экстремизма, которая проявлялась и ранее, например, националистический сепаратизм [3].

Появление молодежного экстремизма и совершение лицом деятельности экстремистской направленности зависит от характеристики его личности. В том числе большое влияние оказывают воспитание лица, его окружение, мировоззрение, политические, рели-



гиозные и иные убеждения, его отношение к алкоголю, наркотическим средствам, семейное положение, уровень образования, состояние его психики — наличие психических заболеваний, уровень проявляемой агрессии и иные факторы [2].

При этом, молодежный экстремизм может проявляться во многих сферах жизни общества: политической, религиозной, национальной. В основном, он возникает в определенной среде, которую можно назвать неблагополучной для личности и благополучной для формирования и развития мотива и экстремистских наклонностей — среди молодежи, подверженной настроениям неопределенности, с недостаточным уровнем культуры, образованности и воспитания, с отсутствием условий для реализации своих материальных, духовных и социальных потребностей.

Все вышеперечисленные причины возникновения молодежного экстремизма и являются существующими проблемами, которые требуют решения для предотвращения данного вида преступлений. Эти проблемы можно решить совокупностью мер, которые направлены на профилактику молодежного экстремизма. В первую очередь, среди них можно выделить информирование (как с точки зрения семьи при воспитательных беседах, так и со стороны государства и учебных заведений через пропаганду ценностей общества в разных ее проявлениях) молодежи о деятельности в экстремистской направленности, ее противозаконности, опасности для общества. Также немаловажно уделять особое внимание воспитанию ребенка в целом, развитию толерантности, способностей к взаимоуважению, сочувствию и другим важным в обществе качествам. Важно отметить, что со стороны государства должны проявляться иные меры, направленные на профилактику экстремизма, например, создание альтернативы для занятости, реализации своих потребностей, в том числе социальных и духовных (организация необходимых условий, различных мероприятий для молодежи, поддержка увлечений, интересов и хобби), через заботу о воспитании и благополучии лиц с разным социальным статусом, например, детей-сирот. Особое внимание стоит уделить контролю противозаконных публикаций, призывов в сети Интернет. Согласно судебной практике, многие действия экстремистской направленности совершены именно с применением сети Интернет. Например, в одном из рассмотренных уголовных дел [9] судом было установлено, что материалы экстремистской направленности размещены именно в сети Интернет в соци-

альной сети «ВКонтакте». При этом, стоит отметить, что зачастую при размещении в сетях материалов подобной направленности необходимо учитывать степень осознания при данном деянии, так как практика показывает, что лица, относящиеся к категории «молодежь», особенно лица от 14 до 20 лет не осознают экстремистской направленности в размещаемых, распространяемых ими материалах.

Помимо подобных мер, направленных на общую профилактику экстремистской деятельности среди молодежи, следует также отметить индивидуальную профилактику, в которую входят меры, направленные на определенное лицо (группу лиц) и действия, связанные с ними. Данные меры могут проявляться в своевременном выявлении групп с проявлениями экстремистской направленности, в применении предупредительных и перевоспитательных действий, направленных на исправление лица или группы лиц с учетом определенной ситуации. Например, это может быть личная работа с психологами, обеспечение потребностей личности и другие профилактические действия.

Также важно само осознание опасности молодежного экстремизма. Одним из основных проявлений опасности данного явления можно назвать угрозу для жизни и здоровья круга лиц, общества в целом в следствие использования насилия и физической силы для достижения своих целей. Второе проявление опасности — пропаганда ценностей и распространение ненависти к определенным группам людей, на основании их расовой, религиозной, политической и иной принадлежности. Это может привести к угнетению и дискриминации этих групп, а также к общественной напряженности и насилию. Также стоит помнить о том, что экстремизм может привести к радикализации молодежи, их убеждению в том, что насилие и экстремизм являются действенным способом решения социальных, материальных проблем. В связи с этим можно утверждать, что молодежный экстремизм оказывает сильное психологическое воздействие как на участвующих в подобной деятельности лиц, так и лиц, их окружающих.

Молодежный экстремизм может стать угрозой для национальной безопасности и стабильности государства, особенно если экстремисты привержены определенным политическим убеждениям, идеологиям, которые направлены против текущего государственного порядка, устройства, власти.

Перечисленные угрозы, порожденные опасностью молодежного экстремизма, связаны между собой



и, зачастую, проявляются в совокупности, оказывая как физическое, так и моральное, психологическое влияние на общество.

В качестве мер, направленных на противодействие молодежному экстремизму, предлагается подготовить план противодействия идеологии экстремизма в молодежной среде, при этом особое внимание необходимо уделить проблеме религиозно обусловленного экстремизма. Кроме того, выдвигаются предложения по расширению полномочий сотрудников правоохранительных органов в области противодействия экстремизму [1].

Некоторые авторы считают, что проблему молодежного экстремизма может устранить лишь полное духовное выздоровление российского общества и преодоление системных социальных проблем, угрожающих национальной безопасности страны [4] и выделяют молодежный экстремизм в Интернете как отдельную социальную проблему [5].

При этом интересно отметить, что популярной сферой, связанной с действиями экстремистской направленности, оказалась спортивная, в которой действия экстремистской направленности были совершены фанатами хоккейных, футбольных клубов (например, дела о признании экстремистским объединение футбольных фанатов «Иртыш Ultras» [15], о признании экстремистским объединение футбольных фанатов «Автоград Крю»). В настоящее время данная проблема решается с помощью введения паспортов болельщика.

Анализ судебной практики позволяет заключить, что в силу возраста, лица, виновные в совершении рассматриваемой группы преступлений не всегда осознают и понимают характер совершаемых действий. Например, при рассмотрении уголовного дела, молодой человек заявил, что ошибочно придерживался идеологии указанного религиозного объединения, так как был молод и религиозно не образован [10; 9].

Молодежный экстремизм — явление, которое представляет серьезную проблему для общества, которая требует внимания и немедленного решения. На возникновение и проявление молодежного экстремизма оказывает влияние политическая ситуация в государстве, социальное окружение, воспитание, убеждения лица, отношение его к той или иной социальной группе, в том числе неуважение к иным культурам и идентичности, которые не соответствуют его собственным взглядам и убеждениям, его психика и иные факторы.

Поскольку проблема молодежного экстремизма является многоаспектной, то и меры, направленные

на противодействие этому явлению, должны носить комплексный характер в том числе, просвещение, воспитание, обеспечение молодежи, а также обеспечение доступа к образованию, здравоохранению и справедливой системе правосудия, что может снизить социальную напряженность, на основе которой проявляется молодежный экстремизм. При этом данные меры носят как общий характер, направленный на неограниченный круг лиц, так и индивидуальный характер, который охватывает отдельные выявленные группы и лица.

Список источников

1. Ботвин И. В., Василькова Е. В. Предупреждение экстремизма на современном этапе: нормативное закрепление и особенности реализации // Научный компонент // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pre-duprezhdenie-ekstremizma-na-sovremennom-etape-normativnoe-zakreplenie-i-osobennosti-realizatsii>
2. Буданов С. А., Колесников Р. В. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-osobennosti-struktury-lichnosti-prestupnika>
3. Ваторопин А. С., Тепляков И. И. Молодежный экстремизм в России в контексте специальной военной операции // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-rossii-v-kontekste-spetsialnoy-voennoy-operatsii>
4. Кубякин Е. О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1.
5. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. С. 149–152.
6. Молодежный экстремизм: формы проявления, профилактика: информ. памятка. Лысьва, 2024.
7. Чирун С. Н. Дискуссионные вопросы и Актуальные проблемы молодежного экстремизма // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-i-aktualnye-problemy-molodyozhnogo-ekstremizma>
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июль 2025 г. // URL: <https://мвд.рф/reports/item/37377025/>
9. Приговор № 1-56/2020 от 29 апреля 2020 г. по делу № 1-56/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RYC2q8axRy1I>



10. Приговор № 1-717/2021 от 22 ноября 2021 г. по делу № 1-717/2021 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NrWjD2evrj61/>

11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 г. «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>

12. Современное состояние молодежного экстремизма в Российской Федерации // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/?ysclid=mfgll1t91i529861793>

13. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. URL: http://centralcourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1147

16. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946>

References

1. Botvin I. V., Vasilkova E. V. Prevention of extremism at the present stage: regulatory consolidation and implementation features // Scientific component // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-ekstremizma-na-sovremennom-etape-normativnoe-zakreplenie-i-osobennosti-realizatsii>

2. Budanov S. A., Kolesnikov R. V. Youth extremism: features of the criminal's personality structure // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-osobennosti-struktury-lichnosti-prestupnika>

3. Vatoropin A. S., Telyakov I. I. Youth extremism in Russia in the context of a special military operation // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-rossii-v-kontekste-spetsialnoy-voennoy-operatsii>

4. Kubyakin E. O. Features of prevention of youth extremism in modern Russia // Society: politics, economics, law. 2011. No. 1.

5. Kubyakin E. O. Youth extremism on the Internet as a social problem // Historical and socio-educational thought. 2011. No. 4. P. 149–152.

6. Youth extremism: forms of manifestation, prevention: inform. a reminder. Lysva, 2024.

7. Chirun S. N. Controversial issues and current problems of youth extremism // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-i-aktualnye-problemy-molodyozhnogo-ekstremizma>

8. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–July 2025 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/37377025/>

9. Verdict No. 1-56/20 dated April 29, 2020 in case No. 1-56/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RYC2q8axRyII>

10. Verdict No. 1-717/2021 of November 22, 2021 in case No. 1-717/2021 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NrWjD2evrj61/>

11. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2022. «Report on demographic characteristics of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>

12. The current state of youth extremism in the Russian Federation // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/?ysclid=mfgll1t91i529861793>

13. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 23, 2025) «On Countering Extremist Activities» (as amended and supplemented, intro. effective from September 1, 2025) // LRS «ConsultantPlus».

14. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 (as amended on July 23, 2025) «On Youth Policy in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

15. URL: http://centralcourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1147

16. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946>

Информация об авторе

В. Е. Батюкова — доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. E. Batyukova — Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 24.09.2025; принята к публикации 02.10.2025.
The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 24.09.2025; accepted for publication 02.10.2025.



Научная статья
УДК 342.7
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-23-26>
EDN: <https://elibrary.ru/zajbar>
ИПОН: 2003-0059-5/25-370
MOSURED: 77/27-003-2025-05-569

Права человека: охрана и защита на конституционном уровне

Олег Николаевич Булаков

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия, bulakov62@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются конституционно-правовые механизмы охраны и защиты прав человека, их соотношение и функциональные различия. Обосновывается тезис о том, что «охрана» прав — преимущественно превентивная, нормативно-организационная деятельность государства и общества, тогда как «защита» — восстановительная и юрисдикционная деятельность, реализуемая через судебные и квазисудебные процедуры. Анализируются ключевые элементы конституционного уровня обеспечения прав: каталог прав и принцип их непосредственного действия, институциональные гарантии (конституционный контроль, омбудсмен, независимый суд), стандарты ограничения прав (легитимная цель, необходимость, пропорциональность), а также роль международных правовых ориентиров.

Ключевые слова: права человека, конституционные права, охрана, защита, пропорциональность, омбудсмен, конституционный контроль, цифровые права

Для цитирования: Булаков О. Н. Права человека: охрана и защита на конституционном уровне // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 23–26. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-23-26>. EDN: ZAJBAR.

Original article

Human rights: security and protection on the constitutional level

Oleg N. Bulakov

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia, bulakov62@yandex.ru

Abstract. The constitutional and legal mechanisms for the protection and protection of human rights, their relationship and functional differences are considered. The thesis is substantiated that the «protection» of rights is mainly preventive, regulatory and organizational activities of the state and society, while «protection» is restorative and jurisdictional activities implemented through judicial and quasi-judicial procedures. Key elements of the constitutional level of rights are analyzed: the catalog of rights and the principle of their direct action, institutional guarantees (constitutional control, ombudsman, independent court), standards for restricting rights (legitimate purpose, necessity, proportionality), as well as the role of international legal guidelines.

Keywords: human rights, constitutional rights, security, protection, proportionality, Ombudsman, constitutional control, digital rights

For citation: Bulakov O. N. Human rights: security and protection on the constitutional level. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):23–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-23-26>. EDN: ZAJBAR.

Введение. Конституционный уровень представляет собой важную точку сборки системы прав человека. Именно на конституционном уровне определяются ценности, структура системы прав и свобод человека и гражданина, определяются ограничения и правовые механизмы как предотвращения нарушений (охрана прав человека), так и восстановления нарушенных позиций (защита прав человека). Сравнительно-правовой взгляд на конституционно-правовую основу охраны и защиты прав и свобод человека в России показывает как сближение стандартов, так и устойчивые различия, обусловленные институтами, политической историей и правовой культурой

[5, с. 112–118]. Отдельное внимание в статье уделено цифровым угрозам и трансформации классических доктрин под влиянием платформенной экономики и искусственного интеллекта.

Права человека в современной правовой системе часто оказываются заложниками формулы «провозглашены — значит обеспечены». Это опасная иллюзия. Конституция — не декларативная «витрина», а несущая конструкция (инфраструктура) всей системы прав: она задает ценностную иерархию, границы усмотрения власти, архитектуру гарантий, а главное — превращает права из моральных притязаний в юридически исполнимые требования [6,

© Булаков О. Н., 2025



с. 59–66]. Конституционный уровень важен по трем причинам:

1) *высшая юридическая сила*: права и свободы получают приоритет над обычным законом и административной практикой;

2) *системность*: Конституция связывает права с принципами (достоинство, равенство, правовое государство, разделение властей), без которых каталог прав распадается;

3) *гарантированность*: именно на конституционном уровне закрепляются «механизмы принуждения к правам» — независимый суд, конституционный контроль, процедуры жалоб, стандарты ограничений.

Теоретико-методологические рамки:

различие «охраны» и «защиты» прав человека

В юридической доктрине различие охраны и защиты прав продуктивно, поскольку переводит разговор из плоскости лозунгов в плоскость правовых технологий.

Охрана прав человека, на наш взгляд, это преимущественно превентивный и регулятивный режим. Его ядро:

- ◆ установление стандартов и запретов (что государству нельзя делать с человеком);
- ◆ институциональная профилактика нарушений (независимость суда, процедурные гарантии, прозрачность власти);
- ◆ организационные меры (доступность услуг, правовое просвещение, антикоррупционные механизмы);
- ◆ мониторинг рисков (оценка воздействия законопроектов и практик на права).

Защита прав человека представляет собой восстановительный и юрисдикционный режим, включающий:

- ◆ признание нарушения;
- ◆ прекращение нарушения; восстановление положения (*restitutio*);
- ◆ компенсацию вреда;
- ◆ привлечение нарушителя к ответственности;
- ◆ системные меры для недопущения повторения (общие меры по итогам судебных решений).

Важно при этом понимать, что чем эффективнее охрана, тем, соответственно, меньше приходится защищать нарушенные права и свободы человека и гражданина. И наоборот, чем «слабее» юридические механизмы, с помощью которых реализуется охрана, тем больше растет число жалоб и судебных исков

граждан, направленных на защиту нарушенных прав и свобод, что перегружает суды и превращает право в «постфактум-реакцию». Сильная охрана, напротив, делает защиту редкой, но эффективной [7].

Также следует отметить, что конституционная фиксация прав и свобод человека работает только тогда, когда права:

- а) сформулированы достаточно определенно;
- б) обладают непосредственным действием;
- в) обеспечены процедурами принудительной реализации.

Непосредственное действие означает, что суд (и иной правоприменитель) может и должен опираться на конституционное право, если профильный федеральный закон, например, отсутствует. Конституция РФ защищает права и свободы человека и гражданина не только провозглашенными в ее тексте конституционными правами и их гарантиями, но и самой конструкцией власти, установленной Конституцией РФ.

Независимый суд и справедливое разбирательство как «метаправо»

Право на справедливое судебное разбирательство представляет собой метаправо: оно обеспечивает доступ к защите всех остальных прав. В практическом смысле это:

- а) независимость и беспристрастность суда;
- б) состязательность и равенство сторон;
- в) мотивированность решений;
- г) разумные сроки;
- д) исполнимость судебного акта.

При защите прав и свобод человека важна исполнимость решений (в том числе судебных), без должного исполнительного производства, например, ценность вступившего в законную силу судебного решения о взыскании тех или иных денежных сумм будет снижена. В таких ситуациях защита нарушенных прав вырождается в «ритуал»: формально право признано, фактически — не реализовано, права не восстановлены. В этой связи важно отметить, что конституционное правосудие (или иной механизм конституционного контроля) выполняет три функции: во-первых, нормоконтроль (отсечение неконституционных норм); во-вторых, интерпретация (выработка конституционно-правового смысла норм, согласующего их с правами); в-третьих, стандартизация (формирование тестов и критериев (например, пропорциональности),



обязательных для правоприменения). Эффективным правовым инструментом является конституционная жалоба (в тех правовых порядках, где она развита): она связывает человека напрямую с национальной конституцией, минуя политические фильтры. Чем проще доступ к конституционной жалобе и чем яснее ее предмет, тем меньше «латентных нарушений» прав [4].

Отдельно следует сказать и об Уполномоченном по правам человека и специализированных омбудсменских институтах, которые важны как: «низкопороговый» (доступный) канал обращения; средство медиации и реагирования до суда; источник публичного давления и докладов; агрегатор системных проблем (что особенно важно для уязвимых групп).

Ограничение прав: конституционное понимание

Конституционные права и свободы человека не абсолютны (за редкими исключениями), и государство иногда вправе их ограничивать. Но именно здесь чаще всего и происходит злоупотребление: ограничение может подменяться «удобством» управления. Современный конституционализм выработал универсальную конструкцию ограничения прав (в разных странах — под разными именами, но логика едина):

- ◆ законность: ограничение вводится на основе закона;
- ◆ легитимная цель: безопасность, здоровье, права других и т. п.;
- ◆ необходимость: нет более мягкой меры, обеспечивающей цель;
- ◆ соразмерность (пропорциональность в узком смысле): баланс публичного интереса и ущерба праву.

Классическая либеральная модель делает акцент на негативных обязанностях (не вмешиваться). Но современное понимание прав включает и позитивные обязанности: государство должно организовать условия для реализации прав (например, доступ к суду, защита от домашнего насилия, обеспечение минимальных стандартов охраны здоровья, доступность образования). На конституционном уровне это выражается через:

- а) социальные права и принципы социального государства;
- б) обязанность государства защищать человека от нарушений со стороны третьих лиц;
- в) стандарты должной осмотрительности и эффективного расследования (в сфере насилия, дискриминации, злоупотреблений властью).

Практический критерий эффективности позитивных обязанностей: может ли человек добиться результата, а не просто услышать «право у вас есть» [1, с. 75–99].

Международные стандарты и конституционная идентичность: не конфликт, а система координат.

Международные документы (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.) выполняют роль минимального стандарта и методологического ориентира.

На практике оптимальная модель выглядит так:

- ◆ Конституция — верхний уровень ценностей и гарантий;
- ◆ международные стандарты — калибровка и защита от регресса;
- ◆ национальные суды — «переводчики» стандартов в конкретные механизмы.

Опасность возникает, когда «суверенная» риторика начинает использоваться как универсальная отмычка для снижения стандартов. Суверенитет без прав — это просто суверенитет аппарата, а не общества [3].

Повестка будущего: как сделать конституционную защиту эффективнее

1. Цифровые права и алгоритмическое управление.

Конституционная система часто не успевает за практикой: решения о человеке принимаются скорингом, профилированием, автоматизированными системами, а право реагирует медленно. Значит, на конституционном уровне должны быть усилены (или прямо сформулированы) принципы:

- ◆ право на объяснение значимого автоматизированного решения;
- ◆ запрет дискриминации алгоритмами (включая косвенную);
- ◆ минимизация данных и пределы наблюдения;
- ◆ эффективная процедура оспаривания цифровых решений;
- ◆ независимый аудит государственных алгоритмов.

Сильная позиция: «цифровое удобство» не должно быть конституционной ценностью выше свободы и достоинства. В противном случае «умное государство» незаметно превращается в «наблюдающее государство».



2. Чрезвычайность как новая нормальность.

Пандемии, войны, миграционные кризисы, климатические угрозы расширяют пространство «исключений» в аспекте конституционной защиты прав и свобод человека (или ее невозможности). В будущем, на наш взгляд, главной задачей станет конституционное управление чрезвычайными обстоятельствами: четкие сроки, парламентский контроль, судебная проверяемость, запрет на неопределенные режимы, обязательная публичная отчетность об эффективности мер.

3. Экологические и климатические права.

Экологическая безопасность перестает быть «политикой» и становится вопросом базовых прав: жизни, здоровья, частной жизни, собственности. Конституционная фиксация экологических прав и обязанностей государства — не мода, а ответ на объективный риск.

Заключение. Охрана и защита прав человека на конституционном уровне — это не абстрактная ценностная декларация, а технологически выстроенная система, где: охрана минимизирует вероятность нарушения прав через принципы, стандарты и профилактику; защита обеспечивает восстановление прав через суд, конституционный контроль и эффективные средства правовой защиты; ограничения прав допустимы только в рамках строгого теста законности, необходимости и пропорциональности; институциональные гарантии (независимый суд, кон-

ституционный контроль, омбудсмен) — реальное «железо» прав; будущее требует конституционного ответа на цифровизацию, алгоритмическую дискриминацию и расширение режимов чрезвычайности. Если упростить данную мысль до одной фразы: конституция защищает права тогда, когда она ограничивает власть не словами, а работающими правовыми процедурами и конституционными механизмами.

Список источников / References

1. Grimm D. Constitutionalism: Past, Present and Future. Oxford : OUP, 2016.
2. Kelsen H. Wer soll der Hüter der Verfassung sein? // Die Justiz. 1931.
3. Möller K. The Global Model of Constitutional Rights. Oxford : OUP, 2012.
4. UN Global Compact. Human Rights Impact Assessment: a practical guide. Geneva, 2017.
5. Алексеев С. С. Теория права. М. : Норма, 2010 [Alekseev S. S. Theory of Law. M. : Norma, 2010].
6. Лапаева В. В. Правовое государство и права человека. М. : Норма, 2012. (Lapaeva V. V. The rule of law and human rights. M. : Norma, 2012).
7. Черепанов А. В. Позитивные обязанности государства в сфере прав человека // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 45. (Cherepanov A. V. Positive duties of the state in the sphere of human rights // Journal of Russian Law. 2019. № 7. P. 45).

Информация об авторе

О. Н. Булаков — профессор кафедры публичной власти и правового положения личности Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. N. Bulakov — Professor of the Department of Public Authority and the Legal Status of the Individual of the Institute of Jurisprudence of the Russian State University for the Humanities (RGGU), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 24.09.2025; принята к публикации 02.10.2025.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 24.09.2025; accepted for publication 02.10.2025.



Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-27-33>
EDN: <https://elibrary.ru/wrdonc>

НИОН: 2003-0059-5/25-371
MOSURED: 77/27-003-2025-05-570

Проблемы соблюдения процессуальных прав несовершеннолетних в российском уголовном производстве и пути их решения

Юлия Викторовна Быстрова¹, Кирилл Андреевич Долгополов²

¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия, zukova57@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2022-5234

² Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, nadal06@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4496-1789

Аннотация. Анализируется судебная практика, свидетельствующая о процессуальных нарушениях прав несовершеннолетних, совершивших преступные деяния. Разрабатываются конкретные предложения, направленные на минимизацию указанных нарушений и противодействие им, используется общенаучный диалектический метод познания в целях определения социальной и информационной обусловленности преступлений, возникающих в уголовном процессе в отношении несовершеннолетних, а также научно-исследовательские методы: логико-юридический — при раскрытии основных понятий; методы анализа и синтеза — при обобщении теоретического и практического материала; статистический и социологический методы — при изучении практической деятельности.

Результаты представлены в порядке *de lege ferenda* — конкретных предложений о внесении изменений в нормы УПК РФ, направленных на охрану процессуальных прав и законных интересов несовершеннолетних в рамках уголовного производства.

Практическая значимость заключается в возможности внедрения результатов в правоприменительную деятельность правоохранительных и судебных органов в целях соблюдения процессуальных прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовно-процессуальный статус несовершеннолетнего, права несовершеннолетнего

Для цитирования: Быстрова Ю. В., Долгополов К. А. Проблемы соблюдения процессуальных прав несовершеннолетних в российском уголовном производстве и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 27–33. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-27-33>. EDN: WRDONC.

Original article

Problems of observance of procedural rights of minors in Russian criminal proceedings and ways to solve them

Yulia V. Bystrova¹, Kirill A. Dolgoplov²

¹ Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia, zukova57@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2022-5234

² North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, nadal06@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4496-1789

Abstract. Judicial practice is analyzed, testifying to procedural violations of the rights of minors who have committed criminal acts. Specific proposals are being developed aimed at minimizing and countering these violations, using the general scientific dialectical method of knowledge in order to determine the social and information condition of crimes arising in criminal proceedings against minors, as well as private and scientific methods: logical and legal — when disclosing basic concepts; methods of analysis and synthesis — when generalizing theoretical and practical material; statistical and sociological methods — when studying practical activities.

The results are presented in *de lege ferenda* specific proposals for amending the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at protecting the procedural rights and legitimate interests of minors in criminal proceedings.

Practical significance lies in the possibility of introducing the results into the law enforcement activities of law enforcement and judicial bodies in order to comply with the procedural rights and legitimate interests of minors prosecuted.

Keywords: minor, criminal procedural status of a minor, rights of a minor

For citation: Bystrova Yu. V., Dolgoplov K. A. Problems of observance of procedural rights of minors in Russian criminal proceedings and ways to solve them. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):27–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-27-33>. EDN: WRDONC.

Введение. Согласно уголовному законодательству, к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие 16-летнего возраста, а по отдельным составам преступления 14 лет. Соблюдение прав несовершеннолетних, обвиняемых в рамках уголовного судопроизводства, является задачей государства. Не-

смотря на существование отдельной главы в УПК РФ и детальное законодательное регулирование уголовного производства в отношении несовершеннолетних, анализ судебной практики показал, что при привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности как в рамках предварительного рас-

© Быстрова Ю. В., Долгополов К. А., 2025



следования, так и в судебных стадиях права несовершеннолетних могут нарушаться со стороны правоохранительных органов.

Необходимо отметить, что среди субъектов, привлекаемых к уголовной ответственности, несовершеннолетние имеют особый процессуальный статус, который отражается на времени допроса, возможности применения отдельных мер пресечения, форме судебного заседания. Например, сокращенные сроки допроса, закрытость судебного заседания и т. д. Хотя в уголовно-процессуальном законодательстве статус несовершеннолетнего закреплен в достаточной степени, однако, в правоприменительной деятельности постоянно возникают проблемы процессуального плана, связанные с применением норм УПК РФ к несовершеннолетним.

В рамках научного исследования, сделана попытка систематизации процессуальных ошибок, возникающих при привлечении несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности. Каждая из рассмотренных ошибок подтверждена материалами судебной практики, которые последовательно проанализированы в ходе написания настоящей работы. В рамках устранения данных ошибок предложены направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства, направленные на устранение коллизий, возникающих при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности.

Задачами исследования выступают:

- ◆ анализ правоприменительной практики уголовных дел, доказывающих наличие процессуальных нарушений в уголовном процессе в отношении несовершеннолетних;
- ◆ выявление и систематизация процессуальных нарушений прав несовершеннолетних, возникающих в процессе привлечения их к уголовной ответственности;
- ◆ разработка мер эффективного противодействия, направленных на устранение нарушений прав несовершеннолетних в уголовном процессе.

В основу эмпирической базы исследования легли приговоры судов общей юрисдикции, вынесенные в отношении несовершеннолетних, материалы следствия, а также протоколы судебных заседаний. Анализ данных процессуальных документов позволил выявить и систематизировать отдельные процессуальные нарушения, совершенные в отношении несовершеннолетнего лица в процессе его привлечения к уголовной ответственности.

Защите прав и интересов детей в уголовном процессе посвятили свои исследования такие российские ученые, как У. Н. Ахмедов, М. Н. Гордеева, И. А. Кирянина, З. И. Корякина, Е. В. Марковиичева, Н. В. Машинская, А. А. Мишенина, А. А. Орлова, А. А. Пугачева, А. П. Рыжаков, Е. А. Ухарева, а также зарубежные ученые Б. С. Альпер, М. А. Бортнер, В. Е. Гавенаг, Л. Э. Лемерт, Л. Е. Кохен, Ф. Парслое, Р. Уолкер и др.

В рамках настоящего исследования интересны и значимы научные изыскания следующих ученых: У. Н. Ахмедов занимался разработкой уголовно-процессуальных средств защиты прав несовершеннолетних в рамках досудебного производства [6, с. 5]; З. И. Корякина предложила правозащитную модель в уголовном судопроизводстве по преступлениям, совершенным несовершеннолетними [8, с. 74]; М. А. Куракина оценила эффективность защиты уголовно-процессуальных прав несовершеннолетних [9, с. 49]; А. А. Пугачев проявил научный интерес к гарантиям правовой защиты прав несовершеннолетних в рамках уголовного производства [11, с. 314].

В настоящее время проблема соблюдения прав несовершеннолетних в уголовном процессе является достаточно разработанной, однако, социально-экономическое развитие стран влияет на государственную политику, в том числе ювенальную и уголовно-процессуальную, и требует постоянных нововведений и реформирования законодательства в сфере соблюдения прав несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности.

Обсуждение. Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о наличии процессуальных ошибок по уголовным делам, возбуждаемым в отношении несовершеннолетних. В теории уголовного процессуального права ошибки делят на следственные и судебные. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

УПК РФ регламентирует порядок проведения закрытого судебного заседания по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами. Однако, на практике данная норма не всегда реализуется. Согласно апелляционной жалобе, поданной на приговор мирового судьи, которым З. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, защитник указал на нарушение подп. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Уголовное дело было рассмотрено в открытом судебном заседании в отношении З., не достигшего на момент рассмотре-



ния дела 16 лет. Данным фактом нарушено право несовершеннолетнего на конфиденциальность. Суд апелляционной инстанции признал приговор незаконным, отменил его и направил дело на новое рассмотрение [3].

В судебной практике встречаются случаи назначения закрытого судебного заседания без законных оснований, например, в отношении несовершеннолетнего, достигшего уже возраста 16 лет. Железнодорожным районным судом Саратовской области было рассмотрено уголовное дело в отношении Л., обвиняемого в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 163 УК РФ. Судом было вынесено постановление о назначении открытого судебного заседания, поскольку Л. достиг 16-летнего возраста на момент совершения противоправных действий. Несмотря на это, дело было рассмотрено в закрытом судебном заседании без указания мотивов, по которым суд пришел к таким выводам, что подтверждается аудиозаписью и протоколом судебного заседания, а также итоговым решением [2].

Следующей распространенной ошибкой является несоблюдение порядка вызова несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в органы предварительного расследования или в суд, предусматривающего уведомление через законного представителя либо через администрацию соответствующего специализированного учреждения в случае нахождения его под стражей (ст. 424 УПК РФ).

Так, в интересах несовершеннолетнего обвиняемого Р., адвокатом была подана жалоба на постановление городского суда, которым он объявлен в розыск. Согласно материалам дела, обвиняемому Р. инкриминируются кража и грабеж. Первоначально следственными органами к нему была применена мера пресечения в виде подписки о невыезде. Впоследствии в ходе судебного разбирательства представитель обвинения выступил с просьбой о применении более строгой меры пресечения, которая была удовлетворена судом, что привело к заключению под стражу обвиняемого, несмотря на то, что несовершеннолетний находился в другом городе и не был должным образом уведомлен о вызове в суд, что является нарушением уголовно-процессуального законодательства. Апелляционной инстанцией было установлено, что Р. не смог явиться в судебное заседание, так как не был уведомлен о нем. В связи с чем апелляционной инстанцией было принято решение об освобождении несовершеннолетнего из-под стра-

жи, а материалы уголовного дела были направлены на новое судебное разбирательство [7].

В правоприменительной деятельности часто встречается нарушение ч. 3 и 4 ст. 425 УПК РФ, выражающееся в отсутствии участия педагога или психолога при проведении допроса несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, а также в случае, если он страдает психическим расстройством или отстает в развитии.

Верховный Суд РФ аннулировал вынесенный приговор и постановил провести повторное судебное рассмотрение после рассмотрения кассационной жалобы защитника. Адвокат, представляющий интересы несовершеннолетнего Н., указал на существенное процессуальное нарушение: следственные органы проигнорировали требование уголовно-процессуального законодательства, проведя допрос подростка младше 16 лет без привлечения квалифицированного психолога или педагогического работника, что противоречит положениям ч. 3 ст. 425 УПК РФ [1].

Кроме того, характерной процессуальной ошибкой является допуск (недопуск) законного представителя несовершеннолетнего, который не всегда своевременно привлекается к участию в деле. Так, в предварительном слушании было рассмотрено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего Б., обвиняемого в совершении пяти преступлений, связанных с тайным хищением чужого имущества. Судом было установлено, что Б. страдает психическим заболеванием в форме умственной отсталости легкой степени, состоит на учете в лечебном учреждении у врача-психиатра. Из материалов дела следует, что в ходе расследования не был привлечен законный представитель несовершеннолетнего, допросы производились в его отсутствие, помимо этого не была обеспечена явка педагога либо психолога, вследствие чего было нарушено право Б. на защиту, суд не вызвал законного представителя в судебное заседание, что ограничивает обжалование судебных актов, право на участие в суде апелляционной инстанции [5].

Помимо этого, в практике известны примеры не извещения сторон о месте, дате и времени судебного разбирательства, что является нарушением ч. 4 ст. 231 УПК РФ. Апелляционной инстанцией была удовлетворена жалоба защитника на постановление районного суда о продлении срока содержания под стражей несовершеннолетнего А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 222.1 и ч. 1 ст. 208 УК РФ. Из материалов дела следует, что отсутствовали объективные доказательства, подтвер-



ждающие совершение вменяемых ему преступлений и предусмотренных законом оснований для избрания такой меры пресечения. Помимо этого, не подтверждается уведомление законного представителя о дате, месте и времени судебного заседания, а также факт его участия. Как следует из протокола судебного заседания, права законного представителя, предусмотренные ст. 428 УПК РФ, не разъяснялись, в прениях сторон слово не предоставлялось. В результате, постановление о продлении срока содержания под стражей обвиняемого А. было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение [4].

Анализ материалов уголовных дел показал, что в правоприменительной деятельности достаточно часто встречаются нарушения процессуального характера, затрагивающие права и свободы несовершеннолетнего в уголовном производстве. В целях минимизации данных ошибок необходимо предложить пути совершенствования законодательства, которые позволят решить выявленные проблемы, а также обеспечить высокий уровень защиты прав и интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Снижению уровня процессуальных ошибок может способствовать закрепление процессуального статуса педагога и психолога как обязательных субъектов уголовного процесса с указанием их прав и обязанностей. Считаем обоснованным введение нормы, наделяющей их правом на обжалование действия либо бездействие соответствующих должностных лиц с целью защиты от морально-психологического давления на несовершеннолетнего в процессе производства.

Необходимо обратить внимание на п. 62 ст. 5 УПК РФ, в котором закрепляется широкое толкование понятия педагога, позволяющее привлекать широкий круг специалистов, работающих с разными возрастными категориями несовершеннолетних, начиная от дошкольников и заканчивая студентами. Отсутствие необходимого опыта работы с подростками может негативно сказаться на процессе уголовного судопроизводства и усугубить и без того сложное эмоциональное состояние подростка.

Целесообразным является установление требований к профилю подготовки названных лиц. Так, например, компетенция корпоративных психологов не совсем была бы уместна, в то время как детский или школьный психолог способен оказать более положительное влияние и квалифицированную помощь.

Также проведенное исследование показывает, что в отношении несовершеннолетних потерпевших и

свидетелей предусмотрено больше процессуальных гарантий защиты прав и свобод в отличие от подозреваемых и обвиняемых того же возраста. Для устранения данного пробела важно обеспечить участие педагога и психолога не только в проведении допроса, но и других следственных действиях.

Вместе с этим, полагаем, что необходимо регламентировать продолжительность следственных действий по аналогии с ч. 1 ст. 425 УПК РФ в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) с применением обязательной видеозаписи или киносъемки. Названные мероприятия позволят устранить дискриминацию, а также будут способствовать повышению эффективности данного вида судопроизводства.

Далее заслуживают внимания дискуссионные аспекты, касающиеся уголовно-процессуального положения законного представителя. Согласно одной точки зрения: уголовно-процессуальное законодательство содержит подробную регламентацию процедуры участия законного представителя несовершеннолетнего [10, с. 58]. Согласно другой точке зрения: процессуальное положение законного представителя несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве носит схематичный характер.

Проведенный анализ позволил выявить ряд недостатков, одним из которых является отсутствие перечня оснований для отстранения законного представителя от участия в уголовном деле. Вызывает споры и исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть привлечены в качестве законных представителей. М. Ю. Худякова считает: «в качестве законных представителей могут выступать не только лица, перечисленные в п. 12 ст. 5 УПК РФ, но и родные братья, сестры, бабушка и дедушка» [12, с. 76]. Противоположной является точка зрения И. С. Гвоздевой; по ее мнению, «отрицается возможность привлечения в качестве законного представителя несовершеннолетнего иных родственников, кроме родителей, если они не назначены в установленном порядке опекунами или попечителями подростка» [7, с. 68].

По аналогии с психологом и педагогом представляется оправданным также закрепление уголовно-процессуального статуса законного представителя с регламентацией прав и обязанностей. Недостаточное нормативное регулирование обязанностей может приводить к различному пониманию целей представительства и создавать риски злоупотребления данным институтом.



В практике нередки случаи, когда несовершеннолетние не имеют больше иных законных представителей, кроме как родителей, ведущих аморальный образ жизни, которые не способны представлять и защищать интересы своего ребенка либо же просто не заинтересованы в этом и уклоняются от участия в предварительном расследовании и судебном заседании. Также зачастую близкие родственники проживают совместно с несовершеннолетним, не имея статуса попечителя или опекуна по тем или иным причинам либо же находятся в тесных с ним взаимоотношениях. По-нашему мнению, такой подход противоречит интересам несовершеннолетнего, поскольку родители могут быть не заинтересованы либо же не иметь возможности участвовать в судопроизводстве.

Предлагаем внести положение, предусматривающее участие в исключительных случаях иных близких родственников; исходя из п. 4 ст. 5 УПК РФ ими смогут выступать родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, поскольку органы опеки и попечительства подходят к институту представительства без всякой заинтересованности в несовершеннолетнем. Названные меры позволят снизить риск совершения процессуальных ошибок, связанных с привлечением законного представителя к участию в уголовном деле и обеспечить дополнительные гарантии соблюдения прав и свобод несовершеннолетних.

Для оптимизации процесса предлагается дополнить ст. 424 УПК РФ положением, закрепляющим обязанность следователя, дознавателя или суда уведомлять законных представителей и непосредственно самого подозреваемого или обвиняемого о вызове не менее чем за 24 часа до назначенного времени в письменной форме или путем СМС-сообщения. Данная норма сможет снизить риски неявки по каким-либо причинам и избежать непроизвольного затягивания предварительного расследования.

Следующее предложение касается меры пресечения, избираемой в отношении несовершеннолетнего. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ несовершеннолетний может быть заключен под стражу, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в исключительных случаях при совершении преступления средней тяжести.

В качестве исключительных случаев можно предложить следующее: совершение действий, направленных на уничтожение или фальсификацию доказательств, оказание препятствия для проведения пред-

варительного следствия, давление на свидетелей либо потерпевших, склонение их к даче ложных показаний, совершение преступления в составе организованной группы, ведение аморального образа жизни и т. д. Закрепление указанных факторов может способствовать принятию объективного решения при выборе применения данной меры пресечения.

Схожая проблема содержится в ст. 431 УПК РФ, посвященной освобождению судом несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. В рассматриваемой норме отсутствуют критерии оценки исправления без применения уголовного наказания и возникает вопрос: на основании чего суд должен прийти к такому решению? Предлагается обоснованным закрепить причины для принятия такого решения: признание вины, раскаяние в содеянном, возмещение причиненного вреда, содействие в раскрытии и расследовании преступления и т. д. При освобождении подростка от уголовного преследования суд сможет руководствоваться новой мерой, которая, выступая в качестве альтернативы наказанию, будет способствовать перевоспитанию через принудительные воспитательные меры.

Исследование выявило, что, несмотря на тщательную законодательную регламентацию, уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних сталкивается с определенными трудностями. Предложенные решения этих проблем не только улучшат судебный процесс и его исходы, но и создадут более гуманные условия для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Заключение. Причины процессуальных следственных и судебных ошибок разнообразны. Среди основных можно назвать: низкий уровень профессиональной подготовки кадров, незнание норм процессуального права, ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей, добросовестное заблуждение; чрезмерная нагрузка следственных и судебных органов в связи с большим количеством дел; законодательные пробелы, неясность правовых норм и отсутствие соответствующих судебных precedентов создают почву для неправильной интерпретации юридических положений; полное отсутствие необходимых следственных мероприятий и их некачественное выполнение; ошибочный анализ доказательственной базы по делу; недостаточное планирование проведения предварительного расследования, а также разработки и проверки версий; недостаточное осуществление ведомственного



контроля за работой сотрудников, осуществляющих расследование уголовных дел; тяжелая морально-психологическая атмосфера в коллективе и т. д. Анализ и систематизация всех обозначенных проблем позволили выработать наиболее оптимальные и эффективные методы предупреждения процессуальных ошибок по нарушению прав несовершеннолетних в уголовном производстве, направленные на гуманизацию порядка привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Список источников

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 64-О10-5СП «Допрос подсудимого, не достигшего возраста 16 лет, в отсутствие педагога или психолога при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей послужил основанием для отмены приговора» // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/1797990/paragraph/1/doclist/10150/4/>
2. Апелляционное постановление Железнодорожного районного суда г. Самары Самарской области от 6 марта 2018 г. по делу № 10-1/2018 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/301695051/paragraph/24/doclist/11485/3/>
3. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2019 г. по делу № 22-1247/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RT4TwZstJ3U8/>
4. Апелляционное постановление Верховного Суда Чеченской Республики от 13 сентября 2019 г. по делу № 22К-364/2019 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/310539440/paragraph/1/doclist/1595/6>
5. Постановление Новокубанского районного суда Краснодарского края от 17 января 2017 г. по делу № 1-35/2017 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/147038993/paragraph/27/doclist/10269/10>
6. Ахмедов У. Н. Классификация уголовно-процессуальных средств защиты прав несовершеннолетних в досудебном производстве // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2017. № 1 (4). С. 5–11.
7. Гвоздева И. С. Проблема выбора законных представителей несовершеннолетних обвиняемых: правоприменительный аспект // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2014. № 1. С. 68–73.
8. Корякина З. И. Уголовно-процессуальная модель защиты в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Вестник экономики, права, и социологии. 2017. № 2. С. 74–79.
9. Куракина М. А. Эффективность уголовно-процессуальной защиты прав несовершеннолетних как особой социальной категории // Ростовский научный вестник. 2023. № 3. С. 49–51.
10. Куряшева П. Э. К вопросу об участии законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном деле // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2021. № 2 (14). С. 58–60.
11. Пугачева А. А. присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) как уголовно-процессуальная гарантия правовой защиты // Синергия наук. 2022. № 70. С. 314–323.
12. Худякова М. Ю. Проблематика участия законных представителей расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Символ науки. 2022. № 4 (1). С. 76–80.

References

1. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 2, 2010 No. 64-O10-5SP «The interrogation of a defendant under the age of 16 in the absence of a teacher or psychologist during the consideration of a criminal case by a jury served as grounds for the overturning of the verdict» // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/1797990/paragraph/1/doclist/10150/4/>
2. Appellate ruling of the Zheleznodorozhny District Court of Samara, Samara Region dated March 6, 2018 in case No. 10-1/2018 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/301695051/paragraph/24/doclist/11485/3/>
3. Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated July 10, 2019, in case No. 22-1247/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RT4TwZstJ3U8/>
4. Appellate ruling of the Supreme Court of the Chechen Republic dated September 13, 2019, in case No. 22K-364/2019 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/310539440/paragraph/1/doclist/1595/6>
5. Ruling of the Novokubansky District Court of Krasnodar Krai dated January 17, 2017, in case No. 1-35/2017 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/147038993/paragraph/27/doclist/10269/10>
6. Akhmedov U. N. Classification of criminal procedural means of protecting the rights of minors in pre-trial proceedings // Criminal procedural protection of the rights and legitimate interests of minors. 2017. No. 1 (4). P. 5–11.



7. Gvozdeva I. S. The Problem of Selecting Legal Representatives of Minor Accused Persons: Law Enforcement Aspect // Problems of Criminal Procedure, Forensic Science and Forensic Examination. 2014. No. 1. P. 68–73.

8. Koryakina Z. I. Criminal Procedure Model of Defense in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases of Crimes Committed by Minors // Bulletin of Economics, Law, and Sociology. 2017. No. 2. P. 74–79.

9. Kurakina M. A. The Effectiveness of Criminal Procedure Protection of the Rights of Minors as a Special Social Category // Rostov Scientific Bulletin. 2023. No. 3. P. 49–51.

10. Kuryasheva P. E. On the Issue of Participation of the Legal Representative of a Minor Accused in a Criminal Case // Novelty. Experiment. Traditions. 2021. No. 2 (14). P. 58–60.

11. Pugacheva A. A. Supervision of a Minor Suspect (Accused) as a Criminal-Procedural Guarantee of Legal Protection // Synergy of Sciences. 2022. No. 70. P. 314–323.

12. Khudyakova M. Yu. Issues of Participation of Legal Representatives in Investigations of Criminal Cases Against Minors // Symbol of Science. 2022. No. 4 (1). P. 76–80.

Библиографический список

1. Справка Саратовского областного суда от 24 июня 2022 г. по результатам изучения судебной практики рассмотрения районными (городскими) судами и мировыми судьями Саратовской области уголовных дел в отношении несовершеннолетних в

2021 г. // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/404887011/paragraph/109/doclist/1148>

2. Сыдыкова З. Д., Карыпбаев А. Причины следственных ошибок, допускаемых в работе следователя // Международный университет Ала-Тоо. 2019. № 1. С. 128–132.

3. Фалеев В. И. Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судебных ошибок: дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002.

4. Хорьков В. Н., Волчещкая Т. С., Лонская С. В. и др. Защита прав и ответственность несовершеннолетних: современные проблемы. Калининград : Калинингр. гос. ун-т, 2004.

Bibliographic list

1. Certificate of the Saratov Regional Court dated June 24, 2022 based on the results of the study of judicial practice of district (city) courts and justices of the peace of the Saratov Region in considering criminal cases against minors in 2021 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/404887011/paragraph/109/doclist/1148>

2. Sydykova Z. D., Karypbaev A. Causes of Investigative Errors Made in the Work of an Investigator // Ala-Too International University. 2019. No. 1. P. 128–132.

3. Faleev V. I. Criminal-Procedural Aspects of Identifying and Eliminating Judicial Errors: diss. ... candidate of legal sciences. Kaliningrad, 2002.

4. Khorkov V. N., Volchetskaya T. S., Lonskaya S. V., et al. Protection of the Rights and Responsibility of Minors: Current Issues. Kaliningrad : Kaliningrad State University, 2004.

Информация об авторах

Ю. В. Быстрова — заведующая кафедрой уголовного права и процесса Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева, доктор юридических наук, доцент;

К. А. Долгополов — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. V. Bystrova — Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Oryol State University named after I.S. Turgenev, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

K. A. Dolgoplov — Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 18.09.2025. The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 18.09.2025.



Научная статья

УДК 342.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-34-39>

EDN: <https://elibrary.ru/yccinx>

ИПОН: 2003-0059-5/25-372

MOSURED: 77/27-003-2025-05-571

Содержание правового механизма разрешения политического кризиса

Муса Алимпашев Вагапов

Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова, Грозный, Россия, vagapov.musa@list.ru

Аннотация. Сегодня в мире происходит много межгосударственных, межнациональных конфликтов, которые перерастают в вооруженные столкновения. Опасность этих противостояний в современных условиях в том, что они, в конечном итоге, могут привести к уничтожению всего человечества.

Предлагаются апробированные в России правовые механизмы для разрешения конфликтов: достижение соглашения между противоборствующими сторонами; обустройство народа в государственно-территориальные образования; определение их правового статуса; проведение референдума. Анализируется содержание категории правовой механизм; предложен вариант данного понятия.

Ключевые слова: правовой механизм, Украина, Россия, Чеченская Республика, референдум, международное право

Для цитирования: Вагапов М. А. Содержание правового механизма разрешения политического кризиса // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 34–39. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-34-39>. EDN: YCCINX.

Original article

The content of the legal mechanism for resolving the political crisis

Musa A. Vagapov

Grozny State Petroleum Technological University named after Academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russia, vagapov.musa@list.ru

Abstract. Today in the world there are many interstate, interethnic conflicts that develop into armed clashes. The danger of these confrontations in modern conditions is that they can ultimately lead to the destruction of all mankind.

Legal mechanisms tested in Russia for resolving conflicts are proposed: reaching an agreement between the warring parties; arrangement of the people in state-territorial entities; determining their legal status; holding a referendum. The content of the category legal mechanism is analyzed; proposed is a version of this concept.

Keywords: legal mechanism, Ukraine, Russia, Chechen Republic, referendum, international law

For citation: Vagapov M. A. The content of the legal mechanism for resolving the political crisis. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):34–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-34-39>. EDN: YCCINX.

В современном мире ежегодно происходят десятки политических, межнациональных конфликтов, ряд из которых разрешается с помощью военной силы. Такие конфликты были на территории Югославии, в течение длительного времени продолжают на Ближнем Востоке, а сейчас вооруженное столкновение происходит на территории Украины.

Отдельные российские исследователи обоснованно считают причинами этих кризисов как интерес политических элит западноевропейских стран к сырью, ресурсам и территориям, так и противостояние цивилизационных систем, борьбу за традиционные духовно-нравственные ценности [3; 14]. Данный вывод подтверждается возникшей в странах Западной Ев-

ропы теорией о праве «Великих держав», к которым в основном относят западноевропейские страны и США, поддерживать по их усмотрению деструктивные силы в иных государствах, в том числе в России [11, с. 57]. Полагаем, что подобные подходы к возникающим в мире проблемам в условиях наличия угрозы применения ядерного оружия в ходе вооруженного противостояния грозят человечеству уничтожением.

В этой связи неотложной необходимостью является поиск альтернативных способов и средств устранения негативных явлений в политической, межгосударственной сфере человеческой деятельности.

По нашему мнению, в качестве альтернативы применению военной силы можно использовать пра-

© Вагапов М. А., 2025



новые механизмы купирования вооруженного противостояния. В этой связи следует согласиться с тем, что содержание и понятия используемых в литературе в разных контекстах терминов должны быть определены [7].

К сожалению, в юридической науке до сих пор не разработано содержание понятия правового механизма.

Согласно словарю С. И. Ожегова, слово правовой связано с понятием право, которое означает «совокупность охраняемых государством норм и правил, регулирующих возникающие между людьми отношения». Механизм — это система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности [9, с. 300, 498].

Исходя из этого, правовой механизм можно определить как совокупность обычаев, актов государственной власти нормативного характера, с помощью которых регулируются отношения в какой-либо сфере человеческой деятельности.

Одним из известных с древнейших времен правовым механизмом разрешения конфликтов было «соглашение», заключаемое между противоборствующими сторонами. В этой связи немалый интерес представляет историко-правовой опыт России, которой нередко приходилось разрешать политические кризисы с использованием правовых средств, невоенным путем. Однако для этого России сначала пришлось пройти непростой путь формирования государственности.

Следует отметить, что государственность связана с суверенным государством, обладающим языком, нравами, обычаями, обеспечивающим права и свободы граждан и свою безопасность [8, с. 475–544].

Образование Российской государственности было сложным, многообразным актом. В период формирования имперской государственности России (XVIII–XIX вв.) территории, заселенные нерусским населением, были присоединены к ней различными способами: добровольное вхождение по заключенным соглашениям, уступки права на территорию иным государством, включение территории в состав России административным актом и т.д. [1, с. 13–22]. Этот процесс нередко сопровождался негативными явлениями, которые были связаны как с интересами других государств, так и с ошибками властей самой России.

Так, в условиях укрепления в XVIII–XIX вв. позиции России на Кавказе царское правительство по-

пыталось установить на Северном Кавказе порядки, не присущие проживающим на этой территории народам, что послужило одним из оснований для вооруженных выступлений народов Северного Кавказа [13].

Еще тогда России пришлось искать механизмы, в том числе правовые, для разрешения возникающих конфликтов.

Полагаем, что необходимо отказаться от сложившихся в литературе стереотипов, преувеличивающих негативные стороны окраинной политики центральных властей Империи, объясняющих происходившие процессы с позиции классово-национального угнетения, принижая значения закономерностей общественно-государственного развития страны.

В тот период времени Царское правительство еще не имело собственного опыта территориального обустройства народов в составе государства. Ему приходилось модернизировать государство в условиях многонационального состава, предпринимать меры для интеграции присоединившихся народов в российское общество. В этих целях разрешались проблемы введения на этих территориях административного управления страны с учетом сложившихся у этих народов традиций, обычаев. В Российской Империи стали использоваться правовые механизмы для закрепления государственно-правового статуса ее народов.

К примеру, жители Финляндии уравнивались в правах с остальными подданными. Управление Царством Польским осуществлялось с сохранением сословий и привилегий. Для народов Грузии остались неизменными их имущественное состояние, свобода вероисповедания и т. д. Управление народами Сибири осуществлялось на общих основаниях [23]. Уставом 1927 г. предусматривалось сохранение управления ногайцами и другими кочевыми народами Кавказа согласно их обычаям. Народы Средней Азии имели свои национально-территориальные образования. Для северокавказских народов были сформированы две области — Дагестанская и Терская по национально-территориальному принципу [1; 4].

Таким образом, вошедшие в состав России народы на основании нормативно-правовых актов в основном сохраняли свои вековые традиции и обычаи, их национальной элите были предоставлены привилегии наравне с соответствующими сословиями. В этом процессе власть делала попытку не допускать столкновения различных, противоречащих друг дру-



гу интересов. Полагаем, что в этот период данная цель в основном была достигнута.

Отметим, что уже в начале XIX в. в устройстве Российской Империи закладывались федеративные начала, однако они не привели к ограничению самодержавной власти, а стали, по нашему мнению, качественно новым способом управления территориями России.

Представляется, что принятые меры по административно-территориальному устройству народов России, определению их правового положения следует рассматривать как правовой механизм разрешения конфликтов и предупреждения негативных явлений в будущем.

Царское правительство прилагало немало усилий для получения юношами разных национальностей светского образования, что можно оценить позитивно. Например, Указ Александра II от 20 октября 1859 г. стал основанием для создания учебных заведений для детей в национальных областях и округах Северного Кавказа. Выделялись специальные места в вузах России, Санкт-Петербургском и Московском университетах [2, с. 139; 22, с. 139].

Предпринимавшиеся имперской властью меры свидетельствуют о том, что она правовыми средствами в сфере образования пыталась на окраинных территориях России создать грамотную прослойку национальных кадров. Эти меры приводили к положительным результатам. На военной и иной службе в России в то время находилось немало выходцев из числа иных народов. Известны такие фамилии, как Юсупов, Черкасский, Чеченский, Чермоев, Алиев и другие, которые защищали интересы российского государства.

Можно констатировать, что в период Российской Империи использовались следующие правовые механизмы для разрешения конфликтов и предупреждения негативных явлений:

- ♦ определение правового положения народов и их обустройство в национально-территориальные образования с сохранением их прав, культуры, языка, обычаев, религии и т. д.;

- ♦ нормативно-правовое вовлечение представителей народов и народностей в общероссийскую социально-культурную, политическую, экономическую жизнь [12].

Одним из первых нормативных актов, принятых установившейся советской властью, была Декларация

прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г., которая учредила Советскую Российскую республику как федерацию [20, с. 378–379], стала правовым основанием для признания 11 декабря 1917 г. Украинской советской республики, 18 февраля 1918 г. независимости Финляндской республики, возникновения Белорусской, Прибалтийских, Закавказских и Среднеазиатских республик.

Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила Россию федерацией советских национальных республик [21]. В составе РСФСР предусматривались два вида субъекта, образуемых по национальному признаку: советская национальная (автономная) республика и советская автономная область без права выхода из состава федерации. В Конституции учреждались классовые основы советской власти: она принадлежала «целиком и исключительно трудящимся массам, их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских, крестьянских депутатов» [10, с. 38–44].

По нашему мнению, применяемые в первые годы советской власти меры правового характера в сфере территориального устройства народов России были преемственным продолжением уже ранее использованных правовых механизмов, правда, на совершенно другой идеолого-государственной основе.

Указанные акты стали очередным шагом в развитии федеративных начал российской государственности и первым этапом нормативного закрепления ее федерализма. Хотя эти акты нормативно и утвердили распад Российской Империи, в то же время, они стали правовой основой для создания нового договорного государства — СССР.

Созданная политическая система советского государства предполагала учет мнения населения, правда, мнения господствующих классов — рабочих и крестьян, которые составляли большую часть населения страны.

Показательным является принятие Конституции СССР 1924 г. Несмотря на условия восстановления после Гражданской войны, разруху, политическую и экономическую нестабильность, ее проект находился на всенародном обсуждении с 6 июля 1923 г. по 31 января 1924 г., более шести месяцев [17]. Это был первый опыт выявления общественного мнения народа посредством опроса, тем самым государство подтверждало себя как демократическое, с реальным народовластием.



В Конституции СССР 1936 г. (ч. 3 ст. 49) и в Конституции РСФСР 1937 г. (ч. 4 ст. 33) впервые в истории России предусматривалось проведение референдумов [6].

Анализ приведенных нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что в тот период не проводилось различие между «опросом» и «референдумом». Вместе с тем, можно констатировать, что был апробирован новый правовой механизм — «опрос» в качестве участия народа в решении государственных дел.

Полагаем, что всенародный опрос нельзя признать референдумом. Его следует расценивать как квази-референдум, плебисцит или консультативный референдум [19].

Закон РСФСР от 16 октября 1990 г. «О референдуме РСФСР» впервые выделил референдум в самостоятельный правовой институт и установил, что решения, принятые на референдуме, обладают высшей юридической силой и обязательны для всех; была предусмотрена уголовная и административная ответственность за невыполнение решения референдума [15]. Таким образом, государственно-правовой институт «референдум» был признан высшим, непосредственным выражением власти народа, закреплён как принцип народовластия в России. Референдум стал важнейшим правовым механизмом государства.

Отметим, что актом, разрушившим СССР, стало Минское Соглашение от 8 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств», заключенное между Республикой Беларусь, РСФСР и Украиной.

Присоединением к Соглашению в г. Алма-Ата других союзных республик (протокол от 21 декабря 1991 г.) и его ратификацией каждой из них процесс создания СНГ завершился [5].

Этим Соглашением было прекращено существование СССР и на его месте создано СНГ без права выхода из него, предоставлены его членам равные права и возложены обязанности защищать права и свободы граждан независимо от национальной, расовой принадлежности [16].

Прекращение существования СССР способствовало росту сепаратизма в национальных республиках. В Чеченской Республике противостояние с федеральной властью привело к вооруженному столкновению. Проведенный 23 марта 2003 г. референдум, по существу определивший статус Республики,

разрешил конфликт. Референдум Чеченской Республики явился наглядным примером возможности разрешения политического кризиса с использованием «правого механизма». Полагаем, что данный опыт может быть применен для разрешения конфликтов в Украине, на Ближнем Востоке, Балканах и на других территориях. Однако проблемой является отсутствие должного нормативно-правового регулирования во многих государствах и в международном праве условий и порядка применения правовых механизмов предотвращения военного конфликта, а также ответственности за неиспользование этих механизмов. В целях обеспечения безопасного сосуществования мирового сообщества данный пробел должен быть устранен принятием соответствующих нормативно-правовых актов международными организациями и национальными органами государственной власти.

Итак, на основе проведенного исследования можно прийти к общему выводу о том, что попытка разрешения межнациональных внутригосударственных конфликтов, политических кризисов с применением военной силы, по усмотрению западноевропейских стран, так называемых «Великих держав», без учета интересов всех участников конфликта в современном мире не имеет решения. Их завершение возможно с применением правовых механизмов: достижение соглашения; обустройство народа в свои государственно-территориальные образования; определение их правового статуса, уважение национальных особенностей, языка, культуры; предоставление возможности принятия окончательного решения народом путем всеобщего голосования на референдуме.

Список источников

1. Аверин М. Б. Великое княжество Финляндское и царство Польское в государственном механизме Российской Империи (середина 60-х гг. XIX века — 1881 г.): историко-правовой анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
2. Арсанукаева М. С. Образовательная политика Российской Империи в Чечне и Ингушетии (XIX — начало XX века) // 2-е Кадыровские чтения: мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 г. и принятия Конституции Чеченской Республики. Грозный, 2013.
3. Бабурин С. Н. О духовных основаниях государственного суверенитета: правоприменение сво-



боды совести в современном конституционализме // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2024. № 2. С. 36–45.

4. Вагапов М. А. Правовые аспекты формирования общенациональной (гражданской) российской идентичности: исторический опыт и современность // Закон и право. 2024. № 10. С. 74–82.

5. Волгин Е. И. Проблемы распада Союза ССР в современной научно-популярной литературе // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 163–185.

6. Кислицин И. М. Относительно первого российского закона о референдуме // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4 (9). С. 40–51.

7. Лановая Г. М. Государство, государственность и государственно-правовая система: соотношение понятий // История государства и права. 2025. № 1. С. 20–26.

8. Макиавелли Н. Государь. История Флоренции. Размышления над первой декадой Тита Ливия. М.: Эксмо, 2023.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987.

10. Рябинин Н. А. Преемственность государственности: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

11. Sterio M. The right to self-determination under international law: «Selfstans», secession, and the rule of the great powers. Routledge, London, 2012.

12. Титор С. Е., Шагиева Р. В. Формирование правового регулирования ремесленных образовательных учреждений в России в XIX в. // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 3 (74). С. 25–34.

13. Умаров Д. В. Феномен мирных горцев в ходе кавказской войны // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 75–81.

14. Шамаров В. М. Государственный суверенитет и современные реалии: проблемы соответствия // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 1 (72). С. 51–55.

15. Закон РСФСР от 16 октября 1990 г. «О референдуме РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 230.

16. Соглашение от 8 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 51. Ст. 1798.1.

17. Конституция СССР от 31 января 1924 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 45.

18. Конституция (Основной закон) РСФСР от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. № 30. Ст. 218.

19. Закон РСФСР от 20 апреля 1988 г. «О народном обсуждении важных вопросов государственной жизни» // Ведомости ВС РСФСР. 1988. № 17. Ст. 540.

20. Декларация прав народов России 3 (16) ноября // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госизд-во полит. литературы, 1957.

21. Конституция РСФСР 1918 г. Принята 5-м Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. 19 июля.

22. Мнение Государственного Совета «О преобразовании учебных заведений на Кавказе и за Кавказом» // Полное собрание законов Российской империи. 1959. Т. 34. Отд. 2. Ст. 34982. СПб.: Тип. С.Е.И.В. Канцелярии, 1860.

23. Устав «Об управлении инородцев» 1821 г. // Свод Законов Российской Империи. 1832. Т. 2. С. 531–571.

References

1. Averin, M. B. The Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland in the State Mechanism of the Russian Empire (mid-1860s — 1881): Historical and Legal Analysis: abstract of diss. ... candidate of legal sciences. M., 2004.

2. Arsanukayeva, M. S. Educational Policy of the Russian Empire in Chechnya and Ingushetia (19th — early 20th centuries) // 2nd Kadyrov Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conf. dedicated to the 10th Anniversary of the Referendum of March 23, 2003 and the Adoption of the Constitution of the Chechen Republic. Grozny, 2013.

3. Baburin, S. N. On the Spiritual Foundations of State Sovereignty: Law Enforcement of Freedom of Conscience in Modern Constitutionalism // Bulletin of the S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2024. No. 2. P. 36–45.

4. Vagapov M. A. Legal Aspects of the Formation of a National (Civil) Russian Identity: Historical Experience and Modernity // Law and Right. 2024. No. 10. P. 74–82.

5. Volgin E. I. Problems of the Disintegration of the USSR in Modern Popular Science Literature // Pub-



lic Administration. Electronic Bulletin. 2018. No. 71. P. 163–185.

6. Kislitsin I. M. Concerning the First Russian Law on Referendum // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2009. No. 4 (9). P. 40–51.

7. Lanova G. M. State, Statehood, and the State-Legal System: the Relationship of Concepts // History of the State and Law. 2025. No. 1. P. 20–26.

8. Machiavelli N. The Prince. History of Florence. Reflections on the First Decade of Titus Livius. M. : Eksmo, 2023.

9. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language. M. : Russkiy Yazyk, 1987.

10. Ryabinin N. A. Continuity of Statehood: diss. ... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2001.

11. Sterio M. The right to self-determination under international law: «Selfistans», secession, and the rule of the great powers. Routledge, London, 2012.

12. Titor S. E., Shagieva R. V. Formation of Legal Regulation of Craft Educational Institutions in Russia in the 19th Century // Scientific Works of the Russian University of Advocacy and Notary named after G. B. Mirzoev. 2024. No. 3 (74). P. 25–34.

13. Umarov D. V. Phenomenon of Peaceful Highlanders during the Caucasian War // News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences. 2022. No. 4. P. 75–81.

14. Shamarov V. M. State Sovereignty and Modern Realities: Problems of Compliance // Scientific Works of the Russian University of Advocacy and Notary named after G. B. Mirzoev. 2024. No. 1 (72). P. 51–55.

15. Law of the RSFSR of October 16, 1990 «On the Referendum of the RSFSR» // Vedomosti of the SND and the Supreme Council of the RSFSR. 1990. No. 21. Art. 230.

16. Agreement of December 8, 1991 «On the Creation of the Commonwealth of Independent States» // Vedomosti of the SND and the Supreme Council of the Russian Federation. 1991. No. 51. Art. 1798.1.

17. Constitution of the USSR of January 31, 1924 // Bulletin of the Central Executive Committee, Council of People's Commissars and Council of Defense of the USSR. 1924. No. 2. Art. 45.

18. Constitution (Basic Law) of the RSFSR of May 11, 1925 // SU RSFSR. No. 30. Art. 218.

19. Law of the RSFSR of April 20, 1988 «On Public Discussion of Important Issues of State Life» // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1988. No. 17. Art. 540.

20. Declaration of the Rights of the Peoples of Russia of November 3 (16) // Decrees of Soviet Power. Vol. 1. M. : State Publishing House of Political Literature, 1957.

21. Constitution of the RSFSR of 1918. Adopted by the 5th All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918 // Izvestiya of the All-Russian Central Executive Committee. 1918. July 19.

22. Opinion of the State Council «On the Transformation of Educational Institutions in the Caucasus and Beyond the Caucasus» // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1959. Vol. 34. Section 2. Art. 34982. St. Petersburg : Type. S.E.I.V. Chancellery, 1860.

23. Charter «On the Management of Foreigners» of 1821 // Code of Laws of the Russian Empire. 1832. Vol. 2. P. 531–571.

Информация об авторе

М. А. Вагапов — старший преподаватель Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова, федеральный судья, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. A. Vagapov — Senior Lecturer of the Grozny State Petroleum Technological University named after Academician M.D. Millionshchikov, Federal Judge, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 18.09.2025.



Научная статья
УДК 343.985.5
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-40-44>
EDN: <https://elibrary.ru/wvznla>

NIION: 2003-0059-5/25-373
MOSURED: 77/27-003-2025-05-572

Криминалистическая классификация цифровой информации, используемой при расследовании преступления

Виталий Федорович Васюков

Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО),
Москва, Россия, vvf0109@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретические и практические аспекты классификации цифровой информации, используемой при расследовании преступлений. Отмечается, что процессы цифровизации существенно изменяют характер криминалистических объектов и требуют адаптации традиционных методик к новым видам электронных данных. Особое внимание уделено проблемам получения, фиксации и легализации цифровых сведений, возникающим в условиях трансграничности информационных потоков и высокой технологической сложности цифровых сред. Сделан вывод о необходимости формирования системной криминалистической классификации цифровой информации, учитывающей ее происхождение, функциональные характеристики и степень доступности для следственных органов.

Ключевые слова: цифровая информация, криминалистическая классификация, осмотр электронных носителей, расследование

Для цитирования: Васюков В. Ф. Криминалистическая классификация цифровой информации, используемой при расследовании преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 40–44. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-40-44>. EDN: WVZNLA.

Original article

Forensic classification of digital information used in crime investigation

Vitaly F. Vasyukov

Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia, vvf0109@yandex.ru

Abstract. Theoretical and practical aspects of the classification of digital information used in crime investigation are considered. It is noted that digitalization processes significantly change the nature of forensic objects and require the adaptation of traditional methods to new types of electronic data. Particular attention is paid to the problems of obtaining, fixing and legalizing digital information that arise in conditions of cross-border information flows and the high technological complexity of digital environments. It was concluded that it is necessary to form a systematic forensic classification of digital information, taking into account its origin, functional characteristics and the degree of accessibility for the investigating authorities.

Keywords: digital information, forensic classification, examination of electronic media, investigation

For citation: Vasyukov V. F. Forensic classification of digital information used in crime investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):40–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-40-44>. EDN: WVZNLA.

В любой отрасли научного знания можно обнаружить большое количество различных классификационных оснований объектов в целях решения актуальных исследовательских задач. Не является исключением и криминалистика. Объектами классификации в ней являются многие явления, связанные как с механизмом подготовки, совершения и сокрытия преступлений, так и с процессом их раскрытия, расследования и предупреждения [1, с. 106].

Между тем, современный этап развития уголовно-правовой сферы характеризуется стремительной цифровизацией, что радикально изменяет методы собирания и использования информации при расследовании преступлений. Не вызывает сомнения, что

появление новых электронных средств коммуникации, хранения и обработки данных существенно расширило возможности правоохранительных органов в получении сведений о преступной деятельности.

При всем при том, криминалистическая наука претерпевает трансформацию под влиянием процессов информатизации и цифровизации, стремясь адаптировать классические теории и методики к новым объектам исследования. В этой связи особое внимание уделяется феномену цифровой информации, используемой при расследовании преступлений, — ее сущности, доказательственному значению и классификации в научно-практических целях. Как отмечает М. В. Стояновский, частные криминалистические

© Васюков В. Ф., 2025



классификации представляют собой существенную часть криминалистической систематики и служат не только гносеологическим средством познания, но и инструментом практической деятельности, специально разрабатываемым для борьбы с преступностью [2, с. 267].

Следовательно, можно заключить, что разработка классификации цифровой информации позволяет систематизировать знания об этом сложном объекте, выявить внутренние взаимосвязи различных ее видов и выработать эффективные практические подходы к работе с ними.

Прежде всего, следует определиться с терминологией и объемом понятия. На практике и в теории используются различные понятия: говорят о «цифровых следах», «электронных следах», «виртуальных следах», «электронно-цифровых следах», «информационных следах» и т. д. [3, с. 104].

Все эти термины, по сути, обращаются к одному явлению — криминалистически значимой компьютерной (цифровой) информации о событиях или действиях, полученной и зафиксированной посредством цифровых технологий. Однако единообразие в толковании данных дефиниций пока отсутствует: разные авторы предлагают различные формулировки, акцентируя те или иные аспекты. Как видно из исследований, до настоящего времени отсутствует доминирующая позиция относительно сущности цифровых следов и единый подход к формулировке основных понятий [4, с. 5].

На наш взгляд, данное многообразие терминов отражает сложность и новизну самого феномена, а также междисциплинарный характер знаний, необходимых для его понимания. Вместе с тем, можно утверждать, что в самом общем виде цифровая информация, используемая при расследовании, — это совокупность данных в цифровой форме, которые содержат сведения о фактах, обстоятельствах, участниках и механизмах преступления. Иными словами, речь идет о данных, сохраняющихся или генерируемых в компьютерных системах, сетях связи, электронных устройствах и иных цифровых средах, способных отразить фактические обстоятельства, имеющие значение для расследуемого события.

Особенностью цифровой информации является ее нематериальная природа при одновременной физической обусловленности носителем. Цифровые данные существуют в виде бинарного кода (последовательностей электронных сигналов), не воспринимаемого непосредственно человеческими чувствами. Тем не ме-

нее, этот код фиксируется и сохраняется на материальных носителях — магнитных, оптических, полупроводниковых и иных устройствах памяти, благодаря чему информация становится доступной для последующего извлечения и исследования [5, с. 56].

В сущности, любой цифровой след представляет собой результат преобразования первичных электронных сигналов в сохраняемые данные, характеризующиеся пространственно-временными параметрами (например, время и место записи файла, привязка к устройству или аккаунту) и доступные к восприятию лишь после обратного преобразования (декодирования) техническими средствами. Необходимо подчеркнуть, что данное обстоятельство требует применения специальных знаний и технологий при обращении с электронными сведениями: чтобы обнаружить, скопировать и проанализировать цифровую информацию следователю часто необходима помощь специалистов, программные средства и криминалистическая техника. С нашей точки зрения, именно технологическая сложность работы с цифровыми данными и потребность в специальных навыках отличают цифровую информацию от традиционных видов вещественных доказательств, накладывая отпечаток на порядок ее собирания и исследования [6, с. 174].

Рассматривая цифровую информацию через призму уголовно-процессуального закона, следует отметить, что российское законодательство постепенно вырабатывает нормативные подходы к ее использованию в доказывании. Так, в УПК РФ электронные данные получили признание, прежде всего, в форме электронных документов — документов на электронных носителях информации. Согласно правовой позиции, отраженной в доктрине, электронный документ по всем основным признакам отвечает понятию документа как источника доказательств. Иными словами, если информация зафиксирована в виде файла (текстового, графического, аудиовидеофайла и т. п.), удостоверенного надлежащим образом, то такой файл в электронном виде или распечатке может выступать доказательством наравне с традиционным документом на бумажном носителе [7, с. 243].

Однако электронные документы обладают и существенной особенностью: их изготовление и использование требуют определенной технологической грамотности, соблюдения специальных правил оформления и подтверждения подлинности электронной подписью и иными средствами. Вместе с тем, на практике их применение пока носит ограниченный и осторожный характер.



Можно констатировать, что использование цифрового формата доказательств в уголовном судопроизводстве еще переживает этап становления, обусловленный необходимостью совершенствования как нормативной базы, так и технической оснащенности следственных органов.

Законодатель делает шаги в этом направлении: введена специальная ст. 164.1 УПК РФ, предусматривающая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них данных. Данное нововведение призвано обеспечить баланс между потребностью изъятия цифровых сведений и сохранением функционирования компьютерных систем, из которых производится копирование. Признавая цифровую информацию частью доказательственной основы, закон требует соблюдения определенных процедур, гарантирующих достоверность и относимость этой информации.

Изучение криминалистической литературы позволило сделать вывод о том, что цифровая информация, значимая для расследования, может быть подразделена по ряду оснований.

Одним из базовых подходов является разделение информационных источников на процессуальные и непроцессуальные. Как известно, доказательственная информация приобретает юридическую силу только при условии, что она получена и закреплена в порядке, предусмотренном УПК РФ (в ходе следственных действий, по установленным правилам).

Соответственно, цифровые данные, ставшие известными правоохранительным органам, выступают либо в роли доказательств (например, электронные документы, протоколы осмотров устройств с приложенными копиями файлов, заключения компьютерных экспертиз и т. д.), либо в роли ориентирующей, оперативно-розыскной информации, которая используется для выявления и раскрытия преступления, но непосредственно доказательством не является.

Следует подчеркнуть, что многие цифровые сведения изначально поступают к следователю именно в результате проведения негласного контроля переписки в сети Интернет, данные биллинга телефонных соединений, информация из открытых источников (социальных сетей, форумов) и др.

Такая информация зачастую служит отправной точкой расследования, позволяя выдвинуть версии и нацелить следственные действия. При этом впоследствии она требует процессуального закрепления, иначе не сможет приобрести статус доказательства. В то же время, наблюдается сближение оперативных

и процессуальных аспектов: законодательно закрепляются механизмы «легализации» цифровых сведений, полученных оперативным путем, чтобы они могли быть приобщены к делу (например, через институт осмотра предметов и документов, выемки электронных носителей или через получение судебных санкций на доступ к данным). В результате формируется комплексный подход, при котором цифровая информация рассматривается как единая по природе (по содержанию это фактические сведения о преступлении), но различная по процессуальному режиму использования — либо сразу вовлекаемая в доказывание, либо предварительно используемая для организации расследования [8, с. 40].

В специальной литературе применяется классификация по способу формирования цифровых данных. Здесь исходят из того, кем и как создана информация, фиксирующая следы преступления. В частности, выделяют: 1) данные, создаваемые самим пользователем электронного устройства (умышленно или в ходе обычной деятельности) и сохраняемые на его материальном носителе; 2) данные, возникающие автоматически — без непосредственного участия пользователя, генерируемые самой системой или программным обеспечением; 3) смешанный тип, когда записи формируются техническим устройством в автоматическом режиме, но в ответ на определенные действия или команды пользователя [9, с. 174].

Эта триада основана на работах исследователей, которые предложили разграничивать файлы, созданные пользователем и файлы, являющиеся результатом системной активности компьютера. Следует признать, что подобное деление имеет практический смысл: оно позволяет определить, какие следы зависят от осознанных действий подозреваемого или иного лица (например, текстовые документы, фотографии, электронные письма, сознательно сохраненные на диске), а какие возникают помимо его воли (логи системы, временные файлы, cookie-файлы, данные телекоммуникационных соединений и пр.). Отсюда вывод: при расследовании важно различать умышленные цифровые «следы-отпечатки» преступной деятельности и побочные, фоновые электронные свидетельства, оставляемые технологическими процессами. Такой подход помогает выработать тактику поиска: очевидно, что осознанно созданная преступником информация может быть попыткой сокрытия или искажения, тогда как автоматически фиксируемые данные (например, системные журналы, записи серверов) зачастую сохраняются помимо воли зло-



умышленника и могут служить объективными доказательствами [10, с. 309].

Заслуживает внимания классификация цифровой информации по ее функционально-содержательным видам. Здесь критерий деления — характер сведений, их принадлежность к определенной информационной категории внутри компьютерной системы. Так, на основании анализа структуры данных исследователи выделяют следующие группы электронных следов: системные файлы и файлы прикладного программного обеспечения; файлы-конфигурации приложений и операционных систем; журнальные файлы (логи) программных средств и аппаратуры; информационные файлы, возникающие в результате деятельности пользователя (документы, изображения, переписка и иные созданные человеком данные, включая их резервные копии и даже удаленные, подлежащие восстановлению файлы); файлы, обеспечивающие аутентификацию и безопасность (например, файлы ключей, паролей, шифрования); информация, находящаяся в оперативной памяти или файлах подкачки; и, наконец, информация, полученная посредством специальных технических средств или радиоперехвата [11, с. 22].

Можно отметить, что данная детальная классификация отражает многоуровневую структуру компьютерных данных. С одной стороны, она показывает различие между пользовательской информацией и системными метаданными, с другой, — показывает, какие именно пласты цифровой среды могут содержать доказательственные сведения. Например, помимо очевидных файлов-документов, важнейшее значение имеют логи и конфигурации, где фиксируются действия пользователя и работа устройств, а также данные оперативной памяти, которые могут хранить следы недавних операций. Таким образом, классификация по виду информации ориентирует следователя на полный охват всех возможных источников цифровых следов внутри системы — от видимых файлов до скрытых системных записей [12, с. 177].

Представляется, что цифровую информацию целесообразно классифицировать по месту нахождения и типу носителя (локализации следов). Данный критерий связан с тем, где именно обнаруживаются электронные данные, какие субъекты или устройства их содержат. По мнению ряда авторов, по местонахождению цифровые следы делятся на три основных группы: 1) сведения, находящиеся на электронных устройствах потерпевшего (например, в телефоне жертвы преступления могут остаться данные о контактах с преступником, смс-сообщения с угрозами и

т. п.); 2) сведения, находящиеся на электронных устройствах самого правонарушителя (компьютеры, ноутбуки, смартфоны подозреваемых, где могут храниться планы, переписка, программы, используемые для совершения преступления и следы их работы); 3) сведения, размещенные на носителях, которые находятся у третьих лиц, прежде всего у операторов связи, интернет-сервисов или облачных хранилищ (т. е. данные, хранящиеся вне устройств непосредственных участников, например, на серверах провайдеров, в учетных записях почтовых сервисов, социальных сетей, в «облаке») [13, с. 95].

Таким образом, не вызывает сомнения, что многообразие форм и условий существования цифровой информации требует многоаспектной классификации. При этом заслуживают рассмотрения различные подходы к систематизации цифровых следов, основанные как на традиционных криминалистических критериях, так и на особенностях функционирования информационных технологий.

Список источников

1. Ким Д. В. Классификация криминалистических ситуаций как разновидность систематизации научного знания // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 106–112.
2. Стояновский М. В. Принципы криминалистической систематики // Воронежские криминалистические чтения. 2004. № 5. С. 265–275.
3. Перов В. А. Электронный след: понятие, виды, способы обнаружения и фиксации // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий: всерос. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 103–106.
4. Лукинский И. С. Криминалистическое содержание цифровых, информационных и информационно-коммуникационных технологий // Российский следователь. 2024. № 3. С. 2–7.
5. Бармакова Т. В., Малютина Н. М. Физические основы хранения памяти как важная составляющая современных информационных технологий // Моделирование нелинейных процессов и систем: сб. тезисов четвертой междунар. конф. М., 2019. С. 55–56.
6. Колычева А. Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172–179.
7. Морозова Н. В. Некоторые особенности расследования компьютерных преступлений // Сове-



менное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Орел, 2022. С. 240–245.

8. Гомозова О. Ю., Чаплыгина В. Н. Утечка персональных данных как одна из проблем «цифровой эпохи» расследования // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. ст. Орел, 2023. С. 37–44.

9. Проказин Д. Л., Семенов Е. А., Ляпин А. И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 171–178.

10. Каширгов А. Х., Семенов Е. А. Некоторые вопросы противодействия преступлениям, совершенным с использованием ИТ-технологий // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9. С. 309–310.

11. Осипенко А. Л. Проблемы вовлечения электронно-цифровых следов в уголовный процесс // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4 (35). С. 20–25.

12. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности. М., 2023.

13. Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах. М., 2025.

References

1. Kim D. V. Classification of forensic situations as a type of systematization of scientific knowledge // Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 311. P. 106–112.

2. Stoyanovskiy M. V. Principles of forensic systematics // Voronezh forensic readings. 2004. No. 5. P. 265–275.

3. Perov V. A. Electronic trace: concept, types, methods of detection and recording // Counteracting cybercrimes and crimes in the field of high technologies: All-Russian scientific and practical conf. M., 2021. P. 103–106.

4. Lukinsky I. S. Forensic content of digital, information and information-communication technologies // Russian investigator. 2024. No. 3. P. 2–7.

5. Barmakova T. V., Malyutina N. M. Physical foundations of memory storage as an important component of modern information technologies // Modeling of nonlinear processes and systems: collection of abstracts of the fourth int. conf. M., 2019. P. 55–56.

6. Kolycheva A. N. Prospects for the introduction of artificial intelligence in the detection and investigation of crimes // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. No. 3 (92). P. 172–179.

7. Morozova N. V. Some features of the investigation of computer crimes // Modern criminal procedural law — lessons of history and problems of further reform: collection of materials of the international scientific and practical conference. In 2 parts. Orel, 2022. P. 240–245.

8. Gomozova O. Yu., Chaplygina V. N. Personal data leakage as one of the problems of the «digital age» of investigation // Criminal procedural and forensic problems of the fight against crime: collection of scientific articles. Orel, 2023. P. 37–44.

9. Prokazin D. L., Semenov E. A., Lyapin A. I. Development of video technologies in criminal proceedings in Russia // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. No. 3 (96). P. 171–178.

10. Kashirgov A. Kh., Semenov E. A. Some issues of counteracting crimes committed with the use of IT technologies // Eurasian Law Journal. 2021. No. 9. P. 309–310.

11. Osipenko A. L. Problems of involving electronic digital traces in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4 (35). P. 20–25.

12. Crimes in the Sphere of High Technologies and Information Security. M., 2023.

13. Counteracting cryptocurrency crimes in foreign countries. M., 2025.

Информация об авторе

В. Ф. Васюков — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного университета международных отношений МИД России (МГИМО), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. F. Vasyukov — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 18.09.2025.
The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 18.09.2025.



Научная статья
УДК 343.615.1
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-45-49>
EDN: <https://elibrary.ru/xdazos>

ИПОН: 2003-0059-5/25-374
MOSURED: 77/27-003-2025-05-573

Безопасность свидетеля как объект уголовно-правовой охраны

Мовлад Хасиевич Гельдибаев

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Россия, geldibaev@mail.ru

Аннотация. Проводится комплексный анализ безопасности свидетеля как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны в сравнительно-правовом ключе на основе законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Туркменистана. Выявляются общие черты и национальные особенности уголовно-правовых и процессуальных механизмов, направленных на защиту свидетелей. Научная новизна заключается в установлении устойчивой правовой преемственности в регулировании данных отношений у государств – правопреемников СССР, обусловленной общей советской правовой доктриной. Делается вывод о необходимости дальнейшей гармонизации законодательства в целях эффективного противодействия преступлениям против правосудия и обеспечения беспрепятственного отправления правосудия.

Ключевые слова: безопасность свидетеля, уголовно-правовая охрана, сравнительно-правовой анализ, принуждение к даче показаний, меры безопасности, правовая преемственность, допрос, свидетельский иммунитет

Для цитирования: Гельдибаев М. Х. Безопасность свидетеля как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 45–49. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-45-49>. EDN: XDAZOS.

Original article

Witness safety as an object of criminal law protection

Movlad Kh. Geldibaev

North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russia, geldibaev@mail.ru

Abstract. A comprehensive analysis of the witness's safety as an independent object of criminal law protection is carried out in a comparative legal manner based on the legislation of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and Turkmenistan. The common features and national peculiarities of criminal law and procedural mechanisms aimed at protecting witnesses are identified. The scientific novelty lies in the establishment of stable legal continuity in the regulation of these relations among the successor states of the USSR, due to the common Soviet legal doctrine. It is concluded that there is a need for further harmonization of legislation in order to effectively counter crimes against justice and ensure the unhindered administration of justice.

Keywords: witness safety, criminal law protection, comparative legal analysis, coercion to testify, security measures, legal continuity, interrogation, witness immunity

For citation: Geldibaev M. Kh. Witness safety as an object of criminal law protection. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):45–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-45-49>. EDN: XDAZOS.

Введение. Актуальность исследования безопасности свидетеля как объекта уголовно-правовой охраны обусловлена возрастающими вызовами современного правосудия, связанными с обеспечением защиты участников уголовного процесса. В условиях роста организованной преступности и коррупции обеспечение безопасности лиц, способствующих правосудию, становится императивной задачей государства [4, с. 98].

Свидетельские показания традиционно занимают центральное место в системе доказательств по уголовным делам, однако их достоверность напрямую зависит от возможности свидетеля свободно и без опасения за свою безопасность давать показания. В док-

трине уголовного права безопасность свидетеля рассматривается не только как процессуальная гарантия [1, с. 152], но и как комплексный объект уголовно-правовой охраны, обеспечивающий нормальное функционирование всего механизма правосудия [2, с. 311].

Целью настоящего исследования является уголовно-правовой и процессуальный анализ безопасности свидетеля как самостоятельного объекта правовой охраны на примере законодательства ряда государств — бывших республик СССР.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) выявить общие и особенные черты в регламентации допроса;

© Гельдибаев М. Х., 2025



2) провести сравнительный анализ составов преступлений, посягающих на безопасность свидетеля;

3) исследовать систему мер безопасности, предусмотренных национальными законодательствами;

4) сформулировать выводы о правовой преемственности и интеграционном потенциале.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Предмет — нормы уголовного и уголовно-процессуального права России, Беларуси, Казахстана и Туркменистана.

Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-логический и системный методы.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе современных законодательных подходов к охране безопасности свидетеля в государствах – правопреемниках СССР, выявлении устойчивых механизмов правового регулирования и разработке предложений по гармонизации законодательства.

Основные положения.

1. Допрос как ключевое следственное действие: процессуальные аспекты и значение.

Предварительное расследование общественно-опасного деяния, совершенного с признаками преступления, направлено на установление истины по делу и осуществляется путем производства комплекса следственных действий. Важным субъектом уголовно-процессуальных отношений является свидетель, от показаний которого нередко зависит установление виновности лица. Свидетельские показания представляют собой существенное и значимое доказательство в уголовном процессе, обладающее особой значимостью в системе доказывания.

Допрос лица в качестве свидетеля является неотъемлемым элементом уголовно-процессуального производства. Данное следственное действие приобретает присущие ему особенности, поскольку без его производства практически не обходится ни одно расследование и судебное разбирательство по делу, а полученные доказательства обладают значимой ценностью. Как справедливо отмечается в научной литературе, допрос обладает своими процессуальными особенностями [5, с. 67], в том числе, в зависимости от статуса допрашиваемого лица, является самым распространенным и эффективным средством доказывания.

При этом доказательства, полученные путем допроса, не имеют преимущественного положения по сравнению с иными доказательствами и оцениваются в совокупности со всеми собранными по делу материалами. Однако, признанию вины или ее отрицанию в определенные исторические периоды могло придаваться предпочтительное значение вне зависимости от процедуры получения, что объяснялось социальной и политической ситуацией [3, с. 31].

2. Сравнительно-правовой анализ составов преступлений, посягающих на безопасность свидетеля.

Сравнительно-правовой анализ законодательства отдельных бывших республик Советского Союза (Россия, Беларусь, Казахстан, Туркменистан) показывает их значительное сходство, что является отражением общей истории развития на определенном этапе. Это в полной мере относится и к составам преступлений, посягающих на безопасность свидетеля.

Законодательством рассматриваемых государств предусмотрена уголовная ответственность за принуждение к даче показаний, что является грубым нарушением установленного порядка производства данного следственного действия. Так, соответствующая ответственность установлена ст. 302 УК РФ [6], ст. 394 УК РБ [7], ст. 415 УК РК [8].

Проведенный анализ позволяет выявить как общие черты, так и национальные особенности в конструировании данных составов. Например, ч. 1 ст. 302 УК РФ допускает возможность применения принуждения со стороны «другого лица, с ведома или молчаливого согласия следователя», что указывает на возможность соучастия. В отличие от этого подхода, ст. 394 УК РБ наиболее четко и узко определяет круг специальных субъектов, непосредственно связывая его с должностными лицами, осуществляющими уголовный процесс и включая в него лицо, осуществляющее правосудие.

Казахстанское законодательство (ст. 415 УК РК) также предусматривает ответственность за принуждение к даче показаний, а равно воспрепятствование в добровольной даче показаний или принуждение к отказу от их дачи. Отличительной особенностью является установление в ст. 424 УК РК ответственности за разглашение сведений о мерах безопасности.

Таким образом, несмотря на единство подхода к криминализации принуждения к даче показаний, национальные особенности проявляются в деталях конструирования субъектной стороны и отягчающих обстоятельств.



3. Меры безопасности свидетеля: законодательное закрепление и проблемы реализации.

Представляется невозможным отправление правосудия без обеспечения безопасности лиц, участвующих в этом процессе. Составной частью такой безопасности является сохранность сведений о принятых мерах по ее обеспечению.

Законодательство рассматриваемых государств предусматривает систему мер безопасности в отношении свидетелей. Так, УПК РК (ст. 96) обязывает орган, ведущий уголовный процесс, принять установленные меры безопасности при наличии к тому оснований. Порядок обеспечения мер личной безопасности определяется Законом Республики Казахстан «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» [9]. Отличительной особенностью производства допроса по УПК РК (ст. 213) является возможность его проведения в дистанционном формате с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи и изменением внешности и голоса, исключаящим узнавание, по ходатайству допрашиваемого лица.

В РФ обеспечение безопасности свидетелей регламентируется Федеральными законами «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [10] и «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [11]. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности предусмотрена ст. 311 УК РФ.

Аналогичные нормы, направленные на обеспечение безопасности свидетеля как необходимое условие для получения правдивых показаний, существуют и в законодательстве Туркменистана [12].

Проведенный анализ позволяет заключить, что, несмотря на развитую законодательную базу, ключевой проблемой остается не столько закрепление мер безопасности, сколько их эффективная и своевременная реализация на практике, а также обеспечение неотвратимости ответственности за их нарушение.

Заключение. Проведенное исследование безопасности свидетеля как объекта уголовно-правовой охраны позволяет сформулировать следующие выводы, соответствующие поставленным задачам.

В рамках анализа допроса как ключевого следственного действия (п. 2.1) установлено, что свидетельские показания сохраняют статус одного из наиболее значимых доказательств в уголовном процессе. Допрос представляет собой строго регламентирован-

ное процессуальное действие, производство которого должно гарантировать как получение достоверных показаний, так и безопасность самого свидетеля. Нарушение установленного порядка допроса не только ставит под угрозу права и законные интересы личности, но и подрывает авторитет правосудия в целом.

По результатам сравнительно-правового анализа составов преступлений (п. 2.2) выявлена значительная степень гармонизации уголовного законодательства государств – бывших республик СССР в части криминализации посягательств на безопасность свидетеля. Единство подходов демонстрируется в установлении ответственности за:

- ♦ принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ, ст. 394 УК РБ, ст. 415 УК РК);

- ♦ разглашение сведений о мерах безопасности (ст. 311 УК РФ, ст. 424 УК РК).

Национальные особенности проявляются в конструировании субъектной стороны составов и определении круга специальных субъектов.

В контексте исследования мер безопасности свидетеля (п. 2.3) подтверждена общая направленность развития законодательства рассматриваемых государств на создание комплексной системы защиты участников уголовного судопроизводства. Наиболее прогрессивными представляются нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, предусматривающие возможность проведения дистанционного допроса с применением технических средств анонимизации (ст. 213 УПК РК). Вместе с тем, ключевой проблемой остается обеспечение практической реализации законодательных предписаний и эффективности механизмов защиты.

Таким образом, безопасность свидетеля представляет собой комплексный объект уголовно-правовой охраны, обеспечивающий как защиту прав и законных интересов личности, так и нормальное функционирование всего механизма правосудия. Выявленная общность правовых подходов государств – участников исследования обусловлена единством их правовой традиции и создает необходимые предпосылки для дальнейшей гармонизации законодательства и развития международного сотрудничества в сфере защиты участников уголовного судопроизводства.

Перспективы дальнейших исследований видятся в анализе практики применения мер безопасности свидетелей и эффективности механизмов их защиты, а также в разработке предложений по совершенствованию межгосударственного сотрудничества.



Список источников

1. Александров А. И. Уголовный процесс России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
2. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
3. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1950.
4. Гельдибаев М. Х. Уголовно-правовое обеспечение безопасности лиц, участвующих в сфере отправления правосудия // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 5. С. 98–104.
5. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: правовая основа и правоприменительная практика: моногр. / А. С. Алексанин и др.; под ред. С. И. Захарцева, В. П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, 2022.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (ред. от 1 октября 2023 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 3 декабря 2024 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 14. Ст. 79.
9. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2020 г. «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» // Казахстанская правда. 2020. № 248.
10. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.
11. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.
12. Закон Туркменистана от 25 января 2016 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2016. № 1. Ст. 8.

References

1. Alexandrov A. I. Criminal procedure of Russia: textbook. 4th ed., revised and additional M., 2023.
2. Bezlepkin B. T. Criminal procedure of Russia: textbook. 5th ed., revised M., 2021.
3. Vyshinsky A. Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. M. : Gosyurizdat, 1950.
4. Geldibaev M. H. Criminal law security of persons involved in the administration of justice // Legal science: history and modernity. 2023. No. 5. P. 98–104.
5. Investigative actions and operational search measures: legal basis and law enforcement practice: monograph / A. S. Aleksanin et al.; under editorship of S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov. St. Petersburg : St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, 2022.
6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on February 14, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
7. Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-Z dated July 9, 1999 (as amended on October 1, 2023) // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. 1999. No. 76. 2/50.
8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (as amended on December 3, 2024) // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 2014. No. 14. Art. 79.
9. The Law of the Republic of Kazakhstan dated November 24, 2020 «On State protection of persons involved in criminal proceedings» // Kazakhstanskaya Pravda. 2020. No. 248.
10. Federal Law No. 45-FZ of April 20, 1995 «On State Protection of Judges, Law Enforcement Officials and Regulatory Authorities» (as amended on July 1, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 17. Art. 1455.
11. Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 «On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings» (as amended on July 1, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 34. Art. 3534.
12. The Law of Turkmenistan dated January 25, 2016 «On State protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings» // Vedomosti of the Mejlis of Turkmenistan. 2016. No. 1. Art. 8.

Библиографический список

1. Гельдибаев М. Х. Квалификация преступлений против правосудия: монография. СПб., 2021.



2. Гельдибаев М. Х., Мальцагов И. Д. Особенности оперативно-розыскных мероприятий, проводимые в целях выявления и документирования преступлений из хулиганских побуждений // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. 2024. № 2 (54). С. 135–141.

3. От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве: сб. науч. ст. / под ред. О. В. Лазарева, Я. Б. Жолобова. СПб. : Астерион, 2023.

4. Мальцагов И. Д., Гельдибаев М. Х. Особенности применения дознавателем мер процессуального принуждения и следственных действий (на примере осмотра) // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. 2024. № 3 (55). С. 102–108.

5. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (ред. от 25 ноября 2023 г.) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1997. № 3. Ст. 22.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (ред. от 17 июля 2023 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 78. 2/70.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ред. от 3 декабря 2024 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 14. Ст. 80.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. (ред. от 25 ноября 2023 г.) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2009. № 2. Ст. 15.

Bibliographic list

1. Geldibaev M. H. Qualification of crimes against justice: monograph. St. Petersburg, 2021.

2. Geldibaev M. H., Maltsagov I. D. Features of operational investigative measures carried out in order to identify and document crimes of hooligan motives // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2024. No. 2 (54). P. 135–141.

3. From the Pskov Judicial Charter to the principles of modern justice: traditions and innovations in Russian legal proceedings: col. of scientific art. / under ed. of O. V. Lazarev, Ya. B. Zholobov. St. Petersburg : Asterion, 2023.

4. Maltsagov I. D., Geldibaev M. H. Features of the use of procedural coercion and investigative measures by the investigator (on the example of inspection) // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2024. No. 3 (55). P. 102–108.

5. Criminal Code of Turkmenistan dated June 12, 1997 No. 222-I (as amended on November 25, 2023) // Vedomosti Mejlis of Turkmenistan. 1997. No. 3. Art. 22.

6. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on February 14, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

7. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus No. 295-Z dated July 16, 1999 (as amended on July 17, 2023) // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. 1999. No. 78. 2/70.

8. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V (as amended on December 3, 2024) // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 2014. No. 14. Art. 80.

9. The Criminal Procedure Code of Turkmenistan dated April 18, 2009 (as amended on November 25, 2023) // Vedomosti of the Mejlis of Turkmenistan. 2009. No. 2. Art. 15.

Информация об авторе

М. Х. Гельдибаев — профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, член-корреспондент РАЕН, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. Kh. Geldibaev — Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 24.09.2025; принята к публикации 02.10.2025.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 24.09.2025; accepted for publication 02.10.2025.



Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-50-55>

EDN: <https://elibrary.ru/xfamr>

НИОН: 2003-0059-5/25-375

MOSURED: 77/27-003-2025-05-574

Организационно-тактические вопросы выявления подозреваемого и подготовки его к допросу

Владимир Дмитриевич Зеленский¹, Светлана Александровна Куемжиева²

^{1,2} Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия

¹ juristic@kubsau.ru

² kuemzhieva-svetlana@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены недостаточно изученные отдельные организационно-тактические вопросы выявления подозреваемого. Изучен процесс выявления подозреваемого в расследовании преступлений, совершаемых в условиях неочевидности. Дана характеристика основных направлений собирания информации о личности подозреваемого и рассмотрена организационно-аналитическая деятельность следователя по выявлению лица, совершившего преступление. Рассмотрены положения преддопросных ситуаций. Изложено содержание пяти основных преддопросных ситуаций и их значение для расследования. Сформулированы научно-практические рекомендации по использованию элементов преддопросных ситуаций для избрания тактики допроса подозреваемого. Показано сочетание организационных методов и тактики в выявлении подозреваемого и подготовке к его допросу.

Ключевые слова: подозреваемый, выявление подозреваемого, преддопросные ситуации, подготовка к допросу

Для цитирования: Зеленский В. Д., Куемжиева С. А. Организационно-тактические вопросы выявления подозреваемого и подготовки его к допросу // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 50–55. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-50-55>. EDN: XFAAMR.

Original article

Organizational and tactical issues of identifying a suspect and preparing him for interrogation

Vladimir D. Zelensky¹, Svetlana A. Kuemzhieva²

^{1,2} Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

¹ juristic@kubsau.ru

² kuemzhieva-svetlana@yandex.ru

Abstract. Insufficiently studied individual organizational and tactical issues of identifying a suspect are considered. The process of identifying a suspect in the investigation of crimes committed in conditions of obscurity has been studied. The article describes the main directions of collecting information about the identity of the suspect and examines the organizational and analytical activities of the investigator to identify the person who committed the crime. The provisions of pre-interrogation situations are considered. The contents of the five main pre-interrogation situations and their significance for the investigation are outlined. Scientific and practical recommendations on the use of elements of pre-interrogation situations for choosing tactics of interrogation of a suspect are formulated. The combination of organizational methods and tactics in identifying a suspect and preparing for his interrogation is shown.

Keywords: suspect, identification of the suspect, pre-interrogation situations, preparation for interrogation

For citation: Zelensky V. D., Kuemzhieva S. A. Organizational and tactical issues of identifying a suspect and preparing him for interrogation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):50–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-50-55>. EDN: XFAAMR.

Подозреваемый занимает специфическое место в уголовном процессе прежде всего потому, что в доказывании обстоятельств события преступления и виновности конкретного лица в его совершении показания подозреваемого важны. Известно, что криминалисты не называют показания подозреваемого (а затем и обвиняемого) «царицей доказательств». В то же время, ни один профессионал не считает показания подозреваемого рядовым доказательством. Ря-

довым не с точки зрения процессуального значения. Как известно, процессуально все собранные в ходе расследования доказательства равны. Но в плане осведомленности источника сведений о фактах показания подозреваемого приобретают повышенное значение. Объясняется это тем, что лицо, совершившее преступление, более других участников расследования осведомлено о подлинных обстоятельствах совершенного преступления. В случаях ошибочно-

© Зеленский В. Д., Куемжиева С. А., 2025



сти подозрения невиновный лучше других может объяснить следователю ошибку и дать показания об оправдательных обстоятельствах, показать о возможностях более полной проверки его непричастности к совершению преступления.

Подозреваемый в ряде случаев является единственным источником получения доказательств [2, с. 437].

Уголовно-процессуальный закон, очевидно, с учетом изложенного, уделяет показаниям подозреваемого повышенное внимание. Проявляется это в том, что в ситуации, когда подозреваемый (а затем обвиняемый) признает совершение преступления, возможен упрощенный порядок дальнейшего расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

С учетом изложенного, важно и необходимо объективно, всесторонне и полно, с учетом существующих научно-практических рекомендаций, осуществлять допрос подозреваемого. В допросе, как следственном действии, с точки зрения организации и тактики его производства, необходимо выделять появление процессуальной функции подозреваемого в расследовании, подготовки к допросу и тактические приемы (тактику) его допроса.

Тактика допроса подозреваемого с известной полнотой исследовалась в научных работах О. Я. Баева, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, Л. М. Карнеевой, Н. И. Порубова, Г. Г. Доспулова и других отечественных криминалистов. Но организация и тактика допроса — процесс подвижный. В силу ряда объективных и субъективных причин он, хотя и незначительно, но изменяется и нуждается в совершенствовании. В настоящей статье попытаемся рассмотреть организационно-тактические особенности выявления подозреваемого и подготовку к его допросу. Полагаем, что указанные элементы тактики допроса, при всей ценности имеющихся научных работ, нуждаются в дальнейшем исследовании.

В теории криминалистики высказано мнение о необходимости четкого разграничения организационной и тактической деятельности в раскрытии и расследовании преступлений [1, с. 168]. Соглашаясь в целом с данной постановкой указанного вопроса, отметим, что сочетание организации расследования, как элемента общей теории криминалистики и криминалистической тактики, является, на наш взгляд, одной из проблем криминалистики и практики расследования. Поэтому необходимо не четкое разгра-

ничение (оно должно существовать в научных исследованиях), а оптимальное, рациональное сочетание организационных средств и методов с тактикой производства следственных действий и всего расследования в целом [3], поскольку без такого сочетания трудно разрабатывать, а тем более применять в реальном расследовании научно-практические рекомендации по оптимизации расследования. Разумеется, это сложная проблема, но решаемая. Попытаемся рассмотреть ее отдельные элементы в подготовке к допросу подозреваемого.

Выявление подозреваемого в расследовании осуществляется на основе известных требований уголовно-процессуального закона о понятии подозреваемого. Оставляя в стороне определение достоинств и недостатков положения о понятии подозреваемого отметим, что характер ситуации с появлением подозреваемого можно разделить на следующие группы:

а) подозреваемый в совершении преступления известен с самого начала расследования (преступления, совершенные в условиях очевидности, или лицо выявлено в ходе доследственной проверки в стадии возбуждения уголовного дела);

б) подозреваемый известен с самого начала расследования, но он скрывается и, возможно, не намерен давать показания о совершенном преступлении;

в) подозреваемый известен с начала расследования, но заявляет о своей невиновности или непричастности к преступлению.

Наконец, самая сложная ситуация: выявлены признаки преступления, иногда события в целом, но нет сведений о личности лица (лиц), совершивших преступление. Существует две такие ситуации: 1) данных о подозреваемом нет вообще; 2) известны отдельные сведения о его внешности.

При наличии двух последних сложных ситуаций существует задача выявления подозреваемого для исследования его причастности к совершению преступления.

Криминалистикой и практикой расследования разработана методика выявления подозреваемого. Розыск как система следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и поисковых, организационно-технических, проверочных действий, их сочетаний (тактических операций) осуществляется по различным направлениям. Основные из них следующие:

♦ исследование содержания места происшествия и прилегающей к нему местности;



- ◆ сбор информации о личности потерпевшего, о возможных мотивах совершения преступления и личности подозреваемого в совершении преступления;

- ◆ сбор информации о личности подозреваемого на основе анализа сведений о признаках его внешности;

- ◆ исследование криминальных учетов;

- ◆ исследование оперативно-розыскных учетов и сведений, имеющихся в органах внутренних дел;

- ◆ организационно-аналитическая работа по изучению информации о признаках личности подозреваемого.

Особенности процесса выявления подозреваемого существуют в групповых методиках расследования [4, с. 151–152.].

В настоящей работе возможно кратко сказать об организации выявления подозреваемого по названным направлениям.

Осмотр места происшествия является источником доказательств о событии преступления, виновности лица в совершении преступного деяния. Для установления личности преступника, для получения сведений о признаках подозреваемого важны данные о месте, времени, мотиве, целях, объекте, способе и механизме преступления. Анализ названных и иных данных позволяет предположить наличие и характер связи лица, совершившего преступление, с местом, предметом преступного посягательства, событиями, предшествующими или сопутствующими преступному событию. Материальные следы и объекты, осмотренные следователем, могут быть предметом исследования различных судебных экспертиз. Уже в ходе осмотра следователь должен пытаться выявить такие объекты и наметить вопросы для назначения определенных судебных экспертиз, посредством которых могут быть получены данные о личности подозреваемого и его виновности в совершении преступления.

Сведения о личности подозреваемого необходимо стремиться получать путем следственного осмотра других объектов: прилегающей к месту происшествия местности, помещений, а также документов. Не следует оставлять без внимания содержание событий, сопутствующих или связанных иным путем с преступным деянием, местностью и участниками.

Изучение, исследование материальных объектов, связанных с событием преступления, является, таким образом, первым и обязательным направлением выявления подозреваемого.

Вторым направлением поиска информации о личности подозреваемого является потерпевший и содержание его взаимоотношений с окружающими его лицами. Необходимо помнить об одном основном правиле: личность как потерпевшего, так и подозреваемого надо изучать как совокупность (систему) общественных отношений, в которую он включен как субъект. Характер взаимосвязей указанных лиц может быть самым разнообразным, нередко скрытым для окружающих. По некоторым видам преступлений он в значительной степени способствует раскрытию преступления. Чаще всего это проявляется при расследовании убийств. По данным одного из авторов, изучавшего практику расследования убийств в Краснодарском крае в 1988–1989 гг. и выборочно в последующие годы, до 80 % убийств, совершаются лицами, находящимися на пересечении какой-либо связи с потерпевшим, когда характер связи является основанием для мотива убийства. Эти данные практически совпадают с исследованием Н. А. Селиванова [6].

Третьим направлением выявления подозреваемого является изучение личности неизвестного преступника на основе сведений криминалистических учетов, местных учетов ранее судимых за определенные или смежные с расследуемым преступления. Особое значение имеют оперативно-розыскные учеты, в которых отражаются сведения, позволяющие предположительно определить круг подозреваемых, совершивших определенный вид преступления (убийство, кража, грабеж и др.). В сочетании со сведениями о месте, времени совершения преступления эти данные дают основание о вероятной версии о личности лица, совершившего преступление.

Задача следователя состоит в сборе сведений о подозреваемом по указанным направлениям и производстве организационно-аналитической работы по их изучению. Необходимо сопоставить сведения о криминалистической характеристике данного расследования (место, время, способ, механизм, мотивы, цели, признаки внешности подозреваемого, сведения о потерпевшем и др.) с данными оперативно-розыскных учетов и лиц, могущих по своим социально-психологическим данным совершить данное преступление. Строятся следственные версии. Из каждой версии выводятся логические следствия — факты, которые должны (могли) существовать при условии, если данная версия верна. Определенный круг промежуточных фактов позволит производить



оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия и проверочные действия с целью выявления подозреваемого. Сочетание названных действий представляет собой тактическую операцию «Установление подозреваемого», первым этапом которой является выявление подозреваемого.

В результате выявления подозреваемого, т. е. получения сведений о совершении им преступления, решается организационно-тактический вопрос о его допросе и задержании. Оптимальным является вариант, когда удастся собрать доказательства причастности лица к совершению преступления. Вопрос о последовательности допроса и задержания решается, исходя из тактической ситуации.

Задержание, как известно, осуществляется с учетом ряда обстоятельств большей частью с целью воспрепятствования попыткам лица помешать установлению истины или скрыться [7, с. 88–90.]. Процессуальное задержание оказывает психологическое влияние на подозреваемого. Оно производится нередко до допроса подозреваемого. Но в ситуациях незначительных данных, которые дают основание для задержания, ему предшествует допрос. С точки зрения объективности и полноты расследования, логично допросить лицо, выяснив его позицию по возникшему подозрению перед тем, как лишить его свободы, пусть кратковременным (задержание).

Не вдаваясь в данном случае в соотношение задержания и допроса лица в качестве подозреваемого, рассмотрим организационно-тактические факторы, влияющие на тактику предшествующего допроса. Речь идет о преддопросных ситуациях.

Преддопросная ситуация является разновидностью следственной ситуации и представляет собой обстановку перед допросом подозреваемого, характеризующуюся совокупностью информации об обстоятельствах совершения преступления, о личности подозреваемого и его возможном поведении на предстоящем допросе [5]. Содержание преддопросной ситуации связано с обстоятельствами выявления подозреваемого.

Преддопросные ситуации, когда подозреваемый известен, как отмечалось, бывают двух видов. Первый из них, когда подозреваемый присутствует, а иногда и участвует в начавшемся расследовании и не отрицает факт совершения преступления. Это простая, с точки зрения криминалистики, ситуация. Следователь должен помнить алгоритм первоначальных

неотложных следственных действий, конкретизируя их последовательность и содержание в зависимости от обстоятельств преступления и личности подозреваемого. Основная задача следователя — последовательно и полно выяснить у подозреваемого обстоятельства совершения преступления. В сочетании с допросом производятся и другие действия с участием подозреваемого. Например, при расследовании убийства, совершенного в условиях очевидности, обычно это освидетельствование подозреваемого, осмотр одежды и выемка, получение образцов для сравнительного исследования, назначения судебной экспертизы и др. Допрос подозреваемого должен носить активный, наступательный характер, с устранением попыток оправдания своих действий и преданию им непроступного характера. Как правило, подозреваемый понимает очевидный характер своих преступных действий. Надо последовательно и полно выяснять у него сведения об обстоятельствах преступления, используя для этого содержание преддопросной ситуации.

Вторая типичная преддопросная ситуация также складывается в условиях очевидности преступления и известности подозреваемого. Особенность ее по сравнению с первой состоит в том, что подозреваемый еще до допроса, в обстановке общения со следователем или другими присутствующими лицами, заявляет о своей невинности, придавая своим действиям правомерное значение. Разновидностью рассматриваемой ситуации является попытка лица скрыться.

В любом рассматриваемом случае преддопросная ситуация известности подозреваемого дает следователю возможность получить (собрать) доказательства события преступления и причастности (виновности) лица к его совершению.

Две последующие типичные преддопросные ситуации существуют в условиях выявления сведений о подозреваемом на основе незначительных фактических данных, имеющих нередко косвенный характер.

Третья ситуация складывается, когда имеются сведения, в том числе и доказательства о причастности лица к совершению преступления. Но сведений этих недостаточно для однозначного вывода о возможной виновности лица. Неизвестно отношение лица к возможному подозрению. Анализируя имеющиеся доказательства, необходимо искать другие, еще не установленные факты, которые могут быть смежными с имеющимися и носящими косвенный ха-



рактически. Предположения (версии) о существовании таких промежуточных фактов должны проверяться. Практически, это почти единственный путь получения возможных, не установленных доказательств. Сложность состоит не только в предположении о возможных косвенных доказательствах, но и в механизме их последующего использования при допросе подозреваемого. Необходимо предполагать о возможном характере будущих показаний подозреваемого. Это либо голословное отрицание, либо (чаще всего) отрицание с указанием на оправдательные обстоятельства. В любом случае надо продумать последовательность и содержание вопросов с целью выяснения или опровержения показаний лица.

Четвертая преддопросная ситуация по существу является разновидностью предыдущей. Содержание ее заключается в том, что доказательства причастности лица носит косвенный характер, либо их нет, а есть данные ориентирующего характера. В данной ситуации допрос будет носить в основном характер выяснения позиции подозреваемого, а также детальное выявление известных фактов.

В двух последних ситуациях подготовка к допросу будет носить более полный характер. Основные ее элементы:

- ◆ анализ имеющейся информации (доказательств, результатов оперативно-розыскных действий, иной ориентирующей информации);
- ◆ определение общего направления допроса;
- ◆ изучение материалов уголовного дела;
- ◆ собирание информации о личности подозреваемого;
- ◆ разработка полного плана будущего допроса;
- ◆ решение организационно-технических вопросов.

Изложенная схема подготовки в своей практической реализации имеет некоторые особенности.

Анализ имеющейся информации и определение общего направления предстоящего допроса подозреваемого, с учетом нередко ограниченных сведений о его личности, осуществляется как один организационно-аналитический процесс. Практически подозреваемый выявляется зачастую неожиданно, и ситуация требует его допроса. Поэтому следователь ограничен во времени (нередко — 20–30 мин.). Но анализ ситуации обязателен. Допрашивать подозреваемого без подготовки нельзя. Нарушение указанной рекомендации ведет к негативным последствиям, в том числе к провалу допроса и всего расследования.

В рассматриваемых ситуациях ограниченной информации о причастности лица к совершению преступления следователь обязан провести значительную организационно-аналитическую работу по определению возможных неустановленных фактических данных. С этой целью имеющиеся сведения сопоставляются с криминалистической характеристикой расследуемого преступления (обязательно такими ее элементами, как способы совершения, типичными следами и иными фактическими данными, остающимися при использовании определенного способа в данной обстановке). Указанная работа необходима не только для допроса, но и для определения направления поиска недостающей информации. В ходе допроса необходимо выяснить у подозреваемого (методом косвенного допроса) обстоятельства, связанные с возможными следами и иными фактическими данными. Необходимо использование и приемов аналитического мышления, дающего возможность мыслить за допрашиваемого, предполагая известные ему факты и его предположения об осведомленности следователя. Выяснение обстоятельств, связанных с такими сведениями, позволяет получить промежуточные факты и возможность последующего косвенного доказывания.

Разумеется, изложенная работа предполагает соответствующую квалификацию следователя, проявляющуюся в ходе расследований.

Пятая типичная преддопросная ситуация состоит в использовании фактора внезапности при допросе, когда допрос для подозреваемого является неожиданным. Фактор внезапности проявляется в случае: а) задержания подозреваемого вскоре после совершения преступления; б) допроса лица по истечению значительного времени после совершения преступления, когда подозреваемый полагает, что преступление осталось нераскрытым. Внезапность предполагает активный наступательный допрос с целью получения правдивых показаний подозреваемого. Подготовка к такому допросу осуществляется по изложенным ранее научно-практическим рекомендациям.

Использование данных рекомендаций позволяет провести качественную подготовку к допросу подозреваемого и осуществить квалифицированное деяние.

Для высококвалифицированной подготовки к допросу подозреваемого необходима разработка организационно-тактических приемов выявления подозреваемого и исследования преддопросных ситуаций.



Характер преддопросной ситуации зависит от момента выявления лица, совершившего преступление: сведения получает орган расследования изначально ввиду преступления, совершенного в условиях очевидности; отсутствия информации о лице, совершившем преступление и деятельности по его выявлению.

Организационно-аналитическая деятельность следователя по выявлению подозреваемого и подготовке к его допросу осуществляется по изложенным научно-практическим рекомендациям. Их реализация способствует качественному выявлению подозреваемого и оптимизации его допроса.

Список источников

1. Актуальные вопросы криминалистической тактики: науч.-практ. пособие / под общ. ред. И. М. Комарова. М., 2018.
2. Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: проблемы качества права и правоприменения / Избранные работы. В 2 т. Т. 1. Воронеж, 2011.
3. Зеленский В. Д. О современном состоянии учения об организации расследования преступлений // Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 11–12.
4. Куемжиева С. А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018.

Информация об авторах

В. Д. Зеленский — руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, доктор юридических наук, профессор;

С. А. Куемжиева — декан юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

V. D. Zelensky — Head of the Master's Degree Programs of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Doctor of Legal Sciences, Professor;

S. A. Kuemzhieva — Dean of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 06.10.2025.

References

1. Current issues of criminalistic tactics: a scientific and practical guide / edited by I. M. Komarov. M., 2018.
2. Baev O. Ya. Criminal procedural research of crimes: problems of the quality of law and law enforcement / Selected works. In 2 vol. Vol. 1. Voronezh, 2011.
3. Zelensky V. D. On the current state of the doctrine of the organization of crime investigation // Criminalistic problems of the organization of crime investigation: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, 2021. P. 11–12.
4. Kuemzhieva S. A. Methods of investigating crimes against the family and minors. M., 2018.
5. Kuzmin S. V. On the idea and content of a tactical situation // Bulletin of Criminalistics. 2010. No. 1. P. 11–15.
6. Selivanov N. A. Search for analogues in murder cases. M., 1987.
7. Investigative actions: criminalistic recommendations, standard samples of documents / ed. by V. A. Obraztsov. M., 1999.



Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-56-59>

EDN: <https://elibrary.ru/uwryly>

ИПОН: 2003-0059-5/25-376

MOSURED: 77/27-003-2025-05-575

О декларативности Конституции Российской Федерации

Теймураз Эльбрусович Каллагов

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Комплексно анализируются проблемы декларативности норм Конституции Российской Федерации. Исследуется диалектическая природа Основного закона, который, с одной стороны, содержит программные, учредительные нормы-принципы, а с другой, — задает вектор для развития текущего законодательства. На конкретных примерах, таких как реализация права на жилище (в частности, механизм обеспечения жильем детей-сирот) и прямое действие права не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции РФ), демонстрируется, как конституционные предписания преодолевают декларативность через детальную конкретизацию в федеральном законодательстве. Делается вывод, что эффективность реализации конституционных норм напрямую зависит от степени развития обеспечивающих их правовых механизмов, а сама Конституция выступает не статичной декларацией, но живым ориентиром для законодателя, формирующим основу для всей национальной правовой системы.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., Федеральный закон РФ от 6 февраля 1998 г. «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», система нормативных правовых актов, юридическая сила, декларативность, праворегулирование

Для цитирования: Каллагов Т. Э. О декларативности Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 56–59. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-56-59>. EDN: UWRLYU.

Original article

On the declarative nature of the Constitution of the Russian Federation

Teymuraz E. Kallagov

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. The problems of declarative norms of the Constitution of the Russian Federation are comprehensively analyzed. The dialectical nature of the Basic Law is investigated, which, on the one hand, contains programmatic, constituent norms and principles, and on the other hand, sets a vector for the development of current legislation. Based on specific examples, such as the realization of the right to housing (in particular, the mechanism for providing housing for orphaned children) and the direct effect of the right not to incriminate oneself (art. 51 of the Constitution of the Russian Federation), demonstrates how constitutional prescriptions overcome declarativeness through detailed specification in federal legislation. It is concluded that the effectiveness of the implementation of constitutional norms directly depends on the degree of development of the legal mechanisms that ensure them, and the Constitution itself is not a static declaration, but a living guideline for the legislator, forming the basis for the entire national legal system.

Keywords: Russian Federation, legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, Federal Law of the Russian Federation dated February 6, 1998 «On the Procedure for the Adoption and Entry into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation», system of normative legal acts, legal force, declarative, legal regulation

For citation: Kallagov T. E. On the declarative nature of the Constitution of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):56–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-56-59>. EDN: UWRLYU.

Одним из вопросов современной юридической науки является определение степени декларативности норм Конституции Российской Федерации и их реальной роли в механизме правового регулирования. Многоаспектность данной проблемы порождает широкий спектр научных позиций, отражающих сложность взаимодействия конституционных предписаний с действующим законодательством.

В научной литературе имплементационная деятельность государства часто рассматривается через призму философских категорий. Так, В. В. Лазарев, раскрывая содержание имплементационной деятельности, апеллирует к общеправовому эпистемологическому принципу дополнительности. Указанный принцип служит доказательством существования иррациональной, ненаблюдаемой стороны

© Каллагов Т. Э., 2025



правовой реальности, которая пребывает в неразрывном единстве с видимым, рациональным миром, составляя лишь фрагмент более общей картины. Подобный подход позволяет учитывать скрытые факторы, влияющие на реализацию конституционных норм [3].

Обращаясь к источникам международного права, разберем несколько мнений ученых. О. И. Тиунов, например, обосновывает тезис о том, что идеи Всеобщей декларации прав человека нашли свое непосредственное отражение в тексте Основного закона России. Эти идеи составляют базовую основу российского законодательства, что проявляется в конституционном признании прав и свобод человека естественными и неотчуждаемыми, высшей ценностью. Ученый полагает, что положения Декларации, получившие признание в практике многих государств, включая Россию, следует считать юридически обязательными установлениями, обладающими характером международно-правовых обычаев. Следовательно, закрепленные в Конституции принципы приобретают значение фундаментальных основ, не подлежащих пересмотру в обычном законодательном порядке [5].

Практические аспекты имплементации анализируются в контексте конкретных отраслей права. Исследование К. А. Пономаревой посвящено зарубежному опыту внедрения новых правил налогообложения международных групп компаний. Автор указывает на существенные сложности, связанные с определением applicability правил pillar 2 и расчетом эффективной налоговой ставки для каждой юрисдикции, что неминуемо приводит к расхождениям между данными корпоративного и национального налогообложения [4].

В сфере уголовного судопроизводства В. В. Зимин, анализируя имплементацию международных антикоррупционных стандартов, предлагает инновационный подход — введение в уголовное право России института разрешения коллизий уголовной юрисдикции. Такой институт мог бы предусматривать возможность отказа от национальной юрисдикции в пользу иностранного государства при соблюдении гарантий защиты прав потерпевших [2].

Межотраслевой характер имплементации раскрывается в работе Е. В. Буровой, где рассматривается защита прав детей на международно-правовом уровне. Автор проводит сравнительный анализ меж-

дународных документов, выявляя общее и особенное в подходах к защите прав человека и ребенка. Подчеркивается, что имплементация международных норм оказывает трансформирующее воздействие на национальное законодательство, меняя характер отношения к детству, материнству и семье. Указывается на недостаточную теоретическую разработанность этих процессов в науке семейного права, несмотря на их важность для осмысления новых правовых конструкций, определяющих статус детей [1].

В качестве фундаментальных основ правовой системы в Конституции [6] закреплены ключевые положения: демократический, федеративный и правовой характер государства (ч. 1 ст. 1), высшая юридическая сила и прямое действие Основного закона (ч. 1 ст. 15), а также интеграция общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему (ч. 4 ст. 15). Порядок изменения конституционных положений регламентирован специальным Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [7], что подчеркивает их особый, стабильный статус.

Одним из ключевых принципов, закрепленных в ст. 15 Конституции Российской Федерации, является прямое действие конституционных норм. Это означает, что суды и иные правоприменительные органы обязаны применять конституционные положения непосредственно, в том числе в случаях, когда текущее законодательство недостаточно развито или противоречит им. Ярким примером нормы, обладающей ярко выраженным прямым действием, является ст. 51 Конституции РФ, гарантирующая право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Несмотря на прямое действие ст. 51 Конституции, ее базовые принципы детализируются и процедурно обеспечиваются в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ). Это не дублирование, а создание правового механизма, обеспечивающего эффективность реализации конституционной нормы.

Так, ст. 56 УПК РФ («Свидетель») обязывает следователя или дознавателя предупредить свидетеля об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Однако, в той же статье прямо указано исключение, вытекающее из ст. 51 Конституции: свидетель не может быть принуждаем к даче показаний против себя самого, своего супруга



и близких родственников. Таким образом, УПК РФ не создает новое право, а институционализирует его, встраивая в систему уголовного процесса.

Аналогичным образом ст. 46 УПК РФ («Подозреваемый») и ст. 47 УПК РФ («Обвиняемый») прямо разъясняют этим участникам процесса их право на молчание, основываясь на конституционной норме. Более того, п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ закрепляет право обвиняемого на защиту, которое включает в себя и право отказаться от дачи показаний.

Наличие в УПК РФ схожих принципов не свидетельствует об избыточности или декларативности конституционной нормы. Напротив, это демонстрирует вертикаль правового регулирования: от общего конституционного принципа — к его конкретному воплощению в отраслевом законодательстве. Прямое действие ст. 51 Конституции служит «страховочной сеткой» на случай любых пробелов или коллизий в уголовно-процессуальном законе, гарантируя, что фундаментальное право человека на защиту от самообвинения остается нерушимым при любых обстоятельствах.

Гл. 2 Конституции РФ является одной из самых прогрессивных в мире с точки зрения закрепления прав человека. Она гарантирует право на достойную жизнь, свободу мысли и слова, право на объединение, свободу собраний, право на жилище и т. д.

П. 1 ст. 40 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища». Данная формулировка, будучи классической нормой-принципом, сама по себе не порождает конкретных юридических обязанностей государства по предоставлению жилья каждому гражданину. Однако она устанавливает фундаментальный правовой ориентир, который получает свое развитие в отраслевом законодательстве. Она учреждает право на жилище в качестве одного из основных прав человека и, одновременно, задает программу для дальнейшей нормотворческой деятельности государства, обязывая его создавать правовые условия для осуществления этого права.

Реализация социальной обязанности государства, вытекающей из ст. 40, осуществляется прежде всего через Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ) и ряд федеральных законов и целевых программ. Законодатель, развивая конституционный принцип, дифференцирует обязательства государства, направляя адресную помощь наиболее социально уязвимым категориям граждан.

Наиболее показательной, с точки зрения реализуемости конституционной нормы, является система обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Данное направление государственной политики регламентируется Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в частности, ст. 8). Закон устанавливает императивную обязанность органов государственной власти субъектов РФ обеспечить за счет средств региональных бюджетов предоставление таким гражданам благоустроенного жилья специализированного жилищного фонда по договорам найма.

Эта правовая конструкция демонстрирует, как конституционный принцип трансформируется в конкретное субъективное право определенной категории лиц, обеспеченное государственным принуждением. Несовершенство механизма (например, наличие очередей) свидетельствует не о декларативности самой нормы, а о проблемах административно-финансового характера на уровне ее исполнения.

Анализ позволяет сформулировать ряд выводов, подтверждающих необходимость дальнейших исследований декларативности Конституции. Бесспорно, Конституция РФ обладает высшей юридической силой в иерархии нормативных правовых актов. В системной классификации она, наряду с федеральными конституционными и федеральными законами, относится к родовому понятию «закон». Однако, значительная часть конституционных норм отличается декларативным характером, требующим конкретизации в отраслевом законодательстве. В связи с этим прямое действие конституционных предписаний является скорее исключительным явлением, применяемым в случаях пробелов в законодательстве или при особом указании в самой Конституции, как, например, в случае с положениями об иммунитете отдельных участников судопроизводства. Следовательно, основным путем реализации норм Основного закона остается их детализация в актах меньшей юридической силы, что и порождает дискуссии о реальной, а не провозглашенной, роли Конституции в правовой системе. Конституция дает толчок развитию федерального законодательства, выступая в роли первичного правового фундамента. Именно на ее основе формируется вся национальная правовая система.



Список источников

1. Бузова Е. В. Имплементация норм международного права по защите детей в законодательство РФ // Семейное и жилищное право. 2024. № 1.

2. Зимин В. В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов, касающихся уголовной юрисдикции, в российское законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3.

3. Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9.

4. Пономарева К. А. Зарубежный опыт имплементации новых правил налогообложения международных групп компаний // Налоги. 2023. № 4.

5. Тиунов О. И. Всеобщая декларация прав человека в нормах международного и конституционного права // Журнал российского права. 2009. № 2.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 12 дек.; 2020. 4 июля.

7. Федеральный закон от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ (последняя редакция) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

References

1. Burova E. V. Implementation of the norms of international law on child protection in the legislation of the Russian Federation // Family and housing law. 2024. No. 1.

2. Zimin V. V. Implementation of international anti-corruption standards related to criminal jurisdiction in Russian legislation // Actual problems of Russian law. 2022. No. 3.

3. Lazarev V. V. Philosophical foundations of implementation activity // Journal of Russian Law. 2020. No. 9.

4. Ponomareva K. A. Foreign experience in the implementation of new taxation rules for international groups of companies // Taxes. 2023. No. 4.

5. Tiunov O. I. Universal Declaration of Human Rights in the norms of international and constitutional law // Journal of Russian Law. 2009. No. 2.

6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 12; 2020. July 4.

7. Federal Law of March 4, 1998 No. 33-FZ (latest version) «On the procedure for the adoption and entry into force of amendments to the Constitution of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 10. Art. 1146.

Библиографический список

1. Галузо В. Н. О правовом регулировании как альтернативе право-применения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5–8.

Bibliographic list

1. Galuzo V. N. On legal regulation as an alternative to legal application in the Russian Federation // International Journal of Constitutional and State Law. 2022. No. 1. P. 5–8.

Информация об авторе

Т. Э. Каллагов — декан юридического факультета Горского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. E. Kallagov — Dean of the Faculty of Law of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-60-69>

EDN: <https://elibrary.ru/txwqzm>

ИПОН: 2003-0059-5/25-377

MOSURED: 77/27-003-2025-05-576

Организационно-правовое обеспечение профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: проблемы и пути решения

Алексей Анатольевич Кобозев¹, Дмитрий Александрович Матвеев²

^{1,2} Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Россия

¹ aleksey-kobozev@mail.ru

² matveevda@list.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы организационно-правового обеспечения профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, вытекающие из опыта современной правоохранительной деятельности. Обосновывается необходимость совершенствования профессиональной (первоначальной) подготовки через ее возможности по формированию у обучаемых комплексных знаний, навыков и умений, обеспечивающих эффективное выполнение служебных задач по предполагаемой к замещению полицейской должности, в том числе в условиях осложнения оперативной и военно-политической обстановки. Результаты изучения заявленной проблематики позволили определить приоритетные направления дальнейшего совершенствования организационно-правового обеспечения данного сегмента системы профессиональной подготовки кадров в МВД России.

Ключевые слова: полиция, кадровое обеспечение, граждане, впервые принятые на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, профессиональное обучение, профессиональная подготовка, образовательная программа, должность служащего «Полицейский», профессиональная компетенция, Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел», организационно-правовое обеспечение подготовки сотрудников органов внутренних дел

Для цитирования: Кобозев А. А., Матвеев Д. А. Организационно-правовое обеспечение профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 60–69. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-60-69>. EDN: TXWQZM.

Original article

Organizational and legal support for professional training of citizens newly recruited to the internal affairs bodies of the Russian Federation: problems and solutions

Alexey A. Kobozev¹, Dmitry A. Matveev²

^{1,2} All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russia

¹ aleksey-kobozev@mail.ru

² matveevda@list.ru

Abstract. Considered the problems of organizational and legal support for professional training of citizens who were first recruited to serve in the internal affairs bodies of the Russian Federation, arising from the experience of modern law enforcement activities. The article substantiates the need to improve professional (initial) training through its capabilities to form students with comprehensive knowledge, skills and abilities that ensure the effective performance of official tasks for the intended police position, including in the context of a complicated operational and military-political situation. The results of the study of the stated issues made it possible to identify priority areas for further improvement of the organizational and legal support of this segment of the professional training system in the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: police, personnel support, citizens who have been recruited to the internal affairs bodies of the Russian Federation for the first time, professional education, professional training, educational program, the position of a police officer, professional competence, Federal Law «On service in internal Affairs bodies», organizational and legal support for the training of internal affairs officers

For citation: Kobozev A. A., Matveev D. A. Organizational and legal support for professional training of citizens newly recruited to the internal affairs bodies of the Russian Federation: problems and solutions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):60–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-60-69>. EDN: TXWQZM.

© Кобозев А. А., Матвеев Д. А., 2025



Современная криминальная ситуация в Российской Федерации характеризуется увеличением числа преступных деяний повышенной общественной опасности, тяжести их последствий и прочих негативных явлений, с которыми приходится сталкиваться обществу и государству. Так, «удельный вес зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений возрос с 30,3 % в 2023 г. (далее — АППГ) до 32,3 % в 2024 г. Ущерб от преступлений составил 627,9 млрд руб., что на 6,9 % больше соответствующего показателя АППГ. В результате преступных посягательств в 2024 г. погибло 23,5 тыс. человек или на 11,5 % больше, чем в АППГ» [16, с. 2].

И во многом это обусловлено тем, что несколько последних лет оперативно-служебные задачи полиция выполняет в условиях значительного некомплекта личного состава. По данным главы МВД России В. А. Колокольцева, озвученным на расширенном заседании коллегии 5 марта 2025 г., в ведомстве насчитывается «в общей сложности 172 тыс. вакантных должностей, из них 145 тыс. — это аттестованные» сотрудники [7]. Министр отметил, что «за год число вакансий увеличилось более чем на 33 тысячи». Особенно остро проблема стоит в уголовном розыске (некомплект 23,9 %), патрульно-постовой службе (31,4 %), подразделениях по контролю за оборотом наркотиков (24,7 %) и органах предварительного следствия (22,7 %). «В 39 из 96 территориальных органов не хватает более 20 % сотрудников, а в некоторых подразделениях регионов некомплект достигает 40 %» [7].

Неслучайно большинство ученых криминологов, криминалистов, а также практиков в сфере борьбы с преступностью едины во мнении, что критическая нехватка кадров в российской полиции в ближайшее время станет одним из значимых факторов, влияющих на уровень преступности в стране.

Вместе с тем, актуальность и острота заявленной к обсуждению проблемы обусловлена и рядом других обстоятельств, оказывающих непосредственное влияние на эффективность кадрового обеспечения органов внутренних дел (далее — ОВД) Российской Федерации.

Во-первых, достичь снижения некомплекта личного состава ОВД можно различными способами: повышением денежного довольствия сотрудников [12, с. 4], формированием и реализацией ведомственной социальной стратегии [10] либо отдельных ее

составляющих [5; 11], за счет увеличения числа сотрудников, прошедших профессиональную подготовку. По свидетельству данных официальной статистики, в настоящее время практика идет по последнему направлению. Если в 2021 г. профессиональную (первоначальную) подготовку в системе МВД России прошли 34,6 тыс. человек, то в 2022 г. — 40,3 тыс. человек или на 5,7 тыс. человек больше, чем в АППГ [15, с. 72].

Во-вторых, качественные изменения преступности и необходимость выполнения оперативно-служебных задач в условиях проведения на территории Украины специальной военной операции (далее — СВО), возрастание степени общественной опасности преступных посягательств, активизация противодействия силам охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности [6, с. 129–132] требуют новых технологий правоохранительной деятельности, повышения уровня профессиональной квалификации сотрудников ОВД к действиям в условиях, связанным с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Анализ системы профессиональной подготовки кадров МВД России в динамике показывает, что первоначальная подготовка сотрудников полиции является фундаментом их профессионального становления. Она осуществляется на самом старте карьеры и закладывает основу из общепрофессиональных знаний, навыков и умений, которые необходимы молодому сотруднику для успешного выполнения должностных обязанностей на первом этапе службы в ОВД. Именно эти базовые компетенции являются главным стимулом для дальнейшего профессионального роста сотрудника. Так, полицейский, начавший свой путь в патрульно-постовой службе (далее — ППС), в дальнейшем может развиваться, переходя на должности участкового уполномоченного или оперуполномоченного уголовного розыска (далее — УР).

Стало быть, систематизация и переосмысление опыта организационно-правового обеспечения профессионального обучения сотрудников ОВД, впервые принятых на должность полицейского (далее — профессиональная (первоначальная) подготовка), выявление недостатков в этой сфере с учетом потребностей современной правоохранительной практики, а также выработка научно-обоснованных предложений по их устранению, представляют собой актуальную и практически значимую проблему.



Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (п. 13 ст. 2) определяет профессиональное обучение как «вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения ... определенных видов служебной деятельности, профессий» [18]. А приказом Минпросвещения России от 14 июля 2023 г. № 534 [3] профессия «Полицейский» включена в Перечень профессий рабочих и служащих, по которым проводится профессиональное обучение (п. 4981 разд. «Обеспечение безопасности»).

С этих позиций Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и ...» (далее — Закон о службе в ОВД) предусматривает обязательное профессиональное обучение для граждан, впервые поступающих на службу в ОВД. Это обучение, являющееся частью системы подготовки кадров МВД России, направлено на то, чтобы новые сотрудники «приобрели необходимые знания, умения и навыки для эффективного выполнения своих служебных обязанностей» (подп. «б» п. 1 ч. 1 ст. 76) [17].

В контексте положений, регулирующих правоохранительную деятельность полиции, Порядком организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденном приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 (далее — Порядок № 44), установлено, что сотрудники, «впервые принятые на службу в ОВД, до начала самостоятельного исполнения служебных обязанностей проходят обучение по программам профессиональной подготовки по должности «Полицейский». Целью данного обучения является приобретение основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения служебных обязанностей, включая ситуации, связанные с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (п. 7 Порядка № 44).

Опыт профессиональной подготовки граждан, впервые принятых на службу в ОВД, свидетельствует, что при организации и осуществлении указанного вида специального обучения в современных условиях необходимо учитывать ряд характерных особенностей, которые нельзя недооценивать. И вот почему.

Во-первых, как верно подметили специалисты, «абсолютное большинство лиц, принимаемых ежегодно на службу в ОВД (за исключением выпускников образовательных организаций МВД России), не имеют профильной подготовки, необходимой для выполнения конкретных служебных обязанностей по замещаемой должности» [1, с. 80–81; 2, с. 386–387].

Во-вторых, профессиональная (первоначальная) подготовка сотрудников МВД России должна рассматриваться шире, чем просто ускоренное обучение новичков полицейским задачам и навыкам в режиме их повседневной деятельности. Это также специальная подготовка, направленная на достижение всесторонней готовности сотрудников, включая их способность действовать в особых условиях. К таким условиям относятся контртеррористические операции, СВО, а также ликвидация последствий природных и техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС). При этом важно осознавать, что в особых условиях выполнения служебных обязанностей сотрудники испытывают значительные физические и эмоциональные нагрузки. А успешное преодоление этих нагрузок, в свою очередь, требует от них определенных навыков.

В-третьих, согласно Порядку № 44 (п. 72) «за сотрудниками, не прошедшими профессиональную подготовку, табельное огнестрельное оружие не закрепляется» [4]. Кроме того, Закон о службе в ОВД (п. 4 ч. 4 ст. 33) предписывает «отстранение сотрудника от выполнения обязанностей, связанных с применением физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия, до принятия решения о его соответствии занимаемой должности» [17]. Это обоснованно, поскольку такой сотрудник не сможет эффективно выполнять оперативно-служебные задачи на таких должностях, как оперуполномоченный УР, участковый уполномоченный полиции, инспектор дорожно-патрульной службы ГИБДД, полицейский-патрульный ППС.

Таким образом, профессиональная (первоначальная) подготовка сотрудников ОВД имеет своей целью сформировать у них готовность к выполнению специфических правоохранительных задач. Эта готовность обеспечивается комплексом взаимосвязанных компонентов, включающих правовую, тактико-специальную, огневую, физическую и морально-психологическую подготовку. При этом акцент делается не только на усвоении обучаемыми теоретических знаний и практических навыков, но и на их эффек-



тивном применении в реальных условиях оперативно-служебной деятельности, в том числе в ситуациях, сопряженных с повышенным риском.

Соответственно, при разработке мер по совершенствованию организационно-правового обеспечения профессиональной (первоначальной) подготовки кадров для ОВД следует принимать во внимание динамику потребностей правоохранительной деятельности полиции, так как эти потребности выражают ее насущные проблемы.

Для более глубокого понимания исследуемой проблемы мы провели сравнительный анализ общих параметров примерных основных образовательных программ профессионального обучения «Профессиональная подготовка лиц рядового состава и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в ОВД» по должности служащего «Полицейский» (далее — ПППО ПП РИМНС) редакций 2020 г. [13] и 2024 г. [14] гг. Результаты этого сравнения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Разделы ПППО ПП РИМНС	на 2020 г.	на 2024 г.	Отклонения
Нормативный срок освоения программы	120 учебных дней (20 учебных недель)	96 учебных дней (16 учебных недель)	-24 учебных дня (-4 учебных недели)
Трудоемкость программы	996 академических часов	840 академических часов	-156 академических часов
Общепрофессиональный цикл	288 академических часов	212 академических часа	-76 академических часов
Профессиональный цикл	464 академических часа	500 академических часов	+36 академических часов
Профессионально-специализированный цикл	200 академических часов	90 академических часов	-110 академических часов
Подготовка к итоговой аттестации и консультация перед итоговой аттестацией	32 академических часа	26 академических часов	-6 академических часов
Итоговая аттестация (квалификационный экзамен)	12 академических часов	12 академических часов	0

Результаты анализа позволяют сделать ряд ключевых выводов, которые наглядно демонстрируют тенденции обновления содержания ПППО ПП РИМНС.

1. Сокращение учебной программы на 156 академических часов (с 996 до 840) привело к уменьшению срока обучения на четыре недели (один календарный месяц). Это вызывает опасения, что обучающиеся не смогут в полной мере усвоить материал. Как следствие, велика вероятность снижения качества формирования необходимых профессиональных компетенций, что негативно скажется на эффективности выполнения служебных обязанностей молодыми сотрудниками полиции.

2. В результате межпредметной интеграции удалось сократить количество изучаемых дисциплин. Вместо восьми общепрофессиональных предметов теперь изучается пять: «Основы российского государства и права», «Основы уголовного права и криминологии», «Основы уголовного процесса», «Ос-

новы криминологии» и «Основы административного права». В то же время, общее количество учебных часов, выделенных на этот цикл дисциплин, уменьшилось на 76 часов и составляет 212 академических часов.

3. Вместо 13 учебных дисциплин в профессиональном цикле ПППО ПП РИМНС на 2020 г. сейчас предусмотрено девять. При этом трудоемкость их изучения в ПППО ПП РИМНС на 2024 г. увеличена на 36 академических часов (с 464 до 500). В сложившейся оперативной обстановке функционирования ОВД не менее важным представляется увеличение на десять академических часов учебных занятий по «Огневой подготовке» и «Физической подготовке» (с 90 до 100 по каждому из указанных предметов) и введение в состав профессионального цикла профильной дисциплины «Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации в условиях специальных правовых режимов» в объеме 100 часов, которая при-



звана сформировать у обучаемых новые профессиональные компетенции и обеспечить их подготовку к действиям в особых условиях.

4. Архитектоника учебного плана ПППО ПП РИМНС на 2024 г. включает в себя следующие учебные циклы: общепрофессиональный, профессиональный, профессионально-специализированный, факультативных дисциплин (в ПППО ПП РИМНС на 2020 г. данный цикл назывался «факультативных и элективных дисциплин») и прохождение аттестации.

В ПППО ПП РИМНС на 2024 г. основательно расширен перечень дисциплин по выбору. Вариативная часть профессионально-специализированного цикла учебного плана теперь насчитывает 11 дисциплин («Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», «Актуальные вопросы деятельности подразделений ГИБДД» и т. д.). Тогда как в ПППО ПП РИМНС на 2020 г. вариативная часть была представлена всего двумя дисциплинами: «Актуальные вопросы деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, участвующих в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и исполнении административного законодательства» и «Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, не связанных с охраной общественного порядка».

Как видно, в новой программе отчетливо прослеживается переход к узкоспециализированной профессиональной подготовке сотрудников полиции. Этот подход ориентирован на формирование у обучаемых конкретных профессиональных компетенций, необходимых для эффективного выполнения оперативно-служебных задач. Подобная специализация, безусловно, способствует повышению эффективности кадрового обеспечения подразделений ОВД сотрудниками, обладающими необходимыми знаниями и навыками.

Суммируя изложенное, необходимо признать, что проведенная оптимизация ПППО ПП РИМНС имеет довольно выраженный акцент на потребности современной правоохранительной практики. Это наглядно подтверждается не только набором и содержанием учебных дисциплин, но и расширением и изменением перечней знаний, умений, навыков, приобретение которых предусматривается в результате освоения обучаемыми программ профессионального обучения

(первоначальной подготовки), сформированных на основе ПППО ПП РИМНС на 2024 г.

Так, по результатам прохождения профессиональной (первоначальной) подготовки сотрудник полиции, в дополнение к ранее приобретенным компетенциям, должен владеть актуальными знаниями в следующих областях:

- ◆ робототехнические комплексы, беспилотные авиационные системы и методы противодействия им: общие сведения;
- ◆ тактика применения робототехнических комплексов и беспилотных летательных аппаратов, а также основы их нейтрализации;
- ◆ инженерное оборудование и маскировка позиций: базовые принципы;
- ◆ взрывобезопасность: основные положения;
- ◆ современный общевойсковой бой: ключевые аспекты;
- ◆ кибербезопасность: сущность, понятие и составляющие [14, с. 8, 10].

Кроме того, сегодня он должен демонстрировать такие умения, как:

- ◆ эффективное блокирование населенных пунктов, выдвижение и занятие рубежей группами прикрития и поиска;
- ◆ рациональный выбор средств и методов киберзащиты информационных систем;
- ◆ оказание само- и взаимопомощи, а также проведение эвакуации и транспортировки пострадавших в особых условиях;
- ◆ принятие неотложных мер по обеспечению безопасности при обнаружении взрывчатых веществ, взрывных устройств и боеприпасов, а также противодействие беспилотным летательным аппаратам [14, с. 13–14].

По окончании программы профессионального обучения обучаемый должен владеть следующими навыками, также дополненными с учетом актуальных потребностей ОВД:

- ◆ обеспечение личной безопасности при вооруженном нападении;
- ◆ стрельба из различных видов огнестрельного оружия и способов гранатометания;
- ◆ оказание само- и взаимопомощи, эвакуации и транспортировки пострадавших в особых условиях [14, с. 14].

Для оценки эффективности первоначальной профессиональной подготовки сотрудников ОВД в фев-



рале–мае 2025 г. мы опросили 198 полицейских. Респонденты представляли территориальные подразделения МВД России из 29 регионов Российской Федерации, а также Северо-Восточное линейное управление МВД России на транспорте.

Значительный стаж службы в ОВД (11 лет и более) имела почти половина опрошенных (48 %). Этот факт говорит о высоком уровне проактивности и ответственности респондентов, что, в свою очередь, обеспечивает достаточную достоверность их ответов. Полученные данные призваны охарактеризовать реальное состояние современной профессиональной (первоначальной) подготовки кадров в системе МВД России.

При определении субъектов осуществления первоначальной профессиональной подготовки сотрудников, деятельность которых им предстояло оценить, респонденты почти в равной степени указали на вузы МВД России (100 человек) и центры профессиональной подготовки (ЦПП) территориальных органов МВД России (114 человек). Образовательные организации дополнительного профессионального образования (далее — ДПО) МВД России в качестве субъектов подготовки были выбраны значительно меньшим числом участников опроса (28 человек).

Подавляющее число респондентов (85 % от их общего числа) оценили уровень общей профессиональной подготовки сотрудников ОВД, прошедших первоначальную подготовку в системе МВД России, как высокий и средний. В целом оценки данного показателя распределились следующим образом:

- ◆ высокий — 30 % (почти каждый третий из числа опрошенных);
- ◆ средний — 55 % (более половины проанкетированных сотрудников);
- ◆ низкий — 11 % (каждый десятый респондент);
- ◆ очень низкий — 2 %.

При этом 2 % респондентов затруднились с ответом.

Уровень теоретической подготовки сотрудников ОВД, прошедших профессиональную (первоначальную) подготовку в системе МВД России, респонденты в основном оценили как «хороший» и «удовлетворительный». В общей сложности 81 % опрошенных придерживаются такого мнения; причем 41 % участников опроса оценил этот качественный показатель готовности сотрудников ОВД к выполнению опе-

ративно-служебных задач как «хороший» и 40 % — как «удовлетворительный». В то же время, 16 % респондентов считают такую подготовку «отличной» и всего 3 % — «неудовлетворительной».

Одновременно более половины респондентов были полностью удовлетворены практической ориентированностью образовательного процесса. На вопрос о степени удовлетворенности практической направленностью первоначальной подготовки кадров в системе МВД России, 55 % опрошенных (109 человек) ответили, что вполне удовлетворены практической составляющей профессиональной подготовки в ОВД. При этом 35 % респондентов выразили частичную неудовлетворенность, а 5 % — полную. Еще 5 % затруднились с ответом.

Еще в большей степени респонденты оказались удовлетворены дисциплинированностью сотрудников, прошедших первоначальную подготовку в системе МВД России, а также соблюдением ими требований антикоррупционного законодательства, иных ограничений и запретов, предъявляемых к сотрудникам ОВД. Полностью удовлетворены этими аспектами 67 % участников опроса (132 человека). Частично удовлетворены в этом плане 21 %, а полностью неудовлетворенными остались 6 %.

А вот уровень огневой подготовки данной категории обученных респонденты оценили менее оптимистично. Здесь распределение оценок выглядит следующим образом:

- ◆ «отлично» — 19 %;
- ◆ «хорошо» — 33 % (что соответствует каждому третьему опрошенному);
- ◆ «удовлетворительно» — 36 %;
- ◆ «неудовлетворительно» — 12 %.

По существу, только половина респондентов (52 %) оценили готовность сотрудников к умелому и эффективному применению табельного огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач на «отлично» или «хорошо». Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что 12 % опрошенных считают уровень огневой подготовки сотрудников, прошедших профессиональную (первоначальную) подготовку в системе МВД России, «неудовлетворительным».

В то же время, данная проблема, которая и без того является одной из наиболее острых в рассматриваемом контексте, существенно усугубляется в связи с возрастанием роли огневой подготовки при выполнении сотрудниками ОВД служебных обязан-



ностей в современных условиях. Сегодня применение полицейскими огнестрельного оружия, по сути, представляет собой обычную служебную практику [6, с. 126–134].

Немногим в лучшую сторону отличается и оценка уровня физической подготовки сотрудников ОВД, прошедших первоначальную подготовку в системе МВД России. Менее чем каждый пятый опрошенный (19 %) считает, что по этому критерию сотрудники полиции готовы к успешному выполнению оперативно-служебных задач на «отлично». На «хорошо» этот показатель оценили 30 % респондентов, а на «удовлетворительно» — 41 %. При этом доля «неудовлетворительных» оценок остается тревожно высокой — 10 %.

Для подтверждения достоверности полученных нами оценок мы изучили другие научные исследования. Выяснилось, что уровень огневой и физической подготовки сотрудников ОВД аналогично оценивается и некоторыми другими исследователями проблем профессиональной подготовки сотрудников МВД России [8, с. 121; 9, с. 5–7].

Учитывая вышеизложенное, очевидно, что текущий уровень огневой и физической подготовки выпускников системы профессиональной (первоначальной) подготовки МВД России недостаточен для эффективного выполнения ими оперативно-служебных задач. В этой связи, указанное направление профессионального обучения вновь принятых на службу в ОВД сотрудников должно быть в первоочередном порядке приведено в соответствие с требованиями современной правоохранительной практики.

Однако наше анкетирование показало, что мотивация самих обучаемых к совершенствованию профессиональных практических навыков и умений также находится на недостаточном уровне. Основными объективными причинами этого являются низкое денежное довольствие и неполноценная социальная защищенность сотрудников.

В частности, стремление сотрудников ОВД, прошедших первоначальную подготовку в системе МВД России, к совершенствованию своих теоретических знаний, практических навыков и умений только каждый пятый респондент (40 человек или 20,2 % от их общего числа) оценил на 100 %; на 75 % данное стремление оценили 55 человек (27,8 %), а на 50 % — 65 опрошенных (32,8 %, или каждый третий). Существенная доля респондентов (19,2 %, т. е. почти каж-

дый пятый) этот показатель оценила на уровне 25 % и ниже.

По мнению респондентов, основные недостатки современной системы профессиональной подготовки кадров для ОВД распределились следующим образом (в порядке убывания частоты упоминаний):

1) недостаточная практическая направленность преподавания в целом: эту проблему отметили 67 человек, что составляет 33,8 % опрошенных (примерно каждый третий);

2) неудовлетворительное материально-техническое обеспечение учебного процесса: на это указали 26 респондентов (13,1 %);

3) недостаточная практическая направленность преподавания отдельных дисциплин: 20 человек (10,1 %, или каждый десятый) выделили этот аспект;

4) неоптимальное распределение учебных часов по дисциплинам (завышенное или заниженное): так считают 16 респондентов (8,1 %);

5) неудовлетворительная воспитательная работа со слушателями и другие, не указанные в анкете причины: обе эти категории набрали по 13 голосов (6,6 %);

6) низкий уровень преподавания учебных дисциплин: это отметили 11 человек (5,5 %).

Кроме того, 16 участников опроса (8,1 %) считают, что в системе первоначальной подготовки кадров для ОВД в настоящее время недостатки отсутствуют, а 15 респондентов (7,6 %) затруднились с ответом.

Таким образом, результаты настоящего исследования показывают, что профессиональное обучение сотрудников, впервые принимаемых на службу в ОВД, не в полной мере соответствует современным требованиям к кадровому обеспечению полиции как по содержанию, так и по достигнутым результатам.

Одновременно полученные данные позволяют предложить следующие меры для повышения эффективности организационно-правового обеспечения этого направления профессиональной подготовки кадров в системе МВД России.

1. Для эффективной профессиональной подготовки сотрудников полиции, способных охранять общественный порядок, обеспечивать безопасность и противодействовать преступности, а также правомерно и уверенно применять физическую силу и специальные средства в любых условиях, включая чрезвычайные ситуации и особые правовые режимы,



необходима полная межпредметная согласованность учебных дисциплин.

Это касается как общепрофессиональных, так профессиональных и профессионально-специализированных циклов программы обучения по должности «Полицейский». Такая комплексная подготовка особенно важна и оправдана для сотрудников рядового и младшего начальствующего состава, впервые поступивших на службу в ОВД, учитывая специфику их оперативно-служебной деятельности.

2. Повысить практическую направленность преподавания всех учебных дисциплин (модулей) и других компонентов программ подготовки по должности «Полицейский». При этом важно добиться внутренней согласованности и единства целей всех элементов системы обучения, ориентируя сотрудников на поэтапное становление высококвалифицированного полицейского.

3. Чтобы система профессиональной (первоначальной) подготовки кадров МВД России оперативно отвечала на актуальные потребности кадрового обеспечения ОВД, необходимо разработать и внедрить механизм регулярного обновления содержания программ по должности «Полицейский». Это должно основываться на результатах мониторинговых исследований, современных научных достижениях и образовательных технологиях.

4. Всесторонне укрепить ресурсную базу всех субъектов профессиональной (первоначальной) подготовки кадров в системе МВД России, включая стабильную финансовую поддержку, обеспечение информационно-методическими ресурсами, квалифицированными кадрами и современной материально-технической базой.

Список источников

1. Галстян Р. Р. Организационно-методические проблемы профессиональной подготовки граждан, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 7 (221). С. 79–83.
2. Жевлакович С. С. О нормативном правовом регламентировании профессионального обучения по программам профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 386–396.
3. Приказ Министерства просвещения РФ от 14 июля 2023 г. № 534 «Об утверждении Перечня профессий рабочих, должностей служащих, по которым осуществляется профессиональное обучение» (зарег. в Минюсте России 14 августа 2023 г., рег. № 74776) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (зарег. в Минюсте России 12 марта 2024 г., рег. № 77488) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Затолокин А. А., Жуков Н. Н. Сбережение профессионального кадрового ядра в ОВД // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4 (97). С. 37–44.
6. Кобозев А. А. Роль огневой подготовки в служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации в современных условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 2 (40). С. 126–134.
7. Колокольцев: количество вакантных должностей в МВД за год выросло на 33 тысячи // URL: https://www.fontanka.ru/2025/03/05/75184355/?ysclid=mc92_huptl263710823
8. Корнеева М. П. Факторы организации профессиональной подготовки в подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 120–128.
9. Корсаков Ю. В., Носатый Р. И., Романов Е. И. Использование технических средств обучения для совершенствования огневой подготовки сотрудников полиции // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6. Т. 8. С. 1–12.
10. Коробов В. Б., Кобозев А. А. Социальная стратегия органов внутренних дел: организационно-правовые аспекты формирования // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 55–60.
11. Ольшевский А. В., Школа О. В. О некоторых мерах кадровой политики, направленной на повышение профессионального потенциала сотрудников органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 134–145.
12. Платонов П. П. Организационно-экономические основы формирования кадрового потенциала



органов внутренних дел РФ: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2012.

13. Примерная основная программа профессионального обучения «Профессиональная подготовка лиц рядового состава и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский». М. : Департамент государственной службы и кадров МВД России, 2019.

14. Примерная основная программа профессионального обучения «Профессиональная подготовка лиц рядового состава и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» по должности служащего «Полицейский». М. : Главное управление по работе с личным составом МВД России, 2023.

15. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2022 г.: сб. аналит. и информ. мат. М. : Главное управление по работе с личным составом МВД России, 2023.

16. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. М. : Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2025.

17. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 декабря 2024 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 4. Ч. I. Ст. 7020.

18. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 апреля 2025 г.) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.

References

1. Galstyan R. R. Organizational and methodological problems of professional training of citizens who were first recruited to serve in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. 2023. No. 7 (221). P. 79–83.

2. Zhevlakov S. S. On the normative legal regulation of vocational training in professional training

programs for employees who were first recruited to the internal affairs bodies // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 4. P. 386–396.

3. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated July 14, 2023 No. 534 «On approval of the List of professions of workers, positions of employees for which vocational training is carried out» (registered with the Ministry of Justice of Russia on August 14, 2023, reg. No. 74776) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 44 dated February 2, 2024 «On Approval of the Procedure for Organizing personnel Training to Fill Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on March 12, 2024, reg. No. 77488) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5. Zatulokin A. A., Zhukov N. N. Saving the professional personnel core in the Department of Internal Affairs // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. No. 4 (97). P. 37–44.

6. Kobozev A. A. The role of fire training in the official activities of law enforcement officers of the Russian Federation in modern conditions // Investigation of crimes: problems and solutions. 2023. No. 2 (40). P. 126–134.

7. Kolokoltsev: the number of vacant positions in the Ministry of Internal Affairs increased by 33 thousand over the year // URL: <https://www.fontaka.ru/2025/03/05/75184355/?ysclid=mcp92huptl263710823>

8. Korneeva M. P. Factors of the organization of professional training in the units of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (35). P. 120–128.

9. Korsakov Yu. V., Nosaty R. I., Romanov E. I. The use of technical training tools to improve the fire training of police officers // The world of science. Pedagogy and psychology. 2020. No. 6. Vol. 8. P. 1–12.

10. Korobov V. B., Kobozev A. A. Social strategy of internal affairs bodies: organizational and legal aspects of formation // Civil service and personnel. 2024. No. 3. P. 55–60.

11. Olshevsky A. V., Shkola O. V. On some personnel policy measures aimed at increasing the professional potential of employees of internal affairs bodies // Bul-



letin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (108). P. 134–145.

12. Platonov P. P. Organizational and economic foundations of the formation of the personnel potential of the internal affairs bodies of the Russian Federation: abstract of the diss. ... candidate of economic sciences. M. : Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 2012.

13. Sample core professional training program «Professional training of enlisted personnel and junior officers newly hired as police officers in the internal affairs agencies of the Russian Federation». M. : Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

14. Sample core professional training program «Professional training of enlisted personnel and junior officers newly hired by the internal affairs agencies of the Russian Federation» for the position of «Police Officer». M. : Main Directorate for Work with Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023.

15. Information on the state of work with personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2022: collection of analytical and informational mat. M. : Main Directorate for Work with Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023.

16. The state of crime in Russia in January–December 2024. M. : Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025.

17. Federal Law of November 30, 2011 No. 342-FZ (as amended and supplemented, entered into force on December 28, 2024) «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 4. Part I. Art. 7020.

18. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended and supplemented, entered into force on April 8, 2025) «On Education in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53. Art. 7598.

Информация об авторах

А. А. Кобозев — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Д. А. Матвеев — заместитель начальника Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России по работе с личным составом, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Kobozev — Senior Researcher of the Research Department of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

D. A. Matveev — Deputy Head of the All-Russian Institute for Advanced Training of Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 04.09.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.



Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-70-77>

EDN: <https://elibrary.ru/syykks>

НИОН: 2003-0059-5/25-378

MOSURED: 77/27-003-2025-05-577

Средства измерения, меры и весы по законодательству Российской империи XIX — начала XX вв.

Наталья Витальевна Ковалева

Академия управления МВД России, Москва, Россия, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Аннотация. Анализируется формирование государственной системы мер и весов как особого института технического регулирования в Российской империи XIX — начала XX вв. Показано, что переход от разрозненных предписаний в памятниках древнерусского права к кодифицированной системе эталонов, поверки и клеймления связан с усложнением хозяйственного оборота, расширением внутреннего рынка и усилением фискальных интересов казны. На материале указов конца XVIII — первой половины XIX вв., Положения о мерах и весах 1842–1845 гг., актов об учреждении Депо Образцовых Мер и Главной Палаты мер и весов прослеживается институционализация контроля за единством измерений, включая формирование вертикали поверочных органов и распространение обязательного клеймления на торговлю и быт. Отдельное внимание уделено связям измерительной политики с задачами индустриализации, интеграции новых территорий в общеимперское правовое пространство, а также с постепенным сближением с метрической системой. Делается вывод о том, что введенный режим мер и весов выступил базовой моделью для формирования советской системы стандартизации и государственного надзора за средствами измерений.

Ключевые слова: средства измерения, меры и веса, законодательство Российской империи XIX — начала XX вв., техническое регулирование, клеймление и поверка, метрологический контроль и стандартизация

Для цитирования: Ковалева Н. В. Средства измерения, меры и весы по законодательству Российской империи XIX — начала XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 70–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-70-77>. EDN: SYYKKS.

Original article

Measuring instruments, measures and scales according to the legislation of the Russian Empire of the XIX — early XX centuries

Natalia V. Kovalyova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Abstract. The formation of the state system of weights and measures as a special institution of technical regulation in the Russian Empire of the 19 — early 20 centuries is analyzed. It is shown that the transition from scattered prescriptions in the monuments of Old Russian law to a codified system of standards, verification and branding is associated with the complication of economic turnover, the expansion of the domestic market and the strengthening of the fiscal interests of the treasury. On the material of the decrees of the late XVIII — first half of the XIX centuries, the Regulations on measures and weights of 1842–1845, acts on the establishment of the Depot of Exemplary Measures and the Main Chamber of Measures and Weights, the institutionalization of control over the unity of measurements is traced, including the formation of the vertical of verification bodies and the spread of mandatory branding on trade and life. Special attention is paid to the connection of measurement policy with the tasks of industrialization, integration of new territories into the general imperial legal space, as well as with the gradual convergence with the metric system. It is concluded that the introduced regime of measures and weights was the basic model for the formation of the Soviet system of standardization and state supervision of measuring instruments.

Keywords: measuring instruments, measures and weights, legislation of the Russian Empire (19 — early 20 centuries), technical regulation, stamping and verification, metrological control, standardization

For citation: Kovalyova N. V. Measuring instruments, measures and scales according to the legislation of the Russian Empire of the XIX — early XX centuries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):70–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-70-77>. EDN: SYYKKS.

Исторические предпосылки формирования государственной системы мер и весов

Система мер и весов относится к числу древнейших правовых институтов, через которые государ-

ство воздействовало на хозяйственный оборот и правосудие. Унификация способов измерения объема, веса и длины позволяла задавать обязательные ориентиры, делая сравнимыми товары, работы и повин-

© Ковалева Н. В., 2025



ности. Уже в раннесредневековых памятниках восточнославянского права встречаются требования к «правым» мерам, что показывает понимание связи точности измерения и справедливости обмена. Упоминания о мерах содержатся в различных редакциях «Русской Правды», где они служили определенным фоном для регулирования торговых и процессуальных отношений [8, с. 135].

Несмотря на фрагментарность этих предписаний, именно они определили связь между измерительной практикой и юридической формой. Позднее, по мере усложнения хозяйственной жизни, регулирование мер и весов превращается в самостоятельную сферу технического нормирования, что отражено в законодательстве Российской империи XIX — начала XX вв., где сформировалась система эталонов, поверки и клеймления средств измерения [2, с. 28].

Начало XIX в. стало для российской правовой системы моментом, когда проблема единообразия мер и весов перестала быть сугубо техническим вопросом и приобрела выраженное публично-правовое значение. Расширение внутреннего рынка, усложнение связей между губерниями, участие России в международной торговле потребовали не только унификации денежного обращения, но и согласованных подходов к измерению количества товара, сырьевых ресурсов и готовой продукции. Для фискальной системы, ориентированной на косвенные сборы и акцизы, надежность мер означала предсказуемость налогооблагаемой базы, а для хозяйственного оборота — минимизацию конфликтов, связанных с обвесом и другими манипуляциями, традиционно сопровождавшими розничную торговлю.

На этом фоне складывается запрос на нормативное закрепление единой системы измерения как на средство обеспечения правовой определенности в сфере оборота продукции, товаров и в некоторой мере услуг. Промышленные предприятия, возникающие акционерные общества и быстро расширяющаяся транспортная инфраструктура объективно требовали, чтобы количественные единицы товаров обладали стабильным и гарантированным государством содержанием, независимым от местных обычаев и произвольных договоренностей сторон. В противном случае государственные подряды, поставки для армии и флота, крупные внешнеторговые сделки оставались зависимыми от локальных обычаев и

практики отдельных купеческих объединений, что плохо сочеталось с тенденцией к централизации управления и усилению финансового контроля.

Осознание этой ситуации достаточно отчетливо прослеживается в материалах Министерства Финансов, которое в официальном отчете за период 1802–1902 гг. прямо указывало на «полное отсутствие в торговле и промышленности точных измерительных приборов», связывая устранение этого пробела с задачей «постепенно ввести отвечающий современным условиям порядок во все области торгово-промышленной жизни» [5]. В административной логике того времени отсутствие единых эталонов рассматривалось не только как техническая недоработка, но и как фактор, препятствующий эффективному акцизному и таможенному контролю, а значит, влияющий на доходы казны [5].

Первым системным шагом центральной власти стало создание эталонной базы. В Высочайше утвержденной записке Министра Финансов России от декабря 1829 г. «Об учреждении при Санкт-Петербургском Монетном Дворе собрания образцовых мер и весов главнейших иностранных Государств» ставилась задача иметь в распоряжении казны такой комплект образцов, «по которым бы можно было делать таковые же меры и весы для других мест России» [11]. Тем самым государство фактически формировало исходную точку для будущей унификации: сначала — создание централизованного собрания эталонов, затем — возможность их тиражирования в провинции, а уже после — построение системы поверки и клеймления.

Привлечение в качестве образцов «мер и весов главнейших иностранных государств» свидетельствовало и о внешнеэкономической мотивации реформ. Сопоставимость российских единиц с используемыми в ведущих европейских экономиках облегчала расчеты по экспортным и импортным контрактам, снижала риск ошибок при переводе из одной системы измерения в другую. В итоге государственная политика начала XIX в. в сфере мер и весов складывалась на пересечении нескольких интересов: фискального (обеспечение стабильных поступлений), хозяйственного (поддержка развивающейся промышленности и торговли) и международного (интеграция в общеевропейское экономическое пространство), что и предопределило дальнейшее совершенствование данной сферы отношений.



Нормативное закрепление мер и весов и формирование системы надзора за их применением

Первые шаги к оформлению единой государственной политики в сфере измерений связаны с нормативными актами конца XVIII — первой трети XIX вв. Так, Указ 1797 г. «О Высочайшем утверждении проекта об учреждении повсеместно верных весов, питейных и хлебных мер» задал рамки будущей системы, хотя по объему и структуре оставался еще типичным разовым распоряжением монарха [9, с. 591–594]. Для законодательства того времени показательным, что внимание уделялось не абстрактным единицам измерения, а конкретным устройствам: безмену, весам, гилям, питейным и хлебным мерам.

Важным нововведением в 1797 г. стало описание допустимых форм и набора гирь, рассчитанного на взвешивание груза до сорока фунтов, а также закрепление обязанности Александровского завода применять «секретный штемпель» для различения «законном утвержденных» весов, безменов и гирь [9, с. 592]. Здесь просматриваются элементы технического регулирования в современном смысле: государство не только предписывает использовать «верные меры», но и связывает допустимость их оборота с принадлежностью к определенному образцу и наличием официального клейма. Вместе с тем, данный акт почти не затрагивал вопросы проверки и контроля, оставаясь в основном актом о допустимой конструкции средств измерения.

Достаточно последовательный характер имели нормы указа, «данный Правительствующему Сенату в 11 день октября 1835 года», которыми в качестве основы российской линейной меры была утверждена сажень, в качестве единицы веса — фунт (включая аптекарский фунт), а для объема — ведро для жидкостей и четверик для сыпучих тел [12]. Документ содержал развернутую систему соотношений с английскими мерами и перечень более мелких единиц, что позволяло использовать его как официально утвержденную метрическую таблицу для хозяйственной практики.

Ключевым для понимания зарождения технических норм явилось закрепление в указе 1835 г. требования изготовить эталоны и размещать их не только в Санкт-Петербургском монетном дворе и Московской Оружейной палате, но и разослать в Казенные Палаты и экспедиции, с указанием материала, из ко-

торого они должны были быть выполнены. При этом право приобретать «образцовые меры и весы» за свой счет предоставлялось «местам, городам или лицам» [12, с. 1011].

В результате возникла модель, при которой государство в определенной мере сформировало централизованный эталонный фонд и допускало его распространение в провинции, сохраняя за собой роль источника обязательных образцов. Именно связка между юридическим закреплением базовых единиц, созданием материальных эталонов и их доступностью для частных субъектов позволяет говорить о переходе от разрозненных предписаний к системе технических норм, задающих правовой режим средств измерения в зарождающейся индустриальной экономике России исследуемого периода.

Стоит отметить, что уже в первой половине XIX в. шел процесс по совершенствованию правового регулирования исследуемой сферы отношений. Например, «Положение о мерах и весах» 1842 г., объединившее в себе разные предписания, вступило в силу 1 января 1845 г. и содержало отсылку к указу 11 октября 1835 г., воспроизводя его исходные положения и одновременно фиксируя необходимость «принять ныне решительные меры к повсеместному употреблению в государстве одних Российских мер и весов» [13, с. 420]. Тем самым, прежний акт о единицах измерения был дополнен необходимыми положениями, охватывающими как организационные, так и контрольно-надзорные аспекты данной деятельности.

Центральным элементом новой конструкции стало учреждение Депо Образцовых Мер и Весов, на которое возлагалось хранение эталонов и поверка по ним мер, направляемых в губернии [13, с. 420]. Казенные палаты получали статус ключевого регионального звена в этой сфере, так как через них осуществлялись выверка, клеймение и допуск в оборот изготовленных средств измерения с участием специалистов. Фактически оформилась вертикаль органов, обеспечивающих единство измерений, где каждая мера должна была пройти процедуру легализации через казенное клеймо.

Особое внимание закон уделял правилам изготовления и использования измерительных приборов. Производство «сажени, аршины, коромысла, гири, меры жидкости и емкости» по казенным образцам допускалось для широкого круга лиц, получивших раз-



решение и свидетельство от губернского начальства, с обязательным нанесением собственного фабричного клейма [13, с. 424]. До ввода в оборот такие изделия подлежали выверке и клеймлению в Казенной палате, причем сбор за клеймо дифференцировался в зависимости от величины мер и весов. Из этого режима сознательно выводились аршины: предполагалось, что по всем губерниям будут разосланы для продажи «за умеренную цену» казенные железные аршины, не подлежащие частному изготовлению и дополнительному клеймлению [13, с. 423–424].

Реализация новых единиц столкнулась с сопротивлением прежних практик. Правительствующему Сенату специально пришлось объявить, что значительная часть изготовленных образцов аршинов остается нераспроданной, а в обиходе продолжают использоваться старые меры. В частности, соответствующим органам власти предписывалось «неослабное наблюдение за повсеместным введением новых аршинов», ускоренная распродажа казенных образцов и истребление старых, с привлечением виновных к ответственности [10]. Параллельно устанавливалась обязанность всех торгующих и «занимающихся приготовлением изделий разного рода» иметь клеймленные веса и меры. Данные нормы распространялись на постоянные дворы, харчевни, ярмарки и иные места публичной купли-продажи. Для бытовых нужд допускались «домашние меры разной формы», однако устанавливалось, что в каждом волостном правлении, а также у арендаторов и администраторов казенных имений должны были находиться непременно клеймленные меры и веса [13, с. 424].

Положение о мерах и весах 1842–1845 гг. установило контроль за введением новых мер и базировалось, с одной стороны, на инициативе, с другой, — в значительной мере защищало права и законные интересы участников хозяйственных отношений и обычных потребителей, формируя искомый баланс прав и обязанностей субъектов данных правоотношений. В частности, предусматривались внезапные проверки мер и весов уполномоченными органами, а каждому покупателю предоставлялось право жаловаться полицейскому начальству на неклеимленные либо неверные приборы. В случае признания средств измерения маловесными, допускалось их уничтожение по приговору суда, в то время как «тяжеловесные» подлежали исправлению путем уменьшения массы [13, с. 425]. В совокупности это придавало По-

ложению о мерах и весах 1845 г. характер фундаментального нормативного акта, который не только фиксировал систему единиц, но и определял юридический режим их материальных носителей на всех стадиях — от изготовления до применения в торговле и быту.

Во второй половине XIX в. акцент в регламентации исследуемой сферы отношений постепенно сместился от установления самих единиц измерения к детализации процедур поверки и клеймления. Показательным стал утвержденный 16 января 1843 г. порядок, установленный Высочайше утвержденным положением Комитета Министров «О способе выверки весовых гирь в Риге», предусматривавший приведение гирь в законный вес. При отливке в гире оставлялась внутренняя полость, в которую заливалось необходимое количество свинца, после чего отверстие завинчивалось винтом, головка которого скрывалась в углублении и заливалась свинцом с нанесением казенного клейма [14].

Высочайше утвержденным положением Комитета Министров от 9 октября 1845 г. этот способ исправления неполновесных гирь был разрешен до 1 января 1847 г., при этом прямо подчеркивались его достоинства: возможность легко выявить злоупотребления, направленные на облегчение веса, и одновременно предоставить торговцам законный путь доведения характеристик гири до эталонных без риска санкций за произвольный довес [15].

Следующим шагом стало экспериментальное перераспределение полномочий по поверке органов городского общественного управления (городских дум). В Санкт-Петербурге, Москве, Риге и ряде других крупных городов проверка и клеймление мер и весов были переданы из Казенных Палат в Городские думы, но при обязательном участии представителя Палаты и пробирера (специалист по контролю и клеймлению) [16]. Такая модель сочетала фискальный контроль казенного ведомства с большей приближенностью к местному рынку, формируя своего рода смешанную систему: эталон и методика оставались за центром, а непосредственная техническая работа за городскими органами.

К концу XIX в. контрольный механизм был институционально сформирован вокруг Главной палаты мер и весов (далее — Палата). Положение от 8 июня 1893 г., учреждая Палату по представлению Министра Финансов России С. Ю. Витте, опреде-



лило ее как центральное поверочное учреждение, через которое должны были проходить весы, меры и различные измерительные приборы, используемые в торговле и промышленности. Устанавливалось обязательное требование, что прошедшие проверку средства измерения снабжаются «клеймами, особыми номерами и удостоверительными свидетельствами» и не могут иметь погрешности сверх установленной законом [17].

В этот исторический период именно на управляющего Палатой возлагалась обязанность лично и через инспекторов производить внезапные ревизии мер и весов в казенных учреждениях, на почтовых и железнодорожных станциях, на заводах, фабриках и в торговых заведениях, тогда как за полицией закреплялся надзор за применением в торговле клеймленных приборов и возбуждение преследования в отношении лиц, использующих неверные меры [7, с. 170].

После утверждения Положения о мерах и весах 4 июня 1899 г. система контроля получила разветвленную территориальную конфигурацию. Общее ведение мерами и весами было закреплено за Министерством Финансов, а с 1905 г. — за созданным Министерством Торговли и Промышленности, при котором действовал Департамент торговли и мануфактур, в ведении которого и находилась Палата [1, с. 138–139].

Для выверки и клеймления применяемых в торговле и промышленности средств измерения повсеместно учреждались поверочные палатки, тогда как казенные палаты и городские управы освобождались от этих функций. По данным М. Н. Соболева, за период с 1900 по 1914 гг. через поверочные учреждения прошло 41 697 634 меры и веса, было получено 6 910 938 руб. поверочной пошлины при расходах на их содержание 5 524 744 руб., что обеспечило государству свыше одного миллиона рублей чистого дохода [6, с. 220]. Контроль за единством измерений в этот период превращается в устойчивый институт своего рода технического надзора, сочетающий обеспечение достоверности торговых операций с заметным фискальным эффектом для казны.

Во второй половине XIX в. вопрос единства мер и весов оказался тесно связан с задачами интеграции новых регионов в правовое пространство империи. Министерство Финансов России специально акцентировало внимание на тех территориях, где сохранялись местные системы измерения, прежде всего в

Туркестанском крае, и добивалось постепенного введения обязательного применения на данных территориях официально утвержденных клеймленных мер и весов. В циркулярных предписаниях подчеркивалось, что разнородность местных мер затрудняет как фискальный контроль, так и нормальное функционирование торговли, а потому требует планомерного замещения местных единиц законными русскими образцами [1, с. 138].

К концу XIX в. усиливается и давление внешне-экономических факторов. Расширение участия России в европейской торговле, рост экспортных операций с промышленной продукцией и сырьем, а также развитие железнодорожной сети достаточно отчетливо показали определенные неудобства традиционных национальных единиц при расчетах с контрагентами, ориентирующимися на метрическую систему. В этом контексте переход к метрическим мерам воспринимался не только как техническое удобство, но и как элемент конкурентоспособности российских товаров на внешних рынках [7, с. 169].

Вместе с тем, правительственная линия была сравнительно осторожной. Так, законодатель не решался на немедленное вытеснение традиционных единиц и занял компромиссную позицию: допускалось использование международных метрических мер по взаимному соглашению сторон, тогда как в официальном обороте, в том числе в налоговых, таможенных и иных публично-правовых отношениях, продолжали применяться русские меры, закрепленные актами 1835 и 1842–1845 гг. Такая смешанная модель позволяла учитывать потребности внешней торговли и технического прогресса, не дестабилизируя сложившиеся практики внутреннего рынка [1].

Положение о мерах и весах, утвержденное 4 июня 1899 г., подвело итог этому этапу регулирования данной сферы отношений. В гл. 1 нормативного акта была зафиксирована система российских мер и весов, в том числе порядок соотношения с метрическими единицами, а в гл. 2 — построена организационная схема поверочных учреждений, изначально подведомственных Министерству Финансов [18].

Институт клеймления в праве Российской империи служил юридическим средством придания вещам статуса соответствующих установленным определенным техническим нормам. Клеймо удостоверяло изготовление по утвержденному образцу и прохождение государственной проверки, обеспечи-



вая допуск изделия в оборот и выполняя роль распознавательного знака для торгового обращения и казны [7, с. 168–170].

Наиболее последовательно эта конструкция проявилась в регулировании мер и весов. Положение о мерах и весах 1842–1845 гг. закрепило, что без казенного клейма мера или вес не допускаются к употреблению, а изготовленные по образцам Депо Образцовых Мер и Весов приборы подлежали выверке в Казенных Палатах, где на них наносилось соответствующее клеймо. Применение неклеяемых либо признанных маловесными средств измерения влекло их изъятие и уничтожение, а тяжеловесные приводились к норме [13]. Обязанность пользоваться клейменными мерами и весами была возложена на торговцев, цеховые заведения, постоянные дворы, ярмарки, волостные правления и администраторов казенных имений, что превращало клеймо в универсальное условие законности измерения в хозяйственном обороте и быту.

Во второй половине XIX в. клеймение мер и весов было встроено в разветвленную систему технического надзора. Положение от 8 июня 1893 г. об учреждении Палаты закрепило, что приборы, предназначенные для употребления в торговле и промышленности, после поверки снабжаются «клеймами, особыми номерами и удостоверительными свидетельствами» и не могут иметь погрешности сверх допустимой [15]. Положение о мерах и весах 4 июня 1899 г. закрепило и в определенной мере развило эту модель, подведя сеть поверочных палаток под ведомство Министерства Финансов, а затем под Министерство Торговли и Промышленности, тем самым связав контроль за единством измерений с взиманием поверочной пошлины, что обеспечивало государству дополнительный доход [18]. В результате клеймо выступало ключевым юридическим инструментом, связывающим абстрактные требования к мере и качеству с материальной вещью и обеспечивающим доверие к результатам измерений, защиту добросовестного оборота и стабильность фискальных поступлений.

Развитие государственной системы мер и весов оказывало прямое влияние на становление индустриальной экономики Российской империи изучаемого периода. Фиксация официальных единиц длины, объема и веса в сочетании с обязательной поверкой измерительных приборов позволяла точнее рас-

считывать расход сырья и топлива, дозировку компонентов, грузоподъемность машин и транспортных средств [4]. Для крупной фабрично-заводской промышленности это означало переход от ремесленного, ориентировочного счета к воспроизводимым техническим параметрам производственного процесса [2]. В более широком плане реализовывалась сформулированная Министерством Финансов задача введения «порядка во все области торгово-промышленной жизни» за счет устранения произвола в измерениях [3; 5]. Для внутренней торговли и хозяйственного оборота меры по унификации становились важнейшей предпосылкой доверия к результатам взвешивания и отпуска товара. Когда покупатель и продавец опираются на один и тот же эталон, а используемые приборы могут быть проверены и признаны пригодными либо маловесными по установленной процедуре, снижается почва для конфликтов и судебных споров о недостатке, обвесе, нарушении условий поставки. В этой связи классик русской юриспруденции Г. Ф. Шершеневич подчеркивал, что достоверность измерений образует одно из тех фактических оснований, без которых нормы торгового права превращаются в пустую декларацию [7, с. 170].

Единая система измерений имела и выраженный внешнеэкономический эффект. Сопоставимость русских единиц с иностранными, а позднее — допускаемое использованием метрической системы по соглашению сторон, облегчали заключение экспортных и импортных контрактов, расчет цен и фрахта, страхование грузов, особенно в условиях растущего участия России в европейской торговле [1, с. 136–139; 5, с. 169].

Выстроенная к началу XX в. сеть эталонных и поверочных учреждений во главе с Палатой, создали своего рода основу для последующего формирования советской системы стандартизации. Уже в работах начала XX столетия обращалось внимание на то, что контроль за мерами и весами превратился из узкотехнического вопроса в элемент экономической политики государства [6, с. 218–221]. Метрическая система, вводимая поэтапно и параллельно с традиционными единицами, стала переходным звеном между дореволюционной моделью технического нормирования и советской практикой комплексного стандарта (ГОСТ) и государственного надзора за средствами измерений.



Опыт правового регулирования мер и весов в Российской империи XIX — начала XX вв. показывает, что данная сфера не сводилась исключительно к техническим составляющим, а выступала одним из оснований для установления хозяйственного и фискального порядка. Через юридическое закрепление единиц, создание иерархии эталонов, института проверки и обязательного клеймения государство добивалось сопоставимости количественных показателей, формировало единое экономическое пространство и последовательно вытесняло локальные измерительные практики. Параллельное сближение с европейскими системами и поэтапное допущение метрических величин снижали издержки внешней торговли и уменьшали риск конфликтов, связанных с определением количества и качества товара.

В этой связи изучение средств измерения, мер и весов по законодательству Российской империи XIX — начала XX вв. должно стать предметом дальнейших фундаментальных исследований с целью использования опыта становления правового регулирования данной сферы для дальнейшего совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список источников

1. Жолобова Г. А. Создание единой системы мер и весов в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 136–139.
2. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1975.
3. Ковалева Н. В. Основные направления торгово-промышленной политики Российской империи XIX — начала XX веков (правовой аспект) // Право и политика. 2010. № 7. С. 1348–1353.
4. Ковалева Н. В. Торгово-промышленная политика и промышленное законодательство Российской империи XIX — начала XX веков // История государства и права. 2010. № 1. С. 16–19.
5. Министерство Финансов. Сборник. 1802–1902. Ч. 2. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902.
6. Соболев М. Н. Очерки экономической политики промышленности и торговли. Харьков : Типография М. : Зильберберг и сыновья, 1916.
7. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). М. : Спарк, 1994.
8. Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение / под ред. О. И. Чистякова. М. : Зерцало-М, 2002.
9. Полное собрание законов Российской Империи. С 1649 г. Т. XXIV: с 6 ноября 1796 по 1798 гг. Ст. 17938. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 591–594.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. II. 1827: от № 800 до 1676. Ст. 1172. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 329–330.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. IV. 1829: от № 2575 до 3398. Ст. 3336. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 864.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. X. 1835. Ст. 8459. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. С. 1010–1011.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XVII. 1842. Ст. 15718. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. С. 420–425.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XX. 1845. Ст. 18630. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. С. 129.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XX. 1845. Ст. 19385. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. С. 68–69.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XX. 1845. Ст. 18818, 18986, 18760. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. С. 238.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XI. № 9747. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1893. С. 421.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XIX. № 18834. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1900.



References

1. Zholobova G. A. Creation of a Unified System of Weights and Measures in the Russian Empire in the Second Half of the 19 — Early 20 Centuries // *Bulletin of the Orenburg State University*. 2004. No. 3. P. 136–139.
2. Kamenetseva E. I., Ustyugov N. V. *Russian Metrology*. 2nd ed. M. : Vysshaya shkola, 1975.
3. Kovaleva N. V. Main Directions of Trade and Industrial Policy of the Russian Empire in the 19 — Early 20 Centuries (Legal Aspect) // *Law and Politics*. 2010. No. 7. P. 1348–1353.
4. Kovaleva N. V. Trade and Industrial Policy and Industrial Legislation of the Russian Empire in the 19 — Early 20 Centuries // *History of the State and Law*. 2010. No. 1. P. 16–19.
5. Ministry of Finance. Collection. 1802–1902. Part 2. St. Petersburg : Expedition for Procurement of State Papers, 1902.
6. Sobolev M. N. *Essays on the Economic Policy of Industry and Trade*. Kharkov : Printing House M. Zilberberg and Sons, 1916.
7. Shershenevich, G. F. *Textbook of Trade Law* (based on the 1914 edition). M. : Spark, 1994.
8. Yushkov S. V. *Russian Truth: Origin, Sources, and Its Significance* / edited by O. I. Chistyakov. M. : Zertsalo-M, 2002.
9. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Since 1649. Vol. XXIV: from November 6, 1796 to 1798. Art. 17938. St. Petersburg : Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. P. 591–594.
10. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. II. 1827: from No. 800 to 1676. Art. 1172. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. P. 329–330.
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. IV. 1829: from No. 2575 to 3398. Art. 3336. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. P. 864.
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. X. 1835. Item 8459. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1836. P. 1010–1011.
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XVII. 1842. Item 15718. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1843. P. 420–425.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XX. 1845. Item 18630. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. P. 129.
15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XX. 1845. Art. 19385. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. P. 68–69.
16. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XX. 1845. Art. 18818, 18986, 18760. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. P. 238.
17. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XI. No. 9747. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1893. P. 421.
18. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XIX. No. 18834. St. Petersburg : Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1900.

Информация об авторе

Н. В. Ковалева — главный научный сотрудник Академии управления МВД России, доктор юридических наук.

Information about the author

N. V. Kovalyova — Chief Researcher of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-78-83>

EDN: <https://elibrary.ru/rvyufn>

ИПОН: 2003-0059-5/25-379

MOSURED: 77/27-003-2025-05-578

Право и правосознание в эпоху информационных манипуляций: философский и правовой анализ

Мария Вячеславовна Кузьмина

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия,

omVKuzmina@msal.ru

Аннотация. Исследуется роль права и правосознания в условиях цифровых манипуляций и информационных войн. Анализируются механизмы искажения правосознания в цифровом обществе, влияние симулякров и манипулятивных дискурсов на восприятие истины и справедливости. Рассматривается роль государства и правовых институтов как защитных механизмов, способных сохранить правовую истину и обеспечить информационную безопасность личности и общества. Особое внимание уделяется философским и правовым аспектам формирования устойчивого правосознания в условиях цифровых вызовов.

Ключевые слова: право, правосознание, информационные войны, симулякры, манипуляции, цифровое общество, государство, правовая истина, информационная безопасность, философия права

Для цитирования: Кузьмина М. В. Право и правосознание в эпоху информационных манипуляций: философский и правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 78–83. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-78-83>. EDN: RYUUFN.

Original article

Law and legal awareness in the era of information manipulation: philosophical and legal analysis

Maria V. Kuzmina

Orenburg Institute (branch) University named after O.E. Kutafin (MSLA), Orenburg, Russia, omVKuzmina@msal.ru

Abstract. Examined the role of law and legal awareness in the context of digital manipulation and information warfare. The mechanisms of distortion of legal awareness in the digital society, the influence of simulacra and manipulative discourses on the perception of truth and justice are analyzed. The article considers the role of the state and legal institutions as protective mechanisms capable of preserving the legal truth and ensuring the information security of individuals and society. Special attention is paid to the philosophical and legal aspects of the formation of a sustainable legal awareness in the context of digital challenges.

Keywords: law, legal awareness, information wars, simulacra, manipulation, digital society, state, legal truth, information security, philosophy of law

For citation: Kuzmina M. V. Law and legal awareness in the era of information manipulation: philosophical and legal analysis. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):78–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-78-83>. EDN: RYUUFN.

Современный мир вступил в эпоху, когда борьба идей уступила место борьбе интерпретаций. Информационные войны развернулись не на поле идеологий, а в пространстве сознания, где истина становится предметом манипуляции, а ложь — инструментом влияния. Поток данных утратил нейтральность, превратившись в оружие массового воздействия, способное разрушать социальное доверие и искажать юридическую картину мира.

В этом контексте особое значение приобретает правосознание — то нравственно-интеллектуальное

ядро личности, через которое человек воспринимает право, справедливость и государственную власть. Сегодня оно становится целью атаки, объектом программируемых искажений. Если в XX в. государства опасались идеологического подрыва, то в XXI в. — подрыва сознания, утраты гражданином способности различать истину и ложь, право и произвол, справедливость и выгодную интерпретацию.

Информационные войны поражают не инфраструктуру, а ментальную ткань общества. Они разрушают основу легитимности, подменяя реальность

© Кузьмина М. В., 2025



виртуальной, а правосудие — «общественным суждением». В результате искажается смысл правовых институтов: закон перестает быть символом порядка и справедливости, превращаясь в один из элементов медиального конструирования действительности.

В этих условиях роль права и государства становится не просто защитной, но и онтологической. Право — это не только совокупность норм, но и механизм сохранения истины в обществе, форма сопротивления информационному насилию. Его миссия — защитить человека от навязанной реальности, от подмены смысла, от разрушения способности мыслить самостоятельно. Государство, в свою очередь, обязано не только регулировать информационные потоки, но и обеспечивать правовую безопасность личности и общества, формируя пространство доверия, где закон остается мерой, а не маской правды. Оно должно гарантировать защиту от клеветы, фейков, дезинформации, но при этом не скатиться в цензурную репрессивность: задача государства — охранять свободу, не подавляя истину.

Таким образом, право и государство должны действовать не как инструменты власти, а как охранители духовного и нравственного порядка общества, обеспечивая баланс между свободой слова и ответственностью за разрушительные формы информационного воздействия. Только в этом равновесии возможна подлинная защита общества — не от мнений, а от лжи, не от информации, а от ее извращения.

Цель настоящей статьи — исследовать, как информационные войны воздействуют на правосознание современного общества, и каким образом право и государственные институты могут противостоять манипуляциям сознанием, защищая личность, общество и саму государственность от эрозии истины.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: 1) раскрыть сущность информационных войн как феномена деформации правового восприятия; 2) выявить механизмы разрушения правосознания под воздействием фейков, пропаганды и цифровых технологий; 3) определить роль права и государства в формировании правовой устойчивости общества; 4) рассмотреть правосознание как инструмент сохранения доверия к закону и смысловой устойчивости личности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что под угрозой оказывается не только безопасность информации, но и безопасность правового мышле-

ния. В обществе, где общественное мнение подменяет собой правосудие, а виртуальный факт звучит убедительнее действительности, право должно восстановить утраченное равновесие — вернуть человеку способность различать истину и ее тень.

Информационная эпоха как пространство борьбы за реальность

Современные информационные войны — это не только вызов государству, но и испытание зрелости права. И если раньше защита государства измерялась границами и законами, то сегодня она измеряется прочностью правосознания — той внутренней крепостью, где сохраняется доверие к истине, закону и человеку.

Человечество вступило в историческую фазу, когда истина перестала быть данностью и стала продуктом. Информационная эпоха принесла не столько знание, сколько бесконечные версии знания и, тем самым, породила новое состояние мира — мир «конкурирующих реальностей». В нем граница между фактом и интерпретацией постепенно исчезает, а восприятие подменяет понимание.

Философы и социологи конца XX в. и начала XXI в. — от Мануэля Кастельса (Manuel Castells) до Жана Бодрийяра (Jean Baudrillard) — предвосхитили эту трансформацию. Кастельс писал о сетевом обществе, в котором власть осуществляется через контроль над потоками информации, а не над территориями [3]. Бодрийяр предупреждал: наступает время симулякров, когда знаки перестают указывать на реальность и начинают порождать собственную. В такой среде информация становится не способом познания, а инструментом формирования иллюзии [2].

Вместе с тем, философы, посвятившие свои труды информационной среде, такие как Лучано Флориди (Luciano Floridi) [4], обращали внимание на то, что соответствующая среда — это новая онтология: человек теперь живет не только в физическом и социальном пространстве, но и в цифровом. Однако там, где исчезают критерии истины, разрушается сама структура ответственности. А ведь право и справедливость существуют именно как форма ответственности перед истиной.

Феномен информационной войны — прямое следствие этой утраты меры. Она не ведется ради знания, а ради влияния; ее цель — не убеждать, а подменять. Здесь война идет за само восприятие действительно-



сти: кто определяет, что считать правдой, тот управляет поведением масс, их страхами, ценностями и верой в справедливость.

Мишенью в этой войне становится не тело, а сознание. Если классическая пропаганда стремилась навязать человеку готовые ответы, то современная информационная манипуляция разрушает саму способность задавать вопросы. Правосознание, традиционно служившее внутренним нравственным ориентиром личности, оказывается под давлением цифрового хаоса. Ложь, повторенная миллионы раз, начинает восприниматься как коллективная правда, а юридическое суждение — как всего лишь одна из версий реальности.

На этот феномен указывала и Ханна Арендт (Hannah Arendt), предупреждая, что тоталитаризм начинается не с насилия, а с уничтожения доверия к истине. Когда исчезает вера в объективность фактов, человек утрачивает способность к суждению, а вместе с ней — к ответственности [1]. Сходные мысли высказывал Мишель Фуко (Michel Foucault), рассматривая знание как форму власти: тот, кто контролирует дискурс, контролирует и поведение [5].

Право, оказавшись в этой новой среде, теряет привычные координаты. Оно больше не существует в устойчивом социальном пространстве, а вынуждено бороться за символическую легитимность. Юридическая истина все чаще подвергается сомнению не по существу, а по технологии: достаточно эмоциональной волны в медиа, чтобы судебное решение оказалось «несправедливым» в глазах масс. Виртуальные нарративы подменяют собой правовую реальность, формируя цифровую мифологию справедливости, где виновность или правота зависят от алгоритмов, а не от фактов.

Как отмечает Юрген Хабермас (Jürgen Habermas), современное общество переживает кризис коммуникативной рациональности — ту потерю взаимопонимания, при которой диалог заменяется «белым» шумом, а аргумент — эмоцией [7]. Это разрушение дискурсивного пространства неминуемо влечет кризис правосознания: закон, утративший смысл в коллективном восприятии, становится либо объектом недоверия, либо инструментом политической интерпретации.

Тем самым, информационная эпоха рождает новую форму правовой угрозы — угрозу символической анархии, когда все дозволено, потому что ничто

не истинно. В этой атмосфере право вынуждено бороться не только за соблюдение норм, но и за само право быть услышанным как голос разума и меры.

Таким образом, информационная война — это не просто политическое или технологическое явление. Это глубинный цивилизационный сдвиг, в котором подвергается испытанию сама способность общества различать истину и ложь, справедливость и произвол. И от того, сумеет ли право сохранить в этом вихре свою роль хранителя истины, зависит, останется ли правосознание основой цивилизации или превратится в ее тень — отражение чужой воли, заключенное в цифровой оболочке.

Механизмы искажения правосознания в эпоху цифровых симулякров

Современное информационное пространство утратило черты нейтрального посредника между человеком и действительностью: оно стало ареной смысловых столкновений, где истина все чаще уступает место технологически сконструированной иллюзии. Порождаемая ею новая реальность — это пространство симулякров в понимании Ж. Бодрийяра (Jean Baudrillard), где знаки и образы живут по собственным законам, не соотносясь с подлинностью. В этой среде право теряет привычную устойчивость: правовые категории начинают восприниматься не как нормативные константы, а как изменяемые образы, зависящие от контекста, интереса и алгоритма [2].

Деформация правосознания начинается там, где исчезает критическая дистанция между знанием и верой. Как отмечал упоминаемый уже ранее Ю. Хабермас (Jürgen Habermas), массовая коммуникация способна подменить рациональную аргументацию эмоциональной манипуляцией, формируя «псевдопубличность» — видимость общественного обсуждения без подлинного обмена смыслами [7]. Социальные сети, обладая эффектом эхо-камер, создают особую структуру восприятия, где каждый слышит лишь подтверждение своих убеждений. В этой замкнутой информационной среде формируется «автономное правосознание толпы», оторванное от юридических критериев истины и справедливости.

Проблему усугубляет то, что правовые нарративы сегодня все чаще конструируются средствами медиатехнологий, а не юридической доктриной. Виртуальная репутация, общественный «штамп вины» и



цифровое линчевание подменяют судебное решение, разрушая презумпцию невиновности — один из краеугольных принципов права. Как писал М. Фуко, власть дискурса способна формировать субъекта и определять его границы — в цифровом мире это приобретает новую форму: человек становится продуктом алгоритмически управляемого мнения [5].

Не случайно ряд современных исследователей — от Н. Лумана до М. Кастельса — рассматривают информационные сети как новую форму социальной власти, где контроль осуществляется не через принуждение, а через управление вниманием. Именно в этой трансформации скрыта глубинная опасность для правосознания: вместо внутреннего закона в человеке формируется внешне управляемое чувство правоты, зависящее от трендов, лайков и рейтингов.

Так возникает феномен «цифровой аномии» — состояния, при котором нормы права остаются формально действующими, но теряют внутреннее принятие обществом. Право становится декорацией, а его смысл растворяется в медиашуме.

И потому борьба с искажением правосознания не может быть сведена к опровержению фейков: она требует восстановления доверия к праву как носителю истины, возвращения к подлинному смыслу юридического языка, очищению общественного дискурса от манипулятивных смыслов.

Таким образом, перед современным правовым сознанием встает не просто задача различения истины и лжи, а необходимость сохранения способности мыслить юридически — в категориях ответственности, меры и справедливости. Когда правовая истина вытесняется эмоциональными конструктами, общество утрачивает иммунитет к деструктивным идеологиям, а право — к своей сущностной миссии быть формой свободы.

Отсюда вытекает ключевой вопрос современной правовой политики: может ли государство и само право стать активным субъектом защиты общества от манипуляций информацией, не переходя границы цензуры и подавления свободы? Этот вопрос не сводится к техническим мерам противодействия фейкам; он затрагивает философию права, его нравственную природу и предельные основания легитимности власти. Именно этой теме посвящен следующий раздел, где рассматривается роль государства и правовых институтов в обеспечении информационной безопасности личности и общества.

Право и государство как противоядие информационному насилию

В эпоху информационных войн право предстает не просто как набор норм, но как страж общественного и индивидуального порядка, как инструмент, способный защитить человека от иллюзорной, искусственно конструированной реальности. Оно существует не для того, чтобы ограничивать свободу, а чтобы сохранять способность общества различать истину и ложь, справедливость и произвол.

Государство, в свою очередь, выполняет функцию системного гаранта: оно формирует пространство, в котором юридические нормы сохраняют смысл, а правосознание — устойчивость. Как подчеркивал Л. Фуллер (Lon L. Fuller), закон не только предписывает, он воспитывает и структурирует моральные ожидания общества, создавая условия для доверительного взаимодействия граждан с правом [6]. Из указанного следует, что в условиях цифровых манипуляций эта роль становится критически важной: государство должно обеспечивать, чтобы право не растворялось в медиашуме и не подменялось алгоритмическими конструктами общественного мнения.

Современные правовые инструменты проявляют себя в нескольких измерениях. Судебная практика против клеветы, дезинформации и распространения фейков демонстрирует, что право способно корректировать и восстанавливать общественное понимание истины. Примеры можно найти как в российских судах, так и в практике Европейского суда по правам человека, где защита репутации и честного слова признается важнейшим элементом правовой защиты личности.

Философско-правовой анализ показывает, что успешная защита правосознания невозможна без баланса между свободой слова и ответственностью за ее последствия. Именно этот баланс делает право не орудием подавления, а механизмом формирования зрелого общественного сознания. Ханна Арндт (Hannah Arendt) отмечала, что уничтожение доверия к истине — это первый шаг к тоталитаризму; современная информационная среда повторяет этот урок: там, где право утрачивает символическую функцию истины, общество утрачивает критическое мышление и способность к самоорганизации [1].

Таким образом, право и государство выступают не столько как репрессивные структуры, сколько как хранители когнитивного и нравственного порядка.



Они должны защищать индивидуумов и общество не от мнений, а от подмены истины, формируя условия для того, чтобы правосознание сохраняло свою критическую и автономную функцию.

Цифровая эпоха предъявляет новые требования к инструментам правовой защиты: это уже не только законодательная регламентация, но и формирование правовой культуры, образовательные инициативы и гражданско-правовая активность, направленная на восстановление доверия к праву и его смыслу. И здесь право превращается в активного участника информационного пространства, где оно сохраняет функцию меры, нормы и справедливости.

Таким образом, защита правосознания и юридической истины требует интеграции нормативных, институциональных и культурных механизмов: только комплексное взаимодействие права, государства и общества способно противостоять цифровой манипуляции сознанием, сохраняя устойчивость правовой системы и доверие к ней.

Правосознание как щит личности и общества в информационную эпоху

Информационные войны показали, что современное общество сталкивается не с внешней угрозой, а с внутренней эрозией доверия к истине и закону. В этих условиях правосознание превращается в главный ориентир личности, способный защитить человека от искажений, манипуляций и виртуальных конструкций, навязывающих ложное понимание справедливости. Оно становится духовным и нравственным щитом, сохраняющим способность индивида критически воспринимать действительность, а право воспринимать как инструмент защиты, а не как произвольный регулятор.

Право и государство в этой борьбе выполняют миссию интегративного характера: они формируют пространство, в котором юридическая истина сохраняет свое значение, где нормы права не теряют смысла в цифровом потоке информации. Как подчеркивал Лон Фуллер (Lon L. Fuller), закон — это не только механизм принуждения, но воспитание чувства справедливости; сегодня это воспитание должно включать и сопротивление цифровым манипуляциям. Государство и право выступают здесь не как репрессивные структуры, а как активные хранители цивилизационного порядка, обеспечивающие устойчивость морального и когнитивного пространства общества [6].

Цифровая эпоха предъявляет новые требования: сохранение доверия к праву, формирование устойчивого правосознания и поддержание баланса между свободой слова и ответственностью за распространение информации. В противном случае информационные войны способны разрушить саму ткань общества, лишить его ориентации в истине и справедливости, превратив нормы права в формальность, а людей — в жертв алгоритмически управляемых иллюзий.

Именно поэтому правосознание, поддерживаемое государством и правовыми институтами, становится ключевым механизмом выживания цивилизации. Оно не только защищает индивида, но и создает фундамент для устойчивого общественного доверия, без которого невозможно ни правосудие, ни свобода, ни сама легитимность власти.

В заключение следует подчеркнуть, что информационные войны выявили новый фронт борьбы — битву за восприятие истины и за смысл закона. В этой битве право, государство и правосознание образуют единый щит, который позволяет обществу сохранять критическую способность различать истину и подделку, справедливость и манипуляцию, свободу и иллюзию свободы. Именно в этой интеграции заключается надежда на устойчивое, справедливое и нравственно зрелое общество, способное противостоять современным информационным вызовам и сохранить доверие к истине как фундаменту права и цивилизации.

Список источников

1. Арндт Х. Происхождение тоталитаризма / пер. с англ. Н. В. Гребнева. М. : АСТ, 2002.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. С. Ф. Глазер. М. : Прогресс, 1994.
3. Castells M. Rise of the Network Society. Oxford : Blackwell Publishers, 1996.
4. Floridi L. The Blackwell Guide to the Philosophy of Computing and Information. Oxford : Blackwell, 2003.
5. Фуко М. Слова и вещи / пер. с фр. А. И. Кибрика. М. : Республика, 1994.
6. Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. В. В. Лаптева. М. : Юридическая литература, 1965.
7. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы / пер. с нем. В. М. Левина. М. : Прогресс, 1990.



References

1. Arendt H. The Origin of totalitarianism / translated from English by N. V. Grebnev. M. : AST, 2002.
2. Baudrillard J. Simulacra and simulation / translated from French by S. F. Glazer. M. : Progress, 1994.
3. Castells M. Rise of the Network Society. Oxford : Blackwell Publishers, 1996.
4. Floridi L. The Blackwell Guide to the Philosophy of Computing and Information. Oxford : Blackwell, 2003.
5. Foucault M. Words and things / translated from French by A. I. Kibrika. M. : Republika, 1994.

6. Fuller L. L. Morality of law / translated from English by V. V. Laptev. M. : Legal literature, 1965.

7. Habermas Yu. Structural transformation of the public sphere / translated from German by V. M. Levin. M. : Progress, 1990.

Библиографический список

1. Луманн Н. Социальные системы / пер. с нем. В. С. Сорокина. М. : Логос, 1996.

Bibliographic list

1. Luhmann N. Social Systems / translated from German by V. S. Sorokin. M. : Logos, 1996.

Информация об авторе

М. В. Кузьмина — доцент кафедры предпринимательского и трудового права, доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Kuzmina — Associate Professor of the Department of Business and Labor Law, Associate Professor of the Faculty of Theoretical, Legal and Historical Sciences of the Orenburg Institute (branch) University named after O.E. Kutafin (MSLA), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова;
под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Magister

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Классический учебник
Четвертое издание





Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-84-88>

EDN: <https://elibrary.ru/pesbbj>

ИПОН: 2003-0059-5/25-380

MOSURED: 77/27-003-2025-05-579

Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий

Татьяна Сергеевна Лангнер

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mohowatiana@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены нормативные правовые акты Российской Федерации, характеризующие правовое положение Центрального банка Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, органы государственной власти, правовой статус органов государственной власти, Центральный банк Российской Федерации

Для цитирования: Лангнер Т. С. Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 84–88. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-84-88>. EDN: PESBBJ.

Original article

Legal analysis of the status of the Central Bank of the Russian Federation: study of the legal nature and powers

Tatiana S. Langner

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, mohowatiana@yandex.ru

Abstract. The regulatory legal acts of the Russian Federation characterizing the legal status of the Central Bank of the Russian Federation are considered.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state authorities, legal status of state authorities, Central Bank of the Russian Federation

For citation: Langner T. S. Legal analysis of the status of the Central Bank of the Russian Federation: study of the legal nature and powers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):84–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-84-88>. EDN: PESBBJ.

В Российской Федерации существует множество органов власти, требующих правовой характеристики и определения их правового статуса. Одним из таковых является Центральный банк Российской Федерации. Правовой статус Банка России является комплексным, многогранным и в определенной степени уникальным явлением в российской правовой системе, что вызывает необходимость его детального научного осмысления. В современном правовом сообществе существует два подхода: те, кто считают Центральный банк государственным органом власти, и противоположный взгляд — считающие Центральный банк иным органом власти.

На протяжении всей его исторической трансформации юридическая наука не выработала еди-

ной позиции относительно его места в механизме государства.

В работах Р. О. Халфиной указано, что «государственный банк — это государственный орган, сочетающий выполнение управленческих и хозяйственных функций» [1].

По мнению М. М. Агаркова, Государственный банк СССР «обладает двойственной природой: с одной стороны, он представляет собой учреждение, входящее в структуру органов власти СССР, при этом являет собой предприятие, находящееся на хозяйственном расчете и обладающее собственной юридической значимостью» [2].

А. Г. Братко не считает Банк России органом государственной власти и относит его к негосударст-

© Лангнер Т. С., 2025



венным образованиям. Свою позицию он обосновывает тем, что, согласно Конституции РФ, Центральный банк России не является ни законодательной, ни исполнительной, ни судебной властью, а его служащие не относятся к государственным служащим по определению Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» (в настоящее время ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации») [3, с. 129].

А. Я. Макарова, путем сопоставления Банка России с центральными банками зарубежных стран, рассматривает его как юридическое лицо особого, публично-правового типа [4]. О. Н. Булаков тоже делает вывод о том, что Банк России обладает признаками, присущими, как институтам частного, так и публичного права, а значит имеет смешанную правовую природу [5].

Ю. В. Лысова полагает, что самым точным определением статуса Центрального банка РФ является признание его федеральным органом исполнительной власти [6].

Правовая наука выделяет сущностные характеристики органов государственной власти:

- 1) выступают структурным элементом системы государственной власти;
- 2) действуют в законодательной, исполнительной или судебной сфере;
- 3) реализуют волю и полномочия российского государства;
- 4) обладают организационным единством, собственной компетенцией и методами деятельности;
- 5) обеспечивают реализацию норм права в пределах своих полномочий;
- 6) наделены правом издавать нормативные правовые акты [7].

Важно отметить, что эти признаки носят обобщающий характер и обязательны для каждого органа власти.

Центральный банк РФ является особым звеном банковской системы государства. Он оказывает огромное влияние на функционирование и жизнедеятельность не только государства, но и всего общества в целом [8].

Правовой статус Центрального банка Российской Федерации имеет прямое конституционное закрепление в ст. 75, 83 и 103 [9]. Конституция Российской Федерации устанавливает его исключительные полномочия в сфере денежной эмиссии, не-

зависимость в реализации основной функции по защите рубля, а также особую процедуру формирования руководства с разделением полномочий между Президентом (внесение кандидатур) и Государственной Думой (назначение и освобождение) [9, ст. 75]. Из вышесказанного видно, что прямого указания на полномочия Центрального банка как органа государственной власти нет, однако данный орган участвует в государственном управлении. Таким образом, участвует в механизме государственного управления. Безусловно, его участие не носит самостоятельный характер, однако функции, возложенные на Центральный Банк Российской Федерации, являются строго его компетенцией.

Правовой статус Центрального банка можно определить как его правовое положение, характеризующееся особым порядком надления Центрального банка определенными полномочиями, а также размером и содержанием данных полномочий [10].

Согласимся с М. И. Байтиным, что правовой статус Центрального банка представляет собой сложный правовой институт, поскольку «объединяет множество входящих в него простых институтов, имеющих самостоятельное значение» [11]. В определение правового регулирования статуса Банка России входят:

- 1) принципы деятельности и функционирования Центрального банка;
- 2) гарантии деятельности Центрального банка;
- 3) полномочия Банка России;
- 4) организационно-правовая форма Центрального банка;
- 5) юридическая ответственность Банка России.

Основа правового статуса Банка России — это его независимость. Будучи особым публично-правовым институтом, он, не являясь органом государственной власти, наделен исключительными полномочиями по эмиссии денег и организации денежного обращения. Эти полномочия носят государственно-властный характер, так как их реализация обеспечивается мерами государственного принуждения.

Принятый 10 июля 2002 г. Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» не содержит прямого отнесения Центрального банка России к органам государственной власти. Правовая природа Банка России раскрывается через статус юридического лица, осуществляющего свои функции, включая контроль за



финансовой системой, независимо от органов публичной власти любого уровня. Формулировка «независимо от других органов» может ввести в заблуждение насчет принадлежности Центрального банка России к государственным органам власти; стоит оценивать данное утверждение в связке с формулировками Конституции Российской Федерации, где нет прямого указания на данное утверждение.

Сопоставление с ранее указанными признаками позволяет утверждать: Банк России — элемент системы государственной власти, но не орган власти в ее традиционном понимании. Ключевым аргументом служит его финансово-правовая автономия. В отличие от органов, чье финансирование и кадровый состав регулируются Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации» [12] (ст. 10, 18), ЦБ существует на собственные средства, а его сотрудники не являются государственными служащими.

Ст. 75 Конституции Российской Федерации гласит, что «Защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти» [9, ст. 75]. Прямое указание Основного закона снимает вопрос об отнесении Центрального банка к одной из ветвей власти. Вместе с тем, его кооперация с институтами власти проявляется в установленных законом процедурах: назначении Председателя ЦБ при участии Президента и Государственной Думы, а также в подотчетности Банка России нижней палате парламента.

Таким образом, Центральный банк Российской Федерации действует в координации с органами государственной власти при определенном контроле с их стороны, но обладает уникальным правовым статусом, не равным их положению в системе власти.

Полномочия и задачи Центрального банка Российской Федерации имеют комплексное правовое оформление — в ст. 4 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», закон насчитывает 19 обязательств, которые должен исполнять Центральный банк Российской Федерации. Все его полномочия связаны с поддержанием финансового благополучия Российской Федерации, российского рубля. Если обратиться к отчетам [13] Центрального банка России предыдущих лет, то они представляются от имени

Председателя Центрального банка России — Эльвиры Набиуллиной.

Таким образом, полномочиями данную организацию наделила Конституция Российской Федерации, что соответствует п. 3 ранее упомянутых признаков органов государственной власти, однако Центральный банк Российской Федерации осуществляет свою деятельность от своего имени, а не от имени Российской Федерации. В связи с чем, вся ответственность за ненадлежащее исполнение указанных выше задач ложится на плечи исполнителя — юридическое лицо, Председателя Центрального банка России (главы юридического лица) и его подчиненных.

Поскольку Центральный банк России — это довольно большое юридическое лицо, безусловно, оно имеет свою структуру, иерархию, устав. Особенностью данной организации является ее устав — Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Не каждое юридическое лицо может похвастаться таким документом, на практике это скорее вынужденная необходимость, нежели претензионное заявление. Центральный банк России близко взаимодействует с финансовыми активами государства, в связи с чем, последнее вынуждено выделять и контролировать деятельность с большим интересом [14].

Применение правовых норм Российской Федерации — это обязанность не только юридических лиц Российской Федерации, но и физических. Центральный банк России, также как и все лица, обязан соблюдать правовые нормы Российской Федерации, за нарушение которых подвергается наказанию в соответствии с российским законодательством.

Издание правовых норм. Центральный банк Российской Федерации не имеет полномочий в законотворческом процессе Российской Федерации, о чем свидетельствуют функции данной организации, рассмотренные выше.

Подводя итоги, хочется отметить уникальность Центрального банка России, многообразие его деятельности: осуществляет банковский надзор (стабильность работы банковской системы Российской Федерации), выполняет контрольно-надзорные функции в отношении некредитных финансовых организаций, осуществляет эмиссию наличных денег и организует наличное денежное обращение, является активным участником российских и международных отношений. Способность реализовывать поставлен-



ные задачи перед данным юридическим лицом вызывает необходимость в особом контроле над его работой и федеральном регулировании.

Правовая природа Банка России характеризуется значительным дуализмом. С одной стороны, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», он не является органом государственной власти. С другой стороны, его полномочия по своей правовой природе носят властный характер, поскольку их реализация предполагает издание обязательных для исполнения нормативных актов, применение мер государственного принуждения (например, в рамках банковского надзора), и направлена на реализацию публичных интересов.

Таким образом, Банк России можно охарактеризовать как особый публично-правовой институт, наделенный властными полномочиями. Он выступает субъектом, осуществляющим отдельные функции государственной власти (в первую очередь, в денежно-кредитной сфере), но при этом организационно обособленным от традиционной триады властей. Такая конструкция призвана оградить денежно-кредитную политику от конъюнктурного политического влияния, обеспечив ее долгосрочную ориентацию на макроэкономическую стабильность.

К сожалению, в настоящее время отсутствует единый подход к определению правового статуса Центрального банка России, различные мнения и подходы ученых добавляют некую туманность и неопределенность. На мой взгляд, стоит доверять нормативным правовым актам и судебной практике, при анализе которой становится понятно, что Центральный банк Российской Федерации не является органом государственной власти, несмотря на то, что в его полномочия входят государственно-важные и значимые обязательства. Возможно, по прошествии лет и эволюции правовой науки, Центральный банк сможет стать органом государственной власти, при условии, что современная тенденция по расширению его полномочий сохранится и приумножится.

Список источников

1. Халфина Р. О. Правовое положение государственного банка СССР // Известия Академии Наук СССР. Отделение экономики и права, 1947.
2. Агарков М. М. Основы банковского права. М., 2005.

3. Братко А. Г. Центральный банк в банковской системе России. М., 2001.

4. Макарова Я. М. Проблемы правового положения Центрального банка Российской Федерации как юридического лица: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

5. Булаков О. Н. Проблемы права: Статус Центрального Банка РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 12–16.

6. Лысова Ю. В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2 (18). С. 108–118.

7. Рыбкина М. В. Конституционно-правовой статус органов государственной власти // Социология и право. 2013. № 2 (19). С. 85–94.

8. Пичинина А. А. Банк России как мегарегулятор финансовых рынков // Экономика и управление в XXI в.: Тенденции развития. 2016. № 32. С. 17–21.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

10. Штанько А. А. Проблема определения правового статуса Центрального Банка Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 1-2. Т. 8. С. 167–171.

11. Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права: продолжение дискуссии // Государство и право. 2003. № 1.

12. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (последняя редакция) «О системе государственной службы Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/

13. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf

14. URL: https://cbr.ru/about_br/bankstatus/

References

1. Khalfina R. O. The legal status of the USSR State Bank // Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Economics and Law, 1947.
2. Agarkov M. M. Fundamentals of Banking Law. M., 2005.
3. Bratko A. G. Central Bank in the banking system of Russia. M., 2001.
4. Makarova Ya. M. Problems of the legal status of the Central Bank of the Russian Federation as a legal



entity: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. M., 2001.

5. Bulakov O. N. Problems of law: The status of the Central Bank of the Russian Federation // Gaps in Russian legislation. 2014. No. 3. P. 12–16.

6. Lysova Yu. V. On the legal statuses of the Bank of Russia and their practical significance // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2016. No. 2 (18). P. 108–118.

7. Rybkina M. V. Constitutional and legal status of state authorities // Sociology and law. 2013. No. 2 (19). P. 85–94.

8. Pichinina A. A. The Bank of Russia as a mega-regulator of financial markets // Economics and Management in the 21st century: Development Trends. 2016. No. 32. P. 17–21.

9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399

10. Shtanko A. A. The problem of determining the legal status of the Central Bank of the Russian Federation // Historical and socio-educational thought. 2016. No. 1-2. Vol. 8. P. 167–171.

11. Baitin M. I., Petrov D. E. The system of law: to continue the discussion // State and law. 2003. No. 1.

12. Federal Law No. 58-FZ of May 27, 2003 (latest edition) «On the Civil Service System of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/

13. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf

14. URL: https://cbr.ru/about_br/bankstatus/

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2025 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/0e58cdf536be1047c28b188ee5e495817a6ab71/

Bibliographic list

1. Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 (as amended on July 31, 2025) «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» (as amended and supplemented, intro. effective from October 1, 2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/0e58cdf536be1047c28b188ee5e495817a6ab71/

Информация об авторе

Т. С. Лангнер — доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. S. Langner — Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 347.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-89-94>

EDN: <https://elibrary.ru/ppbugv>

ИИОН: 2003-0059-5/25-381

MOSURED: 77/27-003-2025-05-580

Правовое регулирование рекламной деятельности в сети Интернет

Анатолий Николаевич Левушкин^{1,2,3}

¹ Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия, lewuskin@mail.ru

² Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

³ Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрено расширение коммуникационных связей в современном мире, которое существенно влияет на динамику рекламной деятельности. Увеличение объема информации и каналов связи создает благоприятные условия для активного продвижения товаров и услуг. Каждое предприятие, стремясь завоевать внимание потребителей, проводит активные рекламные кампании, которые не только информируют потенциальных клиентов о существующих товарах и услугах, но и формируют их предпочтения. Реклама перестает быть просто инструментом торговли и становится важнейшим элементом социальной жизни, влияя на общественные настроения, культурные тенденции и даже на личные ценности. Это ведет к тому, что все аспекты, связанные с процессами производства и распространения рекламы, требуют четкого законодательного регулирования.

Определены отдельные правовые аспекты регулирования рекламной деятельности в сети Интернет. Сформулированы выводы и предложения.

Ключевые слова: реклама, интернет-реклама, интернет-пространство, предпринимательская деятельность, нормативное правовое регулирование, договорное регулирование, цифровое пространство

Для цитирования: Левушкин А. Н. Правовое регулирование рекламной деятельности в сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 89–94. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-89-94>. EDN: PPBUGV.

Original article

Legal regulation of advertising activities on the Internet

Anatoly N. Levushkin^{1,2,3}

¹ Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia, lewuskin@mail.ru

² Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

³ Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

Abstract. The expansion of communication links in the modern world, which significantly affects the dynamics of advertising activities, is considered. The increase in the volume of information and communication channels creates favorable conditions for the active promotion of goods and services. Each enterprise, in an effort to win the attention of consumers, conducts active advertising campaigns that not only inform potential customers about existing products and services, but also shape their preferences. Advertising ceases to be just a tool of trade and becomes an essential element of social life, influencing public moods, cultural trends and even personal values. This leads to the fact that all aspects related to the processes of production and distribution of advertising require clear legislative regulation.

Certain legal aspects of the regulation of advertising activities on the Internet have been identified. Conclusions and suggestions are formulated.

Keywords: advertising, online advertising, Internet space, entrepreneurial activity, regulatory legal regulation, contractual regulation, digital space

For citation: Levushkin A. N. Legal regulation of advertising activities on the Internet. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):89–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-89-94>. EDN: PPBUGV.

В настоящее время рекламное законодательство достаточно подробно регламентирует основы рекламных правоотношений. Оно обеспечивает защиту прав потребителей, устанавливает ограничения для рекламодателей и регулирует отношения между всеми заинтересованными сторонами. Кроме того, законодательство формирует систему ответственности за рекламные правонарушения, что также является

важным аспектом для поддержания прозрачности и честности на рынке. Тем не менее, следует отметить, что отношения в сфере рекламы постоянно подвержены динамичным изменениям. Эти трансформации, в первую очередь, обусловлены быстрым развитием информационно-телекоммуникационных технологий и средств связи. Появление новых форматов коммуникации, таких как социальные сети, мобильные при-

© Левушкин А. Н., 2025



ложения и цифровая реклама, требует от законодательства гибкости и адаптивности. К тому же, изменения в потребительском поведении, вызванные доступностью информации и изменением культуры потребления, создают дополнительные вызовы для правового регулирования рекламы.

Сегодня информационный рынок динамично развивается. «В настоящее время все более расширяются возможности сферы предпринимательской деятельности» [9, с. 6]. Глобальная сеть Интернет, как основная информационная среда, привлекает огромное количество пользователей. Миллионы людей поддерживают связь через сеть Интернет, ведут социальные сети, просматривают видео-, фото- и аудиоконтент и т. д. Утверждение о том, что сеть Интернет порождает спрос на сетевую рекламу [1, с. 11], выглядит обоснованным, поскольку она открывает новые возможности для развития диалога между потребителями, производителями и продавцами. Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О рекламе» [12], реклама — это информация, распространяемая любыми способами, формами и средствами, нацеленная на неопределенный круг лиц и предназначенная для привлечения внимания к рекламируемому объекту, а также для формирования или поддержания интереса к нему и его продвижению на рынке. Реклама — это явление, имеющее глобальный характер. Многие страны разрабатывают свои законодательные акты, регламентирующие рекламную деятельность, в которых определяют понятие «реклама». В частности, некоторые определения содержатся в международных конвенциях и кодексах. Так, в соответствии с определением, приведенным в Европейской конвенции о трансграничном телевидении, реклама представляет собой форму публичного объявления, целями которого является содействие продаже, покупке или аренде продукта, а также продвижение различных инициатив и концепций, значимых для рекламодателя. При этом рекламодателю предоставляется возможность использования времени в эфире в обмен на денежную компенсацию или эквивалентную форму вознаграждения [13, с. 50]. Согласно Международному кодексу рекламной практики, понятие рекламы обладает широкой интерпретацией и охватывает любые способы продвижения товаров и услуг [14, с. 54].

Системное регулирование рекламной деятельности в России было создано после распада СССР под влиянием зарубежного опыта при переходе к рыноч-

ной экономике. При этом, в условиях быстрого изменения рыночной среды и постоянного технологического прогресса необходимо адаптировать правовые нормы к новым условиям, чтобы они оставались актуальными и эффективными. Текущие тенденции, такие как развитие цифровых платформ, социальных сетей и новые форматы взаимодействия с потребителями, требуют совершенствования рекламного законодательства, что позволит оперативно реагировать на современные вызовы.

В настоящее время, при общей тенденции к снижению объемов печатной продукции и утрате интереса и доверия у массового зрителя к телевизионным устройствам, одной из наиболее динамично развивающихся форм продвижения является интернет-реклама, поскольку она имеет ряд важных преимуществ. Во-первых, потребителем рекламы выступают потенциальные потребители, целевые аудитории, которые могут проявить интерес к продвигаемому продукту, интернет-реклама благодаря разнообразным каналам распространения информации способна достичь различных групп пользователей по всему миру. Во-вторых, важным ее аспектом является возможность получения обратной связи от потенциальных клиентов; это позволяет рекламодателям не только адаптировать политику своей кампании в зависимости от реакции потребителей, но и более глубоко понимать их потребности и предпочтения. В-третьих, интернет-реклама характеризуется относительно низкими затратами по сравнению с традиционными каналами, такими как телевидение или печатные издания, при этом она обеспечивает высокую экономическую эффективность [2, с. 151]. Такой подход делает интернет-рекламу особенно привлекательной для малых и средних предприятий. Также важным аспектом интернет-рекламы является ее круглосуточная доступность. В отличие от других видов рекламы, которые имеют жесткие временные рамки, интернет-реклама доступна для потребителя в любое время. Наконец, содержание интернет-рекламы может быть представлено в различных формах: фотографии, аудио- и видеоматериалы. Это разнообразие открывает большие возможности для креативных решений и позволяет брендам выделяться среди конкурентов. Несмотря на живой интерес у ученых и широкое практическое применение, интернет-реклама в Федеральном законе «О рекламе» не выделена как самостоятельный вид.



Как справедливо отмечала О. А. Филатова, реклама в сети Интернет обладает особыми характеристиками, обусловленными уникальными технологическими возможностями данной среды. Она указывает на то, что отсутствие ограничений по времени, территориальному положению и возрасту пользователей создает ситуацию, в которой реклама в сети становится совершенно особым видом коммуникации. Это делает ее отличной от традиционных форм рекламы, которые подробно регламентируются в Федеральном законе [11, с. 10]. Торгово-промышленная палата РФ также обратила внимание на необходимость разработки ряда законодательных мер, направленных на создание более эффективного регулирования взаимодействия участников виртуального рекламного рынка. Это подчеркивает важность формирования правового поля, которое способно учитывать особенности интернет-рекламы и обеспечивать защиту интересов всех участников рынка в условиях динамично изменяющейся цифровой среды [10, с. 76]. На данный момент в Федеральном законе «О рекламе» интернет-реклама не рассматривается как отдельный, самостоятельный инструмент рекламной деятельности и, следовательно, не выделяются ее характеристики, касающиеся процессов создания и распространения, т. е. законодательство не учитывает уникальные особенности онлайн-платформ и не обращает внимания на специфику взаимодействия интернет-пользователей. В частности, исходя из положений ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О рекламе», нельзя применять норму о предварительном согласии адресата рекламы, к ситуациям, когда «обращения пользователей сети Интернет к сайтам по адресам их доменов, на которых владельцами (администраторами) сайтов размещена реклама» [3, с. 45]. Однако Федеральная антимонопольная служба РФ акцентирует внимание на необходимости предварительного согласия от потребителей на получение интернет-рекламы [15].

Вопрос о том, обладает ли информация, размещаемая в сети Интернет, уникальными свойствами, которые требуют особого регулирования рекламы в этой среде, является весьма актуальным. При детальном анализе становится очевидным, что интернет-реклама имеет специфические характеристики, которые отличают ее от традиционных форм рекламы. Например, сеть Интернет предоставляет широкие возможности для предоставления и распространения

информации, что делает ее более доступной, чем при распространении традиционными методами, и может привести к рискам, связанным с недобросовестной рекламой или дезинформацией, что требует тщательного подхода к регулированию этих аспектов. Кроме того, в сети интернет-рекламу можно мгновенно удалить из общего доступа, что также создает определенные сложности как для потребителей, так и для законодателя. Представляется, что рекламное содержание, независимо от формата, должно соблюдать базовые принципы добросовестности и достоверности. Оно не должно нарушать права и законные интересы как потребителей, так и конкурентов. Следовательно, важно, чтобы законодательные органы и суды принимали во внимание вышеупомянутые особенности, разрабатывая и применяя меры, направленные на защиту пользователей и обеспечение честной конкуренции в области интернет-рекламы. В интернет-пространстве активно используется такой инструмент, как контекстная реклама. Суть контекстной рекламы заключается в том, что ее отображение основывается на анализе ключевых слов, которые рекламодатели указывают при размещении своих объявлений в поисковых системах. Важно отметить, что использование ключевых слов, даже если они совпадают с наименованиями компаний или элементами их товарных знаков, не расценивается как нарушение интеллектуальной собственности. Это связано с тем, что ключевые слова, применяемые одним рекламодателем, не могут быть восприняты как обозначения, которые создают угрозу путаницы с товарными знаками или фирменными наименованиями других субъектов.

В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основано на договорных отношениях, в том числе имеющих предпринимательский и корпоративный характер [6; 7, с. 170]. Рекламная деятельность является предпринимательской, из чего следует, что договоры, регулирующие рекламные отношения в интернет-пространстве, относятся к типу предпринимательских непоименованных договорных обязательств [4]. Как обоснованно определено в науке, «цель заключаемых рекламных договоров прослеживается в продуктивности распространения разного рода информации рекламного характера, при этом применяя любые средства, вовлекая в этот круг неограниченное количество рекламных потребителей» [8].

С 1 сентября 2022 г. в России вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федераль-



ный закон «О рекламе» [16], согласно которому всю интернет-рекламу, размещенную в российском секторе сети Интернет, необходимо маркировать. Начал функционировать Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР) [17], целями деятельности которого являются упорядочивание и контроль за процессами в области интернет-рекламы. Данный реестр является центральным хранилищем информации, охватывающей множество аспектов рекламной деятельности, включая количество показов рекламных объявлений, использованные площадки для размещения рекламы, фактические финансовые затраты, а также данные об агентах и контрагентах, задействованных в процессах рекламы. В соответствии с новыми требованиями, все участники рекламного рынка, включая рекламодателей и агентства, обязаны предоставлять информацию о заключенных договорах и планируемых рекламных размещениях для учета до начала их запуска. Более того, участники должны ежемесячно обновлять эту информацию, дополнительно предоставляя акты выполненных работ. Сбор и систематизация этой информации для ее последующей передачи в ЕРИР осуществляются операторами рекламных данных.

Многие аспекты рекламной деятельности остаются недостаточно четко регламентированными, что создает правовые пробелы. «Убеждены в необходимости разработки правовых норм, регулирующих случаи экономического давления и неравенства сторон в договорных отношениях» [5]. Одним из значимых недостатков существующей системы регулирования является недостаточное внимание к мировому опыту в сфере правового регулирования рекламных отношений в сети Интернет. Также порой игнорируются экономические и культурные особенности нашей страны, а также специфика отдельных регионов, что существенно ограничивает эффективность действующих норм. Кроме того, следует отметить, что понятийный аппарат, применяемый в законодательстве, нуждается в переработке. Неполнота и недостаточная ясность определений могут затруднять как интерпретацию норм права, так и их применение на практике. Таким образом, существует объективная необходимость в реформах, направленных на устранение указанных недостатков. Эти реформы должны предусматривать как обновление понятийного аппарата, так и интеграцию исторического и международного опыта, что позволит создать более надежную и гибкую правовую базу для регулирова-

ния рекламной деятельности в России. Анализ судебно-арбитражной практики показывает, что нарушения рекламного законодательства со стороны хозяйствующих субъектов приобрели массовый характер с развитием сети Интернет. Это проявляется в увеличении случаев недобросовестного продвижения товаров и услуг, что, в свою очередь, создает значительные риски для потребителей, особенно в контексте дистанционной торговли. В условиях онлайн-маркетинга, когда товары и услуги предлагаются посредством различных цифровых платформ, весьма затруднительно обеспечить соблюдение норм законодательства, что также подчеркивает актуальность проблемы. В частности, действующее законодательство Российской Федерации, к сожалению, не обеспечивает достаточных правовых мер для защиты потребителей от такого явления, как «спам».

С ростом популярности спорта подобная реклама приобрела значительные масштабы. Одной из главных проблем является возможность привлечения к ставкам уязвимых категорий граждан, таких как несовершеннолетние, лица с низким уровнем дохода или лица, склонные к зависимости от азартных игр. Некоторые рекламные практики также могут применять элементы манипуляции, создавая ложные ожидания о легком выигрыше. Следует отметить, что в ст. 27 Федерального закона «О рекламе» установлены ограничения распространения и содержания рекламы, основанной на риске игр и пари, в том числе и в сети Интернет. Так, разрешается распространение данного вида рекламы в информационно телекоммуникационных сетях общего пользования, при условии, если она размещена: на сайтах, зарегистрированных в качестве сетевых изданий, специализирующихся на материалах и сообщениях физкультурно-спортивного характера; на официальных сайтах общероссийских спортивных федераций либо профессиональных спортивных лиг; на сайтах, владельцем которых является учредитель телеканала спортивной направленности, не являющегося телеканалом, доступ к которому осуществляется исключительно на платной основе и (или) с применением декодирующих технических устройств; на сайтах, зарегистрированных в качестве сетевых изданий, специализирующихся на материалах и сообщениях о конном спорте, о разведении и об испытаниях лошадей и т. д. Из содержания указанной статьи следует, что интернет-реклама букмекерских контор разрешена только на интернет-ресурсах, имеющих отноше-



ние к спортивной тематике, однако данное ограничение повсеместно нарушается. Например, на интернет-сайте «<https://yarcube.ru/>», не имеющем отношения к спорту, была размещена реклама следующего содержания: «Сервис вулкан для тех, кто готов зарабатывать... являются безопасным способом для развлечения и заработка... Процент выплат у Вулкана очень приличный, поэтому вы сможете рассчитывать на победу». В данном случае суд решил, что эта реклама, помимо ее ненадлежащего размещения, также содержит сведения, направленные на формирование у потребителя впечатления о том, что участие в рекламируемом продукте является способом заработка [18].

Предлагается включить в российское законодательство норму, запрещающую рекламу, которая побуждает к преступной деятельности, а именно, внести изменения в ч. 13 ст. 5 Федерального закона «О рекламе», изложив ее в следующей редакции: «Запрещается размещение и распространение рекламы, которая может побудить к совершению противоправных действий». Считаю необходимым увеличить размер административных штрафов за правонарушения в области рекламы, основанной на риске игр и пари, и изложить ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ в следующей редакции: «...влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пятисот тысяч рублей; на должностных лиц — от четырех тысяч до семисот тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до двадцати миллионов рублей».

Видится необходимым дополнить Федеральный закон «О рекламе» ст. 27.1 «Реклама обязательств, основанных на риске игр и пари в сети «Интернет», которая должна содержать точные требования к форме, времени показа подобной рекламы, например:

- ◆ установление максимальных размеров для баннеров и заставок в обычном масштабе интернет-страницы, что позволит снизить их визуальное воздействие;
- ◆ запрет на использование звуковых и анимационных эффектов;
- ◆ запрет на показ рекламы для пользователей, которые зарегистрированы как несовершеннолетние.

Список источников

1. Бердышев С. Н. Секреты эффективной интернет-рекламы: практ. пособие. М. : Дашков и Ко, 2020.
2. Годин А. А. Интернет-реклама: учеб. пособие. М. : Дашков и Ко, 2012.

3. Кирюшина И. В. Правовое регулирование рекламной деятельности. Барнаул, 2012.

4. Короткова Е. А. Тенденции развития и перспективы нормативного правового и договорного регулирования рекламы в сети Интернет // Евразийская адвокатура. 2024. № 6. С. 159–164.

5. Левушкин А. Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. 2025. № 2. С. 2–5.

6. Левушкин А. Н. Преимущественное право покупки долей семейных корпораций в рамках реализации модели семейного предпринимательства // Вестник арбитражной практики. 2025. № 1. С. 3–9.

7. Левушкин А. Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168–174.

8. Левушкин А. Н., Татар О. Содержание и специфика договорных обязательств в сфере рекламных услуг в Российской Федерации и Республике Молдова // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). С. 49–57.

9. Левушкин А. Н., Згонников А. П. Коллекторская деятельность как вид экономической деятельности в Российской Федерации: теория и практика применения // Право и экономика. 2019. № 4. С. 5–12.

10. Минбалеев А. В. Правовое регулирование рекламной деятельности: учеб. пособие. М., 2010.

11. Филатова О. А. Гражданско-правовые особенности рекламы в Интернете: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

12. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

13. Европейская конвенция о трансграничном телевидении (ETS № 132) (заключена в г. Страсбурге 5 мая 1989 г.) // Совет Европы и Россия. 2003. № 1.

14. Международный кодекс рекламной практики (принят на 47-ой сессии Исполнительного совета Международной торговой палаты) (ред. от 2 декабря 1986 г.) // Закон. 1996. № 12.

15. Письмо ФАС РФ от 19 мая 2006 г. № АК/7654 «Об особенностях отдельных способов распространения рекламы» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Закон от 2 апреля 2021 г. № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».



17. Единый реестр интернет-рекламы // URL: <https://rkn.gov.ru/activity/register-ord/unified-register-of-online-advertising/>

18. Постановление Ярославского УФАС России от 15 марта 2019 г. по делу № 04-04/01А-19 // URL: <https://br.fas.gov.ru/to/yaroslavskoe-ufas-rossii/6b7f259e-3add-48ae-9315-ee41b2e2b21e/>

References

1. Berdyshev S. N. *Secrets of effective online advertising: practical guide*. М. : Dashkov and Co, 2020.

2. Godin A. A. *Online advertising: textbook*. М. : Dashkov and Co, 2012.

3. Kiryushina I. V. *Legal regulation of advertising activities*. Barnaul, 2012.

4. Korotkova E. A. *Development trends and prospects of regulatory legal and contractual regulation of advertising on the Internet // The Eurasian Legal Profession*. 2024. No. 6. P. 159–164.

5. Levushkin A. N. *Insignificant and contested transactions: nature, problems of law enforcement and improvement of legal regulation // Civil law*. 2025. No. 2. P. 2–5.

6. Levushkin A. N. *The pre-emptive right to purchase shares of family corporations within the framework of the implementation of the family entrepreneurship model // Bulletin of Arbitration Practice*. 2025. No. 1. P. 3–9.

7. Levushkin A. N. *Conflict of interests between subjects of corporate legal relations during transactions with shares // Actual problems of Russian law*. 2022. No. 12. P. 168–174.

8. Levushkin A. N., Tatar O. *The content and specifics of contractual obligations in the field of advertising services in the Russian Federation and the Republic of Moldova // The Eurasian Legal Profession*. 2020. No. 5 (48). P. 49–57.

9. Levushkin A. N., Zgonnikov A. P. *Collection activity as a type of economic activity in the Russian Federation: theory and practice of application // Law and economics*. 2019. No. 4. P. 5–12.

10. Minbaleev A. V. *Legal regulation of advertising activities: textbook*. М., 2010.

11. Filatova O. A. *Civil law features of advertising on the Internet: diss. ... candidate of legal sciences*. М., 2003.

12. Federal Law No. 38-FZ of March 13, 2006 (as amended on July 31, 2025) «On Advertising» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 12. Art. 1232.

13. European Convention on Cross-Border Television (ETS No. 132) (concluded in Strasbourg on May 5, 1989) // *Council of Europe and Russia*. 2003. No. 1.

14. *International Code of Advertising Practice* (adopted at the 47th session of the Executive Council of the International Chamber of Commerce) (as amended on December 2, 1986) // *Law*. 1996. No. 12.

15. Letter from the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation dated May 19, 2006 No. AK/7654 «On the specifics of certain ways of distributing advertising» // *LRS «ConsultantPlus»*.

16. Law No. 347-FZ of April 2, 2021 «On Amendments to the Federal Law «On Advertising» // *LRS «ConsultantPlus»*.

17. Unified Register of online advertising // URL: <https://rkn.gov.ru/activity/register-ord/unified-register-of-online-advertising/>

18. Resolution of the Yaroslavl Department of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated March 15, 2019 in case No. 04-04/01А-19 // URL: <https://br.fas.gov.ru/to/yaroslavskoe-ufas-rossii/6b7f259e-3add-48ae-9315-ee41b2e2b21e/>

Информация об авторе

А. Н. Левушкин — профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета, профессор департамента права Московского городского педагогического университета, профессор кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. N. Levushkin — Professor of the Department of Civil and Business Law of the Ulyanovsk State University, Professor of the Department of Law of the Moscow City Pedagogical University, Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 03.09.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья
УДК 347.736
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-95-100>
EDN: <https://elibrary.ru/qwmwez>

НИОН: 2003-0059-5/25-382
MOSURED: 77/27-003-2025-05-581

Цифровизация документооборота в сфере грузовых перевозок на основе информационных технологий

Юлия Андреевна Лончакова

Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Муром, Россия, info@rt-p.ru

Аннотация. Представлен анализ и интерпретация ключевых терминов, связанных с информационными технологиями, цифровым документооборотом и транспортными перевозками. Детализированы основные понятия, которые лежат в основе цифровой трансформации в сфере грузоперевозок. Выдвинуто собственное толкование термина «Договор по перевозке груза». Особое внимание уделено различиям в правовой природе договорных отношений между грузоотправителями и перевозчиками, а также установлены существенные условия таких отношений. Описаны процедуры и первичная документация, необходимая для доказательства законности грузоперевозок. Проведено сравнение между традиционным бумажным и современным цифровым документооборотом. Определены новые термины, которые стали частью цифрового документооборота. Описаны виды документации, обеспечивающей юридическую основу для осуществления перевозок. Обоснована взаимосвязь между развитием информационных технологий и процессом цифровой трансформации в сфере грузоперевозок, включая определение ключевых документов, отмечающих начало и завершение перевозочных услуг. Рассмотрены правовые нормы, регулирующие грузоперевозки, и установленные формы цифрового документооборота, а также детализируется схема движения цифровых документов, что позволяет проследить всю цепочку от начала до завершения перевозочного процесса.

Ключевые слова: цифровой документооборот, перевозочный документооборот, грузовые перевозки, электронная транспортная накладная, договор по грузоперевозкам, договор фрахтования, коносамент

Для цитирования: Лончакова Ю. А. Цифровизация документооборота в сфере грузовых перевозок на основе информационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 95–100. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-95-100>. EDN: QWMWEZ.

Original article

Digitalization of document management in the field of freight transportation based on information technology

Yulia A. Lonchakova

Murom Institute (branch) of the Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Murom, Russia, info@rt-p.ru

Abstract. The analysis and interpretation of key terms related to information technology, digital document management and transportation is presented. The basic concepts that underlie the digital transformation in the field of freight transportation are detailed. Their own interpretation of the term «Cargo transportation contract» has been put forward. Special attention is paid to the differences in the legal nature of contractual relations between shippers and carriers, as well as the essential conditions of such relations. The procedures and primary documentation necessary to prove the legality of cargo transportation are described. A comparison is made between traditional paper and modern digital document management. New terms have been defined that have become part of digital document management. The types of documentation providing the legal basis for transportation are described. The relationship between the development of information technology and the process of digital transformation in the field of freight transportation is substantiated, including the identification of key documents marking the beginning and completion of transportation services. The legal norms governing cargo transportation and the established forms of digital document management are considered, as well as the flow pattern of digital documents is detailed, which allows the reader to trace the entire chain from the beginning to the end of the transportation process.

Keywords: digital document management, transportation document management, freight transportation, electronic bill of lading, cargo transportation contract, chartering contract, bill of lading

For citation: Lonchakova Yu. A. Digitalization of document management in the field of freight transportation based on information technology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):95–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-95-100>. EDN: QWMWEZ.

Стремительная интеграция информационных технологий во все сферы человеческой деятельности не обошла стороной такой сектор российской экономики, как грузовые перевозки (грузоперевозки). Развитие сферы грузоперевозок невозможно без развития

систем производства и потребления, и наоборот, невозможно развитие ведущих отраслей экономики без должного уровня развития сектора грузовых перевозок. Данная взаимосвязь определяет особую значимость цифровизации документооборота в сфере гру-

© Лончакова Ю. А., 2025



зовых перевозок с помощью применения информационных технологий, что обуславливает актуальность исследуемой проблематики.

В рамках договорных отношений по перевозке груза объектом признается груз (ст. 785 ГК РФ) вместе с его основными транспортными характеристиками. Предметом договора является описание груза и обязанности сторон, связанные с его перемещением. Субъектами договора перевозки груза выступают стороны, его заключившие: транспортная компания, заказчик, а также получатель груза, не являющийся стороной договора, но признаваемый при этом заинтересованной стороной.

Несмотря на то, что субъектами договора признаются его три участника (перевозчик, грузоотправитель и грузополучатель), данный вид договорных отношений признается двухсторонним, так как подписывают договорные отношения о доставке груза только грузоотправитель и перевозчик, а грузополучатель выступает в качестве третьего лица, в чью пользу заключается данный договор (ст. 430 ГК РФ). Оплата по договору перевозки груза в пользу перевозчика может быть произведена как грузоотправителем, так и грузополучателем (ст. 430 ГК РФ), что в обязательном порядке указывается в договоре.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках гражданских правоотношений понятие «Договор перевозки груза» следует рассматривать как соглашение между перевозчиком груза и грузоотправителем (ст. 420 ГК РФ) о доставке груза. Главное условие данного вида договорных отношений вытекает из требований ст. 785 ГК РФ, согласно которой Договор считается заключенным лишь после получения отправителем документа о получении груза перевозчиком.

Обзор юридической литературы показал, что в научных кругах ведутся споры относительно реальности и консенсуальности договора перевозки груза. Одни авторы придерживаются мнения о том, что договор о перевозке груза является консенсуальным и вступает в силу после его подписания, другие оппонировать, что такой договор носит исключительно реальный характер, так как он вступает в силу после передачи груза перевозчику [4; 5]. На наш взгляд, споры вокруг природы данного вида договоренностей беспочвенны, так как обязательное наличие транспортной накладной или других подтверждающих документов о передаче груза транспортной компании за-

креплено на законодательном уровне и носит императивный характер.

Вместе с тем, анализ существенных условий договоренности по грузоперевозкам показал, что в рамках закона структура данного перечня не оговаривается. Значимые договорные условия по грузовым перевозкам вытекают из формы транспортной накладной, а также требований ГК РФ, правил перевозки, транспортных кодексов и уставов. Так, например, согласно ст. 785 ГК РФ, значимыми условиями договора перевозки являются: дата выдачи грузоотправителю транспортной накладной (коносамента или иного документа), пункт назначения, передача грузополучателю и факт оплаты.

Ф. В. Вартанов и Е. Г. Веремеенко обращают внимание на то, что в рамках деятельности компаний, занимающихся грузовыми перевозками, большое значение имеет не только быстрое и качественное перемещение груза, но и своевременное перемещение информационных потоков [2].

По мнению ряда специалистов, в частности И. В. Пустохиной и Д. В. Пустохина, наиболее продуктивными средствами управления информационными потоками в практической деятельности транспортных компаний являются цифровые технологии, призванные совершенствовать бизнес-процессы и методы планирования грузовых перевозок [7].

Так, цифровые технологии в грузоперевозочной деятельности позволили осуществить перевод ее бумажного документооборота на цифровые рельсы и вывести российский рынок грузоперевозок на принципиально новый уровень своего развития. Способствовало этому вступление в силу распоряжения Министерства транспорта РФ от 31 мая 2021 г. № ВС-105-р, согласно которому была запущена Программа по цифровизации сферы дорожного хозяйства [10]. К числу приоритетных задач данной Программы относятся: а) обеспечение цифровизации документального грузооборота (введение электронного документооборота); б) организация взаимодействия всех участников цепочки грузоперевозок, бизнеса и органов власти; в) оптимизация всех процессов документооборота компании: от внутреннего оборота документов до их обмена государственными системами.

Цифровизация документооборота в научной литературе рассматривается как «способ организации работы с документами, который включает создание, обработку и хранение информации в условиях децентра-



лизованной системы на основе блокчейн-технологий с применением совокупности автоматизированных процессов, в том числе автоматизацию исполнения прав и обязательств заключенных смарт-контрактов» [1].

К преимуществам цифрового документооборота специалисты относят: а) получение информации о доставке и перемещении товаров в режиме онлайн из любой точки мира; б) возможность оперативного получения, обмена информацией и ее своевременного редактирования; в) обеспечение сохранности и безопасности документов; г) увеличение скорости создания, обработки и передачи документации [5].

Анализ цифровой документации в сфере грузоперевозок также свидетельствует о том, что цифровизация документооборота способствовала введению большого количества новых терминов, характеризующих соответствующие документальные процессы в грузовых перевозках. Так, например, основная роль по распределению и отслеживанию документальной информации отводится оператору ГИС ЭПД — Министерство транспорта РФ. Соглашение об ЭДО перевозочных документов, титул в ЭПД (часть транспортной накладной, присваивается каждому участнику по перевозке груза), участники информационного воздействия (грузоотправитель, грузополучатель, транспортная компания, фрахтователь, фрахтовщик), ЭПД (электронные перевозочные документы), ЭТрН (электронно-транспортная накладная).

Ряд авторов, в частности Н. Ш. Пономаренко и Е. В. Рютина, отмечают, что на сегодняшний день цифровой документооборот имеет значительное преимущество перед электронным документооборотом. По их мнению, цифровой документооборот в своей среде предоставляет документам весомую юридическую значимость [6]. Следует обратить внимание: термин «юридически значимый электронный документооборот» (ЮЗЭД) прочно занял место обязательного элемента любой информационной системы. ЮЗЭД характеризуется однократностью ввода документа с применением электронной подписи, единством инфраструктурных, технологических и методологических решений между двумя и более контрагентами. Следовательно, цифровизация документов в грузоперевозках наделяет их более качественным статусом, гарантирующим частоту и законность сделки, а также ее соответствие нормам действующего законодательства.

Заместитель Председателя Правительства РФ Д. Чернышенко указывает на то, что электронный до-

кументооборот является мощнейшим ускорителем перевозок. Он отметил, что к началу 2021 г. около 80 % транспортных компаний уже успели оцифровать большую часть своей деятельности, а 50 % реализовали собственные цифровые технологии. Именно поэтому было принято решение о том, что с 1 января 2022 г. все грузоперевозчики страны должны начать пользоваться транспортными накладными, путевыми листами, специальными разрешениями на перевозку грузов и многими другими документами в оцифрованном формате [11].

По результатам принятия такого решения с 1 сентября 2022 г. была запущена государственная информационная система электронных перевозочных документов (ГИС ЭПД), через которую происходит грузоперевозочный документооборот [11]. Каждое подписание документа электронной подписью участниками перевозки фиксируется в системе. Регистрация в данной системе происходит после получения соответствующего разрешения Министерства транспорта РФ [11].

Согласно данным ГИС ЭПД, на текущий момент в электронный формат переведены: транспортная накладная, путевой лист, заказ-наряд, сопроводительная ведомость, заказ, договор фрахтования. В дальнейшем перечень электронного перевозочного документооборота планируется расширить.

Анализ обмена и схемы перемещения бумажного документооборота в грузоперевозках до его оцифровки свидетельствует о том, что на практике только на сопровождение одного груза выписывалось по четыре транспортных накладные, пять сопроводительных ведомостей, которые проходили через множество сотрудников транспортной компании (водители, кладовщики, диспетчеры и т. д.) [12].

С внедрением цифровых технологий схема документооборота в грузовых перевозках существенно преобразовалась. Необходимость в создании множества документов полностью отпала. Однако даже в цифровом формате по новому регламенту обмена грузоперевозочного цифрового документооборота предусмотрено формирование 4-х товарных транспортных накладных.

1. Транспортная накладная № 1 (ТН 1). Первая накладная формируется грузоотправителем. Она содержит информацию об участниках перевозки, условиях перевозки, сведения о транспортном средстве и водителе, о грузе и сопроводительных документах на него, а также фактические обстоятельства погрузки груза.



2. Транспортная накладная № 2 (ТН 2). Вторая накладная заполняется транспортной компанией и содержит информацию о дате и времени приема груза и подтверждающую электронную подпись перевозчика.

3. Транспортная накладная № 3 (ТН 3). Третья накладная заполняется грузополучателем и содержит информацию о приеме груза от перевозчика (дата и время), о фактическом состоянии полученного груза и обстоятельствах приемки, что подтверждается электронной подписью грузополучателя.

4. Транспортная накладная № 4 (ТН 4) — последняя обязательная накладная, которую оформляет перевозчик, подтверждающая факт передачи груза грузополучателю. После оставления электронной подписи на ТН4, операция по доставке груза считается завершенной и договор перевозки груза считается исполненным.

Таким образом, с юридической точки зрения, услуга перевозчика считается оказанной, когда четыре транспортных накладные будут подписаны участниками договорных отношений по перевозке груза. До того момента, пока последняя накладная не будет подписана, услуга не будет признаваться выполненной и завершенной. Следовательно, при рассмотрении спорных вопросов, отсутствие электронной подписи хотя бы на одной накладной является основанием признать услугу не выполненной со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями (гл. 40 ГК РФ).

Вместе с тем, такой подход к организации электронного документооборота обеспечил следующую схему движения транспортных накладных [3].

1. Грузоотправитель оформляет в личном кабинете на сайте ГИС ЭПД транспортную накладную (ТН 1), которая электронным путем отправляется оператору электронных перевозочных документов (ЭПД) и в транспортную компанию:

а) оператор ЭПД передает транспортную накладную (ТН 1) в государственную систему транспортных документов, где ей присваивается уникальный идентификатор документа (УИД);

б) транспортная компания, после получения ТН 1, формирует ТН 2, информация из которой уходит обратно грузоотправителю и параллельно оператору электронных перевозочных документов. Последний, в свою очередь, передает ТН 2 в государственную систему транспортных документов, а та, в свою очередь, делает запрос информации в органы исполнительной власти с обратной связью. На практике такой подход

позволил сократить процедуру проверки документов на груз органами ГИБДД до 3-х мин.

2. Далее транспортная компания формирует ТН 3 и отправляет ее грузополучателю.

3. Грузополучатель, сразу после получения груза, формирует ТН 4, подписывает ее своей электронной подписью, после чего ТН 4 уходит обратно в транспортную компанию и оператору электронных перевозочных документов.

4. Транспортная компания, сразу после получения ТН 4, отправляет ее оператору ЭПД, после чего ТН 4 передается на хранение в государственную систему транспортных документов [8; 9].

Следовательно, оператор ГИС ЭПД размещает все полученные от грузополучателя, грузоотправителя и транспортной компании документы в государственной системе транспортных документов.

Здесь возникает ряд закономерных вопросов по поводу признания оказанной услуги полностью выполненной:

а) достаточно подписать ТН 4 или фактом завершения предоставленной услуги по перевозке де-юре следует считать передачу ТН 4 оператору ГИС ЭПД;

б) будет ли услуга считаться предоставленной в полном объеме, если в процессе движения документооборота одна из транспортных накладных не будет подписана?

На наш взгляд, данный вопрос может в будущем иметь место на практике в силу недостатков технического обеспечения всех цифровых и электронных систем. Однако, мы уже сегодня считаем, что наличие электронной подписи на ТН 4 является достаточным основанием для того, чтобы считать сделку завершенной в случае, если ТН 4 будет передана остальным участникам Договора по перевозке груза.

Таким образом, можно констатировать, что источниками информации о движении груза для государственной системы транспортных документов становятся оператор электронных перевозочных документов, который собирает документацию от грузоотправителя, грузополучателя и транспортной компании. На текущем этапе данная схема документооборота является самой минимизированной, что упрощает бизнес-процессы, связанные с оформлением документов в грузоперевозочных компаниях в несколько раз. Такой подход ускоряет процессы фиксации факта доставки, следовательно, документы подписываются сразу после передачи груза грузополучателю.



Вместе с тем, А. Б. Галочкина отмечает, что запущенный процесс внедрения электронного документооборота в сфере грузовых перевозок является прорывом в логистике и контроле за перевозками, и теперь все участники грузовых перевозок и государственные органы будут владеть юридически значимыми данными благодаря системе обмена информационных инфраструктур [3].

Данное концептуальное решение гарантирует 100 % юридическую защищенность участников договорных отношений по перевозке груза.

Изучение регламента по перевозочному документообороту показало, что каждый тип электронных перевозочных документов состоит из нескольких обязательных файлов для обмена.

1. Транспортная накладная: грузоотправитель, перевозчик, грузополучатель, перевозчик.

2. Сопроводительная ведомость: грузоотправитель, перевозчик, грузополучатель.

3. Заказ-наряд: фрахтователь, фрахтовщик, фрахтователь по факту подачи транспортного средства и фрахтовщик по факту возврата транспортного средства.

Вместе с тем, существует техническая возможность для создания дополнительных файлов при необходимости.

Система цифрового документооборота обеспечивает каждому участнику собственный формат и режим работы для каждого участника грузовых перевозок, что позволяет исключить путаницу и неразбериху при обороте и работе с документами.

Следует отметить, что форматы электронных перевозочных документов были утверждены приказом ФНС России от 9 декабря 2021 г. № ЕД-7-26/1065. Правила их обмена между участниками информационного взаимодействия установлены постановлением Правительства РФ от 21 мая 2022 г. № 931. Правила представления информации в ГИС ЭПД и технические требования к ИС ЭПД определены постановлением Правительства РФ от 3 марта 2022 г. № 281. Порядок формирования и ведения реестра операторов информационных систем электронных перевозочных документов установлен приказом Минтранса России от 10 февраля 2022 г. № 40 [13].

Обзор судебной практики по решению споров в сфере грузоперевозок показал, что на сегодняшний день споры между участниками грузовых перевозок с использованием данных ГИС ЭПД отсутствуют.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что благодаря цифровизации документооборота в сфере грузовых перевозок существенно упростился подход к пониманию полноты с позиции закона.

1. Юридически значимыми документами в грузоперевозках на текущий момент по-прежнему считаются транспортные накладные. Однако в рамках цифрового документооборота юридическую значимость имеют сразу четыре электронные транспортные накладные.

2. Началом предоставления услуги по перевозке груза считается получение транспортной накладной грузоотправителем. В рамках цифрового документооборота началом предоставления услуги будет подписание грузоотправителем электронной ТН 1.

3. Завершением предоставления услуги по перевозке груза считается подписание транспортной накладной грузополучателем. В рамках цифрового документооборота окончанием предоставления услуги будет считаться подписание грузополучателем ТН 4.

4. С 1 сентября 2022 г. документация по каждой перевозке груза и ее оборот находится на контроле Министерства транспорта РФ, которое является оператором ГИС ЭПД.

5. На сегодняшний день электронные транспортные накладные все еще применяются только в добровольном порядке. Исключением является документооборот по алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Список источников

1. Бисултанов А. Н., Баснукаев М. Ш. Цифровой документооборот — инновационный способ взаимодействия сторон налоговых отношений // Экономика устойчивого развития. 2018. № 2 (34). С. 30–36.
2. Варганов Ф. В., Веремеенко В. Г. Информационные технологии по обеспечению грузовых перевозок // Инженерный вестник Дона. 2018. № 1. С. 65–72.
3. Галочкина А. Б. Электронные перевозочные документы: утвержден порядок обмена // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 9. С. 69–79.
4. Иншакова А. О., Гончаров А. И. Коносамент в правовом обеспечении внешнеторговой деятельности: от личной выписки до электронного криптокода // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. № 23 (3). С. 375–397.
5. Исмаилова Ф. Н. Электронный документооборот в грузоперевозках: возможности и перспек-



тивы // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2021. № 2. С. 8–11.

6. Пономаренко Н. Ш., Рютин Е. В. Особенности документооборота в контексте цифровизации // Документ, архив, история, современность. 2020. № 20. С. 223–232.

7. Пустохина И. В., Пустохин Д. В. Цифровизация логистики в России. Реальность, проблемы и ближайшие перспективы // Логистика. 2019. № 11. С. 14–18.

8. Скворцова Н. В. Информационные технологии. Общие понятия и классификация // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 30–33.

9. Смирнова О. Ю. Вопросы идентификации грузов при перевозке автомобильным транспортом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 2. С. 125–133.

10. Распоряжение Министерства транспорта Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № ВС-105-р «Об утверждении Программы цифровизации в сфере дорожного хозяйства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

11. URL: <https://esia.epd-portal.ru/>

12. Письмо ФНС РФ от 21 августа 2009 г. № ШС-22-3/660 «О направлении систематизированных материалов по документированию операций при транспортировке товаров» // URL: <https://www.consultant.ru>

13. С 1 сентября 2022 г. в ГИС ЭПД можно оформить электронные транспортную накладную, сопроводительную ведомость и заказ-наряд // URL: <https://www.garant.ru/news/1563823/>

References

1. Bisultanov A. N., Basnukaev M. Sh. Digital document management is an innovative way of interaction between the parties to tax relations // Economics of sustainable development. 2018. No. 2 (34). P. 30–36.

2. Vartanov F. V., Veremeenko V. G. Information technologies for cargo transportation // Engineering Bulletin of the Don. 2018. No. 1. P. 65–72.

3. Galochkina A. B. Electronic transportation documents: the exchange procedure has been approved // Pharmacy: accounting and taxation. 2022. No. 9. P. 69–79.

4. Inshakova A. O., Goncharov A. I. Bill of lading in the legal support of foreign trade activities: from personal statement to electronic cryptographic code // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2019. No. 23 (3). P. 375–397.

5. Ismailova F. N. Electronic document management in cargo transportation: opportunities and prospects // MEPS: management, economics, politics, sociology. 2021. No. 2. P. 8–11.

6. Ponomarenko N. Sh., Rytina E. V. Features of document management in the context of digitalization // Document, archive, history, modernity. 2020. No. 20. P. 223–232.

7. Pustokhina I. V., Pustokhin D. V. Digitalization of logistics in Russia. Reality, problems and immediate prospects // Logistics. 2019. No. 11. P. 14–18.

8. Skvortsova N. V. Information technologies. General concepts and classification // Young Scientist. 2019. No. 23 (261). P. 30–33.

9. Smirnova O. Y. Issues of cargo identification during transportation by road // Intelligence. Innovation. Investment. 2020. No. 2. P. 125–133.

10. Decree of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. ВС-105-р «On approval of the Digitalization Program in the field of road management in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

11. URL: <https://esia.epd-portal.ru/>

12. Letter from the Federal Tax Service of the Russian Federation dated August 21, 2009 No. ШС-22-3/660 «On sending systematized materials on documenting operations during the transportation of goods» // URL: <https://www.consultant.ru>

13. From September 1, 2022, in the State Information System of electronic transportation Documents, it is possible to issue an electronic bill of lading, a cover sheet and a work order // URL: <https://www.garant.ru/news/1563823/>

Информация об авторе

Ю. А. Лончакова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. A. Lonchakova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 13.08.2025; принята к публикации 27.08.2025.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 13.08.2025; accepted for publication 27.08.2025.



Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-101-105>
EDN: <https://elibrary.ru/qeihbv>

НИОН: 2003-0059-5/25-383
MOSURED: 77/27-003-2025-05-582

О расширении рамок общей теории судебной экспертизы за счет совершенствования ее функций на современном этапе развития

Надежда Павловна Майлис

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jlmaylis@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с совершенствованием функций общей теории судебной экспертизы в условиях использования инновационных технологий, введением новых терминов, понятийного аппарата. Важное значение придается компетенции и компетентности эксперта в новых условиях при использовании современных технологий, пересмотр и владение знаниями которых необходимы независимо от статуса эксперта: государственного либо частного, с целью квалифицированного проведения экспертного исследования новых объектов и следов.

Ключевые слова: методология, функции методологии, эксперт, инновационные технологии, интеграция знаний, компетенция, компетентность эксперта

Для цитирования: Майлис Н. П. О расширении рамок общей теории судебной экспертизы за счет совершенствования ее функций на современном этапе развития // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 101–105. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-101-105>. EDN: QEIHV.

Original article

On expanding the framework of the general theory of forensic examination by improving its functions on the present stage of development

Nadezhda P. Maylis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, jlmaylis@yandex.ru

Abstract. The problems related to the improvement of the functions of the general theory of forensic examination in the context of the use of innovative technologies, the introduction of new terms and conceptual apparatus are considered. Great importance is attached to the competence and competence of an expert in the new conditions when using modern technologies, the revision and knowledge of which are necessary regardless of the status of the expert: public or private, in order to conduct a qualified expert study of new objects and traces.

Keywords: methodology, functions of methodology, expert, innovative technologies, knowledge integration, competence, expert competence

For citation: Maylis N. P. On expanding the framework of the general theory of forensic examination by improving its functions on the present stage of development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):101–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-101-105>. EDN: QEIHV.

Введение. В настоящее время, в век научно-технической революции, в институте судебной экспертизы создано много проблем, связанных с интеграцией знаний в различных направлениях экспертных исследований, унификацией научного-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, учебного процесса и в других аспектах. Многие из них уже достаточно успешно решаются. Несмотря на значительный вклад ученых в разработку функций общей теории судебной экспертизы, их дальнейшее совершенствование является насущной потребностью. Динамичное развитие судебно-экспертной деятельности, появление новых методов и объектов исследования диктуют необходимость переосмысления и адаптации традиционного функционального аппарата. Речь

идет не о пересмотре, а о качественной эволюции таких ключевых функций, как методологическая, информационная, объяснительная, синтезирующая, эвристическая, практическая, профилактическая, прогностическая и учебная, с целью приведения их в соответствие с вызовами современности. Все они тесно связаны между собой и, кратко обозначая значение каждой, особое внимание в настоящее время следует уделить методологической функции, так как благодаря ей формируются новые роды и виды судебных экспертиз в условиях развития научно-технического прогресса и использования инновационных технологий, углубляются знания посредством введения новых теоретических понятий, терминов, разрабатываются более эффективные методики и методы исследования.

© Майлис Н. П., 2025



Особую роль в раскрытии гносеологических основ судебно-экспертной деятельности играют информационная и объяснительная функции. Информационная функция выполняет задачу системного описания данной деятельности как целостного феномена, фиксируя состояние ее элементов и их взаимосвязей. Неразрывно связанная с ней объяснительная функция углубляет этот анализ, предлагая каузальное истолкование генезиса экспертной практики и выявляя детерминирующие ее закономерности.

Синтезирующая (систематизирующая) функция проявляется в двух ключевых аспектах. Первый заключается в структурировании накопленного эмпирического массива, что позволяет обнаружить методологическое единство данных, полученных в рамках разнородных экспертиз. Второй аспект нацелен на интеграцию выявленных закономерностей, обеспечивая тем самым построение целостной, систематизированной структуры общего экспертного знания.

Эвристическая функция приобретает особую значимость в условиях методологического вакуума, возникающего при исследовании объектов, созданных по новым технологиям, когда апробированные алгоритмы отсутствуют. В подобных ситуациях эксперт, руководствуясь профессиональной интуицией и логикой конкретной следственной ситуации, вынужден конструировать уникальные частные методики непосредственно в процессе исследования.

Практическая функция ориентирована на перманентную оптимизацию как системы судебных экспертиз в целом, так и ее отдельных родов и видов. Реализация этой функции в современных условиях напрямую зависит от учета дуализма экспертной компетенции: объективной (формально требуемый объем знаний и уровень владения ими) и субъективной (индивидуальные когнитивные способности и опыт эксперта).

Наряду с отмеченным, эксперт должен знать уголовно-процессуальное законодательство, касающееся прав и обязанностей эксперта, обладать комплексом знаний по используемым методам при производстве экспертиз определенного класса, рода или вида. Субъективная компетентность олицетворяет собой индивидуальный уровень усвоения и применения конкретным специалистом указанного комплекса знаний. Вопрос оценки компетентности судебного эксперта приобретает первостепенное значение и представляет собой комплексный анализ, осуществляемый, в частности, в ходе изучения подготовленного им заключения. В рамках такого анализа устанавли-

вается: соблюден ли регламентированный процессуальным законодательством порядок назначения и производства экспертизы, соответствует ли оформление заключения установленным требованиям, а также отсутствуют ли основания для отвода эксперта. В данном контексте подлежит оценке его профессиональная пригодность применительно к конкретному уголовному делу. Первичные критерии компетентности эксперта выводятся из сведений, изложенных во вводной части заключения, где фиксируются его стаж, профильное образование и специализация. Параллельно определяется степень процессуальной независимости эксперта — выявляется его потенциальная заинтересованность в исходе дела (например, наличие родственных связей с участниками процесса либо лицами, осуществляющими предварительное расследование или судебное разбирательство). Выявление подобных обстоятельств служит безусловным основанием для отвода эксперта в соответствии со ст. 70 УПК РФ, а подготовленное им заключение утрачивает доказательственную силу.

Оценивая заключение, следует обращать внимание и на то, логичны ли его суждения, нет ли противоречий, насколько четки и корректны выводы, не допускают ли они различные толкования. Насколько наглядны и убедительны иллюстрации к заключению [1].

Сбалансированное развитие объективной и субъективной компетенций приобретает критическое значение при исследовании новых объектов, созданных с применением инновационных технологий. В данном контексте ключевой задачей становится недопущение эксцессов компетенции, когда эксперт выходит за ее профессиональные границы. Даже обладая формальными навыками (например, в области обнаружения и изъятия цифровых следов), специалист рискует допустить латентные технические ошибки. Подобные просчеты ведут к безвозвратной утрате криминалистически значимой информации и ставят под угрозу решение процессуальных задач. Более того, профессиональная некомпетентность проявляется в незнании актуальных методик и в ошибочной оценке идентификационной значимости свойств объекта, что в конечном итоге дискредитирует заключение эксперта.

Исходя из профилактической деятельности процессуальных субъектов, прежде всего, следователя и эксперта, формируются закономерности, которые проявляются в их взаимодействии, благодаря которому происходит взаимное обогащение новыми зна-



ниями о возможностях судебных экспертиз, своевременности их назначения как фактора, влияющего на организацию расследования преступлений и т. п. [2]. Именно применение специального экспертного знания позволяет актуализировать потенциал для раскрытия криминогенных обстоятельств и формирования превентивных мер. При этом фокус профилактической деятельности не ограничивается рамками экспертной работы, а включает ее реализацию всеми участниками процесса. Стратегическое взаимодействие эксперта и следователя выступает системообразующим фактором как для экспертной профилактики, так и для всей системы предупреждения преступности, что подтверждает теоретико-прикладную значимость данной функции в судебной экспертизе.

Исследование профилактической функции требует выявления устойчивых системных взаимосвязей, детерминирующих профессиональную деятельность субъектов уголовного процесса. В следственной практике к таким закономерностям относится реконструкция этапа подготовки преступления и диагностика условий, объективно способствовавших его совершению. На последующих стадиях подлежат установлению специфические модели реализации отдельных видов преступлений и устойчивые корреляции, проявляющиеся в процессе сокрытия их следов.

В экспертной деятельности формируется комплекс закономерностей, производных от установленных в ходе исследования фактических данных и процедуры обоснования их достоверности. Параллельно с этим, в условиях технологической модернизации, в качестве самостоятельной закономерности проявляется разработка инновационных методик и методов, ориентированных на решение профилактических задач.

С практической точки зрения, эффективность профилактики детерминирована уровнем координации между экспертом и следователем (судом). Ключевым элементом здесь выступает реализация профилактических предложений, сформулированных следователем или адресованных соответствующему юрисдикционному органу.

Особую роль в данном контексте приобретает прогнозирование, образующее с профилактической деятельностью единый функциональный комплекс. Взаимосвязь этих процессов носит системный характер.

Разграничение профилактической деятельности на процессуальную и внепроцессуальную формы открывает возможности для выявления институцио-

нальной специфики работы следователя и эксперта. В процессуальном поле следователь, аккумулируя данные следственной практики, осуществляет диагностику криминогенных детерминант, устанавливает их причинно-следственные зависимости и формулирует целевые рекомендации по их элиминации. Параллельно эксперт, базируясь на результатах проведенных исследований, также выявляет обстоятельства криминального генеза и документирует их в виде служебных сообщений, аналитических справок или методических рекомендаций для компетентных органов. При этом, как показывает практика, отсутствие регулярной обратной связи о степени реализации таких предложений снижает мотивацию экспертов к их последующей разработке. Более того, наблюдается устойчивая негативная динамика: за последнее десятилетие количество вносимых профилактических предложений существенно сократилось по сравнению с серединой XX в., что объясняется комплексом объективных факторов.

Таким образом, профилактическая функция, реализуемая через взаимодействие процессуальных субъектов, способствует формированию системы закономерностей, обеспечивающих взаимообогащение специальными знаниями. Это взаимодействие создает основу для оптимизации возможностей судебных экспертиз, своевременности их назначения и, как следствие, повышения эффективности организации расследования. Именно на этом направлении раскрывается потенциал специальных знаний для выявления криминогенных обстоятельств и разработки превентивных мер, направленных на их устранение.

Относительно прогностической функции, она должна быть в состоянии предсказать и такие факты, которые будут открыты в будущем. Это может касаться новых учений в рамках общей теории. Эта функция определяет новые уровни заключения эксперта в общей системе доказывания с учетом компьютеризации экспертной деятельности, определяет новые подходы к изучению объектов, являющихся носителями криминалистически значимой информации.

Учебная функция имеет не меньшее значение, она осуществляется в рамках курса «Судебная экспертиза» и некоторых других, что обусловлено потребностями практики подготовки специалистов в данной области деятельности и, особенно, в современных условиях при использовании инновационных технологий.

Благодаря использованию в экспертной практике инновационных технологий и информацион-



ного обеспечения судебно-экспертной деятельности в целом, необходимо постоянно дополнять содержательные части функций и их закономерности.

Как было отмечено выше, среди перечисленных функций, особое место занимает методологическая функция. Исходя из сущности методологии и ее важности в судебно-экспертной деятельности, она способствует, как справедливо утверждает Е. Р. Россинская, развитию учения о структуре, логической организации, методах и средствах этой деятельности и методики судебной экспертизы [2]. Такое понятие охватывает все составляющие, входящие в методологию с научной точки зрения и, безусловно, методологическая функция является основополагающей по отношению к другим функциям общей теории судебной экспертизы. Но в настоящее время эта функция должна быть пересмотрена с учетом широкого внедрения новых технологий в институте судебной экспертизы, введения новых терминов, способствующих уточнению языка и понятийного аппарата, формирования новых родов и видов судебной экспертизы, новых методов в условиях цифровизации и др. Отдельно отметим, что роли языка, не только в криминалистике и судебной экспертизе, но и при разработке норм законодательства, уделялось должное внимание. В частности, Президент РФ В. В. Путин отмечал: «Необходимо улучшение языка правотворчества. Его надо сделать если не благозвучным..., то хотя бы понятным для адресатов норм» [3]. На важность применения ясной терминологии в судебной экспертизе указывал и Пленум Верховного Суда № 28 от 21 декабря 2010 г. В п. 13 Постановления отмечается, что «под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу» [4].

Показательным примером может служить роль методологической функции в трасологии. Как известно, Н. П. Майлис в 2007 г., исходя из многочисленных объектов, исследуемых в рамках трасологических экспертиз, выделила трасологию в самостоятельный класс судебных экспертиз [5], а в 2018 г., с учетом необходимости использования инновационных технологий в трасологии, на основе анализа методических подходов последних лет сформировала самостоятельный раздел в этом классе судебной экс-

пертизы — цифровую трасологию [6]. Такое выделение было обусловлено новыми подходами в обнаружении, фиксации и изучении цифровых следов, отличающихся от традиционных следов и используемых методов. Так, в частности, в отличие от традиционной, в цифровой трасологии определено понятие цифровых следов, установлено их различие в обнаружении, фиксации и изъятии, в отображении, методах исследования и оценке полученных результатов. Определены и иные подходы при комплексном исследовании, количестве участвующих экспертов из других видов судебных экспертиз, а, главное, включение в комиссию специалистов из компьютерно-технической экспертизы.

В процессе реализации методологической функции в судебно-экспертной деятельности при формировании новых родов и видов судебных экспертиз особое место занимает интеграция знаний, на основе которых они формируются. Расширение рамок общей теории судебной экспертизы должно осуществляться не только за счет интеграции знаний, но и комплексного подхода при решении экспертных задач. Благодаря интеграции знаний и методов из различных наук, именно при комплексном исследовании удается решать сложные задачи, ставящиеся перед экспертом, так как на основе одной отрасли знаний, как показывает практика, решить их невозможно и только в определенной совокупности смежных наук такое осуществление способствует получению достоверных данных и использованию их в качестве доказательств по делу. Такой процесс является естественным, так как использование современных инновационных технологий невозможно без синтеза юридических, естественных и технических знаний. Благодаря взаимодействию этих наук осуществляется их взаимное обогащение, что ставит интеграцию на более высокую ступень при решении экспертных задач.

В судебно-экспертной деятельности выделяют две формы интеграции: внутридисциплинарную и междисциплинарную. Так, например, в трасологии, учитывая большое разнообразие исследуемых объектов, на внутридисциплинарном уровне на основе интеграции выделены: сама трасология в класс, а в ней — новые роды и виды экспертиз, а на междисциплинарном уровне — ситуалогическая экспертиза, в которой, в свою очередь, выделяются ситуационные судебно-трасологические, ситуационные судебно-баллистические, ситуационные взрывотехнические. Более высокий уровень представляют си-



туалогические медико-трасологические, ситуалогические медико-баллистические и др. [7].

Заключение. Анализ изложенных проблем позволяет констатировать: функции в общей теории судебной экспертизы имеют важное значение при формировании новых классов, родов и видов судебных экспертиз. Особую значимость на современном уровне развития в условиях использования инновационных технологий имеет методологическая функция, способствующая формированию новых родов и видов судебной экспертизы на основе интеграции знаний, введению новых терминов, уточнению языка и понятийного аппарата, требующая совершенствования также, как и другие функции. Немаловажное значение при использовании новых методов в условиях цифровизации имеют компетенция и компетентность судебного эксперта, пересмотр и владение знаниями которых необходимы независимо от статуса эксперта: государственного либо частного.

Список источников

1. Майлис Н. П. О компетенции судебного эксперта в современных условиях научно-технического прогресса // Вестник Московского университета МВД России. № 7. 2023.
2. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы. М. : Норма, 2009.
3. Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.
4. Постановление Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Майлис Н. П. Нетрадиционные следы, используемые в раскрытии и расследовании преступлений // Эксперт-Криминалист. 2018. № 3.
6. Майлис Н. П. Прогнозирование трасологии как нового класса судебных экспертиз: мат. вузов-

ской юбилейной науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Р. С. Белкина. Ч. 1. М., 2007.

7. Майлис Н. П. Использование процессов интеграции и дифференциации знаний в судебной экспертизе при решении идентификационных и диагностических задач: мат. XXX всерос. круглого стола «Интеграция и дифференциация знаний в судебно-экспертной деятельности», посвященного памяти профессора Т. В. Аверьяновой. М., 2022.

References

1. Mailis N. P. On the competence of a judicial expert in modern conditions of scientific and technological progress // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 7. 2023.
2. Rossinskaya E. R. Theory of forensic examination. M. : Norma, 2009.
3. Putin V. V. Democracy and the quality of the state // Kommersant. 2012. February 6.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 21, 2010 No. 28 «On forensic examination in criminal cases» // LRS «ConsultantPlus».
5. Mailis N. P. Non-traditional traces used in the detection and investigation of crimes // Forensic expert. 2018. No. 3.
6. Mailis N. P. Forecasting tracology as a new class of forensic examinations: materials of the university anniversary scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of Professor R. S. Belkin. P. 1. M., 2007.
7. Mailis N. P. The use of the processes of integration and differentiation of knowledge in forensic examination in solving identification and diagnostic tasks: materials of the XXX All-Russian round table «Integration and differentiation of knowledge in forensic expertise», dedicated to the memory of Professor T. V. Averyanova. M., 2022.

Информация об авторе

Н. П. Майлис — профессор кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

Information about the author

N. P. Maylis — Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-106-110>

EDN: <https://elibrary.ru/qaouib>

ИПОН: 2003-0059-5/25-384

MOSURED: 77/27-003-2025-05-583

Современный взгляд на криминалистическую технологию в уголовно-процессуальной деятельности

Андрей Викторович Мишин¹, Айдар Шамилович Габдрахманов²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, av-mishel@mail.ru

² Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, Aidar191@mail.ru

Аннотация. Раскрываются подходы ученых к понятию и сущности криминалистической технологии применительно к уголовно-процессуальной деятельности. На основе всестороннего анализа позиций ученых-криминалистов предложено авторское определение рассматриваемой технологии, выделены ее основные признаки и практическая значимость.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, криминалистическая технология, технологичность, модель, следователь, суд

Для цитирования: Мишин А. В., Габдрахманов А. Ш. Современный взгляд на криминалистическую технологию в уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 106–110. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-106-110>. EDN: QAOUIB.

Original article

A modern view of criminalistic technology in criminal procedure

Andrey V. Mishin¹, Aidar Sh. Gabdrakhmanov²

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, av-mishel@mail.ru

² Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, Aidar191@mail.ru

Abstract. Revealed the approaches of scientists to the concept and essence of forensic technology in relation to criminal procedural activities. Based on the comprehensive analysis of the positions of criminologists, the author's definition of the technology in question is proposed, its main features and practical significance are highlighted.

Keywords: criminal proceedings, forensic technology, adaptability, model, investigator, court

For citation: Mishin A. V., Gabdrakhmanov A. Sh. A modern view of criminalistic technology in criminal procedure. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):106–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-106-110>. EDN: QAOUIB.

XXI в. ознаменовался дальнейшим развитием общей теории криминалистики. Были обоснованы новые частные криминалистические теории, получили дальнейшее развитие основные криминалистические категории, совершенствовался и терминологический аппарат.

Одним из направлений современной криминалистики является разработка криминалистических технологий. Методологическими основами для этого стали теоретические основы, заложенные Р. С. Белкиным в конце 60-х г. прошлого столетия [1].

Ни одну сферу современной практической деятельности невозможно представить без понятия «технология», которые является ее важной составляющей. Специфика трактовки этого понятия, равно как и его содержание, во многом определяются тео-

ретической основой и методологией, лежащих в основе разработки технологии. В научных криминалистических исследованиях это понятие раскрывается, прежде всего, применительно к следственной, судебной и экспертной деятельности.

Термин «криминалистическая технология» сравнительно давно используется в специальной литературе, при этом его содержание учеными трактуется неоднозначно.

В криминалистической литературе рассматриваемая технология исследуется как в контексте организации предварительного расследования [17, с. 23–24], так и механизма, способа совершения преступления [11, с. 114; 13, с. 110; 23], а также связей между элементами преступления [5, с. 76–78]. Нельзя не отметить, применительно к разработке кримина-

© Мишин А. В., Габдрахманов А. Ш., 2025



листических технологий, сферу экспертных исследований [18; 6].

Отмечается также, что криминалистические технологии могут быть востребованы при работе с юридически значимыми фактами, изучении личности участников уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и др.); при выявлении, собирании и анализе доказательственной информации [24, с. 42]. Справедливым видится и выделение связи между криминалистической алгоритмизацией и разработкой технологий предварительного расследования [22].

В отдельных научных работах обоснованно исследуются технологические аспекты производства следственных действий [20, с. 5, 32–33; 12, с. 110], принятия следователем тактических решений вариативных задач предварительного расследования [3; 21], а также иные технологии тактико-криминалистического обеспечения доказывания по уголовным делам.

Нельзя не отметить, что в настоящий момент одной из наиболее активно развиваемых криминалистических технологий является технология обнаружения, фиксации и изъятия следов преступного деяния, в частности, актуальность приобретают исследования возможностей применения цифровой техники, в том числе для изъятия «информационных следов», образующихся при использовании компьютерной техники и сети Интернет, а также установления личности в цифровом пространстве [2; 4; 16; 19]. В то же время, важно подчеркнуть, что для внедрения широкого спектра цифровых средств и технологий в следственную практику необходимо совершенствование нормативно-правовой базы их применения.

По нашему мнению, следует поддержать позицию ученых, которые между технологией и криминалистической методикой, а также технологией и следственной тактикой усматривают связь на уровне общетеоретического криминалистического подхода [7, с. 350–376; 9]. В этом случае представляется, что понятие «технология» следует рассматривать как самостоятельную научную криминалистическую категорию в рамках общей криминалистической теории.

В специальной литературе обоснованно выдвигаются идеи о внедрении в уголовно-процессуальную практику моделей криминалистической технологии, которые, по справедливому мнению А. В. Шмониной,

могут дать «представление о целенаправленной и упорядоченной совокупности действий (деятельности) субъекта» [23, с. 382]. Так, В. А. Образцов рассматривает возможности применения моделей технологий выявления, раскрытия и расследования преступлений [15, с. 324–325]. Обоснованным видится авторский взгляд на типовую информационную модель рассматриваемой технологии как средство создания индивидуальных практико-ориентированных моделей технологий решения конкретных ситуационно обоснованных задач [10, с. 60].

Таким образом, анализ приведенных выше авторских позиций относительно сущности криминалистической технологии и потенциала использования ее возможностей в уголовно-процессуальной деятельности позволяет прийти к выводу о том, что криминалистическая технология как практико-ориентированная научная категория представляет собой определенные процедуры в их совокупности, реализуемые в целях решения различных тактических задач предварительного расследования с применением криминалистических знаний и рекомендаций. Полагаем, что криминалистическую технологию характеризуют следующие основные признаки: нормативность, целенаправленность, системность, комплексность, алгоритмичность, ситуационность, индивидуальность и вариативность [14, с. 102].

Исходя из сказанного, дискуссионной представляется позиция П. П. Ищенко, который считает более обоснованным в научном дискурсе использовать термин не «криминалистическая технология», а «технологичность» применительно к отдельным видам криминалистической методики, тактики производства следственных действий, тактических комбинаций и операций, а также научно обоснованных рекомендаций по применению технико-криминалистических средств [8]. В этом случае, по нашему мнению, термин «технологичность» следует использовать в контексте оценки эффективности и новизны применяемых тактических средств и методов при решении вариационных задач расследования, определяемых рамками частных криминалистических методик и отдельных тактических комплексов.

Так, при решении тактических задач при производстве по делам, связанным с посткриминальным противоправным воздействием, востребованным является повышение «технологичности» тактических комплексов, проводимых в целях обеспечения безо-



пасности участников процесса. По нашему мнению, в рамках процесса обеспечения безопасности таких участников, как защищаемых лиц следует выделять криминалистическую технологию применения соответствующих мер безопасности.

С позиций криминалистической технологии мер безопасности, применяемые лицом, осуществляющим производство по делу, должны реализовываться на основе оценки сложившейся ситуации посткриминального противоправного воздействия. Реализация таких мер должна осуществляться посредством применения научно обоснованных криминалистических рекомендаций, что обеспечит возможность выбора тактики реализации вариативных мер безопасности в рамках решаемой тактической задачи.

В настоящее время при производстве по уголовным делам, участники которого подвергаются посткриминальному противоправному воздействию, также особую актуальность приобретает совершенствование правовой регламентации и тактики производства отдельных процессуальных действий с применением цифровых средств как составной части криминалистической технологии применения мер безопасности. Так, целесообразным представляется производство допроса участника судебного разбирательства, скрытого под псевдонимом (защищаемого лица), с использованием специальных технических средств, позволяющих суду и иным участникам процесса задавать вопросы такому лицу и получать на них ответы в формате машинописного или электронного текста, что будет способствовать недопущению установления личности допрашиваемого по голосу, речевым особенностям и чертам его внешности. Вместе с тем, технологическая составляющая процедуры указанного допроса не урегулирована законодателем. Полагаем, что нормативно-правовое закрепление такой процедуры, помимо обеспечения безопасности допрашиваемого защищаемого лица, дает возможность гарантировать получение от него достоверных показаний.

Устранение возможных рисков применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве создает необходимость разработки соответствующих рекомендаций методического и организационного характера, четкого урегулирования уголовно-процессуальным законом соответствующих технологических процедур, а также ведомственного контроля за разработкой и внедрением программного обеспече-

ния в целях предотвращения: нарушения конфиденциальности и тайны следствия в связи с «утечкой» данных из-за взлома, недобросовестного хранения или иных причин; искажения доказательственной информации или ее утраты; отсутствия делового контакта между следователем (судом) и оперативно-розыскными органами, в том числе из-за некорректно работающего программного обеспечения.

В целях исключения рисков применения цифровых технологий при производстве по уголовным делам, связанным с посткриминальным противоправным посягательством, целесообразной представляется организация обмена конфиденциальной информацией по делу посредством цифровых коммуникативных средств (абонентских устройств) с использованием P2P (peer-to-peer)-соединения, исключающего отправку данных на промежуточные сервера. Такой способ обмена информацией позволит не допустить утечки информации в случае взлома или попытки намеренной ее передачи третьим лицам.

В заключение отметим, что процесс формирования технологических аспектов уголовно-процессуальной деятельности в целом и взглядов на категорию «криминалистическая технология» в частности на сегодняшний день нельзя признать завершенным и, следовательно, их дальнейшие научные исследования, способствующие повышению эффективности и результативности криминалистической деятельности, сохраняют свою актуальность и будут продолжаться и совершенствоваться.

Список источников

1. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М. : Высшая школа МВД СССР, 1970.
2. Галимханов А. Б., Халлиуллина А. Ф. Порядок обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов преступления // Правовое государство: теория и практика. 2020. С. 40–44.
3. Головин А. Ю., Баранов М. В., Головина Е. В. Решение ситуационных задач предварительного расследования (теория, механизм, ошибки): моногр. М. : Юрлитинформ, 2017.
4. Григорьев В. Н., Савенков А. В. О цифровых технологиях фиксации сведений по уголовному делу // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 65–70.
5. Дулов А. В. Основы исследования объектов криминалистики // Криминалистика. Мн., 1996.



6. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник для студентов вузов. М. : Юрайт : Право и закон, 2002.

7. Зорин Г. А. Криминалистическая методология. Мн. : Амалфея, 2000.

8. Ищенко П. П. Криминалистические технологии или технологичность криминалистики ? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 6 (118). С. 129–137.

9. Князьков А. С. Криминалистическая технология и криминалистическая тактика: проблемы соотношения понятий // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 123–127.

10. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: кол. моногр. / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2016.

11. Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. М. : Академия МВД России, 1997.

12. Лапин Е. С. Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: моногр. М. : Юрлитинформ, 2014.

13. Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997.

14. Мишин А. В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: моногр. / под ред. д-ра юрид. наук., проф. В. Н. Григорьева. М. : Юрлитинформ, 2023.

15. Образцов В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М. : Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004.

16. Россинская Е. Р. Концепция частной криминалистической теории «информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат. XXIII междунар. науч. практ. конф. В 2 т. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. С. 113–118.

17. Самыгин Л. Д. Расследование как система деятельности. М. : Изд-во МГУ, 1989.

18. Сегай М. Я., Стринжа В. К. Актуальные проблемы экспертной технологии в условиях НТР // Криминалистика и судебная экспертиза. 1984. Вып. 29. С. 3–6.

19. Селикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении

и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 179–184.

20. Степаненко Д. А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2006.

21. Цветков С. И. Криминалистическая теория тактических решений: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1991.

22. Шаталов А. С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

23. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики: моногр. М. : Юрлитинформ, 2010.

24. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: Природа, система, методологические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2011.

References

1. Belkin R. S. Lenin's Theory of Reflection and Methodological Problems of Soviet Forensic Science. M. : Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs. 1970.

2. Galimkhanov A. B., Khaliullina A. F. The Procedure for Detecting, Seizing, and Recording Digital Traces of a Crime // The Rule of Law: Theory and Practice. 2020. P. 40–44.

3. Golovin A. Yu., Baranov M. V., Golovina E. V. Solving Situational Problems of Preliminary Investigation (Theory, Mechanism, Errors): Monograph. M. : Yurlitinform, 2017.

4. Grigoriev V. N., Savenkov A. V. On Digital Technologies for Recording Information in a Criminal Case // Criminal Justice. 2018. No. 12. P. 65–70.

5. Dulov A. V. Fundamentals of the Study of Forensic Objects // Forensic Science. Mn., 1996.

6. Zinin A. M., Mailis N. P. Forensic Examination: a textbook for university students. M. : Yurait : Law and Legislation, 2002.

7. Zorin G. A. Forensic Methodology. Mn. : Amalfeya, 2000.

8. Ishchenko P. P. Forensic Technologies or the Technological Nature of Forensic Science? // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2024. No. 6 (118). P. 129–137.

9. Knyazkov A. S. Forensic Technology and Forensic Tactics: Problems of the Relationship of Concepts // Bulletin of the Tomsk state. University, 2010. No. 338. P. 123–127.



10. Forensic Science of the 21st Century: Development Strategy and Tactics: A Collective Monograph / ed. E. P. Ishchenko. M. : Prospect, 2016.
11. Kustov A. M. Theoretical Foundations of the Forensic Doctrine of the Mechanism of Crime. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997.
12. Lapin E. S. Tactics for Obtaining Information on Connections between Subscribers and (or) Subscriber Devices: Monograph. M. : Yurlitinform, 2014.
13. Lubin A. F. Methodology of Forensic Research of the Mechanism of Criminal Activity: diss. ... doctor of legal sciences. N. Novgorod, 1997.
14. Mishin A. V. Forensic Security of Participants in Criminal Proceedings: Monograph / edited by doctor of legal sciences, professor V. N. Grigoriev. M. : Yurlitinform, 2023.
15. Obraztsov V. A. Forensic Science: Models of Means and Technologies for Solving Crimes: Lecture Course. M. : IMPE-PUBLISH, 2004.
16. Rossinskaya E. R. The Concept of a Private Forensic Theory of «Information and Computer Support for Forensic Activity» // Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions: Collection of Materials of the XXIII International Scientific Practical Conf. In 2 vol. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. P. 113–118.
17. Samygin L. D. Investigation as a System of Activity. M. : Moscow State University Publishing House, 1989.
18. Segai M. Ya., Strinzha V. K. Actual Problems of Expert Technology in the Context of the Scientific and Technological Revolution // Forensic Science and Forensic Examination. 1984. Issue 29. P. 3–6.
19. Selikalenova A. I., Ryadovsky I. A. Using Special Knowledge in Detecting and Recording Digital Traces: Analysis of Current Practice // Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 6 (103). P. 179–184
20. Stepanenko D. A. Problems of Theory and Practice of Forensic Identification: abstract of diss. ... doctor of legal sciences. Irkutsk, 2006.
21. Tsvetkov S. I. Forensic Theory of Tactical Decisions: diss. ... doctor of legal sciences. M., 1991.
22. Shatalov A. S. Problems of Algorithmization of Crime Investigation: abstract of diss. ... doctor of legal sciences. M., 2000.
23. Shmonin A. V. Methodology of Forensic Techniques: Monograph. M. : Yurlitinform, 2010.
24. Yablokov N. P., Golovin A. Yu. Forensic Science: Nature, System, Methodological Foundations. 2nd ed., supplemented and revised. M. : Norma, 2011.

Информация об авторах

А. В. Мишин — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

А. Ш. Габдрахманов — начальник кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Mishin — Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Legal Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

A. Sh. Gabdrakhmanov — Head of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.



Научная статья

УДК 349.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-111-117>

EDN: <https://elibrary.ru/nmsdzw>

НИОН: 2003-0059-5/25-385

MOSURED: 77/27-003-2025-05-584

Гибкие графики работы для лиц с семейными обязанностями

Федор Георгиевич Мышко

Государственный университет управления, Москва, Россия, fg_myshko@guu.ru

Аннотация. Проводится комплексный анализ гибких форм занятости как инструмента реализации трудовых прав лиц с семейными обязанностями и их влияния на репродуктивное поведение. На основе данных социологических исследований выявлены ключевые социально-экономические страхи и барьеры (потеря работы, отсутствие профессиональной реализации), препятствующие рождению желаемого числа детей, особенно среди молодых женщин, ориентированных на карьеру. Анализируются действующие нормы Трудового кодекса РФ, регламентирующие дистанционный труд и работу на условиях неполного рабочего времени. Аргументированно критикуется законодательная новелла 2017 г., предусматривающая предоставление неполного рабочего времени «с учетом условий производства», которая на практике привела к массовым отказам работодателей и судебным спорам, нивелировав гарантированный характер данной льготы. В качестве решения выявленной проблемы дисбаланса интересов работников и работодателей предлагается система взаимосвязанных законодательных изменений. Ключевые предложения включают: наделение Государственной инспекции труда полномочиями по выдаче обязательных заключений о возможности предоставления гибкого графика; установление обязанности работодателя предложить альтернативную вакансию в случае невозможности предоставить запрашиваемый режим; введение компенсационных механизмов (выходного пособия или оплачиваемого приостановления трудового договора) при невозможности найти компромиссное решение. Предлагаемые меры направлены на достижение конституционного баланса прав и интересов обеих сторон трудового отношения и укрепление семейной политики государства.

Ключевые слова: трудовое право, лица с семейными обязанностями, гибкий график работы, неполное рабочее время, дистанционная работа, гендерное равенство, социальная политика, репродуктивное поведение, государственная инспекция труда, защита трудовых прав, Трудовой кодекс РФ, баланс интересов работника и работодателя

Для цитирования: Мышко Ф. Г. Гибкие графики работы для лиц с семейными обязанностями // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 111–117. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-111-117>. EDN: NMSDZW.

Original article

Flexible work schedules for people with family responsibilities

Fyodor G. Myshko

State University of Management, Moscow, Russia, fg_myshko@guu.ru

Abstract. A comprehensive analysis of flexible forms of employment as a tool for implementing the labor rights of persons with family responsibilities and their impact on reproductive behavior is being carried out. Based on sociological research, key socio-economic fears and barriers (job loss, lack of professional implementation) have been identified that prevent the birth of the desired number of children, especially among young career-oriented women. The current norms of the Labor Code of the Russian Federation regulating remote work and part-time work are analyzed. The legislative novel of 2017, which provides for the provision of part-time work «taking into account the conditions of production», is reasonably criticized, which in practice led to massive refusals of employers and litigation, leveling the guaranteed nature of this benefit. As a solution to the identified problem of imbalance of interests of employees and employers, a system of interconnected legislative changes is proposed. Key proposals include: empowering the State Labor Inspectorate to issue mandatory opinions on the possibility of providing flexible hours; establishing the employer's obligation to offer an alternative vacancy if it is impossible to provide the requested regime; introduction of compensation mechanisms (severance pay or paid suspension of an employment contract) if it is impossible to find a compromise solution. The proposed measures are aimed at achieving a constitutional balance of the rights and interests of both sides of the labor relationship and strengthening the family policy of the state.

Keywords: labor law, persons with family responsibilities, flexible working hours, part-time work, remote work, gender equality, social policy, reproductive behavior, state labor inspectorate, protection of labor rights, Labor Code of the Russian Federation, balance of interests of the employee and the employer

For citation: Myshko F. G. Flexible work schedules for people with family responsibilities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):111–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-111-117>. EDN: NMSDZW.

© Мышко Ф. Г., 2025



В качестве мотивационных факторов к рождению называют трудовую мотивацию: личностные особенности и социальные факторы, наличие государственных финансовых мер поддержки, применение гибких условий труда (удаленная работа, длительный декретный отпуск, свободный график работы) усиливают мотивацию к рождению детей у женщин, официально трудоустроенных, но могут вызывать определенную дискриминацию, снижая мотивацию у молодых специалистов. Возникновение потребности в детях зависит от многих факторов: брачно-семейного статуса, образования, рода деятельности и т. д. Женщины с высшим образованием реже ориентируются на многодетность, но их решения в определенной степени зависят и от доступности инфраструктуры (ясли, гибкий график работы и т. п.).

Одним из главных инструментов государственной социальной политики, регламентирующей поддержку семей с детьми, является правовое закрепление дополнительных льгот и гарантий лиц с семейными обязанностями. Льготные трудовые режимы позволяют сбалансировать возможности к трудовой деятельности субъектов трудовых отношений, имеющих семейно-детные особенности, наряду с другими работниками в целях социальной справедливости [5]. Формирование дополнительных трудовые льготы и гарантий беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, начало складываться в 1980-е гг. прошлого столетия. Законодательное обеспечение [10; 11] дополнительных мер трудовой поддержки в 1980-е гг. в целях изменения демографической ситуации, заключалось в следующем:

- ♦ улучшались условия работы женщин, позволяющие сочетать трудовую деятельность с воспитанием детей, посредством обеспечения возможности введения неполного рабочего дня, неполной рабочей недели, скользящего графика и других мер;
- ♦ женщинам с двумя и более детьми в возрасте до 12 лет предоставлялся трехдневный оплачиваемый отпуск, а также первоочередное право на получение ежегодного отпуска летом или в другое удобное время;
- ♦ матерям гарантировался оплачиваемый период по уходу за больным ребенком.

В рамках настоящего исследования был проведен социологический опрос, в котором приняли участие около 840 тыс. жителей разных возрастов и около 370 тыс. подростков и молодых людей из 20 регионов России.

Одной из причин отказа от рождения желаемого количества детей респонденты назвали распространение в обществе ориентации на профессиональный успех (мужчины 9,8 %; женщины 11,7 %), а также проблемы с трудоустройством (в областном центре — 26,3 %, в городе — 20,1 %; в районном центре — 24,4 %; в поселке городского типа — 20,3 %, в сельской местности — 20,4 %).

Долго время сохраняющаяся диспозиция гендерной власти, предполагающая распределение ролей: мужчина-кормилец семьи, добытчик рыночного капитала, а женщина сосредоточивает усилия на накоплении «семейного капитала» [2], перестала восприниматься современным обществом. Результаты проведенного социологического исследования показали непопулярность данной модели, ее сторонниками были только 10 % участников опроса, причем мужчины, проживающие в сельской местности, чаще выступали в качестве сторонников. Для молодых женщин в возрасте до 30 лет характерны устремления на самореализацию, карьеру. Они не спешат связать себя узами брака и рождением детей.

Результаты социологических исследований показывают, что работа занимает важное место в жизни молодых людей. При ответе на вопрос «Если бы вы имели достаточно денег, чтобы не работать, вы бросили бы работу или нет?» мужчины и женщины в ответах были практически единодушны и в своем большинстве высказали желание работать. Современные женщины ориентированы на карьеру и профессиональный успех.

По мнению респондентов всех старших возрастных групп, независимо от пола, наибольшие страхи за будущее семьи связаны с экономической нестабильностью, негативными тенденциями в семейно-брачной сфере, характеризующимися разрушением ценностей традиционной семьи.

Респонденты назвали основные страхи за будущее семьи и детей, рождаемые современным обществом, это, в том числе:

- ♦ потеря работы (так ответили 19 % женщин и 21 % мужчин);
- ♦ отсутствие работы в регионе (для 27 % женщин и 24 % мужчин);
- ♦ невозможность профессионального роста (для 10 % женщин и 9 % мужчин).

Ответы респондентов на данные вопросы несколько отличаются в зависимости от возраста:



Молодые люди оценивают риски следующим образом:

- ◆ потеря работы — 32 % (так ответили молодые люди 15–20 лет); 20 % (так ответили молодые люди 21–25 лет); 17 % (так ответили молодые люди 26–30 лет);
- ◆ отсутствие работы в регионе — 23 % (15–20 лет) 22 % (21–25 лет); 19 % (26–30 лет);
- ◆ профессиональная реализация — 19 % (15–20 лет); 16 % (21–25 лет); 14 % (26–30 лет);
- ◆ длительные командировки — 35 % (15–20 лет); 27 % (21–25 лет); 22 % (26–30 лет).

Как мы видим, чем старше становятся молодые люди, тем меньше у них вызывают страхи за семью трудовые проблемы. Это очевидно, потому что к возрасту 26–30 лет молодые люди получают профессиональное образование и уже имеют некоторый трудовой опыт.

Респондентам было предложено внести несколько инициатив, которые бы способствовали мотивации рождаемости в России и поддержке семьи с детьми. Ими были названы, в том числе, такие, как дополнительные трудовые гарантии семьям с детьми, матерям с детьми и т. д., включая сокращение рабочего времени матерям, имеющим детей без снижения уровня заработной платы, а также гибкий график или дистанционную работу.

Респонденты так же обратили внимание на то, что современные СМИ и другие интернет-ресурсы ориентируют современную молодежь на профессиональный успех и карьерный рост: так ответили мужчины — 40,8 % и женщины — 40,2 %.

В период 2019–2022 гг. рядом учебных заведений были проведены социологические исследования цифровой занятости и ее влияния на успешность родительства [6]. Одним из факторов, снижающих потенциал родительства, является невозможность совмещения профессионального труда с эффективным, полноценным воспитанием детей. Гармоничный баланс между родительством и профессиональными обязанностями оказывает существенное влияние на репродуктивное поведение. Ученые отмечают неудовлетворенность родителей затратами времени на воспитание детей [4].

Вопрос затрат времени на родительство изучается и за рубежом. Исследователи, например, отмечают, что вечерние рабочие часы (после 18.00) или нестабильные графики негативно влияют на родительское благополучие [7].

Проведено несколько зарубежных исследований, касательно применения удаленного труда для сотрудников предприятий, гибридных (гибких) графиков и других альтернативных форм занятости. Как оказалось, введение такой формы занятости способствовало рождаемости и укреплению семейных уз [8].

В ряде отечественных исследований отмечены положительные эффекты дистанционного труда на совмещение родительства и профессиональной занятости [1; 14].

Исследователи проанализировали востребованность, общий спрос на сегмент цифровой занятости и, как оказалось, 42–45 % соискателей работы хотели бы работать дистанционно [3].

В такой связи становится актуальным вновь проанализировать возможности законодательного закрепления дополнительных льготных режимов работы для лиц с семейными обязанностями.

Трудовое законодательство предусматривает следующие гибкие (гибридные) формы занятости для лиц с семейными обязанностями:

- ◆ дистанционный труд, который регламентируется гл. 49.1 Трудового кодекса РФ [12]. Проблемным является получение такой формы режима, поскольку он предоставляется только по соглашению сторон. Если работодатель не захочет, то он не удовлетворит желание женщины получить такой удобный для нее режим труда.

- ◆ неполное рабочее время (ст. 93 Трудового кодекса РФ). Такой режим работы отдельным категориям работников, имеющих детей, работодатель обязан предоставить по их заявлению, но изменения, внесенные в 2017 г. в Трудовой кодекс РФ, стали препятствием для реализации этой льготы [13].

В ст. 93 Трудового кодекса РФ добавлено условие предоставления неполного рабочего времени работнику: работодатель может предоставить такой режим работы «с учетом условий производства». Трактую норму закона по-своему, работодатели отказывают работницам, имеющим детей, в предоставлении неполного рабочего времени, ссылаясь на отсутствие таких производственных возможностей. Работники вынуждены защищать свои трудовые права в судебном порядке.

Так, решением Орловского областного суда [9], были удовлетворены иски женщины, работающей инженером по охране труда, об обязанности работодателя предоставить ей неполное рабочее



время. Однако следует отметить, что не каждый работник способен отстаивать свои трудовые права в судебном порядке. Чаще всего при отказе работодателя предоставить более гибкие режимы работы работницы будут увольняться. Нарушениям трудовых прав способствует введенное в закон условие «с учетом условий производства», которое фактически нивелирует всю норму закона в целом.

Однако необходимо отметить, что и права работодателя иногда следует защитить от злоупотреблений со стороны работников, огульно требующих снижать им рабочее время на то количество часов, которое они хотят. Так, в кадровой практике Государственного университета управления был такой работник, который имел право на получение неполного рабочего времени в связи с уходом за инвалидом, и таким правом пользовался. Замещая должность руководителя структурного подразделения, он фактически работал один день в неделю. Очевидно, что на руководителе структурного подразделения лежат не просто функциональные обязанности, но и обязанности контроля за подчиненными, организации их работы. Трудясь один день в неделю, работник не имел возможности выполнять надлежащим образом свою работу. В то же время, работодатель не имел возможности принять замещающего его работника на те дни, пока он ухаживает за больным членом семьи и не работает. Именно такой дисбаланс интересов между работниками и работодателями наблюдается зачастую при труде молодых мам. И это приводит к тому, что работодатели с неохотой берут женщин с детьми на работу.

Споры между сторонами трудового договора в таких случаях может по действующему законодательству решить только суд. Но, как сказано выше, судебные инстанции не всем «по плечу», тем более женщине, у которой на руках дети. В этой связи предлагается наделить полномочиями Государственную инспекцию труда или профсоюзную инспекцию труда полномочиями давать заключение о возможности или невозможности предоставления работницам неполного рабочего дня с учетом производственных условий. Инспекторы труда вправе будут, изучив производство, обязанности работника, возможности его замены на период отсутствия и т. д. При условии наличия такого независимого заключения работодатель будет обязан предоставить женщине неполное рабочее время.

Аналогичный порядок следует установить и для предоставления по просьбе работников, воспитывающих детей, дистанционного труда.

При отсутствии возможностей предоставить работнице трудиться дистанционно или на условиях неполного рабочего времени, если инспекторы труда сделают такой вывод (такие ситуации реально могут быть), следует предусмотреть обязанность работодателя подыскать такой работнице другую работу у себя на предприятии, где она бы смогла успешно совмещать профессиональный труд и уход за детьми.

Предлагается дополнить ч. 2 ст. 93 «Неполное рабочее время» Трудового кодекса РФ предложением: «При отсутствии возможности предоставить указанным работникам режима неполного рабочего времени работодатель обязан предложить им с их согласия другую имеющуюся у него работу, где такая возможность имеется. При этом предлагаемая работа должна быть не ниже по квалификации, чем та, которую выполняет работник, соответствовать его состоянию здоровья и квалификации. Заработная плата за работником на период перевода выплачивается в размере, установленном для этой работы, но не ниже среднего заработка по прежнему месту работы».

Предлагается также дополнить ч. 2 ст. 93 «Неполное рабочее время» Трудового кодекса РФ предложением: «Отказ работодателя в предоставлении указанным работникам неполного рабочего времени или трудоустройства его на другую работу может быть обжалован работником в государственную инспекцию труда».

Ст. 356 «Основные полномочия федеральной инспекции труда» Трудового кодекса РФ дополнить абз. 25 следующего содержания: «по заявлению работника анализирует условия производства и возможность предоставления ему по его заявлению режима неполного рабочего времени. Заключение государственного инспектора труда является обязательным для работника и работодателя».

В случае отсутствия у работодателей таких условий труда, при которых указанные работники могут получить неполное рабочее время, предоставить работнику право расторгнуть или приостановить трудовой договор на период, связанный с воспитанием ребенка. При этом, если работник выберет увольнение, оно может быть проведено по основании п. 1 ч. 1 ст. 77 Трудового кодекса РФ «по соглашению сторон», но с определенными компенсационными выплатами.



тами. В этих целях предлагается внести изменения в ст. 178 «Выходные пособия. Выплата среднего месячного заработка за период трудоустройства или единовременной компенсации» Трудового кодекса РФ.

Предлагается добавить в ч. 9 ст. 178 следующего содержания: «При увольнении работника на основании п. 1 ч. 1 ст. 77 настоящего Кодекса (по соглашению сторон трудового договора), причиной которого является отсутствие у работодателя условий труда (производства) для предоставления работнику по его заявлению неполного рабочего времени, если такая обязанность возложена на работодателя в соответствии с ч. 2 ст. 93 настоящего Кодекса, работодатель выплачивает работнику компенсационную выплату в размере, установленном соглашением сторон, но не менее трех средних заработков».

Во избежание злоупотреблений со стороны работников, которые могут на момент приема на работу скрыть наличие тех семейных обстоятельств, которые позволяют ему получить дополнительные льготы в виде неполного рабочего времени, предлагается оградить и работодателя. Например, определив, что компенсационные выплаты выплачиваются при увольнении работников по причине невозможности получить неполное рабочее время, если он проработал у работодателя не менее одного календарного года, либо указанные семейные обстоятельства наступили ранее, но в период работы работника у данного работодателя.

Для этого предлагается дополнить предлагаемую ч. 9 ст. 178 Трудового кодекса РФ вторым предложением: «Компенсационные выплаты выплачиваются при увольнении работника по причине невозможности получить неполное рабочее время, если он проработал у работодателя не менее одного календарного года, либо указанные семейные обстоятельства наступили ранее, но в период работы работника у данного работодателя. В случае отказа работника от перехода на другую, предложенную ему работодателем работу, где режим неполного рабочего дня может быть предоставлен, компенсационные выплаты не выплачиваются».

Второй вариант разрешения ситуации — приостановление трудового договора на весь период, пока у работника имеются те самые семейные обстоятельства, позволяющие ему требовать у работодателя предоставления режима рабочего времени, или пока у работодателя нет такой работы, на которой работ-

нику может быть предоставлен указанный режим работы. Предлагается приостанавливать трудовой договор, но с обязательными выплатами компенсации, например, в размере *S* минимального размера оплаты труда. Для этого предлагается дополнить трудовое законодательство ч. 5 ст. 93 Трудового кодекса РФ «неполное рабочее время» следующего содержания: «При отсутствии у работодателя условий труда (производства), позволяющих предоставить работнику режим неполного рабочего времени по его заявлению в соответствии с ч. 2 ст. 93 настоящего Кодекса, включая иную работу, которую работодатель обязан предложить работнику, работник вправе по своему заявлению приостановить трудовой договор на период, пока у него имеются семейные обстоятельства, позволяющие ему требовать предоставления неполного рабочего дня, или пока у работодателя не появится возможность предоставить ему иную работу, где такой режим работы возможен. При этом за работником сохраняется заработная плата на весь период приостановления в размере, установленном по соглашению сторон, но не менее *S* минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом. При появлении у работодателя возможности предоставить работнику режим неполного рабочего дня, в том числе на других местах работы, работник обязан рассмотреть такую возможность, возобновив действие трудового договора. В случае необоснованного отказа выйти на работу на условиях неполного рабочего времени, включая отказ от предложенной ему работодателем работы, расценивается как отсутствие работника на работе без уважительных причин (прогул)».

На наш взгляд, наличие нескольких альтернативных решений сложившихся ситуаций позволит как защитить права работников с семейными обязанностями, так и предоставит возможность работодателю выбор в принятии решений без ущемления своих интересов, что сгладит социально-трудовой конфликт, обеспечит баланс интересов сторон трудового договора.

Список источников

1. Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // *Женщина в российском обществе*. № 5. С. 150–167.



2. Базуева Е. В. Трансформация диспозиции гендерной власти в современных семьях как фактор институциональных изменений // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. № 4 (34).
3. Камарова Т. А. Цифровые компетенции рынка труда 4.0. В сб. *Достойный труд — основа стабильного общества: мат. XIV междунар. науч.-практ. конф.* Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 14–19.
4. Камарова Т. А., Маркова Т. Л., Тонких Н. В. Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023. № 6. Т. 16. С. 252–269.
5. Орлова Е. Е., Подольский А. В. Льготные правовые режимы в сфере трудовых отношений // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 9 (237). С. 138–141.
6. Тонких Н. В. Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие. Отчет о НИР № 22-18-00614. Российский научный фонд, 2022.
7. Pollmann-Schult M., Li J. (2020). Introduction to the special issue Parental work and family/child well-being // *Journal of Family Research*. 2020. No. 32 (2). P. 177–191.
8. Lyman Stone and Adam Ozimek. The Impact of Remote Work on Family Dynamics and Relationship Patterns // URL: <https://blogs.vorecol.com/blog-the-impact-of-remote-work-on-family-dynamics-and-relationship-patterns-194631>
9. Апелляционное определение Орловского областного суда от 30 апреля 2025 г. № 33-1406/2025 (УИД 57RS0022-01-2024-004183-25) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Совмина СССР, ВЦСПС от 20 октября 1987 г. № 1177 «Об увеличении продолжительности оплачиваемого периода по уходу за больным ребенком» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. Т. 16. Ч. 2. Февраль–декабрь 1986 г. М. : Политиздат, 1988.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 18 июня 2017 г. № 125-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Тонких Н. В., Черных Е. А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. № 4. Т. 18. С. 477–490.
15. Senhu Wang, Hao Dong. Early Remote Work Impacts on Family Formation // *Agglomerations newsletter*. March 7, 2023.
16. Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore // *European Journal of Population*, 2024.

References

1. Bagirowa A. P., Blednova N. D. Combining Professional and Parental Work as Assessed by Ural Women: Objective and Subjective Barriers // *Woman in Russian Society*. No. 5. P. 150–167.
2. Bazueva E. V. Transformation of the Disposition of Gender Power in Modern Families as a Factor in Institutional Change // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2014. No. 4 (34).
3. Kamarova T. A. Digital Competencies of the Labor Market 4.0. In the collection *Decent Work — the Foundation of a Stable Society: Proc. XIV International Scientific and Practical Conf.* Ekaterinburg: Ural State University of Economics, 2022. P. 14–19.
4. Kamarova T. A., Markova T. L., Tonkikh N. V. The Impact of Employment Digitalization on the Combination of Professional and Family Responsibilities: Subjective Assessments of Russians // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023. No. 6. Vol. 16. P. 252–269.
5. Orlova E. E., Podolsky A. V. Preferential Legal Regimes in the Sphere of Labor Relations // *Law and State: Theory and Practice*. 2024. No. 9 (237). P. 138–141.
6. Tonkikh N. V. A Study of the Impact of Digital Employment on the Birth Rate and Parental Well-Being. Research Report No. 22-18-00614. Russian Science Foundation, 2022.
7. Pollmann-Schult M., Li J. (2020). Introduction to the special issue Parental work and family/child well-being // *Journal of Family Research*. 2020. No. 32 (2). P. 177–191.
8. Lyman Stone and Adam Ozimek. The Impact of Remote Work on Family Dynamics and Relationship Patterns // URL: <https://blogs.vorecol.com/blog-the-impact-of-remote-work-on-family-dynamics-and-relationship-patterns-194631>



9. Appellate ruling of the Oryol Regional Court dated April 30, 2025, No. 33-1406/2025 (UID 57RS0022-01-2024-004183-25) // LRS «ConsultantPlus».

10. Resolution of the USSR Council of Ministers, the All-Union Central Council of Trade Unions of October 20, 1987, No. 1177 «On Increasing the Duration of the Paid Period for Caring for a Sick Child» // LRS «ConsultantPlus».

11. Decisions of the Party and Government on Economic Issues: Coll. Doc. Vol. 16. Part 2. February–December 1986. M. : Politizdat, 1988.

12. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, No. 197-FZ // LRS «ConsultantPlus».

13. Federal Law of June 18, 2017, No. 125-FZ «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

14. Tonkikh N. V., Chernykh E. A. Quality of work, family and personal life during remote work: Opinions of Russian Women // Standard of Living of the Population of Russian Regions. 2022. No. 4. Vol. 18. P. 477–490.

15. Senhu Wang, Hao Dong. Early Remote Work Impacts on Family Formation // Agglomerations newsletter. March 7, 2023.

16. Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore // European Journal of Population, 2024.

Информация об авторе

Ф. Г. Мышко — доктор юридических наук, доцент;

Information about the author

F. G. Myshko — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

Учебное пособие. 8-е изд., перераб. и доп
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. А. В. Опалева

Новое, восьмое, издание учебного пособия подготовлено с учетом современных социальных реалий и актуальных изменений в российском законодательстве.

Вопросы общественной жизни, освещаемые в пособии, суммируют знания, получаемые в разных классах общеобразовательных учреждений по курсу обществознания. Углубленно раскрываются государственно-правовые аспекты обществознания.

Пособие состоит из трех разделов: «Общество», «Государство и право: основные понятия» и «Общая характеристика основных отраслей российского права».

Методические рекомендации по подготовке к вступительным испытаниям, контрольные вопросы к вступительным испытаниям в юридические вузы, примерный вариант тестовых заданий ориентированы на формирование и развитие умений, обеспечивающих готовность выпускников к ЕГЭ и вступительным испытаниям.

Для абитуриентов, поступающих на юридические специальности вузов; выпускников общеобразовательных учреждений, сдающих ЕГЭ по обществознанию, преподавателей и всех интересующихся вопросами обществознания.

Единый
Государственный
Экзамен

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ

8-е издание





Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-118-125>

EDN: <https://elibrary.ru/micoiy>

НИОН: 2003-0059-5/25-386
MOSURED: 77/27-003-2025-05-585

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Что не так с названием кодекса?

Владимир Владимирович Панкратов¹, Игорь Евгеньевич Мазуров²

^{1,2} Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹ pankratovvv@atiso.ru

² m-crim@list.ru

Аннотация. Действующий с 2003 г. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации вобрал в себя все достоинства и недостатки механизма правового регулирования как внутриотраслевых, так и межотраслевых отношений, складывающихся в обществе по поводу разрешения юридически значимых конфликтов и споров.

Системообразующим недостатком является отказ от принципа установления объективной истины в пользу процессуальной истины по конкретному делу. Это наглядный пример перехода юридической науки и практики на рельсы неклассического правовопонимания, абсолютизирующего мультисистемность (гибридность). Классификация — теоретическая операция по разделению объема знаний о предмете на основании теории систем. Результат этой операции (на примере животных) — отнесение предмета к понятию царства, классу, роду, виду, подвиду и т. д. При нехватке знаний о предмете или дефиците у субъекта познания умственных способностей классификация на основании теории систем невозможна. Так, некоторые племена Меланезии до настоящего времени не видят причинно-следственной связи между половым актом и рождением ребенка через девять месяцев после его завершения.

Правоприменители работу с элементами системы права значительно упростили, жестко ограничив процесс познания материалами принятого к производству дела: что конкретный суд по конкретному спору установил, то и есть правда. Для этого пришлось заблокировать принцип преюдиции. В результате правовое пространство постепенно заполняют имеющие силу закона решения по делам, согласно которым один и тот же субъект в одно и то же время находился в совершенно разных местах за совершением различных деяний или поступков.

Устранить данный недостаток путем внесения в текст поправок и дополнений невозможно, для этого потребуется принятие кодекса в новой редакции. В среднесрочной перспективе, когда количество появившихся в отсутствие преюдиции противоречащих друг другу судебных актов, которые не отвечают критериям объективной истины, перейдет в качество, это, безусловно, будет сделано.

Новая редакция законодательного акта повлечет за собой изменение его названия, которое должно будет приведено в соответствие с конституционными нормами и нормами государственного языка Российской Федерации.

Ключевые слова: толковый словарь государственного языка Российской Федерации, лингвистический аспект, рецепция права, исторический аспект, Кодекс межотраслевого судопроизводства Российской Федерации

Для цитирования: Панкратов В. В., Мазуров И. Е. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Что не так с названием кодекса? // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 118–125. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-118-125>. EDN: MICOIY.

Original article

Civil Procedure Code of the Russian Federation. What's wrong with the title of the code?

Vladimir V. Pankratov¹, Igor E. Mazurov²

^{1,2} Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

¹ pankratovvv@atiso.ru

² m-crim@list.ru

Abstract. The Civil Procedure Code of the Russian Federation, in force since 2003, has incorporated all the advantages and disadvantages of the mechanism of legal regulation of both intra-industry and inter-industry relations that are developing in society regarding the resolution of legally significant conflicts and disputes.

A systemic disadvantage is the rejection of the principle of establishing objective truth in favor of procedural truth in a particular case. This is a clear example of the transition of legal science and practice to the rails of non-classical legal understanding, absolutizing multisystem (hybridity). Classification is a theoretical operation to divide the amount of knowledge about a subject based on system theory. The result of this operation (using animals as an example) is the assignment of an object to the concept of a kingdom, class, genus, species, subspecies, etc. With a lack of knowledge about the subject or a deficit in the subject of knowledge of mental abilities, classification based on system theory is impossible. Thus, some tribes of Melanesia still do not see a causal relationship between sexual intercourse and the birth of a child nine months after its completion.

© Панкратов В. В., Мазуров И. Е., 2025



Law enforcers have greatly simplified the work with elements of the legal system by severely limiting the process of knowledge of the materials of the case accepted for proceedings — which a specific court has established on a specific dispute, that is, the truth. To do this, I had to block the principle of prejudice. As a result, the right space is gradually filled with decisions that have the force of law in cases according to which the same subject at the same time was in completely different places for the commission of various acts or acts.

It is impossible to eliminate this drawback by making amendments and additions to the text, this will require the adoption of a new version of the code. In the medium term, when the number of conflicting judicial acts that do not meet the criteria for objective truth that have appeared in the absence of prejudice turns into quality, this will certainly be done.

The new version of the legislative act will entail a change in its name, which will have to be brought in line with the constitutional norms and norms of the state language of the Russian Federation.

Keywords: Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation, linguistic aspect, reception of law, historical aspect, Code of Intersectoral Legal Proceedings of the Russian Federation

For citation: Pankratov V. V., Mazurov I. E. Civil Procedure Code of the Russian Federation. What's wrong with the title of the code? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):118–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-118-125>. EDN: MICOIY.

Преюдиция и не только

Председательствующий руководит судебным заседанием, обеспечивая полное, всестороннее и объективное выяснение всех обстоятельств дела (ст. 145 ГПК РСФСР 1923 г. «Председательствующий в судебном заседании») [2]. В ныне действующем кодексе подобная норма отсутствует. Она замещена другими установлениями, такими, как:

♦ признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств (ст. 68 ГПК РФ «Объяснения сторон и третьих лиц») [5];

♦ преюдиция (ст. 61 ГПК РФ «Основания для освобождения от доказывания») [5] освобождает от доказывания фактов, уже установленных вступившим в силу решением суда по другому делу с участием тех же лиц.

Однако, чудом уцелевшая в ходе реформ норма ст. 67 ГПК РФ «Оценка доказательств» [5] прямо указывает, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы — суд оценивает их самостоятельно, включая преюдициальные. Как эта норма реализуется на практике свидетельствуют материалы конкретного гражданского дела.

Нагатинский районный суд г. Москвы по делу о восстановлении на государственной службе вначале взыскал с ответчика в пользу П. средний заработок в сумме 63 684 руб. за все время вынужденного прогула, а потом, уже по другому делу — 31 138 руб. пособия по предъявленным П. к оплате 8 (восьми) листкам временной нетрудоспособности, 124 дня которой пришлось на время вынужденного прогула.

Иск представителя нанимателя о взыскании с П. среднего заработка за 124 дня вынужденного прогула, в течение которых она была нетрудоспособна и за которые получила страховую выплату, Нагатинский районный суд г. Москвы (судья И. В. Бондарен-

кова) отклонил в связи с тем, что виновных и недобросовестных действий со стороны П. по получению заработной платы в размере ином, чем это предусмотрено трудовым договором, и пособия по временной нетрудоспособности не установлено, поскольку и заработок, и пособие были выплачены ей на основании вступивших в законную силу судебных решений.

Апелляционная инстанция Московского городского суда (председательствующий С. В. Климова) при рассмотрении дела № 33-38773/14 указала, что при рассмотрении дела судом первой инстанции не допущено нарушения или неправильного применения норм материального или процессуального права, повлекших вынесение незаконного решения, потому оснований для отмены решения суда по доводам апелляционной жалобы не имеется; т. е. не допущено нарушения норм материального права, регулирующих порядок выплаты пособия по временной нетрудоспособности при отсутствии трудовых отношений, а именно:

♦ ч. 2 ст. 5 «Случаи обеспечения пособием по временной нетрудоспособности» Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [6], согласно которой пособие по временной нетрудоспособности выплачивается застрахованным лицам в случаях, когда заболевание или травма наступили в течение 30 календарных дней со дня прекращения указанной работы;

♦ ст. 28 (утратила силу с 1 января 2024 г.) Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [7], согласно которой в период временной нетрудоспособности за лицом, прекратившим трудовые отношения и получившим статус безработного, сохраняется выплата пособия по безработице, но не пособия по временной нетрудоспособности.

Чтобы спасти конструкцию из двух взаимоисключающих судебных актов, каждый из которых по



отдельности соответствовал принципу процессуальной истины, судьи по делу № 33-38773/14 сформировали и реализовали на практике новую правовую позицию (читай — правовую норму), согласно которой увольнение прекращает только отношения между работником и его работодателем, но не отношения между застрахованным и его страхователем, которые носят бессрочный характер и не зависят от прямого волеизъявления сторон. Согласно этой позиции (читай — нормы), уволенный считается застрахованным на неопределенный срок, наступление временной нетрудоспособности после прекращения трудовых отношений, является страховым случаем и влечет за собой выплату заболевшему соответствующего пособия. При этом, первые три дня каждого периода нетрудоспособности (по делу № 33-38773/14 насчитывается восемь таких периодов) из своих средств должен оплатить не кто-нибудь, а последний по счету страхователь, вне зависимости от того, сколько дней, недель, месяцев или лет прошло с момента, когда был подписан приказ об увольнении некогда застрахованного им лица, имея в виду, что статуса «последнего страхователя» он лишится только после трудоустройства уволенного к другому работодателю, регистрации в службе занятости в качестве безработного или никогда.

Нормы материального и процессуального права

Материальное право определяет содержание прав и обязанностей субъектов, регулирует конкретные общественные отношения (гражданские, трудовые, уголовные и др.). Оно отвечает на вопрос: «Что регулируют нормы права?» Например, Гражданский кодекс РФ устанавливает правила собственности, договоров, наследования, а Уголовный кодекс РФ определяет, какие деяния являются преступлениями и какие наказания за них предусмотрены.

Процессуальное право регламентирует порядок реализации норм материального права: процедуры рассмотрения дел, порядок доказывания, права участников процесса и т. д. Оно отвечает на вопрос: «Каким образом реализуются нормы материального права?».

Материальное право первично: оно определяет предмет регулирования и содержание прав/обязанностей. Процессуальное право производно от материального, так как его задача — обеспечить реализацию материальных норм. Процессуальное право не может существовать без материального: без норм, определяющих права и обязанности, не требуется и их процессуальное обеспечение.

Материальные нормы нуждаются в процессуальных формах: без процессуальных механизмов материальные нормы остаются лишь декларацией, не имеющей практического применения. В некоторых случаях законодатель может устанавливать приоритет кодифицированных процессуальных актов (например, Уголовно-процессуальный кодекс РФ или Гражданский процессуальный кодекс РФ) в рамках их предметной компетенции. Однако этот приоритет ограничен сферой регулирования и не является безусловным. Так, согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ имеет приоритет в регулировании уголовно-процессуальных отношений, но это не отменяет действие материальных норм Уголовного кодекса РФ [11].

Формально иерархия между материальным и процессуальным правом не установлена, в правоприменительной практике суды отдают приоритет материальным нормам, в связи с чем процессуальные нормы служат инструментом для реализации материальных предписаний, а не самостоятельной целью судебной деятельности. Например, если процессуальные нормы нарушены (например, доказательства получены с нарушением закона), суд может отказать в их принятии, но это не отменяет действия самих материальных норм.

Таким образом, материальное и процессуальное право равнозначны в системе права, хотя и выполняют разные функции. Материальное право определяет содержание прав и обязанностей, а процессуальное — порядок их реализации. В правоприменительной практике приоритет отдается материальным нормам, так как процессуальные нормы лишь обеспечивают их реализацию. В системе права материальное и процессуальное право взаимосвязаны, но не находятся в иерархическом подчинении друг другу. Оба вида норм выполняют разные функции и дополняют друг друга, чтобы обеспечить регулятивную функцию права. Иерархического превосходства одних норм над другими не существует, однако без их взаимодействия функционирование правовой системы невозможно и это должно находить свое отражение в названии кодифицированных законодательных актов.

Немного о правописании

Написание названия «Гражданский процессуальный» кодекс обусловлено правилами русского языка о правописании сложных прилагательных [10]. Написание зависит от структуры и семантики словосочетания, от которого образовано прилагательное.



3.1. Слитно пишутся:

◆ прилагательные, образованные от словосочетаний с подчинительной связью (согласование, управление, примыкание). Например: железнодорожный или водопроводный;

◆ прилагательные, первая часть которых — числительное, наречие (на -о или -е), элементы (верхне-, ниже-, древне-, средне-). Например: пятиэтажный, высокообразованный, древнерусский;

◆ прилагательные, одна из частей которых не употребляется отдельно. Например: белобрысый, всеядный.

3.2. Через дефис пишутся:

◆ прилагательные, образованные от равноправных основ, между которыми можно вставить союзы «и».

Например: торгово-промышленный, русско-английский;

◆ прилагательные, обозначающие оттенки цвета, вкуса, запаха. Например: светло-зеленый, кисло-сладкий;

◆ прилагательные, образованные от сложных существительных с дефисом в написании, в том числе географические наименования.

Например: юго-западный, Санкт-Петербургский;

◆ прилагательные с первой частью на -ико (например, физико-технический), а также с частями военно-, массово-, научно- и др.

Таким образом, название «Гражданский процессуальный» образовано от словосочетания с подчинительной связью: гражданский процесс. Главное слово — «процесс», зависимое — «гражданский» (отвечает на вопрос какой?).

В силу изложенного, название кодекса отражает предмет правового регулирования — процессуальные нормы, связанные с гражданским судопроизводством. Здесь прилагательное «гражданский» выступает как определение к слову «процессуальный», указывая на принадлежность процессуальных норм к сфере гражданских дел. Такое подчинительное строение словосочетания (гражданский процесс) соответствует правилам русского языка. Термин «гражданский процесс» обозначает деятельность суда и участников по рассмотрению и разрешению гражданских дел, а «гражданское процессуальное право» — совокупность норм, регулирующих эту деятельность. Название кодекса подчеркивает его роль как источника процессуальных норм, а не как описания самого процесса.

Нормы кодекса определяют процедуры подачи и рассмотрения исков, порядок проведения судебных

заседаний, права и обязанности участников процесса, правила представления доказательств и другие аспекты гражданского судопроизводства. Название кодекса подчеркивает его связь с гражданским процессом и процессуальными нормами, которые обеспечивают справедливое и эффективное разрешение гражданских споров и четко указывает на предмет регулирования — процессуальные нормы гражданского судопроизводства, без смешения с материальными нормами гражданского права.

Вариант «гражданско-процессуальный» мог бы создать впечатление, что кодекс регулирует как материальные (гражданские), так и процессуальные нормы, что не соответствует действительности. ГПК РФ фокусируется исключительно на процессуальных аспектах судопроизводства, в силу чего не содержит норм материального права, как его процессуальный собрат по уголовному судопроизводству.

Название «Уголовно-процессуальный» образовано от равноправных понятий: «уголовный» и «процессуальный». Между ними можно вставить союз «и» (уголовный и процессуальный), что требует дефисного написания. «Гражданский процессуальный» отражает подчинительную связь, а «Уголовно-процессуальный» — равноправные понятия.

Именно поэтому Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит норму материального права, определяющую такое понятие, как «прокурор» (ст. 37 «Прокурор») [8], а Гражданский процессуальный кодекс РФ — нет, как нет такой нормы и в тексте самого Гражданского кодекса РФ, поэтому субъекты гражданского судопроизводства вынуждены выходить за пределы своей отрасли, чтобы обратиться к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» и определить, кто вступил в дело — прокурор субъекта РФ, города или района.

Вынужденное обращение к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» выявляет существующие противоречия с Гражданским процессуальным кодексом РФ. В ст. 27 «Полномочия прокурора» закона [12] используется понятие «значительный круг лиц», а в ст. 45 ГПК РФ «Участие в деле прокурора» [5] — «неопределенный круг лиц». Эти термины могут интерпретироваться по-разному, что способно создать сложности на практике. Суд сможет не допустить прокурора к участию в деле, если они по-разному индивидуализируют группу лиц, чьи права оказались нарушенными.

Также закон о прокуратуре предусматривает, что прокурор может вступить в дело в любой стадии



процесса, если это требуется для защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. Однако Гражданский процессуальный кодекс РФ в ч. 3 ст. 45 [5] ограничивает это право определенными категориями дел (например, о выселении, восстановлении на работе, возмещении вреда жизни или здоровью).

Суд не допустит прокурора к участию в деле, если они по-разному индивидуализируют категорию дел, в рассмотрении которых прокурор вправе принять участие, даже если речь идет о защите значимых публичных и/или общественных интересов.

Это безусловный порок «смешанного регулирования», где материальное право определяет, кто такой прокурор и каковы его полномочия, а процессуальное право, — когда и как он может их реализовывать.

Лингвистический аспект

По распоряжению Правительства РФ от 30 апреля 2025 г. № 1102-р опубликованы нормативные словари, фиксирующие нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации [4]. Правоведы получили легальную возможность сопоставить юридические термины своего понятийного аппарата с лингвистическими нормами русского языка.

Толковый словарь государственного языка Российской Федерации [9] содержит вокабулу «гражданский» — термин, который широко используется в отечественной цивилистике. Текст вокабулы заслуживает того, чтобы процитировать его полностью:

ГРАЖДАНСКИЙ -ая, -ое.

1. Относящийся к правовому регулированию отношений частных лиц (граждан и юридических лиц) между собой по поводу имущества и обязательств имущественного характера. *Гражданский кодекс. Гражданские законы. Гражданский иск, процесс. Гражданское право (отрасль права, объединяющая правовые нормы, регулирующие имущественные, а также личные неимущественные отношения). Акты гражданского состояния. Гражданская казнь (политическая кара — лишение всех прав гражданина и покровительства закона). Гражданская смерть (состояние подвергнувшегося гражданской казни; также: утрата авторитета, уважения, влияния и т. п. в обществе).*

2. Свойственный, присущий гражданину как сознательному члену общества. *Гражданский долг. Гражданская честь, совесть, гордость. Гражданское*

мужество. Гражданский подвиг. // Проникнутый идеей общественного блага. Гражданская лирика Некрасова. // Осуществляемый гражданами. Гражданская война (вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны).

3. *Невоенный. Гражданская служба. Гражданский человек. Гражданские лица. Гражданский воздушный флот. Кто-либо, наряду с военным образованием, получил гражданскую специальность. В гражданском платье (не в военной форме).*

4. *Нецерковный. Гражданский шрифт (введенный Петром I вместо церковнославянского — основа современного шрифта). Гражданский брак (также: не оформленный официально союз мужчины и женщины). Гражданская панихида (траурный митинг).*

Обращает на себя внимание, что лингвисты считают гражданскими только те отношения, которые связаны с имуществом. Личные неимущественные отношения, по их мнению, в эту систему не входят, как не входят и некоторые другие, на которые Гражданский кодекс РФ распространяет действие своих норм.

Более подробно вопрос интервенции материальных норм гражданского права в сферу других отраслей рассмотрен одним из авторов в публикации «Охрана труда в свете некоторых проблем законодательного регулирования» [1].

Рецепция права

С процессуальными нормами гражданского права ситуация еще наглядней. Любая правовая отрасль имеет свои процессуальные нормы. У одних отраслей эти нормы кодифицированы (уголовное право, административное право), у других отраслей — нет (трудовое право, избирательное право). Судебные споры, возникающие в сфере регулирования правовых отраслей, не имеющих собственного процессуального кодекса, обречены на рассмотрение в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса РФ.

В свою очередь, Гражданский процессуальный кодекс РФ осуществил рецепцию процессуальных норм, которые являются принадлежностью иных отраслей права. Поэтому свои особенности, по сравнению с вещными правами, имеет защита трудовых прав, избирательных прав, семейных прав, авторских прав, прав в сферах спорта, социального обеспечения, здравоохранения и некоторых других.

Истинные масштабы рецепции можно понять, обратившись к оглавлению кодекса [5]:



♦ гл. 22.2. Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации (ст. 244.11–244.19);

♦ гл. 24. Производство по делам о признании недействующими нормативных правовых актов полностью или в части (ст. 251–253);

♦ гл. 25. Производство по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих (ст. 254–258);

♦ гл. 26. Производство по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (ст. 259–261);

♦ гл. 26.1. Помещение иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение (ст. 261.1–261.4);

♦ гл. 26.2. Производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (ст. 261.5–261.8);

♦ гл. 28. Установление фактов, имеющих юридическое значение (ст. 264–268);

♦ гл. 29. Усыновление (удочерение) ребенка (ст. 269–275);

♦ гл. 30. Признание гражданина безвестно отсутствующим или объявление гражданина умершим (ст. 276–280);

♦ гл. 31. Ограничение дееспособности гражданина, признание гражданина недееспособным, ограничение или лишение несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами (ст. 281–286);

♦ гл. 32. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) (ст. 287–289);

♦ гл. 35. Госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и психиатрическое освидетельствование в недобровольном порядке (ст. 302–306);

♦ гл. 36. Рассмотрение дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния (ст. 307–309);

♦ гл. 37. Рассмотрение заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении (ст. 310–312);

♦ гл. 45.1. Производство по делам с участием иностранного государства (ст. 417.1–417.12);

♦ гл. 46. Производство по делам об оспаривании решений третейских судов (ст. 418–422.1);

♦ гл. 47. Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов (ст. 423–427);

♦ гл. 47.1. Производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов (ст. 427.1–427.5).

Очевидно, что частно-правовая (договорная) составляющая той сферы общественных отношений, которую призваны регулировать нормы 92 статей 18 перечисленных глав Гражданского процессуального кодекса РФ, минимальная. В этих сферах доминируют нормы публичного права, которые к гражданскому праву как таковому отношения не имеют. Налицо консолидация норм частного, частно-публичного и публичного права, которая корреспондируется с консолидацией субъектов, наделенных правом применять эти нормы на практике.

Десять лет назад Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд объединились в единое целое, которое с тех пор представляет собой единственный в Российской Федерации высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным и иным делам, в том числе, по экономическим спорам.

В настоящее время Гражданский процессуальный кодекс РФ предполагает разрешение не только гражданских споров, но и споров, возникающих в сфере публичных правоотношений, многие из которых, по своей природе, относятся к административным спорам, процедуру рассмотрения которых авторам последней процессуальной реформы пришлось объявить разновидностью цивилистического судебного процесса. Мало кого смущает, что это противоречит ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации [3], которой установлено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Таким образом, название ныне действующего кодекса не отражает его содержания, противоречит не только лингвистическим, но и конституционным нормам.

Исторический аспект

По нормам введенного в действие постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 10 июля 1923 г. Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. [2] суды рассматривали споры в различных отраслях права, включая:



♦ гражданские отношения. В частности, споры, в которых одной или обеими сторонами были частные лица, споры между учреждениями, предприятиями и организациями обобщественного сектора;

♦ трудовые отношения. Особые трудовые сессии народных судов рассматривали иски, вытекавшие из трудовых отношений, независимо от суммы иска и личности ответчика. Также им были подсудны уголовные дела по нарушению законов и других нормативных актов о труде, коллективных договоров, дела, связанные с воспрепятствованием работе профсоюзов;

♦ авторское право. Суды рассматривали иски, вытекающие из авторского права, права на промышленное изобретение, права на товарные, фабричные знаки, модели и фирмы;

♦ споры колхозов. Суды рассматривали споры колхозов между собой и с государственными и кооперативными организациями, возникающие из договоров и других имущественных правоотношений, независимо от суммы иска. Исключение составляли земельные споры колхозов, которые рассматривались в порядке, установленном особыми законами.

Действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ — третий для России. Первый Гражданский процессуальный кодекс РСФСР действовал с 1923 по 1964 г., второй Гражданский процессуальный кодекс РСФСР действовал с 1964 г. по 1 февраля 2002 г.

Чтобы привести гражданское процессуальное законодательства в соответствие с изменившимися условиями жизни Верховный Совет РСФСР 24 октября 1992 г. принял «Концепцию судебной правовой реформы».

По приказу Министерства юстиции РФ от 23 мая 1993 г. рабочая группа готовила проект нового кодекса, а с 1995 г. по инициативе Верховного Суда РФ началась работа по совершенствованию Гражданского процессуального кодекса РСФСР. В кодексе появились институты мировой юстиции, приказного производства, заочного производства и др.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации принят Государственной Думой РФ 23 октября 2002 г., одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г., подписан Президентом РФ 14 ноября 2002 г. и вступил в силу 1 февраля 2003 г.

Заключительный аспект

Приведенная выше норма ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации не содержит какого-либо упоминания о процессе. В ней речь идет о судопроизводстве. С этих позиций конституции соответствует

только название Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Название ныне действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не отражает и многоотраслевого характера предмета его правового регулирования.

Устранить эти очевидные недостатки сможет его новое название, такое, как Кодекс межотраслевого судопроизводства Российской Федерации.

Список источников

1. Панкратов В. В. Охрана труда в свете некоторых проблем законодательного регулирования // Научные труды Российской академии юридических наук. В 3 т. Т. 3. Вып. 6. М.: Юрист, 2006. С. 119–124.

2. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/10_grazhd_kodeks

3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // URL: <https://base.garant.ru/10103000/>

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-п // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013>

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

6. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // URL: <https://base.garant.ru/12151284/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/>

7. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // URL: <https://base.garant.ru/12125178/9db18ed28bd6c0256461e303941d7e7a/>

9. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации // URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf

10. Правила русского языка. Правописание сложных прилагательных // URL: <https://wika.tutoronline.ru/russkij-yazyk/class/6/osobennosti-pravopisaniya-slozhnyh-imen-prilagatelnyh>



11. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 946-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Магденко Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 1, частями первой и второй статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70307686/>

12. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп.) // URL: <https://base.garant.ru/10164358/3e01a7fa47957b2f627d012fe630f5c6/>

References

1. Pankratov V. V. Labor protection in light of some problems of legislative regulation // Scientific works of the Russian Academy of Legal Sciences. In 3 vol. Vol. 3. Issue 6. M. : Jurist, 2006. P. 119–124.

2. Civil Procedure Code of the RSFSR of 1923 // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/10_grazhd_kodeks

3. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // URL: <https://base.garant.ru/10103000/>

4. Order of the Government of the Russian Federation of April 30, 2025 No. 1102-r // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013>

5. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

6. Federal Law of December 29, 2006 No. 255-FZ «On Compulsory Social Insurance in Case of Temporary Disability and in Connection with Maternity» // URL: <https://base.garant.ru/12151284/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/>

7. Law of the Russian Federation of April 19, 1991 No. 1032-1 «On Employment of the Population in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ // URL: <https://base.garant.ru/12125178/9db18ed28bd6c0256461e303941d7e7a/>

9. Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation // URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovjy_slovar_chast1_A-N.pdf

10. Rules of the Russian Language. Spelling of compound adjectives // URL: <https://wika.tutoronline.ru/russkij-yazyk/class/6/osobennosti-pravopisaniya-slozhnyh-i-men-prilagatelnyh>

11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 17, 2013 No. 946-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksandr Mikhailovich Magdenko regarding the violation of his constitutional rights by parts one and two of Article 1, parts one and two of Article 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70307686/>

12. Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-I «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» (as amended and supplemented) // URL: <https://base.garant.ru/10164358/3e01a7fa47957b2f627d012fe630f5c6/>

Информация об авторах

В. В. Панкратов — заместитель декана юридического факультета Академии труда и социальных отношений, кандидат юридических наук;

И. Е. Мазуров — заведующий кафедрой административного, финансового и международного права Академии труда и социальных отношений, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. V. Pankratov — Deputy Dean of the Faculty of Law of the Academy of Labor and Social Relations, Candidate of Legal Sciences;

I. E. Mazurov — Head of the Department of Administrative, Financial and International Law of the Academy of Labor and Social Relations, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 349.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-126-130>

EDN: <https://elibrary.ru/lxejcg>

ИПОН: 2003-0059-5/25-387

MOSURED: 77/27-003-2025-05-586

Некоторые проблемы правоприменения дополнительных трудоправовых гарантий женщинам с детьми

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены демографические проблемы, которые вновь побуждают к рассмотрению дополнительных трудовых гарантий для женщин с детьми. Трудоправовая уверенность женщины способствует реализации ею репродуктивной функции. Трудовое законодательство предусматривает огромное количество льгот и гарантий беременным женщинам и женщинам с детьми. Но в правоприменительной практике наблюдаются нарушения трудовых прав женщин. Проанализирована некоторая практика предоставления льгот и гарантий женщинам, в частности, привлечение к работе в ночное время, а также выплата пособия по беременности и родам. Сформулированы предложения по совершенствованию социально-трудового законодательства.

Ключевые слова: пособие по беременности и родам, работа в ночное время, беременные женщины, женщины, имеющие детей, дополнительные трудовые гарантии

Для цитирования: Титор С. Е. Некоторые проблемы правоприменения дополнительных трудовых гарантий женщинам с детьми // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 126–130. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-126-130>. EDN: LXEJCG.

Original article

Some problems of law enforcement of additional labor and legal guarantees for women with children

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. Demographic problems are considered, which again prompt the consideration of additional labor guarantees for women with children. A woman's labor-legal confidence contributes to her reproductive function. Labor legislation provides for a huge number of benefits and guarantees for pregnant women and women with children. But in law enforcement practice, violations of women's labor rights are observed. Some practice of providing benefits and guarantees to women was analyzed, in particular, employment at night, as well as the payment of maternity benefits. Proposals for improving social and labor legislation have been formulated.

Keywords: maternity benefits, night work, pregnant women, women with children, additional labor and legal guarantees

For citation: Titor S. E. Some problems of law enforcement of additional labor and legal guarantees for women with children. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):126–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-126-130>. EDN: LXEJCG.

Современное трудовое законодательство в целях поддержки женщин, реализующих основную роль в обществе — репродуктивные функции, предоставляет целый ряд дополнительных гарантий и льгот. Между тем, как показывает судебная практика, научные исследования, социально-трудовая практика в реальности имеет место ущемление прав работниц. Возвращение к рассмотрению указанной проблематики диктуется не только тем, что работницы, имеющие детей, или беременные, становятся социально-уязвимыми на рынке труда, но и тем, что эти нарушения демотивируют их к деторождению. Зная о негативном отноше-

нии работодателей к женщинам с детьми, многие из них откладывают деторождение на более поздний период, а иногда и совсем отказываются от рождения детей [1]. Социальная защита беременных женщин и женщин, имеющих детей, становится одним из важнейших факторов решения демографических проблем [2].

В России около 35 % женщин, имеющих детей, сталкиваются с нарушениями их трудовых прав [3]. Профессиональные союзы называют такие, самые распространенные нарушения трудовых прав женщин:

♦ принуждение к увольнению в связи с беременностью;

© Титор С. Е., 2025



- ◆ дискриминация при приеме на работу;
- ◆ более низкая заработная плата, чем у мужчин, за равный труд;
- ◆ харассмент и другие должностные давления.

Проблемы с трудоустройством у женщин, имеющих детей, возникают, прежде всего, по причине того, что работодатели считают «излишними», крайне невыгодными для них дополнительные льготы таких женщин [4]. Работодатели ощущают дисбаланс интересов производства и семейных обязанностей женщин. Ограничительные нормы в отношении возможности привлечения беременных работниц или работниц, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, при привлечении их к труду в ночное время и направление в командировку, как считают, работодатели, мешают развитию производства. Бывают такие производства, когда невозможно обойтись без привлечения работников в ночное время или без направления в командировку. Но работница решила завести ребенка. Возникает дисбаланс интересов. Работница не может работать полноценно, ее заработки могут снижаться, она может получать негативные реакции как со стороны руководства, так и со стороны коллег, которым фактически приходится брать на себя ее обязанности (например, чаще выходить в ночную смену или ездить в командировки). В этих ситуациях предлагается обязать работодателей предпринимать меры по переводу работницы с ее согласия на другую работу. И такую обязанность не мешало бы закрепить законодательно.

Для этого предлагается изменить трудовое законодательство в части добавления ч. 7 ст. 99 «Работа в ночное время», последнего предложения в ч. 2 ст. 259 «Гарантии беременным женщинам и лицам с семейными обязанностями при направлении в служебные командировки...» Трудового кодекса РФ следующую норму: *«Работодатель вправе предложить женщине, имеющей детей в возрасте до трех лет, перейти временно с ее согласия на другую работу, не связанную с работой в ночное время или командировками. По исполнению ребенку трех лет женщина вправе вернуться на прежнее рабочее место».*

Несколько вариантов решения проблем, связанных с совмещением профессиональной деятельности и воспитанием детей, снизит нагрузку на работодателей, на наш взгляд, позволит сбалансировать интересы сторон трудового договора, что, в конечном итоге, станет гарантией сохранения места работы за женщинами, родившими ребенка.

Однако, не всегда «виноват» работодатель в нарушении социально-трудовых прав женщин, имеющих детей, или беременных женщин. Имеется еще одна законодательная неопределенность, приводящая к нарушениям конституционных прав женщин на получение достойных компенсационных выплат в связи с беременностью и родами. «Нарушителем» выступает уже негосударственный фонд — Социальный фонд РФ.

До недавнего времени существовала проблема сохранения пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет женщинам, вышедшим на работу на неполное рабочее время. Такое право у работниц закреплено законодательно (ст. 93, 256 Трудового кодекса РФ, ст. 11 закона об обязательном социальном страховании на случай материнства [6]). Однако Фонд социального страхования (далее — ФСС) — ныне Страховой и пенсионный фонд России — всячески препятствовал получению женщиной пособия при выходе на работу на неполное рабочее время. Основные аргументы — работница «слишком мало» сократила свое рабочее время, что, по мнению ФСС, свидетельствовало о том, что не она лично осуществляет уход за ребенком, соответственно, лишается права на получение компенсационной выплаты. Судебная практика складывалась по-разному. В научной литературе имелись дискуссии [5], высказывались мнения о пропорциональном снижении размера пособия, например и т. д.

Разногласия между получателем пособия по уходу за ребенком до достижения возраста 1,5 лет и ФСС длились годами. Но законодатель решил эту проблему «одним днем», внося изменения в законодательство о сохранении пособия за женщинами в полном объеме, в том числе, вышедшим из отпуска на работу [7]. Но какое количество лиц, воспитывающих детей, недополучили свои и так незначительные суммы пособий только из-за «нерасторопности» регулятора. Такая практика, безусловно, влияет на мотивацию женщин к рождению ребенка.

Однако до настоящего времени не решена проблема с размером пособия по беременности и родам женщинам, работающим на неполную ставку или неполное рабочее время. Согласно норме закона, пособие по беременности и родам рассчитывается из среднего заработка за два последних года, предшествующих наступлению страхового случая (отпуска по беременности и родам) [6, ст. 14]. Женщине, кото-



рая не имела заработка в указанные два года, или которая имеет незначительный стаж работы (менее шести месяцев), пособие по беременности и родам исчисляется из расчета минимального размера оплаты труда (далее — МРОТ).

ФСС применяет норму закона на свое усмотрение, следуя логике: если женщина работает неполное рабочее время, то для расчета пособия по беременности и родам должен браться ее фактический заработок, и не важно, что он менее МРОТ. При таком расчете женщина получает мизерные суммы пособия. Причем, как правило, трудиться неполный рабочий день ее побуждает наличие других малолетних детей.

Следует отметить, что такие женщины ставились с дискриминационным положением по отношению к не имеющим стажа женщинам. Последним в любом случае пособие выплачивается в размере не менее МРОТ несмотря на то, что их непродолжительная трудовая деятельность не внесла весомого вклада в страховую систему (страховая система получила незначительные суммы от их заработка). Стаж трудовой (страховой) деятельности при начислении пособия по беременности и родам не учитывается. И несмотря на то, что женщина, работающая неполное рабочее время, к моменту ухода в отпуск по беременности и родам, своим продолжительным трудом внесла уже достаточный вклад в фонд страхования, она получит меньший размер пособия, т. е. менее МРОТ.

Судебная практика складывается в пользу женщин [8; 10], суды признают неправоту ФСС, обязывая его в любом случае, выплачивать пособие в размере не менее МРОТ. Однако ФСС (ныне — СФР) продолжает стоять на своем.

Дело усугубляется тем, что ранее пособие по беременности и родам начислялось и выплачивалось работодателями, которые, в последующем представляли отчеты в ФСС для возмещения из страхового фонда произведенных выплат. И все споры о размере выплаты (точнее, размере возмещения затрат из фонда) складывались между ФСС и работодателями, и разрешались в Арбитражном суде. В общем-то спорящие стороны были равны по юридической подкованности, могли достойно противостоять друг другу. Суды вставали на сторону работодателей, обязывая ФСС возместить пособие в размере не менее МРОТ. С 2022 г. в законодательство было внесено изменение (ст. 13) [6]. Теперь СФР напрямую выплачивает все пособия работникам самостоятельно, минуя работо-

дателей. И женщина, недополучившая пособие, остается один на один с СФР. Имея на руках младенца, вряд ли она пойдет по судам добиваться правды. Тем не менее, такая практика уже складывается (инициатором стал автор этого раздела). И суды вновь встают на сторону женщины, обязывая доначислить и выплатить пособие по беременности и родам в размере не менее МРОТ [9].

Полагаем, что следует прекратить демотивирующую к материнству практику ущемления беременных женщин и внести соответствующие изменения в закон.

Предлагается внести изменения в ч. 14 Федерального закона об обязательном страховании на случай временной нетрудоспособности и материнства» [6], добавив в ч. 4 норму: *«Пособие по беременности и родам не может быть в любых случаях менее минимального размера оплаты труда в расчете на один календарный месяц отпуска по беременности и родам».*

В связи с переходом на «прямые выплаты» пособий страхователем непосредственно получателям, изменился и размер материальной ответственности за несвоевременную выплату. Ранее, если пособие, равно как и заработную плату, работодатель выплачивал с опозданием, то он нес материальную ответственность в виде компенсации в размере 1/150 части от ключевой ставки Центрального банка России за каждый день просрочки [11, ст. 236]. Очевидно, если в отношении пособий изменился лишь плательщик, гарантии женщинам не должны поменяться. Ведь правовая природа пособия по беременности и родам не изменялась — это по-прежнему компенсационная выплата утраченного заработка в связи с наступлением страхового риска — беременности и родов. И если СФР, в нарушение закона, не выплатил в полном объеме пособие по беременности и родам, то он также должен нести материальную ответственность (как ранее нес работодатель). Женщина, недополучившая своевременно пособие по беременности и родам, вправе требовать компенсации. В рассмотренном выше споре [9] суд первой инстанции взыскал женщине компенсационные выплаты с СФР за несвоевременную выплату пособия по беременности и родам в полном объеме, мотивируя свое решение аналогией с трудовым законодательством. Однако последующие суды отменили решение в этой части.



Полагаем, что СФР должен нести ответственность за нарушения прав женщин и других лиц, получающих пособие несвоевременно. Необходимо внести соответствующие поправки в законодательство, дополнив ст. 15.2 федерального закона об обязательном страховании на случай временной нетрудоспособности и материнства [6, ст. 14] ч. 5 следующего содержания: «*В случае установления вины страховщика в несвоевременной выплате, или выплате не в полном объеме страховых пособий, предусмотренных настоящим федеральным законом, застрахованному лицу выплачивается компенсация в размере 1/150 части ключевой ставки Центрального банка России за каждый день просрочки*».

Актуализация законодательства, на наш взгляд, станет еще одним стимулом и мотивацией к деторождению, поскольку предлагаемые изменения позволят укрепить дополнительные гарантии беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, на рынке труда.

Список источников

1. Камышова Е. В., Почкунова А. Г. Социальная защита беременных женщин в области труда как актуальное направление семейно-демографической политики России. В сб. *Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации*. М., 2020. С. 245–247.
2. Бардашевич Я. В. Стабильность социальноэкономического положения беременных женщин как основное условие для обеспечения безопасности жизни эмбриона человека // *Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. 2016. № 3 (45). С. 119–134.
3. Профсоюзы назвали основные нарушения трудовых прав женщин в России // URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/09/2023/64f72b599a7947500d3ca023?ysclid=mfv2jlxzdz527064485>
4. Герасимова Е. С., Саурин С. А., Лютов Н. Л. Эффективность защиты от дискриминации в трудовых отношениях по признаку пола в законодательстве и на практике в России: аналит. доклад. М., 2015.
5. Титор С. Е. Практика выплаты пособий по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет при неполном рабочем дне // *Черные дыры в Российском законодательстве*. 2021. № 4. С. 52–55.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

2-е изд., перераб. и доп. Учебник
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований
Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева; под общ. ред.
П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

УЧЕБНИК
Второе издание



Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».



связи с материнством» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/

7. Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 614-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 Трудового кодекса Российской Федерации» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=464800&dst=100011&field=134&rnd=qayoIlg#e45pCtU2XUP6ZeXA2>

8. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 5 апреля 2024 г. по делу № А27-12695/2023 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=206487#DYBC0vU1DIGJ8haJ>

9. Апелляционное определение Московского областного суда от 26 февраля 2025 г. Дело № 33-8082/2025 // URL: https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=246149746&case_uid=74c376f6-9a77-4aa8-a3e3-4a8ce90a1e60&delo_id=5&new=5

10. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 3 апреля 2024 г. № А03-9556/2023 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=206428#3АНС0vUAJ4NOdCXx>

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 13 декабря 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kamyshova E. V., Pochkunova A. G. Social protection of pregnant women in the field of labor as an urgent direction of family and demographic policy in Russia. In the collection. Modern scientific research: current issues, achievements and innovations. M., 2020. P. 245–247.

2. Bardashevich Ya. V. Stability of the socio-economic situation of pregnant women as the main condition for ensuring the safety of human embryo life // *Satsyalna-ekanamichnaya i pravavyuya dasledavannyj*. 2016. No. 3 (45). P. 119–134.

3. Trade unions named the main violations of women's labor rights in Russia // URL: <https://www.rbc.ru/econo->

[mics/06/09/2023/64f72b599a7947500d3ca023?ysclid=mvf2jlxzdz527064485](https://www.rbc.ru/economics/06/09/2023/64f72b599a7947500d3ca023?ysclid=mvf2jlxzdz527064485)

4. Gerasimova E. S., Saurin S. A., Lyutov N. L. Effectiveness of protection against discrimination in labor relations based on gender in legislation and practice in Russia: analytical report. M., 2015.

5. Titor S. E. The practice of paying child care benefits before reaching the age of one and a half years on a part-time basis // *Black holes in Russian legislation*. 2021. No. 4. P. 52–55.

6. Federal Law No. 255-FZ of December 29, 2006 «On compulsory social insurance in case of temporary disability and in connection with maternity» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/

7. Federal Law No. 614-FZ of December 19, 2023 «On Amendments to Article 256 of the Labor Code of the Russian Federation» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=464800&dst=100011&field=134&rnd=qayoIlg#e45pCtU2XUP6ZeXA2>

8. Resolution of the Judicial Court of the West Siberian District dated April 5, 2024 in case No. А27-12695/2023 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=206487#DYBC0vU1DIGJ8haJ>

9. Appeal ruling of the Moscow Regional Court dated February 26, 2025, Case No. 33-8082/2025 // URL: https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=246149746&case_uid=74c376f6-9a77-4aa8-a3e3-4a8ce90a1e60&delo_id=5&new=5

10. Resolution No. А03 of the Administrative Court of the West Siberian District dated April 3, 2024-9556/2023 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=206428#3АНС0vUAJ4NOdCXx>

11. Labor Code of the Russian Federation of December 13, 2001 // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

С. Е. Титор — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 05.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 05.10.2025.



Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-131-136>

EDN: <https://elibrary.ru/jvekwb>

НИОН: 2003-0059-5/25-388

MOSURED: 77/27-003-2025-05-587

Влияние суфизма на формирование правовой культуры народов Северного Кавказа

Анжела Курбановна Халифаева

Дагестанский государственный университет, Республика Дагестан, Россия, halifaeva@yandex.ru

Аннотация. Исследуется влияние суфизма, мистического течения в исламе, на формирование правовой культуры народов Северного Кавказа. Рассматриваются исторические этапы проникновения и распространения суфизма в регионе, начиная с XI в. и роли Дербента как одного из первых центров суфийской мысли. Анализируется взаимодействие суфийских норм с традиционными формами обычного права — адатами, прослеживается процесс их взаимовлияния и адаптации. Особое внимание уделяется роли суфийских духовных лидеров (шейхов) в разрешении конфликтов, формировании морально-этических норм и укреплении социальной справедливости. Исследуется трансформация суфийских общин в периоды Кавказской войны и советской власти, а также их возрождение в постсоветский период. Анализируется современное состояние суфизма на Северном Кавказе и его вклад в поддержание мира, стабильности и противодействие экстремизму. Делается вывод о том, что суфизм оказал значительное влияние на формирование уникальной правовой культуры народов Северного Кавказа, сочетающей исламские и местные традиции, и продолжает играть важную роль в духовной и общественной жизни региона.

Ключевые слова: суфизм, Северный Кавказ, правовая культура, адаты, ислам, духовные лидеры, шейхи, Кавказская война, Дербент, морально-этические нормы, социальная справедливость, экстремизм

Для цитирования: Халифаева А. К. Влияние суфизма на формирование правовой культуры народов Северного Кавказа // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 131–136. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-131-136>. EDN: JVEKWB.

Original article

The influence of sufism on the formation of the legal culture of the peoples of the North Caucasus

Anzhela K. Khalifaeva

Dagestan State University, Republic of Dagestan, Russia, halifaeva@yandex.ru

Abstract. The influence of sufism, a mystical movement in Islam, on the formation of the legal culture of the peoples of the North Caucasus is studied. The historical stages of the penetration and spread of Sufism in the region are considered, starting from the 11th century. and the role of Derbent as one of the first centers of Sufi thought. The interaction of Sufi norms with traditional forms of customary law — adats is analyzed, the process of their mutual influence and adaptation is shown. Particular attention is paid to the role of Sufi spiritual leaders (sheikhs) in resolving conflicts, forming moral and ethical norms and strengthening social justice. The transformation of Sufi communities during the periods of the Caucasian War and Soviet power, as well as their revival in the post-Soviet period, is investigated. It analyzes the current state of Sufism in the North Caucasus and its contribution to maintaining peace, stability and countering extremism. It is concluded that Sufism had a significant impact on the formation of a unique legal culture of the peoples of the North Caucasus, combining Islamic and local traditions, and continues to play an important role in the spiritual and social life of the region.

Keywords: sufism, North Caucasus, legal culture, adats, Islam, spiritual leaders, sheikhs, Caucasian War, Derbent, moral and ethical norms, social justice, extremism

For citation: Halifaeva A. K. The influence of sufism on the formation of the legal culture of the peoples of the North Caucasus. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):131–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-131-136>. EDN: JVEKWB.

Северный Кавказ, регион с богатой и сложной историей, издавна был перекрестком культур и цивилизаций. Здесь, на стыке Европы и Азии, встретились и взаимодействовали разные религиозные и правовые системы, создавая уникальный культурный ланд-

шафт. Суфизм, мистическое течение в исламе, оказал глубокое и многогранное влияние на формирование правовой культуры народов Северного Кавказа, оставив неизгладимый след в их традициях, обычаях и системе ценностей.

© Халифаева А. К., 2025



«Поистине, суфизм сам по себе — наука, достойная почитания, его стержень — следование Сунне и отказ от нововведений, отход от плоти и ее привычек, корысти, желаний и воли, подчинение Аллаху и довольство Его решениями, поиск Его Любви и унижение всего остального».

Джалалюддин ас-Суюти

Суфизм — это мистическое течение в исламе, зародившееся в VIII–IX вв. Он стал проводником исламского вероучения через подвижничество просветителей, которые впоследствии стали почитаться как святые, поскольку посвятили свою жизнь благочестию, почитанию и познанию Бога, наставлению простых людей на путь истинный.

Суфизм, помимо религиозных и философских взглядов, охватывает специфическую систему психологической тренировки и аскетических упражнений. По мнению Г. Л. Эскарханова, аскетизм, присутствовавший в исламе почти с момента его возникновения, стал масштабным религиозным течением (движением) в эпоху формирования ислама (VII–VIII вв.). Суфизм как мистическое и философское учение формировался постепенно [1].

Обратимся к этимологии слова суфизм. Вначале такого термина тасаввуф (суфизм) вообще не было, это учение прошло много этапов, и на каждом у него было свое название, так продолжалось до тех пор, пока оно не получило название «суфизм». Суфизм (от араб. *فوصرت* — облачение в шерстяную ткань), аскетически-мистическое направление в исламе, включающее как учение, так и аскетическо-созерцательные практики, образ жизни последователей и их объединения [2]. Приверженцы ислама убеждены, что Пророк Мухаммед обозначил направление духовного развития для каждого верующего, что находит отражение в аяте Корана: «В посланнике Аллаха — прекрасный образец для вас, для тех, кто надеется на Аллаха и Последний день и премного поминает Аллаха» (Коран, 33:21). Суфизм зародился в исламской культуре как ответ на внутренний поиск духовности, как оппозиция ортодоксальности и стремление к глубокой эмоциональной связи между человеком и Всевышним. Другими словами, суфизм представляет собой уникальное мистическое, религиозно-философское видение мира в рамках ислама, последователи которого верят в возможность

прямого духовного взаимодействия (созерцания или единения) человека с Богом через личный психологический опыт. Достижение этой связи происходит посредством экстатических состояний или внутреннего просветления, дарованных человеку, искренне стремящемуся к Богу с любовью в сердце. Главной целью суфиев, исламских мистиков, было достижение духовного, интуитивного, непосредственного знания о Боге. Все их мысли и стремления были подчинены этому религиозному идеалу. В основе их мистических концепций лежала идея морального очищения и самосовершенствования. Обратим внимание, что суфиями могли быть исключительно мужчины [3].

Ислам на Северном Кавказе утвердился не мгновенно, а растянулся на многие века. Сначала возникали небольшие мусульманские анклавные, находившиеся в окружении различных народов, говорящих на разных языках, исповедующих разные верования. Первые местные мусульмане находились во взаимодействии с иудеями и христианами, которые уже к моменту арабских завоеваний были распространены в Армении, Грузии, Азербайджане, Дагестане.

Суфизм, как собственно исламское духовное явление, появляется в XI в. в Дербенте [4]. Этот древний город, расположенный на перекрестке торговых путей и культур, сыграл ключевую роль в распространении ислама на Северном Кавказе. Дербент, с его богатой историей и многонациональным населением, стал благоприятной почвой для развития суфийских идей, которые предлагали более глубокое понимание Бога, нежели формальные обряды и предписания. Именно здесь начали формироваться первые суфийские тарикаты (братства), сети духовных наставников и учеников, которые впоследствии распространились по всему региону. Изначально суфизм в Дербенте носил эклектичный характер, вбирая в себя элементы местной культуры и традиций, что способствовало его адаптации и принятию среди различных этнических групп.

Изначально суфии представляли собой не столько мистиков, жаждущих постичь Всевышнего посредством самоотвержения и особого рода духовных и телесных практик, сколько аскетичных приверженцев веры, пытавшихся через подавление телесных желаний оградить себя от соблазнов и обрести спасение после смерти. Их основная задача



совпадала с устремлениями любого правоверного мусульманина, стремящегося к спасению в вечной жизни через благочестивое поведение в земном существовании. Отличие заключалось лишь в том, как строго верующий должен ограничивать себя для достижения этой цели [5].

Дж. Тримингем классифицирует братства по географическому принципу, выделяя три основные группы: Месопотамскую, Магрибскую и Хорасанскую, последняя из которых включает в себя Накшбандийа [6]. Для каждого приверженца конкретного братства скрупулезное сохранение силы (араб. *كلسلس* — ряд, цепь) — т. е. духовного родословия лидеров суфийских тарикатов, цепочки посвящения и передачи благодати от предшествующего наставника, имеет первостепенное значение. Это служит подтверждением законности суфийской традиции в глазах последователей. Следовательно, накшбандийские манускрипты представляют собой особо достоверный материал для изучения истории распространения данного братства. Все накшбандийские источники единогласно утверждают, что тарикат проник на Северный Кавказ из Азербайджана [7]. Появление тариката Накшбандийа на Северном Кавказе явилось символом единства интеллектуальных и духовных процессов, переживаемых в мире ислама, и привело к распространению идей, уже существовавших в других областях мусульманского мира на Северном Кавказе. По мнению Бахауддина Накшбанди, стремление к Богу должно выполняться посредством тихих зикров, в том числе и коллективных. Он считал, что благодать не передается от тарикатского шейха, а даруется суфию Богом. Бахауддин Накшбанди проповедовал идеи добровольной бедности и отказа от материального накопительства. Он придавал особое значение состоянию духовной близости ученика с учителем. Основу учения ордена Накшбандийа составляют 11 принципов. Первые 3 принципа сформулированы Бахаудином Накшбанди, а остальные Абдул-Халиком аль-Гидждувани [8]:

♦ «Вукуф-и замани» (перс. *بينامز فوقو* — *остановка времени*) — дорожить временем и рассчитывать каждый свой миг;

♦ «Вукуф-и адади» (перс. *فوقو يددع* — *ведение исчисления*) — концентрация на произнесении зикра, главное не количество произнесенных зикров, а их качество;

♦ «Вукуф-и кальби» (перс. *يبلق فوقو* — *неподвижность сердца*) — сконцентрированность сердца и помыслов на произнесении зикра, не оставляя места ни для чего другого;

♦ «Хуш дар-дам» (перс. *مد رد شوه* — *ум в дыхании*) — ощущение близости Аллаха;

♦ «Назар дар-кадам» (перс. *مدق رد رظن* — *взгляд на шаг*) — обращение своего взора на кончики пальцев ноги, оберегание взгляда на запретное;

♦ «Сафар дар-ватан» (перс. *نطو رد رفس* — *путешествие по Родине*) — отдаление от людей и приближение к Богу;

♦ «Халват дар-анджуман» (перс. *نمچن ارد تولىخ* — *одиночество в толпе*) — затворничество среди остальных людей, занятие мирскими делами с обращенным к Богу сердцем;

♦ «Яд-кард» (перс. *درك داي*) — поминание Аллаха языком вместе с сердцем;

♦ «Баз-гашт» (перс. *تتشگ داب* — *возвращение*) — чтение зикра с мыслями только об Аллахе;

♦ «Нигах-дашт» (перс. *تتشاد هاگن* — *сохранение*) — защита сердца от вторжения посторонних ощущений;

♦ «Яд-дашт» (перс. *تتشاد داي* — *вспоминание*) — познание глубины ощущений в духовной практике и необходимость защиты достигнутого состояния возврата к Богу.

Другим важным тарикатом, получившим распространение на Северном Кавказе, стал Кадирийя. Появление этого тариката связано с деятельностью шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Уроженец чеченского селения Мелчахи, посвященный в этот тарикат во время хаджа в Мекку (примерно в 1858 г.). Идеологическая направленность тариката — антивоенный характер, призыв горцев отказаться от военного сопротивления царской власти. Это противоречило идеологии газавата, требующей продолжения борьбы с противником до победного конца. Обратимся к некоторым особенностям тариката Кадирийя, привнесенные на Северный Кавказ. Громкий зикр — коллективные экстатические радения с движением по кругу в сопровождении музыкальных инструментов. Он состоит из трех частей: чтения касиды аль-Барзанджи в прославление пророка Мухаммеда, рецитации обязательных молитв, хорового прославления (мадаих) патрона братства, завершающегося наставлениями членам обители. Вступление в такой тарикат осуществляется путем принесения присяги



духовному наставнику. Эмблема, принадлежащая Кадирийе — зеленая роза с тремя рядами по 5, 6 и 7 лепестков, которые означают: пять столпов ислама, шесть столпов имана и семь слов в формуле зикра. Представители тариката Кадирийя разделены на суфийские братства (вирды) со своими живыми или ушедшими в иной мир устазами («учителями» — религиозными и духовными наставниками верующих). Вирды носят надтейповый характер, объединяют мусульман из разных патронимических групп и даже разных народов. В центре общины стоит учитель-устаз, его окружает ближний круг муридов, среди которых могут быть члены его семьи, а также более дальний круг в лице последователей, родственников и клиентов. Тарикат Кадирийя способствовал распространению ислама на Северном Кавказе благодаря специфике вайнахских традиций единобожия и идее заступничества. Например, в вайнахской среде тарикат дал всходы благодаря идее заступничества, которая создала особый институт рыцарства — конахство. В Кадирийя придается особое значение психосоматическим средствам моления Богу: определенному ритму дыхания и форсированному выдоху, резким и ритмичным движениям головой, ударам ногой о землю [9].

Помимо Накшбандийя и Кадирийя, на Северном Кавказе получил распространение и другой суфийский тарикат, Шазилийя, который распространился в Дагестане только с начала XX в. Его основатель — дагестанский шейх Сайфулла-кади Башларов (1853–1919 гг.). Особенность этого тариката заключается в строгом исполнении предписаний шариата и суровый аскетизм, упор на внутреннем совершенствовании человека. Шазилийский тарикат распространен в Дагестане, Чечне и Ингушетии. В Дагестане Шазилийский тарикат исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. Важную роль учения играет «халва» — практика уединения, отшельничества, которой каждый адепт с разрешения наставника должен посвятить не менее одного дня в квартал. Уединение сопровождается постом от рассвета до заката. Есть различные виды зикра, в которых либо просто поминается имя Аллаха, либо на разный мотив читается шахада. Отличительная черта данного тариката — вера, что принадлежность к этому тарикату предопределена от вечности, что кутб, глава духовной иерархии, всегда будет членом их ордена [10].

Интеграция суфизма в социокультурный контекст Северного Кавказа представляла собой сложный и многогранный процесс адаптации. Суфийские учения, акцентировавшие духовное совершенствование и внутреннее очищение, оказались созвучны традиционным ценностям горских народов, таким как мужество, честность, гостеприимство и почитание старших. В то же время, суфизм оказывал влияние и на сами традиции, способствуя смягчению жестких обычаев и утверждению более гуманных принципов. Суфийские шейхи часто выступали в качестве посредников в конфликтах между родами и общинами, предлагая мирные решения и примирение. Они также оказывали помощь нуждающимся и обездоленным, укрепляя, тем самым, социальную солидарность и взаимопомощь. Влияние суфизма проявлялось и в искусстве, в частности, в развитии духовной поэзии и музыки, которые стали важным элементом религиозной практики и культурной жизни народов Северного Кавказа. Суфийские зикры (коллективные молитвенные собрания) сопровождалась пением духовных гимнов и чтением стихов, написанных суфийскими поэтами. Эволюция суфийских тарикатов на Северном Кавказе отмечена формированием уникальных региональных особенностей. Хотя основные принципы суфизма оставались неизменными, каждый тарикат адаптировал свои практики и учения к местным условиям и потребностям. Особое значение приобрела фигура шейха, духовного наставника, который пользовался огромным авторитетом и уважением среди своих последователей, являясь, учителем, целителем.

Его советы и решения имели колоссальное значение для жизни членов религиозной группы. Внутри братств формировались образовательные системы, где последователи изучали религиозные науки, философию, врачевание. Разнообразие братств на Северном Кавказе было отражением культурного и традиционного богатства. Каждое из которых предлагало свой путь к духовному росту, удовлетворяя при этом потребности людей.

Мистико-аскетические течения на Северном Кавказе (тарикаты) акцентировали внимание на милосердии, неподкупности, гуманности, справедливости. Суфизм оказывал влияние на нормы традиционного права, адаты, смягчая строгие традиции и укрепляя идеалы примирения и разрешения споров. Духовные лидеры суфизма выступали в качестве со-



ветников, чьи рекомендации и решения оказывали значительное воздействие на принятие важных для общества решений. Они защищали принципы законности, справедливости, гуманизма, отстаивали интересы тех, кто был уязвим и подвергался притеснению. Влияние суфизма проявлялось в семье, где он способствовал укреплению родственных связей, взаимному уважению и любви.

Суфийские доктрины подчеркивали ценность духовного развития и внутреннего совершенствования, способствовали формированию более ответственного и этичного поведения в обществе.

Эволюцией суфизма послужила Кавказская война с 1817 по 1864 гг. Тарикаты включились в борьбу за освобождение от господства Российской империи. Использование суфийской идеологии в качестве основы для освободительной борьбы оказало глубокое воздействие на характер и ход военных действий. Суфийские братства, которые ранее занимались исключительно духовными вопросами, активно включились в политическую жизнь, призывая к сопротивлению российской колониальной экспансии. Примером тому является имамат Шамиль, лидер Накшбандийского тариката. Он объединил горские народы в борьбе за независимость и создал государство, основанное на законах шариата.

После поражения в Кавказской войне суфизм столкнулся с репрессиями со стороны России. Шейхи были арестованы и отправлены в ссылку, а суфийское общество ликвидировано.

В эпоху советской власти суфизм, наравне с другими религиозными группами, сталкивался с гонениями и ограничениями на свободу вероисповедания. Тем не менее, невзирая на репрессии, суфийские сообщества сумели уцелеть, оставаясь в тени и оберегая свои обычаи и доктрины. Несмотря на преследования и ссылки, которым подвергались многие суфийские учителя, их духовное завещание продолжало жить в душах их приверженцев. С наступлением перестройки и после распада Советского Союза суфизм вновь обрел силу. Отреставрированы мечети и священные места (зияраты, как посещение мест захоронений значимых фигур в исламе), а суфийские деятели получили шанс открыто делиться своими взглядами. Однако это восстановление сопровождалось появлением новых вызовов, обусловленных политической неопределенностью и усилением радикальных исламистских течений.

Как указывает М. М. Магомедов, в настоящее время суфизм противостоит на Северном Кавказе экстремистской идеологии. Это связано с тем, что именно суфизм больше всего противопоставляет себя всяким видам радикализма и крайностям в исламе. Суфийская идеология сама по себе достаточно популярна на Кавказе, но присутствует не везде, наиболее сильное влияние она оказывает в Дагестане, Чечне и Ингушетии, в этих республиках существуют группы — суфийские общины, которые уже в течение долгого времени следуют суфийскому учению. Процессы распространения суфизма в постсоветское время были достаточно сложными, сегодня имеет место политизация данного течения, что негативно сказывается на духовной составляющей суфизма. Однако, благодаря противодействию радикализму, суфизм занимает прочные позиции в обществе Северо-Восточного Кавказа.

Одной из сложнейших задач на Северном Кавказе является формирование диалога между различными этносами и конфессиями, так как навязывание своей точки зрения у последователей суфизма считается недопустимым, учение суфизма считается сложным, и поэтому к пути (тарикату) суфизма молодежь должна прийти сама. Благодаря тому, что ученики исламских школ (мадрасы), студенты (мутаалимы) старательно занимаются изучением «исламских наук» (коран, хадисоведение и т. д.), они хорошо разбираются в исламской и, соответственно, суфийской идеологии. Параллельно с изучением основных наук, студенты занимаются просвещением и профилактической деятельностью, в том числе и в различных учреждениях. Кроме студентов, в мадрасе часто приходят представители различных сфер деятельности (общественные деятели, чиновники, частные предприниматели и т. д.), которые вдохновленные суфийскими идеями, начинают всячески помогать движению, получая идеологическую поддержку от мадрасы; при этом, помогая друг другу, они образуют общину. Все это взаимодействие является одним из основных условий противодействия экстремизму, радикализму, терроризму и крайне фанатичному пониманию ислама. Последователи суфизма пропагандируют то, что нужно быть скромными в своих стремлениях телесно и, наоборот, неутомимыми духовно. Суфии считают, что просто следование канонам ислама недостаточно, важно сделать для общества как можно больше хороших дел и неважно, в каком обществе ты живешь.



Следование таким путем вне своего родного поселения считается более почетным и ответственным, так как считается, что именно путникам тяжелее, что отражает сам синоним суфизма — тарикат (путь).

Список источников

1. Эскарханов Г. Л. Суфизм как мистико-философское учение в исламе // Исламоведение. 2011. № 2.
2. Большая российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/c/sufizm-ab9d1d?ysclid=meshnmmkss349847473-Суфизм>
3. Шангараев Р. Р. История суфизма: учеб. пособие. Казань : ИД «МедДоК», 2020.
4. Акаев В. Х., Солтамурадов М. Д., Акаев А. В. Особенности суфизма на Северном Кавказе: духовно-культурное влияние на мусульман региона // Вестник ГГНТУ. Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 3 (33). Т. XIX.
5. Зелькина А. Братство накшбандийа на Северном Кавказе. Еретическая секта или поборник «истинного» ислама? // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 1 (5).
6. Триммингем Дж. С., Суфийские ордена в исламе. М. : Наука. 1989.
7. Махмудбеков. Мюридистская секта на Кавказе // СМОМПК. 1898. Вып. 24. Ч. 2. С. 21–23.
8. Ализаде А. А. Накшбандиты. Исламский энциклопедический словарь. М. : Ансар, 2007.
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/значение-тариката-Кадирия>
10. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/значение-тариката-Шазилия>
11. Магомедов М. М. Роль суфийских общин Северного Кавказа в профилактике экстремизма в регионе. Культурное наследие Северного Кавказа как

ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. Краснодар : Родные традиции, 2017.

References

1. Eskarkhanov G. L. Sufism as a mystical and philosophical doctrine in Islam // Islamology. 2011. No. 2.
2. Great Russian Encyclopedia // URL: <https://bigenc.ru/c/sufizm-ab9d1d?ysclid=meshnmmkss349847473-Sufism>
3. Shangaraev R. R. History of Sufism: textbook. Kazan : ID «MedDoK», 2020.
4. Akaev V. Kh., Soltamuradov M. D., Akaev A. V. Features of Sufism in the North Caucasus: Spiritual and Cultural Influence on Muslims of the Region // Bulletin of GGNTU. Bulletin of GGNTU. Humanities and Social and Economic Sciences. 2023. No. 3 (33). Vol. XIX.
5. Zelkina A. The Nakshbandi Brotherhood in the North Caucasus. A Heretical Sect or a Champion of «True» Islam? // Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography. 2006. No. 1 (5).
6. Trimmingham J.S. Sufi Orders in Islam. M. : Nauka, 1989.
7. Makhmudbekov. The Murid Sect in the Caucasus // SMOMPK. 1898. Vol. 24. P. 2. P. 21–23.
8. Alizade A. A. Nakshbandi. Islamic Encyclopedic Dictionary. M. : Ansar, 2007.
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/meaning-tarika-Qadiriya>
10. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/meaning-tarika-Shaziliya>
11. Magomedov M. M. The role of Sufi communities of the North Caucasus in the prevention of extremism in the region. Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: collection of scientific articles Krasnodar : Native Traditions, 2017.

Информация об авторе

Халифаева А. К. — профессор кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Khalifaeva A. K. — Professor of the Department of History of State and Law of the Dagestan State University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.



Научная статья
УДК 343.985.3
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-137-143>
EDN: <https://elibrary.ru/jgvpsy>
НИОН: 2003-0059-5/25-389
MOSURED: 77/27-003-2025-05-588

Трансформация криминалистической характеристики под влиянием современной преступности: проблемы использования в методиках расследования и пути их решения

Владислав Николаевич Чулахов¹, Николай Валерьянович Максимов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, chulahov@mail.ru

² Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, mnik3@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы использования криминалистической характеристики преступлений в методиках расследования, обусловленные последними изменениями в структуре преступности, развитием технологий и критическим переосмыслением теоретических основ криминалистики. С целью оптимизации процесса расследования с помощью криминалистической характеристики преступлений предлагаются направления ее последующего развития: цифровизация и автоматизация обработки эмпирических данных; повышение степени конкретизации криминалистической характеристики путем создания многоуровневых и региональных моделей; адаптация ее структуры к современным новым специализированным и высокотехнологичным видам преступности; интеграция в системы поддержки принятия решений и алгоритмы действий следователя по расследуемому уголовному делу.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, методики расследования, киберпреступление, механизм следообразования, цифровые следы, автоматизированные информационно-аналитические системы

Для цитирования: Чулахов В. Н., Максимов Н. В. Трансформация криминалистической характеристики под влиянием современной преступности: проблемы использования в методиках расследования и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 137–143. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-137-143>. EDN: JGVPSY.

Original article

Transformation of forensic characterization under the influence of modern crime: problems of use in investigation methods and ways to solve them

Vladislav N. Chulakhov¹, Nikolai V. Maximov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, chulahov@mail.ru

² I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, mnik3@mail.ru

Abstract. The problems of using the forensic characterization of crimes in investigation methods are considered, due to recent changes in the structure of crime, the development of technology and a critical rethinking of the theoretical foundations of forensic science. In order to optimize the investigation process using the forensic characterization of crimes, directions for its subsequent development are proposed: digitalization and automation of empirical data processing; increasing the degree of concretization of the forensic characteristic by creating multi-level and regional models; adaptation of its structure to modern new specialized and high-tech types of crime; integration into decision support systems and algorithms for the actions of the investigator in the criminal case under investigation.

Keywords: forensic characteristics, investigation methods, cybercrime, trace formation mechanism, digital traces, automated information and analytical systems

For citation: Chulakhov V. N., Maximov N. V. Transformation of forensic characterization under the influence of modern crime: problems of use in investigation methods and ways to solve them. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):137–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-137-143>. EDN: JGVPSY.

Криминалистическая характеристика преступлений (далее — КХП) является одним из фундаментальных понятий в российской криминалистике. Фундаментальность исходит из того, что практиче-

ски все ученые определяют КХП как один из важнейших структурных элементов методики раскрытия преступлений, которая по мере своего развития уточнялась с учетом новых аспектов меняющейся пре-

© Чулахов В. Н., Максимов Н. В., 2025



ступности. Рассмотрим для примера несколько определений КХП, предложенных советскими и российскими учеными-криминалистами.

Основоположник советской криминалистики Р. С. Белкин рассматривал КХП в качестве одного из эмпирических обобщений, используемых для построения тактических приемов и методик расследования, подчеркивая ее научное и практическое значение: «криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, о личности вероятного преступника и вероятных мотивах преступления, о личности типичной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка) ... все эти элементы составляют систему, т. е. связаны друг с другом» [1, с. 179].

Профессор И. А. Возгрин определял КХП как «... систематизированную совокупность обобщенных фактических, закономерно взаимосвязанных криминалистически значимых данных об отдельных видах преступных деяний, являющихся важнейшим источником для организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного и быстрого раскрытия, расследования, и предупреждения преступлений. Структура криминалистической характеристики преступлений состоит из следующих элементов: характеристика исходной информации о преступлении; характеристика данных о способах приготовления, совершения и сокрытия преступления; сведения о типичных личностных особенностях преступников и потерпевших; обобщенные данные о наиболее распространенных мотивах преступления; круг основных вопросов, подлежащих выяснению при расследовании» [4, с. 68].

Профессор Н. П. Яблоков под криминалистической характеристикой понимал «систему данных о преступлениях определенной категории, характеризующих их объективные и субъективные признаки, а также закономерности возникновения и развития следов преступления, необходимые для построения версий и планирования расследования» [9, с. 296].

Представитель современной криминалистической школы А. В. Никитов подчеркивает динамический аспект понятия. По его мнению, «криминалистическая характеристика — это основанное на обоб-

щении следственной и судебной практики описание (систематизация) объективных и субъективных признаков преступлений определенного вида, обуславливающих типичные связи между ними и закономерности возникновения следов, а также отражающее особенности личности преступника и потерпевшего, способствующее раскрытию и расследованию преступлений данного вида» [7, с. 57].

Ряд других ученых также пытались определить понятие КХП, но в основном все их суждения сводятся к системе знаний (информации) о типичных признаках и особенностях преступлений, их участников, обстановки, механизма совершения, следов и других элементов, или о определенном множестве таковых, полученных опытным путем в процессе расследования [3, 6].

Обобщая существующие понятия можно однозначно определить, что криминалистическая характеристика представляет собой систему взаимосвязанных знаний или положений, включающую в себя такие типовые элементы, как сведения о способах совершения, обстановке, механизме преступления, предмете посягательства, личности преступника и потерпевшего, следах и др., являющихся результатом обобщения следственной и судебной практики по определенным категориям преступлений. Главная цель изучения и последующего использования КХП — построение эффективных методик расследования, разработка следственных версий, планирование расследования, выбор тактических приемов. Для этого она должна динамично развиваться и адаптироваться к появлению новых видов преступлений и способов их совершения.

На современном этапе развития знаний в области расследования преступлений стало все более заметно отставание теоретических концепций КХП от ее практической реализации. Актуальность понимания проблем применения КХП в ходе расследования преступлений обусловлена изменениями в самой структуре преступности, развитием технологий и критическим переосмыслением теоретических основ криминалистики.

Как было отмечено ранее, КХП была задумана как эффективный инструмент, позволяющий на основе обобщения данных о типичных преступлениях оптимизировать процесс расследования конкретного деяния, особенно на начальном этапе, когда криминалистической информации мало. Однако прак-



тика применения ее элементов выявила ряд существенных проблем.

1. Проблема вероятностного характера и надежности корреляционных связей. Суть проблемы заключается в том, что основа практического применения КХП — это идея о существовании устойчивых корреляционных (статистических) связей между ее элементами. Предполагается, что, зная один элемент (например, способ совершения преступления), можно с высокой долей вероятности предположить другие (например, личность преступника или его мотивы). Однако, как справедливо указывал Р. С. Белкин, эти связи носят сугубо вероятностный характер и часто оказываются недостаточно надежными для построения однозначных выводов в конкретном деле. Зависимость может существовать статистически, но в отдельном случае она может не сработать. «Вероятностный характер связей между элементами криминалистической характеристики... настолько низок, что не позволяет использовать эти связи в практических целях при расследовании конкретных преступлений» [2, с. 222].

В обоснование данной проблемы приведем следующий пример. В криминалистической характеристике квартирных краж указывается, что взлом замка сложным способом (например, подбор ключа, использование отмычек) характерен для опытных, взрослых преступников — «профессионалов». Однако, сегодня инструменты и инструкции по вскрытию замков доступны в Интернете. Преступление таким способом может совершить новичок или даже подросток, изучивший видео на YouTube. Следовательно, опираясь на устаревшую КХП, будет искать опытного вора, игнорируя другие версии. Проблема проявляется в так называемом «навязанном мнении». Ухватившись за типичную версию, подсказанную КХП, следователь может проигнорировать факты, которые в эту модель не укладываются, что приводит к потере времени и ошибкам.

2. Проблема быстрого устаревания характеристических данных и динамичности преступности. Как ранее отмечалось, криминалистическая характеристика — это результат обобщения уже совершенных и расследованных преступлений. Чтобы создать эффективную КХП, нужно время: собрать эмпирический материал, проанализировать его, выявить закономерности и оформить в виде методических рекомендаций. Однако, преступность меняется

очень быстро. Появляются новые способы, инструменты, предметы посягательства. То, что было типичным 5–10 лет назад, сегодня может быть редкостью. Ученые (например, А. Ф. Вольнский, В. В. Тищенко [5, с. 57]) отмечают, что в условиях научно-технического прогресса информационное содержание КХП устаревает быстрее, чем создаются новые методики. Например, КХП мошенничеств до недавнего времени описывала в основном контактные способы обмана (гадания, «куклы», аферы с товарами). Сегодня доминируют дистанционные мошенничества (звонки «из банка», фишинг, обман на сайтах объявлений). Элементы старой КХП — место, время, типичные физические следы, облик преступника — здесь работают иначе или не работают вовсе. Меняется и субъект преступления: теперь это часто не «ловкий обманщик», а технически грамотный человек или целая ОПГ с колл-центром. Следователи, пользуясь устаревшими методическими рекомендациями, основанными на старых КХП, оказываются не готовы к расследованию преступлений, совершенных с использованием новых технологий (криптовалюты, дроны, IP-телефония).

3. Проблема высокой степени абстракции и «усредненности» КХП. Криминалистическая характеристика преступлений всегда описывает «типичное» преступление. Это обобщенная модель, «средняя температура по больнице». Чем шире категория преступлений, тем более абстрактна ее характеристика. КХП «преступлений против собственности» почти бесполезна. КХП «кражи» — лучше, но тоже слишком общая. КХП «квартирной кражи» — еще конкретнее. Однако каждое конкретное преступление уникально. Применение слишком обобщенных данных к нестандартному случаю может не только не помочь, но и навредить. Например, КХП убийств на бытовой почве часто указывает на совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, с использованием кухонной утвари, в месте совместного проживания. Если следователь сталкивается с тщательно спланированным убийством, замаскированным под несчастный случай, но совершенным на бытовой почве, ориентация на типичные элементы (спонтанность действий, очевидность орудия) может помешать увидеть реальную картину.

4. Проблема формирования КХП для новых видов преступлений (особенно в сфере IT). Для новых видов преступлений (киберпреступления, незакон-



ный оборот криптовалют, преступления с использованием искусственного интеллекта) КХП либо еще не сформированы, либо находятся в зачаточном состоянии. Традиционные элементы характеристики здесь видоизменяются до неузнаваемости. Так, например, местом совершения преступления является виртуальное пространство, которое может быть и транснациональным. Следы преступления — цифровые, а не материальные (IP-адреса, логи, транзакции в блокчейне). Такой важный элемент, как способ совершения преступления, характеризуется тем, что субъект (личность преступника), обладающий специальными информационными знаниями, использует программное обеспечение и социальную инженерию. Как пример можно рассмотреть расследование хищения средств с помощью вредоносного программного обеспечения.

В ходе расследования таких преступлений классические методы работы со следами (дактилоскопия, трасология) практически бесполезны. Элементы КХП, связанные с цифровыми следами и способами анонимизации преступника, еще недостаточно изучены и систематизированы, а у многих следователей нет компетенций для их выявления и анализа. Как отмечает профессор В. Б. Вехов: «криминалистическая модель компьютерных преступлений находится в стадии становления... Отсутствие достаточного количества эмпирического материала затрудняет выявление корреляционных связей между ее элементами» [8, с. 50].

5. Проблема качества эмпирической базы и субъективизм при формировании КХП. Криминалистическая характеристика преступлений в основном формируется на основе изучения уголовных дел. Однако, качество этого изучения, полнота данных в делах, а также репрезентативность выборки часто вызывают вопросы. Не все преступления раскрываются, и не все раскрытые дела содержат полную информацию обо всех элементах. Кроме того, на основе КХП могут формироваться стереотипы, которые влияют на объективность следователя. Так, например, формирование КХП по незаконному обороту наркотиков происходит, в основном, на основе анализа дел в отношении низового звена (закладчиков). При этом, полученный «типичный портрет» (молодой, безработный) абсолютно не помогает при расследовании деятельности организаторов, которые имеют совершенно другие характеристики. При-

менение данных о закладчиках для поиска организаторов — тупиковый путь.

Для того, чтобы криминалистическая характеристика оставалась эффективным инструментом, а методика расследования отвечала современным вызовам, необходимо комплексное развитие по нескольким векторам.

Во-первых, от ручного анализа к цифровизации и автоматизации обработки эмпирических данных. Данный подход предполагает переход от традиционного, трудоемкого и часто субъективного обобщения следственной практики вручную к использованию современных информационных технологий для сбора, хранения и анализа данных о преступлениях. Это позволяет выявлять более глубокие и неочевидные закономерности на больших массивах информации. При этом решаются такие проблемы, как: быстрое устаревание данных, субъективизм при анализе, низкая надежность выявляемых корреляционных связей, медленная обработка больших объемов информации. Сегодня недостаточно просто отсканировать документы. Необходимо, чтобы следователь вносил информацию об элементах КХП (способ, место, время, данные о личности, орудия, следы и т. д.) в структурированные поля специального программного обеспечения. Этим мы создадим базу данных, пригодную для автоматического анализа.

Создание автоматизированных информационно-аналитических систем позволит в режиме реального времени собирать данные из всех уголовных дел. Эти системы должны не просто хранить информацию, но и позволять анализировать ее, например, с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Так, к примеру, использование алгоритмов интеллектуального анализа данных (например, Data Mining) позволит обрабатывать тысячи дел, выявляя, например, что преступники, использующие определенный тип вредоносного ПО (способ), чаще всего выводят средства через конкретные криптовалютные биржи (место сбыта) и принадлежат к определенной возрастной группе (личность преступника).

На основе анализа текущих трендов система сможет прогнозировать появление новых способов совершения преступлений и заранее формировать элементы их КХП. Ожидаемый эффект от этого заключается в том, что в результате формирования объективной, постоянно актуализируемой КХП, будут выявляться статистически достоверные, а не интуи-



тивные, корреляционные связи, повысится скорость и точность выдвижения следственных версий.

Во-вторых, повышение степени конкретизации КХП путем создания многоуровневых и региональных моделей. Суть предложения в том, что при таком подходе возможно максимальное сужение классификации преступлений, для которых разрабатывается КХП. Чем уже группа, тем точнее характеристика. Вместо общей КХП «Хищения» необходимо разрабатывать КХП для конкретных ситуаций. Так, к примеру, если родовая КХП («Преступления против собственности») имеет минимальное практическое значение и служит в основном только для общей теории, то видовая КХП (например, «Мошенничество») дает общие ориентиры. Если же взять групповую КХП (например, «Мошенничество с использованием средств мобильной связи»), то она уже более применима на практике. А вот подвидовая КХП (например, «Мошенничество под видом сотрудника службы безопасности банка с переводом средств на «безопасный счет») — самый эффективный уровень. Чем точнее описание, тем полезнее криминалистическая характеристика.

Кроме того, необходимо учитывать и специфику того или иного региона страны — экономическую ситуацию, плотность населения, национальный состав, инфраструктуру, близость границ и т. д. Так, например, КХП незаконного оборота наркотиков в приграничном регионе будет акцентировать внимание на трансграничном трафике, а в крупном мегаполисе — на системе бесконтактных «закладок» и использовании Darknet.

Необходимо учитывать и временной аспект, т. е. учет того, как меняется КХП в зависимости от времени года, экономической ситуации в стране, появления новых технологий. Для достижения прогресса в этом направлении требуется создание высокоточных информационных моделей, максимально приближенных к реальным условиям совершения преступлений. Это позволяет следователю строить не просто «типичные», а «типичные для данного места, времени и обстоятельств» версии.

В-третьих, адаптация структуры КХП к современным новым специализированным и высокотехнологичным видам преступности: экономическим и IT-преступлениям. Данное направление приведет к пересмотру классического набора элементов КХП (способ, обстановка, следы, личность преступника,

предмет посягательства) и их содержанию. Скажется неприменимость или низкая эффективность традиционных элементов КХП для описания киберпреступлений и других современных видов криминальной деятельности. По цифровым преступлениям, вместо физического места, необходимо провести анализ цифровой среды (социальные сети, мессенджеры, форумы, Darknet-площадки, серверы). При этом, надо обратить внимание на цифровые орудия преступления: вредоносные программы, средства анонимизации (VPN, Тог, прокси), фишинговые сайты, криптовалютные кошельки, аппаратные средства для взлома. При этом, не забывать такие элементы механизма цифрового слепообразования, как логи, IP-адреса, MAC-адреса, метаданные файлов, истории транзакций в блокчейне, данные биллинга.

В изучении личности преступника, кроме традиционных, следует включить профессиональные навыки и компетенции (уровень владения программированием, знание сетевой безопасности, финансовая грамотность). Важными становятся «виртуальные псевдонимы» (никнеймы) и цифровой стиль поведения. При этом требуется учитывать современную трансформацию личности преступника: деперсонализацию, высокую мобильность, транснациональный характер деятельности, использование «дропов».

Если взять коррупционные и экономические преступления, то в изучение КХП следует включить детальное описание типичных финансовых схем, способов легализации доходов, используемых юридических лиц и оффшорных юрисдикций. При этом могут быть созданы более эффективные методики расследования для наиболее актуальных и сложных видов преступлений, что позволит повысить компетенцию правоохранительных органов в сфере борьбы с киберугрозами.

В-четвертых, интеграция КХП в системы поддержки принятия решений и алгоритмы действий. Решение состоит в превращении КХП из пассивного источника знаний (текста в учебнике или методичке) в активный инструмент поддержки следователя в режиме реального времени. КХП должна стать основой для автоматизированных алгоритмов и чек-листов. При этом решаются такие проблемные вопросы, как разрыв между теоретическим знанием КХП и ее практическим применением, ошибки молодых следователей, потеря времени на планирование в типичных ситуациях.



Механизм реализации данного предложения состоит в поддержке системы принятия решений в виде программного обеспечения, которое окажет помощь следователю на месте. Так, к примеру, следователь вводит в программу известные данные о преступлении (например, способ проникновения в жилище и похищенное имущество), система, опираясь на актуальную базу КХП, выдает:

- ◆ наиболее вероятный портрет преступника;
- ◆ список типовых версий;
- ◆ рекомендуемый перечень неотложных следственных действий;
- ◆ список типичных мест, где могут быть обнаружены следы или похищенное имущество.

Для реализации данного решения также необходимо разработать типовой алгоритм (программу) расследования, т. е. четкие пошаговые инструкции для действий в типичных следственных ситуациях. Эти алгоритмы строятся именно на основе корреляционных связей КХП. Если выявлен элемент А, проверить версию Б и провести действие В.

Следующий путь решения указанной проблемы — моделирование тактических операций, т. е. создание на базе КХП типовых планов для проведения сложных мероприятий (например, задержание группы закладчиков, обыск в нарколаборатории, осмотр места происшествия по киберпреступлению). Эффект от внедрения может проявиться в ускорении процесса планирования, снижении количества тактических ошибок, обеспечении качества расследования независимо от опыта конкретного следователя.

В-пятых, совершенствование системы обучения и повышения квалификации следователей, т. е. данное предложение сводится к адаптации образовательного процесса к новым реалиям. Недостаточно дать следователю новые инструменты и методики, нужно научить его ими пользоваться и критически осмысливать получаемую информацию. При этом решаются такие проблемы, как риск слепого следования типичной версии, неумение работать с современными технологиями и новыми видами КХП.

Реализовать данное направление возможно через акцент на вероятностной природе КХП: обучение должно подчеркивать, что КХП — это лишь ориентир, а не истина в последней инстанции. Необходимо развивать у следователей критическое мышление и умение видеть нетипичные детали, которые противоречат обобщенной модели.

Объединение этих направлений позволит превратить криминалистическую характеристику из дискуссионной теоретической категории в мощный, динамичный и высокотехнологичный инструмент, реально повышающий эффективность расследования преступлений.

Список источников

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М. : Юридическая литература, 1988.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма, 2001.
3. Бирюков В. В. Информационная основа, понятие и значение криминалистической характеристики преступлений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5. С. 75–85.
4. Возгрин И. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования // Следственная ситуация: сб. науч. тр. М. : ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1985. С. 66–70.
5. Волынский А. Ф., Тищенко В. В. и др. Криминалистика: учебник. М. : Юридическая литература, 2002.
6. Ковалев А. В., Владимиров В. Ю., Савчук С. А., Романенко Г. Х. Криминалистическая характеристика преступлений и ее прогностические возможности. Сб. тр. «Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга». СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2018. С. 108–113.
7. Никитов А. В. Криминалистическая характеристика преступлений: понятие, структура, значение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 7. С. 56–64.
8. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.
9. Яблоков Н. П. Криминалистика: полный курс. В 3 т. Т. 1. Теоретические основы. М. : Норма, 2008.

References

1. Belkin R. S. Forensics: problems, trends, prospects. From theory to practice. M. : Legal literature, 1988.
2. Belkin R. S. Forensics: Today's Problems. Topical issues of Russian forensics. M. : Norma, 2001.



3. Biryukov V. V. Information basis, concept and significance of the forensic characteristics of crimes // Electronic appendix to the Russian Legal Journal. 2017. No. 6. P. 75–85.

4. Vozgrin I. A. Forensic characteristics of crimes and investigative situations in the system of private investigation methods // Investigative situation: collection of scientific works. M. : VNII problems of strengthening law and order, 1985. P. 66–70.

5. Volynsky A. F., Tishchenko V. V. and others Forensics: textbook. M. : Legal literature, 2002.

6. Kovalev A. V., Vladimirov V. Yu., Savchuk S. A., Romanenko G. Kh. Forensic characterization of crimes

and its predictive capabilities. Collection of works. «Scientific Heritage of Forensic Scientists of St. Petersburg». St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. P. 108–113.

7. Nikitov A. V. Forensic characterization of crimes: concept, structure, meaning // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2014. No. 7. P. 56–64.

8. Digital forensics: a textbook for universities / ed. V. B. Vekhova, S. V. Zueva. 2nd ed. revised and add. M. : Yurayt, 2025.

9. Yablokov N.P. Forensics: full course. In 3 vol. T. 1. Theoretical foundations. M. : Norma, 2008.

Информация об авторах

В. Н. Чулахов — начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Н. В. Максимов — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Chulakhov — Head of the Department of Technical and Criminalistic Support of Expert Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

N. V. Maksimov — Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the I.N. Ulyanov Chuvash State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 05.10.2025. The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 05.10.2025.

ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Учебник

Гриф НИИ образования и науки

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований

Под ред. С. В. Дубровина, С. И. Захарцева

Цель учебника, подготовленного на основе одноименного учебного пособия (1-е изд. Тб. : Справедливая Грузия, 2020; 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023), — представить широкий спектр базовых разделов криминалистики в максимально сжатом виде. Раскрывается содержание четырех институциональных разделов криминалистики: теория и методология; основные практические и научные аспекты криминалистической техники; криминалистическая тактика; криминалистическая методика расследования преступлений.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для судей, адвокатов, сотрудников правоохранительных органов и всех интересующихся криминалистикой.





Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-144-148>

EDN: <https://elibrary.ru/gdfuan>

ИПОН: 2003-0059-5/25-390

MOSURED: 77/27-003-2025-05-589

Охрана и защита конституционных прав человека: международно-правовой аспект

Павел Геннадьевич Шеленговский

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Исследуются стандарты охраны и защиты конституционных прав человека в аспекте международного права. Рассматриваются основные нормативные правовые акты международного права и законодательства, включая Европейский Союз, регулирующие охрану и защиту конституционных прав и свобод человека. Описывается правовой механизм охраны и защиты прав и свобод человека, а также различия между охраной и защитой прав и свобод. Анализируется правоприменительная деятельность и органы государственной власти, осуществляющие правоприменительную деятельность на международном уровне.

Ключевые слова: права человека, международное право, охрана прав, защита прав, правоприменительная деятельность, Европейский Союз

Для цитирования: Шеленговский П. Г. Охрана и защита конституционных прав человека: международно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 144–148. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-144-148>. EDN: GDFUAN.

Original article

Security and protection of constitutional human rights: international legal aspect

Pavel G. Shelengovsky

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. It examines the standards for the protection and protection of constitutional human rights in terms of international law. The main normative legal acts of international law and legislation, including the European Union, regulating the protection and protection of constitutional human rights and freedoms are considered. It describes the legal mechanism for the protection and protection of human rights and freedoms, as well as the differences between the protection and protection of rights and freedoms. Law enforcement activities and public authorities carrying out law enforcement activities at the international level are analyzed.

Keywords: human rights, international law, protection of rights, safeguarding of rights, law enforcement activities, European Union

For citation: Shelengovsky P. G. Security and protection of constitutional human rights: international legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):144–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-144-148>. EDN: GDFUAN.

Актуальность исследования стандартов охраны и защиты конституционных прав человека и гражданина в аспекте международного права обусловлена значимостью прав человека как основополагающего элемента правовой и социокультурной системы государства [2]. В условиях глобализации и интеграции международных правовых норм в национальные законодательства, обеспечение прав и свобод человека становится приоритетной задачей для всех государств.

В Европе создана уникальная архитектура, где права граждан защищаются на местном, националь-

ном и международном уровнях — от городского омбудсмана до ЕСПЧ. Это позволяет решить почти любую проблему на том или ином уровне. Если отказать в защите нарушенных прав в рамках национального суда — есть ЕСПЧ; если закон противоречит праву ЕС — вмешается Суд ЕС и Еврокомиссия. Институты взаимодополняют друг друга. Кроме того, институты защиты прав граждан Евросоюза обладают определенной авторитетностью и приверженностью ценностям: Европейские механизмы прав человека пользуются высоким доверием в мире, ос-

© Шеленговский П. Г., 2025



новываясь на общепризнанных международных правовых актах¹. ЕСПЧ часто цитируется вне Европы, Хартия ЕС вдохновляет новые декларации прав в Африке и Америке. Большинство правительств ЕС (даже скептически настроенные) не решаются открыто бросать вызов этим институтам, признавая их моральную силу.

Институты защиты прав граждан в ЕС обладают значительным запасом прочности и гибкости, но требуют дальнейшего развития в унисон с изменяющимся миром. Их перспективы позитивны при условии, что Европа сохранит верность идеалам демократии и правового государства. Политическая воля, технологические новации, поддержка активного гражданского общества — вот три столпа, на которых будет держаться успех этих институтов в предстоящее десятилетие. Современная система уже доказала свою ценность и, несмотря на имеющиеся недостатки, продолжает эволюционировать, чтобы обещания свободы и справедливости оставались реальностью для будущих поколений.

В связи с тем, что, согласно конституционному законодательству Российской Федерации, права и свободы граждан являются высшей ценностью, исследование правового статуса субъектов, обеспечивающих защиту высшей ценности, представляется актуальным направлением, так как эффективность деятельности субъектов возможна только при их успешном взаимодействии между собой, которое, в свою очередь, можно достичь только при выстраивании эффективной деятельности каждого субъекта.

Проблема, которая будет решаться в данной научной статье, заключается в выявлении и анализе международно-правовых стандартов охраны и защиты конституционных прав человека и гражданина, а также в оценке их реализации в правоприменительной деятельности на международном уровне. Действительно, можно отметить ряд противоречий, которые подчеркивают важность данной темы. Во-первых, несмотря на наличие международных правовых актов, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, их реализация на национальном уровне часто сталкивается с проблемами. Во-вторых, правоприменительная практика в различных странах может существенно различаться, что приводит к неоднородности в защите прав и сво-

бод граждан. В-третьих, существует противоречие между необходимостью ограничения прав и свобод в интересах общественной безопасности и соблюдением международных стандартов, что требует тщательного анализа и разработки механизмов балансировки этих интересов.

Методология исследования стандартов охраны и защиты прав человека и гражданина в аспекте международного права основывается на использовании комплекса методов и подходов, которые обеспечивают всесторонний и глубокий анализ данной проблематики.

В немецкой конституционно-правовой доктрине и практике существует важное концептуальное разграничение между понятиями «охрана» (*Schutz/Prävention*) и «защита» (*Verteidigung/Reaktion*) конституционных прав. «Охрана» прав относится к созданию общего правового режима, установлению законодательных рамок и превентивных мер, направленных на недопущение нарушений. Это включает в себя все юридические правила, направленные на обеспечение нормальной реализации норм и предотвращение посягательств.

В отличие от этого, «защита» определяется как активные действия, предпринимаемые уполномоченными субъектами (государственными органами, гражданами) в случаях, когда права уже нарушены или существует реальная угроза их нарушения, с целью их восстановления, возмещения вреда или пресечения противоправных действий. Это разграничение не является просто семантическим, а отражает комплексный, двухуровневый подход к обеспечению прав. «Охрана» создает фундаментальную правовую среду и нормативные границы, стремясь предотвратить нарушения до их возникновения, в то время как «защита» предоставляет необходимые корректирующие и восстановительные механизмы после того, как нарушение уже произошло. Этот целостный подход, охватывающий как проактивные, так и реактивные меры, является отличительной чертой зрелой конституционной системы:

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс»; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс»; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».



♦ *ключевые решения Федерального конституционного суда ФРГ и их значение для защиты прав человека;*

♦ *Конституция Итальянской Республики 1948 г.;*

♦ *Конституция Королевства Испании 1978 г.;*

♦ *решения Органического закона о Конституционном Суде Испании (ЛОТС, 1979), регулирующие полномочия и процедуры Конституционного Суда Испании;*

♦ *Конституция Франции 1958 г. (акцент сделан на конституционные принципы: верховенства Конституции, принцип законности, принцип пропорциональности и т. д.). Во французской конституционно-правовой доктрине, как и в других правовых системах, существует дискуссия о соотношении понятий «охрана» (*protection/garantie*) и «защита» (*défense/sauvegarde*) прав. Эти термины, хотя и взаимосвязаны, имеют различные смысловые оттенки и практические проявления, что является важным для понимания многогранного характера конституционных гарантий.*

Охрана прав часто понимается как более широкое понятие, охватывающее всю совокупность правовых норм, институтов и мер, направленных на обеспечение нормальной реализации прав и предотвращение их нарушений. Это превентивный, профилактический аспект, который создает общий правовой режим, благоприятный для осуществления прав.

Охрана прав носит постоянный характер, независимо от того, нарушены они или нет. Она включает в себя установление конституционных и законодательных рамок, создание компетентных органов и формирование правовой культуры, способствующей уважению прав:

♦ *решения Конституционного совета Франции, который является органом конституционного контроля, сочетающим предварительный (превентивный) и последующий контроль за соответствием законов Конституции. В отличие от многих других стран, он не рассматривает индивидуальные жалобы граждан, но играет ключевую роль в защите основных прав;*

♦ *Конституция Португалии;*

♦ *Конституция Швеции.*

Отметим, что конституции стран – членов Европейского Союза закрепляют базовые принципы защиты прав человека, соответствующие международным нормам (ЕКПЧ, Хартия ЕС об основных правах). Рассмотрим ключевые аспекты. Общими принципами являются:

Верховенство прав человека:

♦ Германия (Основной закон, ст. 1) — «Достоинство человека неприкосновенно»;

♦ Испания (Конституция, ст. 10) — права человека — основа политического строя;

♦ Франция (Декларация прав 1789, преамбула Конституции) — «Свобода, равенство, братство»;

Запрет дискриминации:

♦ Италия (ст. 3 Конституции) — равенство перед законом «без различия пола, расы, языка, религии»;

♦ Швеция (Акт о свободе печати, ст. 1) — запрет цензуры и ограничений по убеждениям.

Судебная защита:

♦ Польша (Конституция, ст. 45) — право на справедливый суд;

♦ Нидерланды (ст. 17) — каждый может обратиться в суд для защиты прав.

Помимо человеческого достоинства, Основной закон ФРГ закрепляет государственно-структурные принципы (*Staatsstrukturprinzipien*) в ст. 20, которые также служат фундаментальными гарантиями прав. Эти принципы включают:

1) *демократический принцип (Demokratieprinzip)*: утверждает, что вся государственная власть исходит от народа (*Volkssouveränität*), который осуществляет ее непосредственно через выборы и референдумы, а также через органы законодательной, исполнительной и судебной власти;

2) *принцип правового государства (Rechtsstaatsprinzip)*: связывает всю государственную власть законом и правом (Art. 20 Abs. 3 GG), гарантируя независимость судов, принцип законности и соразмерности²;

3) *принцип социального государства (Sozialstaatsprinzip)*: обязывает государство обеспечивать достойное существование и социальную справедливость, хотя конкретные социальные права не всегда прямо закреплены как основные права;

4) *федерализм (Bundesstaatprinzip)*: предусматривает разделение власти между федерацией и землями, обеспечивая децентрализацию и дополнительные уровни защиты прав.

Конституцию можно рассматривать с позиции множества подходов. Учитывая, что личность невоз-

² Die in den Artikeln 1 und 20 des Grundgesetzes niedergelegten Grundsätze sind unabänderlich // URL: <https://www.bundestag.de/gg>



можно отдельно от общества, а любое общество существует за счет одновременного взаимодействия с культурными, правовыми, социальными, политическими и экономическими процессами, целесообразно рассмотреть Конституцию РФ через социокультурный подход. В отечественной доктрине подчеркивается аксиологическая природа Конституции как программно-ценностного документа, задающего «каталог» общественных ценностей и смыслов для правового развития [4]. В этом контексте следует согласиться с мнением Г. С. Бобиной о том, что «Конституция России — это неотъемлемая часть ценностно-нормативной системы российской культуры, в которой она выполняет важнейшую функцию сохранения на всех этапах исторического развития традиционных ценностей и норм отечественной культуры, связанных с духовным развитием и совершенствованием ее носителей» [1].

Одновременно Конституция Российской Федерации институционализирует гарантии прав — от статуса Президента России как гаранта Конституции РФ и прав и свобод (ст. 80 Конституции РФ) до механизмов судебной защиты и конституционного контроля. Теория современной конституции исходит из единства нормативного и ценностного начал: юридическая обязательность конституционных положений сочетается с их мировоззренческой и политико-правовой программностью. Это позволяет рассматривать Конституцию как «основной закон» не только в формально-юридическом, но и в культурно-цивилизационном смысле.

Несмотря на значительные достижения в области исследования международно-правовых стандартов охраны и защиты прав человека, остаются определенные пробелы. Например, недостаточно изучены вопросы взаимодействия национальных и международных правовых систем в условиях глобализации. Также требуется дальнейшее исследование механизмов реализации прав человека в различных правовых системах, что позволит более эффективно защищать права и свободы на международном уровне [3].

На основании изложенного выше сделаем следующие выводы.

Во-первых, перечень прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, значительно шире прав, закрепленных в конституциях стран английской правовой системы. Здесь стоит акцентиро-

вать внимание на преобладании судебного прецедента, поэтому многие права, не нашедшие прямого закрепления в конституции и актах конституционного права, закрепляются там в последующем в судебных решениях. Так, построение норм о конституционных правах и свободах человека в различных правовых системах выстраивается под воздействием сразу многих факторов: религия; политическая культура, философия и другие. Выстраивание конституционных прав в государстве, в свою очередь, происходит для реализации одной глобальной цели — выступить в качестве ответа на вызовы глобальной безопасности для поддержания системы международных отношений.

Во-вторых, с учетом многоуровневости и всеохватности институтов охраны и защиты конституционных прав человека и гражданина в странах Европейского Союза, создана уникальная архитектура, где права граждан защищаются на местном, национальном и международном уровнях — от городского омбудсмена до ЕСПЧ. Это позволяет решить почти любую проблему на том или ином уровне. Если отказано в защите нарушенных прав в рамках национального суда — есть ЕСПЧ; если закон противоречит праву ЕС — вмешается Суд ЕС и Еврокомиссия. Институты взаимодополняют друг друга. Кроме того, институты защиты прав граждан Евросоюза обладают определенной авторитетностью и приверженностью ценностям: Европейские механизмы прав человека пользуются высоким доверием в мире, основываясь на общепризнанных международных правовых актах.

В-третьих, система конституционных прав человека и гражданина в России неразрывно связана с системой конституционных обязанностей. Между правами и обязанностями существует диалектическая взаимосвязь, при которой обеспечение прав человека обусловлено как выполнением другим человеком своих обязанностей, так и наоборот. Это означает, что права не являются абсолютными и неограниченными, а их осуществление предполагает наличие определенных обязанностей как со стороны государства, так и со стороны самих граждан и других субъектов права. Данное положение отражает принцип взаимной обусловленности, при котором права и свободы опосредуют наиболее значимые отношения между личностью и государством, формируя юридическую базу для всей системы.



Список источников

1. Бобина Г. С. Конституция России как фактор сохранения традиционных ценностей и норм российской культуры: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Томск, 2017.

2. Мецгер А. А. Охрана и защита гарантий прав граждан в правоприменительной деятельности в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 84–88.

3. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение Российской Конституции // Государство и право. 2009. № 8. С. 5–17.

4. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М. : Наука, 2016.

лософско-правовой аспект // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 3. С. 103–107.

2. Оксамытный В. В., Мецгер А. А. Система гарантий прав граждан в механизме правореализации // Государственная служба и кадры. 2020. № 5. С. 38–44.

3. Подмарев А. А. Международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина и их значение для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. № 3. С. 338–342.

4. Уваров А. А. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты прав и свобод человека // Известия ОГАУ. 2010. № 28. С. 291–293.

References

1. Bobina G. S. The Constitution of Russia as a factor in preserving traditional values and norms of Russian culture: abstract. diss. ... candidate of philosophical sciences. Tomsk, 2017.

2. Metzger A. A. Protection and protection of guarantees of citizens' rights in law enforcement activities in the Russian Federation // Civil Service and personnel. 2022. No. 1. P. 84–88.

3. Khabrieva T. Ya. The doctrinal significance of the Russian Constitution // State and Law. 2009. No. 8. P. 5–17.

4. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in the modern world. M. : Nauka, 2016.

Bibliographic list

1. Metzger A. A. Implementation of guarantees of citizens' rights in the law enforcement activities of courts: philosophical and legal aspect // Education. Science. Scientific staff. 2021. No. 3. P. 103–107.

2. Oxamytny V. V., Metzger A. A. The system of guarantees of citizens' rights in the mechanism of legal realization // Civil service and personnel. 2020. No. 5. P. 38–44.

3. Podmarev A. A. International standards for the restriction of human and civil rights and freedoms and their significance for law-making and law enforcement activities in the Russian Federation // Proceedings of the Saratov University. Ser. Economy. Management. Right. 2018. No. 3. P. 338–342.

4. Uvarov A. A. Constitutional and legal mechanism for the protection and protection of human rights and freedoms // News of the OGAU. 2010. No. 28. P. 291–293.

Библиографический список

1. Мецгер А. А. Реализация гарантий прав граждан в правоприменительной деятельности судов: фи-

Информация об авторе

П. Г. Шеленговский — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук.

Information about the author

P. G. Shelengovsky — Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья
УДК 343.135
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-149-155>
EDN: <https://elibrary.ru/hcadyk>
НИОН: 2003-0059-5/25-391
MOSURED: 77/27-003-2025-05-590

Процессуальные решения в досудебном производстве в отношении недееспособного лица по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ

Андрей Альбертович Шишков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, aashishkov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются процессуальные решения следователя, дознавателя в отношении лица, признанного в установленном порядке недееспособным. Отмечается, что уголовно-процессуальное законодательство России и некоторых стран СНГ допускает принятие процессуальных решений о признании недееспособного лица, в том числе несовершеннолетнего, подозреваемым и обвиняемым. Вместе с тем, в уголовном судопроизводстве России и некоторых стран СНГ недееспособность формально не приравнивается к невменяемости и, соответственно, не является обстоятельством, исключающим преступность деяния. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных странах СНГ не употребляется термин «недееспособность», но есть и другие страны СНГ, где законодатель активно применяет это понятие. Отмечается, что при недееспособности лицо всегда имеет хроническое стойкое психическое расстройство, в отличие от невменяемости, а значит при любых обстоятельствах не может понимать значения своих действий или руководить ими, в том числе при совершении общественно-опасного деяния. Анализируются процессуальные решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования при производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Отмечается, что в УПК Российской Федерации, в отличие от некоторых странах СНГ, основания и правовые последствия прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении невменяемого недостаточно четко определены. Обращается внимание на целесообразность заимствования опыта некоторых стран СНГ о дополнении уголовно-процессуального закона России положениями о принятии процессуальных решений в отношении недееспособных и невменяемых.

Ключевые слова: недееспособный, невменяемый, обвиняемый, опекун, процессуальное решение, прекращение уголовного дела, принудительные меры медицинского характера, уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ

Для цитирования: Шишков А. А. Процессуальные решения в досудебном производстве в отношении недееспособного лица по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 149–155. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-149-155>. EDN: HCADYK.

Original article

Procedural decisions in pre-trial proceedings against an incapacitated person under the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries

Andrey A. Shishkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
aashishkov@yandex.ru

Abstract. The procedural decisions of the investigator and the interrogator in relation to a person recognized as legally incompetent are considered. It is noted that the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries allows for the adoption of procedural decisions on the recognition of an incapable person, including a minor as a suspect and accused. At the same time, in the criminal proceedings of Russia and some CIS countries, incapacity is not formally equated with insanity and, accordingly, is not a circumstance that excludes the crime of the act. At the same time, the term «incapacity» is not used in the criminal procedure legislation of Russia and certain CIS countries, but there are other CIS countries where the legislator actively uses this concept. It is noted that in case of incapacity, a person always has a chronic persistent mental disorder, in contrast to insanity, which means that under any circumstances he cannot understand the meaning of his actions or lead them, including when committing a socially dangerous act. Procedural decisions on the termination of a criminal case or criminal prosecution in proceedings on the use of compulsory medical measures are analyzed. It is noted that in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, unlike some CIS countries, the grounds and legal consequences of the termination of a criminal case or criminal prosecution against an insane person are not clearly defined. Attention is drawn to the expediency of borrowing the experience of some CIS countries on supplementing the criminal procedure law of Russia with provisions on the adoption of procedural decisions in relation to the incapacitated and insane.

© Шишков А. А., 2025



Keywords: incompetent, insane, accused, guardian, procedural decision, termination of criminal case, compulsory medical measures, criminal procedure legislation of the CIS countries

For citation: Shishkov A. A. Procedural decisions in pre-trial proceedings against an incapacitated person under the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):149–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-149-155>. EDN: HCADEYK.

Процессуальное решение — решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом (п. 33 ст. 5 УПК РФ). В досудебных стадиях следователь или дознаватель может принимать различные процессуальные решения. Например, о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения, привлечении в качестве обвиняемого, прекращении уголовного дела и др. При этом в российском уголовно-процессуальном законе прямо не говорится о возможности принимать какие-либо процессуальные решения в отношении недееспособного лица. Более того, в российском УПК вообще не упоминается термин «недееспособность» и производные от него понятия. «Недееспособность» характерна для гражданского материального и процессуального права. Например, ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) объясняет, что гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Соответственно, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) регламентируется процедура признания лица недееспособным (гл. 31). Правовыми последствиями для лица, признанного недееспособным, являются лишения его возможности своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Например, сделка, совершенная гражданином, признанного недееспособным вследствие психического расстройства, является ничтожной (ст. 171 ГК РФ). Таким образом, недееспособность — это правовое состояние физического лица, страдающего психическим расстройством, ограничивающее его в гражданских правах и лишаящее возможности создавать и исполнять гражданские обязанности. Соответственно и ответственность за совершение каких-либо действий, например, заключение сделок, он не несет. Его интересы представляет опекун.

В отличие от понятия «недееспособный», слово «опекун» в УПК РФ упоминается неоднократно. В основном это увязывается с несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, реже потерпевшим. Например, опекун в перечне законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего (п. 12 ст. 5 УПК) или лица, обеспечивающего надлежащее поведение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого при избрании меры пресечения (ст. 105 УПК РФ). Упоминаются также органы опеки, например, в нормах, регламентирующих производство о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ).

В соответствии с гражданским законодательством, опекун представляет интересы малолетних (до 14 лет) и граждан, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства (ст. 32 ГК РФ). И если законодатель допускает, что у несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого может быть опекун, то очевидно, что несовершеннолетний является недееспособным, поскольку малолетний не может иметь этот процессуальный статус в силу возраста, с которого наступает уголовная ответственность. А несовершеннолетний потерпевший, в отличие от подозреваемого и обвиняемого, может быть и малолетним или недееспособным.

Недееспособное лицо, как уже было сказано, по причине психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. В этой связи существуют определенные сложности принимать процессуальные решения в отношении этих лиц. Как минимум необходимо обеспечить участие опекуна при выстраивании взаимоотношений с недееспособным. В отдельных случаях необходимо привлекать специалиста (врача-психиатра) для понимания возможности производить какие-либо следственные действия с недееспособным потерпевшим, свидетелем или другими участниками. А если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет и страдает психическим расстройством, то при его допросе участие психолога или педагога является обязательным. В силу этих обстоятельств в литературе высказывается мнение



ние, что таких лиц не только нельзя привлекать к уголовной ответственности, но с осторожностью принимать в отношении них какие-либо процессуальные решения или действия, в том числе их допрашивать, поскольку их показания не имеют доказательственного значения [1, с. 210; 2, с. 176].

Вместе с тем, существует и противоположная точка зрения, что в отношении недееспособного несовершеннолетнего можно принимать процессуальные решения, в том числе о привлечении его в качестве обвиняемого, при условии, что по результатам судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетний будет признан вменяемым [3, с. 149]. Но многие авторы в своих работах, описывая несовершеннолетнего и его опекуна, не углубляются в этот вопрос [4, с. 11; 5].

Если согласиться с мнением о возможности привлечения в качестве обвиняемого недееспособного несовершеннолетнего, которое, собственно, основано на нормах закона, где говорится об опекуне обвиняемого, подозреваемого, кстати, и не только закона, но и в решении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [6], где также упоминается опекун у несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, то можно прийти к выводу, что несовершеннолетний может одновременно совмещать два правовых состояния: недееспособность и вменяемость; т. е., с одной стороны, он не может понимать значение своих действий или руководить ими (недееспособность), а с другой, — осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (вменяемость).

Недееспособность, как известно, по законодательству Российской Федерации не является обстоятельством, исключающим преступность деяния или освобождающим от уголовной ответственности, в отличие от невменяемости. Согласно ч. 1 ст. 21 УК РФ если лицо, во время совершения общественно-опасного деяния не осознавало фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или не могло руководить ими, вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики, то оно не подлежит уголовной ответственности.

Как видим, недееспособность и невменяемость — это правовые последствия для лица, страдающего психическими расстройствами. Однако, если бук-

вально следовать закону, то можно предположить, что психическое расстройство лица, признанного судом недееспособным, не позволяет ему понимать значение любых своих действий, а не только неправомерных, как это характерно для невменяемости.

Как известно, признание лица недееспособным происходит по правилам гражданского судопроизводства в порядке, предусмотренном гл. 31 ГПК РФ. Обязательным условием вынесения решения о признании лица недееспособным является проведение судебно-психиатрической экспертизы. Процессуальному решению о признании лица невменяемым также предшествует судебно-психиатрическая экспертиза. Закон обязывает для установления психического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости, назначать этот вид экспертизы (ст. 196 УПК РФ). А Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, какие обстоятельства могут вызывать сомнения, но при этом не упоминает о недееспособности лица [7].

Невозможность лица понимать значение своих действий или руководить ими принимается по итогам судебного разбирательства, где участвуют многие лица (сам гражданин, если нет опасности для его жизни и здоровья или для окружающих, прокурор, представители органа опеки и попечительства) и процессуально оформляется решением суда. Решение же о невменяемости лица принимается не всегда в результате судебного разбирательства. Если характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного вреда, то следователь, по окончании производства о применении принудительных мер медицинского характера, самостоятельно принимает решение о прекращении уголовного дела; т. е. именно следователь единолично признает лицо невменяемым. И это показывает, что невменяемость может быть признана, в отличие от недееспособности, в более упрощенном порядке.

Сформулируем промежуточный вывод. И так, при наличии общих признаков правовых состояний человека: недееспособность и невменяемость, имеются и различия. Во-первых, при недееспособности лицо всегда имеет хроническое стойкое психическое расстройство в отличие от невменяемости, где лицо может страдать временным психическим расстрой-



ством, продолжающееся определенный срок (относительно быстро) и заканчивается выздоровлением (например, белая горячка, патологический эффект, реактивные состояния психики, вызванные тяжелыми душевными переживаниями) или иными болезненными состояниями психики, которые не являются психическими заболеваниями, но тем не менее, также сопровождаются нарушениями психики (могут наблюдаться при травмах головного мозга, опухолях мозга, брюшном тифе и других заболеваниях) [8, с. 54].

Во-вторых, недееспособность — это оценка возможности лицом понимать значение своих действий или руководить ими в будущем. Суд, принимая решение о признании лица недееспособным, исходит из того, что лицо в какой-то перспективе (минимум шесть месяцев) не сможет понимать значение своих действий и руководить ими. Невменяемость же — оценка прошедшего события. Суд или следователь отвечает на вопрос: могло ли лицо понимать свое противоправное поведение или руководить своими действиями.

Исходя из сказанного, можно предположить, что поскольку недееспособное лицо, по мнению суда, не понимает и не будет какое-то время понимать значение любых своих действий или не сможет ими руководить, то если в этот период оно совершит общественно-опасное деяние, то оно по-прежнему не сможет осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

В таких случаях возникает вопрос: какие процессуальные решения в досудебном производстве можно принимать в отношении недееспособного лица, о котором имеются сведения о совершении им общественно-опасного деяния, но еще нет заключения судебно-психиатрической экспертизы о признании его невменяемым или, напротив, вменяемым. Если исходить из положений УПК РФ, то производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке, а это значит любые процессуальные решения в отношении недееспособного лица, в том числе и меры пресечения, можно принимать. И только после выводов эксперта о том, что лицо в момент совершения общественно-опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, производство по уголовному делу будет осуществляться по правилам гл. 51 УПК РФ с особенностями принятия процессуальных решений. Возникает вопрос: нужно ли ожидать выводов эксперта в рамках уголовного процесса о невменяемо-

сти лица, чтобы сформировать внутреннее убеждение у следователя о необходимости отказа от общего порядка производства по уголовному делу и начале производства о применении принудительных мер медицинского характера. Может быть достаточно уже имеющихся в уголовном деле сведений о личности недееспособного и его неспособности понимать значение своих действий или руководить ими, например, решение суда о признании его недееспособным, справки из различных медицинских организаций, в том числе психиатрических, показаний и объяснений свидетелей, опекуна и других лиц, для принятия решения об особом порядке досудебного производства. К тому же, необходимо учитывать институт преюдиции, освобождающий следователя от необходимости дополнительной проверки того факта, что лицо не способно понимать значение своих действий или руководить ими в силу психического расстройства.

Закон прямо говорит об освобождении следователя, дознавателя от дополнительной проверки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу решением в рамках гражданского судопроизводства (ст. 90 УПК). Следовательно, решение о признании лица недееспособным до тех пор, пока не принято иное решение суда о признании этого лица вновь дееспособным, доказывает, что лицо не понимает значения своих действий или не может ими руководить. Необходимость признания преюдициального значения судебного решения, отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, направлено на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов и впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства [9]. Таким образом, можно предположить, что следователю, доказывая обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 173 УПК), необходимо, а возможно и достаточно, приобщить к материалам уголовного дела решение суда о признании лица, совершившего общественно-опасное деяние, недееспособным. Если признать решение суда о недееспособности лица достаточным, то вполне правомерно можно рассмотреть вопрос о принятии решения о прекращении уголовного дела, например, по основанию, указанному в п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК [10, с. 106].



Правда законодатель не совсем четко определил порядок и правовые последствия прекращения уголовного дела при отсутствии основания для направления уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

В законе сказано, что по окончании предварительного следствия следователь выносит постановление о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда (п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК).

Из указанной нормы следует, что основания прекращения уголовного дела разделены союзом «а также» на два самостоятельных вида. К первому относятся основания, предусмотренные в ст. 24 и 27 УПК, так называемые общие основания. А ко второму, — отсутствие опасности деяния и лица, его совершившего, для него самого и общества. Союз «а также» можно воспринимать с точки зрения семантики как самостоятельность смысла по отношению к уже сказанному явлению, событию, но при этом имеющие общие признаки с перечисленным в одном предложении.

Порядок прекращения уголовных дел по так называемым общим основаниям (ст. 24–27 гл. 29 УПК) не упоминает о специальном основании освобождения от уголовной ответственности или исключаящем уголовную ответственность невменяемого. Законодатель не пояснил, данное основание является реабилитирующим или нереабилитирующим. Требуется ли согласие невменяемого или его опекуна на прекращение уголовного дела. В литературе отмечается, что действительно существует пробел в законодательстве относительно прекращения уголовного дела в отношении невменяемого и высказывается мнение, что данное специальное основание должно быть законодателем отнесено к нереабилитирующим, а значит необходимо получать согласие либо от невменяемого (что маловероятно), либо от его представителя [11, с. 416].

В уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств – участников Содружества Независимых Государств (далее — страны СНГ) вопрос о процессуальном решении в досудебном производстве в отношении лица, совершившего деяние

и не осознававшего его характер и общественную опасность, законодателем решен более определенно.

Например, УПК Республики Казахстан (УПК РК) одним из обстоятельств, исключающих производство по делу, называет совершение лицом запрещенного уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, кроме случаев, когда производство по делу необходимо для применения принудительной меры медицинского характера (п. 9 ч. 1 ст. 35 УПК РК). Обнаружив эти обстоятельства орган уголовного преследования выносит на любой стадии досудебного производства постановление о прекращении уголовного дела (ч. 6 ст. 35 УПК РК). В УПК Республики Азербайджан (УПК РАз) также одним из обстоятельств, исключающим уголовное преследование, является совершение лицом деяния, предусмотренного уголовным законом в состоянии невменяемости (за исключением случаев, когда к данным лицам применяются принудительные меры медицинского характера) (п. 10 ч. 1 ст. 39 УПК РАз). При таких обстоятельствах уголовное преследование не возбуждается, а возбужденное подлежит прекращению на любом этапе досудебного производства (ч. 1 ст. 41 УПК РАз). Отличие от нашего, российского правопорядка, состоит в том, что следователь вправе принять такое решение только на этапе окончания предварительного следствия. В УПК Республики Беларусь, также как в Российской Федерации, такое право у следателя появляется при окончании предварительного следствия (ч. 1 ст. 444 УПК РБ). Также отметим, что и казахский и азербайджанский законодатель определился и с правовыми последствиями для невменяемого, не включив это основание прекращения уголовного дела в список реабилитирующих оснований (ч. 1 ст. 37 УПК РК; ст. 42 УПК РАз).

Выше уже было сказано, что российский законодатель не упоминает в УПК термин «недееспособный». Также не найти этого понятия и в УПК Республики Беларусь, и УПК Республики Казахстан. Напротив, УПК Республики Узбекистан (УПК Узб), УПК Республики Азербайджан прямо говорят о недееспособности как об основании привлечения законного представителя к участию в деле для отстаивания прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, если их недееспособность признана в установленном порядке (ст. 60 УПК РУзб; ст. 101 УПК РАз). А законодатель Республики Армения в этом направлении еще дальше про-



двинулся и говорит о недееспособности лица не только как обязанности участия законного представителя подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца (ст. 76 УПК РФ), но как об обязательном участии защитника, если подозреваемый или обвиняемый недееспособны (п 9 ч. 1 ст. 69 УПК РФ). При этом надо иметь в виду, что законодатель Армении не отождествляет недееспособность и невменяемость, как это может показаться на первый взгляд. Достаточно посмотреть иные положения УПК, в которых говорится о лице, совершившем запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, которому, также как и недееспособному, обязательно назначается защитник (п. 8 ч. 1 ст. 69 УПК РФ), а кроме того есть самостоятельная глава, как впрочем и в иных странах СНГ (например, в России), о порядке производства по применению принудительных мер медицинского характера к невменяемым (гл. 52 УПК РФ). Но что любопытно, законодатель Армении, регламентируя это производство, обязывает следователя или прокурора принимать решение о признании лица, в отношении которого возбуждено производство по применению принудительных мер медицинского характера, еще и недееспособным, если он не может из-за своего психического состояния участвовать в производстве по делу, составляя об этом протокол и направляя его в судье (ч. 4 ст. 451 УПК РФ). Иными словами, если психическое состояние невменяемого ухудшилось, то необходимо признать его еще и недееспособным. Тем самым подчеркивая, что недееспособность и невменяемость с точки зрения возможности понимать ими значение своих действий и руководить ими совпадают.

Итак, подведем итоги. Во-первых, законодатель России и некоторых стран СНГ допускает принятие процессуальных решений о признании недееспособного лица, в том числе несовершеннолетнего, не только подозреваемым, но и обвиняемым. Во-вторых, в уголовном судопроизводстве России и некоторых стран СНГ недееспособность формально не приравнивается к невменяемости и, соответственно, не является обстоятельством, исключающим преступность деяния. В-третьих, в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных странах СНГ не употребляется термин «недееспособность», но есть и другие страны СНГ, где законодатель активно применяет это понятие. В-четвертых, при недееспособно-

сти лицо всегда имеет хроническое стойкое психическое расстройство, в отличие от невменяемости, а значит при любых обстоятельствах не может понимать значения своих действий или руководить ими, в том числе при совершении общественно-опасного деяния. В-пятых, в УПК Российской Федерации, в отличие от некоторых стран СНГ, основания и правовые последствия прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении невменяемого недостаточно четко определены. В-шестых, целесообразно рассмотреть вопрос о заимствовании опыта некоторых стран СНГ о дополнении уголовно-процессуального закона России положениями о принятии процессуальных решений в отношении недееспособных и невменяемых.

Список источников

1. Плотникова Э. Д. Проблемы допроса недееспособного лица в уголовном процессе // Государство, общество и политика: экономические, правовые и социальные аспекты: сб. науч. тр. по мат. I междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. С. 206–211.
2. Татьяна Л. Г., Бычков А. Н. Некоторые вопросы получения информации от лиц, признанных невменяемыми или недееспособными // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13. С. 174–176.
3. Потехина Е. А. Присмотр за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми как мера пресечения и ее применение следователями органов внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
4. Ерофеева В. А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2018.
5. Тучина О. А. Меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества, в отношении несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых: моногр. М. : Юрлитинформ, 2026.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.



7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова). М. : Юриспруденция, 2015.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства Российской Федерации». 2012. № 2. Ст. 398.

10. Шишков А. А. Кто присматривает за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым // Современное право. 2007. С. 102–107.

11. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: моногр. / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина и др.; отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма ; Инфра-М, 2022.

References

1. Plotnikova E. D. Problems of interrogating an incapacitated person in criminal proceedings // State, society and politics: economic, legal and social aspects: Coll. of scientific works on mat. 1st international scientific and practical conf. St. Petersburg : Scientific and Publishing Center «Open Knowledge», 2017. P. 206–211.

2. Tatyana L. G., Bychkov A. N. Some issues of obtaining information from persons recognized as insane or incompetent // Bulletin of the South Ural State University. 2006. No. 13. P. 174–176.

3. Potekhina E. A. Supervision of minor suspects or accused as a preventive measure and its application by

investigators of internal affairs bodies: diss. ... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2006.

4. Erofeeva V. A. Supervision of a Minor Suspect Accused in Criminal Proceedings: abstract diss. ... candidate of legal sciences. M., 2018.

5. Tuchina O. A. Preventive Measures Not Involving Isolation from Society for Minor Accused and Suspected Persons: Monograph. M. : Yurlitinform, 2026.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011, No. 1 «On the Judicial Practice of Applying Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability and Punishment of Minors» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 4.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011 No. 6 (as amended on March 3, 2015) «On the Practice of Applying Compulsory Medical Measures by Courts» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 7.

8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. 3rd ed., revised and supplemented / edited by S. V. Dyakov, N. G. Kadnikov). M. : Jurisprudence, 2015.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2011 No. 30-П «In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens V.D. Vlasenko and E.A. Vlasenko» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 2. Art. 398.

10. Shishkov A. A. Who Looks After a Minor Suspect or Accused // Modern Law. 2007. P. 102–107.

11. Proof and Decision-Making in Adversarial Criminal Proceedings: monograph / E. K. Antonovich, T. Yu. Vilkova, L. M. Volodina, et al.; ed. by L. N. Maslennikova. 2nd ed., revised and enlarged. M. : Norma ; Infra-M, 2022.

Информация об авторе

А. А. Шишков — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Shishkov — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.
The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-156-161>

EDN: <https://elibrary.ru/hjlyij>

НИОН: 2003-0059-5/25-392

MOSURED: 77/27-003-2025-05-591

Решение демографических задач в условиях федеративного устройства России

Нодари Дарчоевич Эриашвили^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

² Государственный университет управления, Москва, Россия

Аннотация. В Российской Федерации существует четкое распределение полномочий между федеральным центром и регионами, что позволяет регионам принимать самостоятельные решения в важных сферах, таких как экономика, образование, здравоохранение и др. Такое распределение полномочий создает основу для дифференцированного подхода к решению региональных проблем. В свою очередь, разделение власти между центром и регионами стимулирует политическую конкуренцию среди субъектов Российской Федерации.

С использованием формально-юридического подхода, статистического и сравнительного методов исследования изучено содержание региональных программ по повышению рождаемости. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что принципы федерализма играют ключевую роль в формировании политики регионального развития современной России. Федерализм позволяет субъектам Российской Федерации разрабатывать собственные подходы к решению проблем низкой рождаемости, учитывая специфику местных условий. Вместе с тем, важно обеспечить согласованность региональных программ с общими целями и приоритетами национальной демографической политики, используя единые целевые показатели в соответствии с утвержденной стратегией действий в области демографического развития.

Ключевые слова: государство, региональная программа по повышению рождаемости, субъект Российской Федерации, суммарный коэффициент рождаемости, федерализм

Для цитирования: Эриашвили Н. Д. Решение демографических задач в условиях федеративного устройства России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 156–161. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-156-161>. EDN: HJLYIJ.

Original article

Solving demographic problems in the context of the federal structure of Russia

Nodari D. Eriashvili^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

² State University of Management, Moscow, Russia

Abstract. In the Russian Federation, there is a clear distribution of powers between the federal center and the regions, which allows the regions to make independent decisions in important areas, such as the economy, education, healthcare, etc. This distribution of powers creates the basis for a differentiated approach to solving regional problems. In turn, the division of power between the center and the regions stimulates political competition among the constituent entities of the Russian Federation.

Using a formal legal approach, statistical and comparative research methods, the content of regional programs to increase the birth rate was studied. The results of the study indicate that the principles of federalism play a key role in shaping the policy of regional development of modern Russia. Federalism allows the constituent entities of the Russian Federation to develop their own approaches to solving problems of low fertility, taking into account the specifics of local conditions. At the same time, it is important to ensure the coherence of regional programmes with the overall goals and priorities of national demographic policy, using uniform targets in accordance with the approved strategy for action in the field of demographic development.

Keywords: state, regional program to increase the birth rate, subject of the Russian Federation, total fertility rate, federalism

For citation: Eriashvili N. D. Solving demographic problems in the context of the federal structure of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):156–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-156-161>. EDN: HJLYIJ.

Особенности современного этапа развития России характеризуются разнообразием условий и уровней развития субъектов Российской Федерации, значительной зависимостью многих из них от различных форм финансово-бюджетного сотрудничества и иной координации действий с федеральным центром [1, с. 12]. Это проявляется в существенном различии природных, климатических, ресурсных, историче-

© Эриашвили Н. Д., 2025



ских и этнокультурных факторов, влияющих на состояние экономики, социальной сферы и инфраструктуру отдельных регионов. Высокий уровень неоднородности состояния экономики, институциональной среды и возможностей развития регионов ставит перед федеральной властью дополнительные задачи по обеспечению равномерного и гармоничного развития всех субъектов Российской Федерации. Решению этих задач способствуют мероприятия по совершенствованию нормативно-правового регулирования, разработки единых подходов к оценке результатов деятельности региональных правительств, а также реализации совместных стратегий [4, с. 41].

В соответствии с посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, в ближайшее шестилетие страна должна достичь устойчивого роста рождаемости, которую планируется обеспечить за счет внедрения новых подходов в системе воспитания и образования, внедрения эффективных мер в региональном и экономическом развитии [3, с. 94]. Исследования демографической ситуации в России показали, что для долгосрочного повышения рождаемости в период с 2025 по 2036 гг. потребуется принятие радикальных и масштабных мер, которые будут воздействовать на все возможные факторы, способные влиять на репродуктивное поведение населения [7]. Современная демографическая ситуация в России сформировалась под влиянием длительного воздействия негативных тенденций, возникших в результате серьезных социально-экономических и геополитических кризисов конца XX — начала XXI вв., череды вооруженных конфликтов, пандемии COVID-19 и обострения международной обстановки последних лет. Все это негативно сказалось на показателе суммарного коэффициента рождаемости (СКР) Российской Федерации, который постепенно снижается год от года. Так, в 2022 г. СКР составил 1,416, в 2023 г. — 1,41, в 2024 г. — 1,4 [15]. В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации демографическая ситуация также характеризуется стабильным снижением ежегодного числа родившихся и, как следствие, суммарного коэффициента рождаемости.

Необходимо отметить, что устойчивый рост рождаемости предполагает достижение стадии стабильной рождаемости [8], которая обеспечивается, прежде всего, социальной защищенностью и финансовым благополучием граждан. Статистически стабильная

рождаемость характеризуется небольшими колебаниями уровня рождаемости, что свидетельствует о доверии молодежи к своим жизненным перспективам и уверенности в возможности планирования семьи.

Современная государственная политика в области территориального развития позволяет выделить два основных подхода: во-первых, государство активно поддерживает динамично развивающиеся регионы, организуя там особые экономические зоны и территории опережающего развития; во-вторых, продолжается активная государственная поддержка регионов с низкими показателями социально-экономического развития, направленная на сокращение диспропорций и выравнивание уровня жизни населения. Таким образом, современная государственная политика сочетает поддержку точек роста и адресную помощь отстающим регионам, обеспечивая комплексное развитие территории страны [5, с. 83]. В связи с чем, федерализм позволяет каждому региону формулировать собственную стратегию развития, исходя из местных особенностей и потребностей. При наличии единого курса на федеральном уровне регионы имеют право адаптировать реализацию программ и планов под конкретные условия. Такая практика снижает вероятность ошибок и увеличивает шансы на успешное исполнение поставленных целей. Региональные руководители несут ответственность за выполнение поручений федеральных властей, одновременно имея возможность проявить инициативу и творчество в поиске путей развития. Позитивный демографический эффект от внедрения федеральных инициатив подкрепляется введением важных региональных мер, которые принимают во внимание специфику демографических тенденций в регионах России.

Региональные программы повышения рождаемости субъектов Российской Федерации формируются в соответствии с методическими рекомендациями по оценке демографического потенциала и разработке соответствующих программ, утвержденными приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 5 мая 2023 г. № 436 еще в период действия концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. Так же, в 2024 г. утверждены методические рекомендации по актуализации региональных программ по повышению рождаемости, утвердившие типовую форму региональной программы по повышению рождаемости, согласно которой от регионов требуется преломление



сложившихся демографических тенденций; обеспечение устойчивого роста рождаемости, повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г. и 1,8 к 2036 г.; ежегодное увеличение числа многодетных семей и обеспечение снижения бедности в таких семьях.

Для реализации намеченных целей, типовая региональная программа по повышению рождаемости определяет приоритетные направления деятельности органов публичной власти субъекта Российской Федерации. В целях укрепления репродуктивного здоровья населения реализуется комплексный подход, включающий организацию мероприятий по выявлению и лечению репродуктивных проблем, препятствующих наступлению беременности, просветительские мероприятия в области репродуктивного здоровья, психологическую поддержку женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также предоставление альтернативных решений проблемы нежелательной беременности. Сельские территории часто сталкиваются с проблемами нехватки инфраструктуры, ограниченных возможностей трудоустройства и низким уровнем доходов. Региональные программы по повышению рождаемости могут предусматривать специальные меры поддержки многодетных семей, строительство социальных объектов, создание рабочих мест и обеспечение доступной медицинской помощи женщинам сельских территорий. Региональная поддержка молодых людей, вступающих в брак и создающих семью, может включать предоставление образовательных кредитов, грантов, субсидий на жилье, налоговые льготы и другие формы материальной помощи. Одним из ключевых факторов, влияющих на решение завести ребенка, является наличие собственного жилья. Региональные программы по повышению рождаемости, содержащие мероприятия, направленные на снижение стоимости ипотеки, предоставление льготных условий приобретения недвижимости, строительство социального жилья, могут существенно повысить привлекательность семейной жизни для молодежи. Доступные детские площадки, парки отдыха, спортивные сооружения способствуют активному образу жизни и укрепляют семейные связи. За счет образовательных программ, культурных мероприятий, формирующих положительное отношение к семье, материнству и отцовству достигается упрочнение в обществе института семьи, традиционных нравственных ценностей.

Предполагается, что рассмотренные меры могут позволить органам власти субъектов РФ эффективно решать проблему низкой рождаемости, создавая благоприятные условия для роста численности населения и укрепления семьи как основы общества [2, с. 41].

Как правило, все региональные программы по повышению рождаемости разработаны и утверждены в 2023–2024 гг. и опубликованы на официальных сайтах исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также имеются в доступе в информационно-правовых системах. Большинство региональных программ по повышению рождаемости актуализированы и соответствуют типовой программе, а лучшие практики регионов со стабильной рождаемостью могут подлежать последующему тиражированию. Оценка результативности региональной программы по повышению рождаемости осуществляется комплексом показателей, помимо основного — количества рождений в год; предусмотрены дополнительные разнообразные показатели: количество абортных на 1000 женщин фертильного возраста, количество абортных на 100 родов; доля женщин, отказавшихся от искусственного прерывания беременности после доабортного консультирования (процент от числа женщин, прошедших консультирование) и др. Так же, в ряде субъектах Российской Федерации в дополнение к целевому показателю числа рождений в год в региональных программах по повышению рождаемости установлены дополнительные целевые показатели, такие как «средний возраст матери при рождении ребенка [9]»; «доля женщин отказавшихся от искусственного прерывания беременности после доабортного консультирования [10]»; «использования субсидии семей [14]»; «суммарный коэффициент рождаемости [11]»; «количество абортных на 1000 женщин фертильного возраста», «средний возраст матери при рождении первенца [12]» и др. В связи с чем полагаем целесообразным рассмотреть возможность оценки результативности региональных программ по повышению рождаемости путем установления единых показателей эффективности региональной программы по повышению рождаемости.

Тем не менее, полномочия регионов в принятии самостоятельных решений в области демографической политики ограничены федеральным законодательством и установленным федеральным стандартом к разработке региональных программ по повышению рождаемости, в связи, с чем их эффективность



зависит от ряда факторов, в том числе финансового обеспечения, которое напрямую определяется бюджетом субъекта Российской Федерации. Типовая программа по повышению рождаемости рекомендует субъектам Российской Федерации устанавливать категории лиц, в отношении которых должны быть приняты региональные меры поддержки. Хотя указанные рекомендации носят общий характер, регионам предоставляется определенная свобода в разработке собственных подходов и механизмов, направленных на повышение рождаемости. Например, самостоятельное определение участников реализации региональной программы по повышению рождаемости. Так в региональной программе по повышению рождаемости Тюменской области перечень кодов целевых групп расширен и включает орган исполнительной власти — Департамент социального развития Тюменской области [13].

В Российской Федерации реализуется широкий спектр мер поддержки семей с детьми, среди которых наиболее значимой является программа материнского капитала. Эта государственная инициатива уникальна, поскольку аналогов ей практически нет ни в одной другой стране мира. Она включает комплекс инструментов, направленных на повышение рождаемости и улучшение благосостояния семей. В региональных программах по повышению рождаемости в субъектах Российской Федерации в перечне мер поддержки семьи также предусмотрена выплата регионального материнского (семейного капитала). Однако, региональный материнский капитал и другие аналогичные меры представляют собой преимущественно поддерживающую форму помощи, а не являются основным фактором, стимулирующим увеличение рождаемости. Несмотря на дополнительный финансовый ресурс, порядок и размер выплат зачастую недостаточны для покрытия основных нужд семьи. Не во всех субъектах РФ реализован беззаявительный порядок оформления выплат, при этом многие семьи могут не знать обо всех возможных мерах поддержки, предоставляемых государством и регионами. Размер регионального материнского капитала существенно различается между регионами — сумма может варьироваться от нескольких десятков тысяч рублей до сотен тысяч. К примеру, некоторые субъекты предоставляют дополнительные выплаты семьям, родившим второго ребенка, тогда как другие стимулируют рождение третьего или последующих детей.

Условия предоставления региональной помощи также отличаются. Часто поддержка оказывается при рождении второго ребенка либо последующих детей, иногда предоставляются субсидии многодетным семьям или при усыновлении детей. Региональная помощь дополняет федеральную программу материнского капитала, направленную на поддержку российских семей с детьми.

Программы по повышению рождаемости, разработанные регионами Российской Федерации, демонстрируют сходство в своей направленности, дополняя федеральный пакет мер поддержкой определенных категорий семей. Однако, несмотря на существование множества мер поддержки, эффективность некоторых из них вызывает сомнения. Некоторые меры поддержки не оказывают ожидаемого эффекта из-за несовершенства механизмов реализации. Социально-демографические процессы постоянно меняются, поэтому даже успешные ранее меры могут перестать давать нужный эффект.

Несмотря на ограничения в полномочиях, регионы способны разрабатывать эффективные программы по повышению рождаемости, учитывая местные особенности и потребности населения. Обращаясь к принципам федерализма, следует отметить, что типовая программа по повышению рождаемости определяет общую архитектуру мероприятий, оставляя регионам возможность самостоятельно формировать перечень конкретных действий в рамках заданных направлений, что, в свою очередь, способствует учету индивидуальных особенностей каждого региона, повышению ответственности региональных властей и выработке более эффективных мер поддержки семей с детьми. Однако, с учетом ожидаемых результатов принятой стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г., имеющаяся вариативность установленных в региональных программах по повышению рождаемости показателей затрудняет выявление лучших практик и выработку унифицированных подходов, что отрицательно сказывается на сопоставимости результатов и снижает эффективность межрегионального обмена положительным опытом. Кроме того, оценка эффективности реализации мероприятий региональных программ по повышению рождаемости проводится субъектами Российской Федерации ежегодно, но типовые подходы к формированию мероприятий, направленных



на повышение рождаемости, не содержат критерии, которые могут свидетельствовать о неэффективности текущих мер. Таким образом, региональная программа по повышению рождаемости продолжает функционировать в запланированном режиме без внесения изменений, что влияет на эффективность системы исполнения решений федерального центра и контроля за их исполнением [6, с. 160].

Изменение половозрастных пирамид в субъектах Российской Федерации свидетельствует о старении населения и снижении потенциала естественного прироста. Монетарные методы федеральной демографической политики достигают пределов своей эффективности. В региональных программах по повышению рождаемости встречаются мероприятия, которые повторяют существующие федеральные инициативы, не дополняя их и не обеспечивая синергического эффекта, а отсутствие унифицированных критериев оценки эффективности региональных программ по повышению рождаемости затрудняет сравнение программ между различными регионами.

Список источников

1. Бухвальд Е. М., Иванов О. Б. Федерализм как ключевой принцип политики регионального развития в России // ЭТАП. 2017. № 2. С. 7–22.
2. Епифанов А. Е. Из зарубежного опыта по обеспечению правового статуса несовершеннолетних мигрантов // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. № 4. Т. 23. С. 38–43.
3. Епифанов А. Е., Баев Р. Р., Джумагулов А. С. Федеральное вмешательство как институт федеративного государства (вопросы теории государства и права). Волгоград : Издательство ВАГС, 2011.
4. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. Научно-аналитический журнал. 2010. № 4 (41). С. 39–46.
5. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Государственная система управления территориальным развитием: особенности и тенденции // Мониторинг правоприменения. 2022. № 1 (42). С. 79–85.
6. Платонов В. М. Принцип единства исполнительной власти в федеративном устройстве современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 1. Т. 20. С. 145–160.
7. Улумбекова Г. Э., Гинойн А. Б., Худова И. Ю. Научное обоснование условий для повышения рождаемости в РФ в период с 2022 по 2030 гг. // URL: https://orgzdrav.vshouz.ru/ru/jarticles_orgzdrav/222.html
8. Rotkirch A. Low birth rates: Ten steps towards more baby-friendly policies for 2024 and beyond // URL: <https://population-europe.eu/research/policy-insights/low-birth-rates-ten-steps-towards-more-baby-friendly-policies-2024>
9. Постановление Правительства Белгородской области от 28 июня 2023 г. № 341-пп «Об утверждении региональной программы Белгородской области по повышению рождаемости» // URL: <https://belregion.ru/upload/iblock/647/t3tna9fi60zyl58wzszabg5hgzzto8mh/341-пп.pdf>
10. Постановление Правительства Брянской области от 29 июня 2023 г. № 270-п «Об утверждении Региональной программы по повышению рождаемости в Брянской области» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3200202307040002>
11. Постановление Правительства Ивановской области от 25 декабря 2024 г. № 662-п «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Ивановской области на 2025–2027 годы» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/370020412270003>
12. Постановление Правительства Калужской области от 28 июня 2023 г. № 452 «Об утверждении региональной программы «Повышение рождаемости» на период 2023–2026 годов» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4000202306300007>
13. Постановление Правительства Тюменской области от 23 июня 2023 г. № 383-п «Об утверждении региональной программы «Повышение рождаемости» в Тюменской области» (в ред. постановления Правительства Тюменской области от 27 декабря 2024 г. № 1053-п) // URL: <https://tyumen-pravo.ru/postanovlenie/2024/12/27/n-1053-p/>
14. Распоряжение Правительства Воронежской области от 19 декабря 2024 г. № 1029-р «Об утверждении Региональной программы по повышению рождаемости» // URL: https://pavlovsk-r20.gosweb.gosuslugi.ru/glavnoe/informatsiya-dlya-naseleniya-1/dokumenty-omsu-1_2576.html
15. Суммарный коэффициент рождаемости // URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>

References

1. Buchwald E. M., Ivanov O. B. Federalism as a key principle of regional development policy in Russia // STAGE. 2017. No. 2. P. 7–22.



2. Epifanov A. E. From foreign experience in ensuring the legal status of minor migrants // *Legal Concept = The legal paradigm*. 2024. No. 4. Vol. 23. P. 38–43.

3. Epifanov A. E., Baev R. R., Dzhumagulov A. S. Federal intervention as an institution of a federal state (issues of the theory of state and law). Volgograd : VAGS Publishing House, 2011.

4. Epifanov A. E., Panchenko A. V. The legal nature of the mechanism for ensuring the personal safety of citizens // *New legal thought. Scientific and analytical journal*. 2010. No. 4 (41). P. 39–46.

5. Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. The state system of territorial development management: features and trends // *Law enforcement monitoring*. 2022. No. 1 (42). P. 79–85.

6. Platonov V. M. The principle of unity of executive power in the federal structure of modern Russia // *Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology*. 2020. No. 1. Vol. 20. P. 145–160.

7. Ulumbekova G. E., Ginoyan A. B., Khudova I. Y. Scientific substantiation of conditions for increasing the birth rate in the Russian Federation in the period from 2022 to 2030 // URL: https://orgzdrav.vshouz.ru/ru/articles_orgzdrav/222.html

8. Rotkirch A. Low birth rates: Ten steps towards more baby-friendly policies for 2024 and beyond // URL: <https://population-europe.eu/research/policy-insights/low-birth-rates-ten-steps-towards-more-baby-friendly-policies-2024>

9. Resolution of the Government of the Belgorod region dated June 28, 2023 No. 341-pp «On approval of the regional program of the Belgorod region to increase the

birth rate» // URL: <https://belregion.ru/upload/iblock/647/t3tna9fi60zyl58wzszabg5hgzzto8mh/341-pp.pdf>

10. Decree of the Government of the Bryansk region dated June 29, 2023 No. 270-p «On approval of the Regional Program for increasing the birth rate in the Bryansk region» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3200202307040002>

11. Resolution of the Government of the Ivanovo region dated December 25, 2024 No. 662-p «On approval of the regional program for increasing the birth rate in the Ivanovo region for 2025–2027» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202412270003>

12. Resolution of the Government of the Kaluga Region dated June 28, 2023 No. 452 «On approval of the regional program «Increase in fertility» for the period 2023–2026» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4000202306300007>

13. Resolution of the Government of the Tyumen Region dated June 23, 2023 No. 383-p «On approval of the regional program «Increase in fertility» in the Tyumen region» (as amended by Resolution of the Government of the Tyumen Region dated December 27, 2024 No. 1053-p) // URL: <https://tyumen-pravo.ru/postanovlenie/2024/12/27/n-1053-p/>

14. Decree of the Government of the Voronezh Region dated December 19, 2024 No. 1029-r «On approval of the Regional Program for increasing the birth rate» // URL: https://pavlovsk-r20.gosweb.gosuslugi.ru/glavnoe/informatsiya-dlya-naseleniya-1/dokumenty-omsu-1_2576.html

15. Total fertility rate // URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>

Информация об авторе

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the author

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 05.10.2025.
The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 05.10.2025.



Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-162-166>

EDN: <https://elibrary.ru/hmqdvw>

НИОН: 2003-0059-5/25-393

MOSURED: 77/27-003-2025-05-592

К вопросу о понятии военно-экономического обеспечения Вооруженных сил

Вадим Андреевич Быков¹, Сергей Михайлович Проява²

¹ Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Ярославль, Россия

² Военный университет имени князя Александра Невского, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается возможность введения в научный оборот такого понятия, как военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил Российской Федерации. Предложено несколько подходов, основанных на анализе юридических дефиниций, раскрывающих положения военной доктрины, войны, военной безопасности, военно-экономического обеспечения обороны государства и современном взгляде на процессы удовлетворения военно-экономических потребностей как в Вооруженных силах, так и в оборонной сфере экономики страны.

Ключевые слова: оборона, Вооруженные силы, военно-экономическое обеспечение обороны, военно-экономические потребности, удовлетворение военно-экономических потребностей, военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил

Для цитирования: Быков В. А., Проява С. М. К вопросу о понятии военно-экономического обеспечения Вооруженных сил // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 162–166. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-162-166>. EDN: HMQDVW.

Original article

On the concept of military economic support for the Armed Forces

Vadim A. Bykov¹, Sergey M. Proyava²

¹ Yaroslavl Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl, Russia

² Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

Abstract. The possibility of introducing such a concept as military and economic support for the Armed Forces of the Russian Federation into scientific circulation is being considered. Several approaches are proposed based on the analysis of legal definitions that reveal the provisions of military doctrine, war, military security, military and economic support for the defense of the state and a modern view of the processes of meeting military and economic needs both in the Armed Forces and in the defense sector of the country's economy.

Keywords: defense, Armed Forces, military and economic support for defense, military and economic needs, satisfaction of military and economic needs, military and economic support for the Armed Forces

For citation: Bykov V. A., Proyava S. M. On the concept of military economic support for the Armed Forces. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):162–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-162-166>. EDN: HMQDVW.

В условиях нестабильной военно-политической обстановки Российская Федерация вынуждена обеспечивать национальные интересы не только политико-дипломатическими средствами, но и путем укрепления своей обороноспособности, усиления боевых возможностей современной армии.

Данная статья является искренним выражением желания ее авторов представить свое понимание (в свете современных быстро изменяющихся процессов в военно-экономической деятельности Российской Федерации) возможности научного использования понятия — «военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил» в условиях новых вызовов не только в международных отношениях, но и в области современного военного строительства, обеспечения обороны страны. Анализ экономических и военных

исследований, публикаций в различных информационных источниках не выявил применения предлагаемого понятия научным сообществом. При этом хочется отметить, что первые шаги в этом направлении уже сделаны. В Военном университете Министерства Обороны РФ последнее десятилетие читаются учебные курсы «Военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил» и «Военно-экономическое обеспечение войск национальной гвардии». Кафедрой военной экономики подготовлены, изданы одноименные учебники [1; 2]. Однако, постоянное перекраивание научной, учебно-методической части отдельных читаемых в Военном университете экономических дисциплин в угоду новомодным веяниям, привело к потере сущностного содержания как предмета названных учебных дисциплин, так и их

© Быков В. А., Проява С. М., 2025



научной составляющей. Поэтому мы взяли на себя смелость «восстановить справедливость» и найти соответствующее место предлагаемому нами понятию в военно-экономической теории и практике.

Рассмотрим несколько путей к осознанию понятия «военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил».

«Военно-экономическое обеспечение обороны государства» является подчиненным понятием законодательно устоявшейся категории «экономика государства», с точки зрения характеристики его оборонного потенциала.

Большая Российская энциклопедия отмечает: «Оборона страны — одна из функций государства, представляет собой систему политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженную защиту государства, целостности и неприкосновенности его территории» [3].

В соответствии с Законом об обороне «В целях обороны создаются Вооруженные силы Российской Федерации» [4].

Безусловно, армия гарант власти и суверенитета государства, его экономической заботы. Являясь важнейшим государственным институтом, она всецело находится под пристальным государственным вниманием в вопросах ее модернизации, совершенствования, в том числе, в вопросах снабжения всем необходимым для обеспечения обороны страны. В последнее время частный сектор не остается в стороне. Опыт СВО это подтверждает. Этот же опыт и возвращает нас к мысли «советского» периода существования страны, что только государство в лице своего ОПК является главным экономическим субъектом в обеспечении любого вооруженного конфликта или длительного военного противостояния.

На это указывает, например, исследователь Т. В. Вербицкая, которая пишет «о конституционной ответственности государства по защите своего суверенитета от агрессии или угрозы агрессии посредством деятельности органов государственной власти, военнослужащих в составе вооруженных сил, при содействии граждан, их объединений (гражданской обороны), посредством финансового обеспечения (экономическая оборона)» [5].

Таким образом, перед нами стоит нелегкая, в том числе, научно-теоретическая задача определения современных экономической и военной составляющих процессов обеспечения обороны государства, которую надо было решать новой России сразу после рас-

пада СССР, и непременно на высоком научно-техническом уровне. В этой связи удовлетворение военно-экономических потребностей ВС, войск национальной гвардии РФ и других воинских формирований и органов находится в тесной парадигме с суверенитетом и независимостью нашего государства.

Задача удовлетворения экономических потребностей ВС, войск национальной гвардии РФ и других воинских формирований и органов, является первоочередным направлением деятельности государства по экономическому обеспечению обороноспособности страны. Чему подтверждением служат уроки специальной военной операции 2022–2025 гг. [6].

В этой связи следует говорить о военной экономике государства и, прежде всего, его оборонно-промышленном комплексе (ОПК), где решается ряд задач по определению военно-экономических потребностей, источников их удовлетворения, военного производства и снабжения войск всеми видами вооружения и военной техникой и другими видами военного имущества.

На что и дает ответ военная наука, рассматривая задачи военно-экономического обеспечения ВС и других воинских формирований. Особенно в свете мероприятий, проводимых в ходе СВО.

Военно-экономическая наука предполагает, что военная экономика, ее военно-производственная составляющая (ОПК) решает ряд последовательных базовых задач военного, материально-технического обеспечения обороны страны. Начиная от четкого выражения и законодательного закрепления военно-экономических потребностей, определения ясно видимых источников удовлетворения, реализуя полученные результаты в сфере военного производства, и заканчивая высоко организованными, наполненными реальной конечной военной продукцией, процессами обеспечения Вооруженных сил всем необходимым.

Из этого следует, что теоретическая сущность и задачи рассматриваемого нами понятия военно-экономического обеспечения ВС должны всецело определяться наукой «военная экономика». Данная позиция позволяет говорить о тесной взаимосвязи исследований оборонных государственных мероприятий с его целенаправленной военно-экономической деятельностью по удовлетворению военных и экономических потребностей ВС и других вооруженных формирований. Как в условиях подготовки к войне, так и в условиях, например, специальной военной операции на территории Украины, где проходит испытание военный потенциал России, и прежде всего, стран враж-



дебного Запада, военная наука и практика также претерпевает серьезную проверку на прочность устойчивых десятилетиями догм и определений, военно-экономических законов и принципов ведения современной войны.

Сегодняшним исследованием мы и хотим обратить на это внимание.

В соответствии с Военной доктриной РФ, утвержденной Президентом РФ В. В. Путиным (Военная доктрина): «Основной задачей военно-экономического обеспечения обороны является создание условий для устойчивого развития и поддержания возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне, необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. Где военной организацией государства являются, прежде всего, Вооруженные силы РФ, а также другие войска и органы» [7].

Таким образом, исходя из вышесказанного — «военно-экономическое обеспечение ВС» является подчиненным понятием доктринальной категории «военно-экономическое обеспечение обороны» [7], сущность которого заключается в удовлетворении Вооруженных сил, других воинских формирований государства и его ОПК военно-экономических потребностей в материальных, финансовых, информационных и людских ресурсах для целей обеспечения обороноспособности государства и защиты его территориальной целостности на основе властных решений по повышению военно-экономического потенциала страны при их всенародной поддержке.

В этой связи возникает еще одно понятие — военная экономика, достаточно глубокое в своем понимании и функционировании, затрагивающее в той или иной мере различные сферы общества, не только экономическую. Примечательно, что происходящие при этом социально-экономические процессы имеют ту же цель, что и рассматриваемое нами понятие «военно-экономическое обеспечение ВС», а именно — военное потребление, которое так же является экономическим процессом приобретения и использования различных материальных и нематериальных ресурсов для обеспечения потребностей военной организации государства [7; 8].

Отсюда можно сделать вывод, что исходя из целей, понятия «военная экономика» и «военно-экономическое обеспечения Вооруженных сил» тождественны.

Кроме того, исходя из процессного подхода военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил охватывает более глубокие процессы эффективного и рационального использования сил и средств ведения войны как процесс удовлетворения военно-экономических потребностей. Это является другим подходом к научному обоснованию жизненности понятия военно-экономического обеспечения войск.

На самом деле, военные и экономические потребности, с одной стороны, лежат в основе оборонной деятельности государства, которая выражается в реализации военно-экономических потребностей Вооруженных сил посредством их материального обеспечения через производство военной продукции на предприятиях ОПК и других стратегических отраслях и сферах.

Рассмотрение структуры военно-экономических потребностей общества и отдельно его ВС и других воинских формирований и органов, потребляющих продукцию военного назначения, позволяет подойти к формируемому нами понятию «военно-экономическое обеспечение ВС». Так, функционально, с точки зрения общественной предназначенности — это производственные и непроизводственные военно-экономические потребности. По месту (уровню) возникновения такие потребности можно разделить на:

- ◆ саму потребность государства в обороне;
- ◆ военно-экономические потребности войск и оборонной составляющей народного хозяйства страны в материальных, людских и информационных ресурсах;
- ◆ индивидуальные и коллективные потребности личного состава ВС и других воинских формирований.

Результат их неэффективной оценки в 90-е гг. прошлого века в нашей стране виден сегодня достаточно отчетливо. И «паника» в большинстве европейских стран в настоящее время — тому подтверждение.

Сегодняшние военные противостояния в мире подтверждают необходимость увеличения как объемов, так и качества, эффективности применяемых средств вооруженной борьбы, что определяет усложнение структуры военно-экономических потребностей Вооруженных сил, что подтверждают исследования таких ученых, как В. В. Бессонов, А. А. Ковалева, В. Д. Мороза и др. Исходя из предложенного нами структурного подхода, обобщенно к военно-экономическим потребностям Вооруженных сил можно отнести технику, вооружение, финансовое обеспечение и денежное довольствие, гражданский и военный персонал военных организаций, ГСМ, продовольствие,



вещевое имущество и обувь, квартирно-эксплуатационное обеспечение, информационные технологии, искусственный интеллект, НИОКР и др. [1; 9; 10].

Выделение военно-экономических потребностей, связанных с потребляющим (непроизводственным) сектором, позволяет говорить что именно он и занимает центральное место в функциональной структуре экономики Вооруженных сил как части военной экономики, которая охватывает вопросы непосредственного обеспечения их экономической деятельности, по той причине, что в нем и реализуется ее основная функция, а именно обеспечение боеготовности и боеспособности ВС. А здесь уже следует говорить о применении войск, эксплуатации ВиВТ, использовании военного имущества.

Военно-экономические потребности обороны государства, направленные на обеспечение ВС и других его воинских формирований подвержены изменениям по ряду причин. К ним следует отнести:

- ◆ пересмотр источников угроз развязывания войн и военных конфликтов;
- ◆ переоценка в свете СВО основ функционирования военной организации государства;
- ◆ переосмысление места и роли частного бизнеса в развитии экономических механизмов удовлетворения военно-экономических потребностей вооруженных сил и других воинских формирований.

Сложившаяся военно-политическая ситуация в мире после распада Советского Союза, «новая военно-экономическая обстановка в России и обострение военно-политической ситуации в мире, вызвали необходимость формирования принципиально иного подхода к экономическому обеспечению военного строительства и безопасности страны, включая механизм государственного регулирования военного производства и размещения государственного оборонного заказа» [11].

Опыт СВО показывает, что современный бой требует оснащения Вооруженных Сил как новыми типами ВиВТ частей и подразделений ВС, так и индивидуальных потребностей военнослужащих, основанных на информационных технологиях, искусственном интеллекте [12; 13; 14].

Таким образом, суть военно-экономического обеспечения Вооруженных Сил заключается в том, чтобы наиболее эффективно использовать военно-экономические потребности для полного и своевременного обеспечения боеготовности и боеспособности войск, развития и совершенствования армии и флота, жизни, деятельности военного персонала. Предло-

женные подходы к выявлению места и роли в военно-экономической науке понятия военно-экономическое обеспечение ВС, основанных на анализе доктринальных положений о военно-экономическом обеспечении обороны государства, а также процессов удовлетворения военно-экономических потребностей, позволяют говорить о применимости данного понятия как в научных исследованиях, так в образовательной деятельности.

Список источников

1. Военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил Российской Федерации: электронный учебник / под общ. ред. В. Д. Мороза. М., 2025.
2. Мороз В. Д. Военно-экономическое обеспечение войск национальной гвардии: электронный учебник. М., 2025.
3. Большая Российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/c/oborona-strany-5f0c89>
4. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «Об обороне» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591
5. Вербицкая Т. В. К вопросу о системе и структуре обороны государства в рамках конституционного права Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса. 2015. № 3 (32). С. 243–248.
6. Герасимов А. В. Оборона страны как стратегический национальный приоритет обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Наука и искусство управления. Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2024. № 3. С. 128–139.
7. Военная Доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989
8. Рейхерт К. И. Экономические аспекты военного потребления в рамках общественного воспроизводства // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s1.
9. Бессонов В. В. Военно-экономические потребности и пути их удовлетворение в современных условиях // URL: <http://www.политуправление.рф/архив/2014/02/Bessonov.htm>
10. Ковалев А. А., Кудайкин Е. И. Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 20–27.
11. Головецкий Б. Н. Совершенствование организационно-экономического механизма государст-



венного регулирования производства военной продукции и размещения государственного оборонного заказа // *Науковедение*. 2016. Т. 8. № 2.

12. Горгола Е. В., Кваша В. А., Коречков Ю. В., Кириченко И. А. Прогнозирование в системе военно-экономического обеспечения специальной военной операции // *Бизнес. Образование. Право*. 2023. № 2 (63). С. 241–245.

13. Анчишкин А. И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста. М., 2003.

14. Ткачев И., Деготькова И. Какой стала экономика России за год военной операции на Украине // *РБК*. 2023. 24 февр.

References

1. Military and economic support of the Armed Forces of the Russian Federation: electronic textbook. М., 2025.

2. Moroz V. D. Military and economic support of the National Guard troops: electronic textbook. М., 2025.

3. The Great Russian Encyclopedia // URL: <https://bigenc.ru/c/oborona-strany-5f0c89>

4. Federal Law No. 61-FZ of May 31, 1996 (as amended on June 13, 2023) «On Defense» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591

5. Verbitskaya T. V. On the issue of the system and structure of state defense within the framework of the constitutional law of the Russian Federation // *Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. 2015. No. 3 (32). P. 243–248.

6. Gerasimov A. V. National defense as a strategic national priority for ensuring military security of the

Russian Federation // *Science and Art of management. Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*. 2024. No. 3. P. 128–139.

7. Military Doctrine of the Russian Federation, approved by By the President of the Russian Federation V. V. Putin on December 25, 2014, No. Pr-2976 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989

8. Reichert K. I. Economic aspects of military consumption in the framework of social reproduction // *Bulletin of Eurasian Science*. 2023. Vol. 15. No. s1.

9. Bessonov V. V. Military-economic needs and ways to meet them in modern conditions // URL: <http://www.политуправление.рф/архив/2014/02/Bessonov.htm>

10. Kovalev A. A., Kudaikin E. I. Information technologies in ensuring the military security of the state // *Management consulting*. 2017. No. 5. P. 20–27.

11. Golovetsky B. N. Improving the organizational and economic mechanism of state regulation of the production of military products and the placement of the state defense order. *Naukovedenie*. 2016. Vol. 8. No. 2.

12. Gorgola E. V., Kvasha V. A., Korechkov Yu. V., Kirichenko I. A. Forecasting in the system of military and economic support for a special military operation. *Education. Right*. 2023. No. 2 (63). P. 241–245.

13. Anchishkin A. I. Forecasting the rates and factors of economic growth. М., 2003.

14. Tkachev I., Degotkova I. What has become the Russian economy during the year of the military operation in Ukraine // *РБК*. 2023. 24 February.

Информация об авторах

В. А. Быков — доцент Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент;

С. М. Проява — преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Bykov — Associate Professor of the Yaroslavl branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

S. M. Projava — Lecturer of the Military University named after Prince Alexander Nevsky, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 25.09.2025. The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 25.09.2025.



Научная статья
УДК 332.14
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-167-181>
EDN: <https://elibrary.ru/hyvoey>
ИПОН: 2003-0059-5/25-394
MOSURED: 77/27-003-2025-05-593

Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций и их возможное влияние на экономику субъектов РФ в зоне СВО

Михаил Юрьевич Грядунов^{1,2}

¹ Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Красногорск, Россия, M.Gryadunov@gmail.com

² Научный центр «Доктрина», Москва, Россия

Аннотация. Анализируется деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций в России и в новых регионах России. Рассматривается возможное влияние социально ориентированных некоммерческих организаций на экономику субъектов РФ в зоне специальной военной операции. Выделяются существующие отклонения в функционировании национальных некоммерческих организаций, а также намечается типология «нового» некоммерческого сектора. Анализ литературы, научных исследований, включая общедоступные базы данных, информацию об отдельных некоммерческих организациях, а также экономико-математическое моделирование при помощи корреляционного и регрессионного анализа заполняют существующий когнитивный пробел в определении роли некоммерческого сектора и его влияния на экономику территорий, характеризующихся проведением военных конфликтов и находящихся в трудном положении. Показана значимость социально ориентированных некоммерческих организаций в России и в новых регионах России при реализации социально-значимых задач по поддержке граждан в зоне специальной военной операции, направленных на различные виды финансовых и материальных сборов, психологическую поддержку людей, столкнувшихся с различными последствиями конфликта, восстановление окружающей среды. Проведено исследование возможного влияния деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на экономику субъектов РФ в зоне СВО на основе фактических данных по Республике Крым и г. Севастополю, а также смоделированных данных по новым российским регионам. Выявлена высокая зависимость валового регионального продукта (ВРП) регионов от количества участников конкурса Фонда президентских грантов и объемов финансирования, полученных НКО. Построен прогноз динамики ВРП с учетом вероятного влияния при помощи регрессионных коэффициентов, полученных при моделировании данных Республики Крым.

Ключевые слова: частный сектор, государственное управление, гражданское общество, консультационная поддержка, сотрудники, компетенции, информационная поддержка

Для цитирования: Грядунов М. Ю. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций и их возможное влияние на экономику субъектов РФ в зоне СВО // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 167–181. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-167-181>. EDN: HYVOEY.

Original article

Activities of socially oriented non-commercial organizations and their possible impact on the economy of the subjects of the Russian Federation in the SVO zone

Mikhail Yu. Gryadunov^{1,2}

¹ Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Krasnogorsk, Russia, M.Gryadunov@gmail.com

² Scientific center «Doctrine», Moscow, Russia

Abstract. The activities of socially oriented non-profit organizations in Russia and in new regions of Russia are analyzed. The possible impact of socially oriented non-profit organizations on the economy of the constituent entities of the Russian Federation in the zone of a special military operation is being considered. Existing deviations in the functioning of national non-profit organizations are highlighted, and a typology of the «new» non-profit sector is outlined. Foundry analysis research, including public databases, information on individual non-profit organizations, as well as economic and mathematical modeling using correlation and regression analysis fill the existing cognitive gap in determining the role of the non-profit sector and its impact on the economy of territories characterized by military conflicts and in difficult situations. The importance of socially oriented non-profit organizations in Russia and in new regions of Russia in the implementation of socially significant tasks to support citizens in the zone of a special military operation aimed at various types of financial and material fees, psychological support for people faced with various consequences of the conflict, and environmental restoration is shown. A study was conducted on the possible impact of the activities of socially oriented non-profit organ-

© Грядунов М. Ю., 2025



izations on the economy of the constituent entities of the Russian Federation in the SVO zone based on actual data for the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, as well as simulated data for new Russian regions. A high dependence of the gross regional product (GRP) of the regions on the number of participants in the Presidential Grants Fund competition and the amount of funding received by NGOs was revealed. A forecast of GRP dynamics was built taking into account the likely influence using regression coefficients obtained when modeling data from the Republic of Crimea.

Keywords: private sector, public administration, civil society, consulting support, employees, competencies, information support

For citation: Gryadunov M. Yu. Activities of socially oriented non-commercial organizations and their possible impact on the economy of the subjects of the Russian Federation in the SVO zone. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):167–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-167-181>. EDN: HYVOEY.

На протяжении многих лет в контексте экономики и принципов ее функционирования выделялись два противоположных сектора — частный и государственный. Первый, состоящий из ориентированных на получение прибыли субъектов, составляющих частную собственность, создающих материальную основу функционирования общества и действующих на основе рыночных законов, и второй, состоящий из государственных учреждений и учреждений местного самоуправления, обеспечивающих правильное функционирование государства и реализацию поставленных перед ним задач. Основной целью существования субъектов этого сектора является, прежде всего, удовлетворение социальных потребностей. Однако, постепенно начали появляться и приобретать значение субъекты, которые было трудно отнести к одному из этих двух секторов, которые «возникают между частным и государственным секторами и на их стыке». С середины прошлого века выделяется третий сектор, объединяющий субъекты, не являющиеся элементом государственного устройства, действующие не ради прибыли, а для удовлетворения потребностей отдельных людей, групп или всего общества, и создание и укрепление чувства общности в обществе. Третий сектор функционирует потому, что, помимо энтузиазма и труда составляющих его людей, он получает помощь от первого сектора в виде средств для финансирования действующих в нем организаций и второго сектора, который, кроме финансовой помощи также предоставляет правовые и организационные возможности для действий.

Субъекты, составляющие этот сектор, чаще всего называются организациями третьего сектора или некоммерческими организациями [7]. Нами были систематизированы теории (табл. 1), объясняющие альтруистическое поведение и деятельность некоммерческих организаций, описывающие различные ее аспекты.

По мнению П. Блау (1964), одного из создателей теории социального обмена, поведение волонтеров ориентировано на преследование определенной цели или вознаграждения и определяет выбор конкретных поведенческих направлений/моделей [21]. Теория социальных норм трактует волонтерство как обязанность, возникающую в результате человеческого взаимодействия.

Предполагаемая независимость не исключала сотрудничества с другими участниками общественной жизни как в организационном, так и в финансовом плане. Теоретическая модель некоммерческого сектора предполагает принятие мер, заключающихся, прежде всего, в поддержке государства в тех сферах социальной помощи, в которых оно неэффективно. Другие сферы деятельности включают надзорную деятельность, связанную с гражданским надзором за надлежащим функционированием государственного управления в рамках законотворчества, правопорядка и социальной справедливости [4].

Прошедшие годы характеризовались широким включением некоммерческого сектора в общественную жизнь, этот факт обычно связывался с видением построения гражданского общества снизу. Неоднократно указывалось на потребность заполнить суще-

Таблица 1

Теории деятельности некоммерческих организаций и их характеристики

Теория	Характеристики
Теория социального обмена	Стремление к личной выгоде; обмен материальными ценностями; социальный/эмоциональный обмен; социальное вознаграждение; позитивная социализация; повышение самооценки, повышенное чувство самоудовлетворения
Теория социальных норм	Помощь взамен; помощь без ожидания обратной связи
Теория эволюции	Кровное родство; надежда на помощь в будущем

Источник: авторское обобщение.



ствующую нишу способом, который доказал свою эффективность в развитых странах [8; 10; 15]. Основной целью была необходимость усиления государства в реализации задач социальной поддержки, особенно на местном уровне. Диагностика социальных проблем, указывающая на многочисленные области, требующие усиления, помимо имеющихся инструментов, входящих в компетенцию государства, стала ключевым аргументом необходимости создания НКО и их поддержки [1]. В настоящее время деятельность социальных НКО может оказать существенную поддержку обществу и экономике в регионах, которые подвержены негативным тенденциям и конфликтам, что актуализирует тему данной статьи, направленной на выявление влияния социально-ориентированных некоммерческих организаций на экономику субъектов РФ в зоне специальной военной операции, выделение существующих отклонений в функционировании национальных некоммерческих организаций от предполагаемой модельной схемы, а также разработку типологии «нового» некоммерческого сектора.

Анализ научной литературы показывает значительный интерес исследователей к проблеме оценки эффективности деятельности социально ориентированных НКО и их влияния на региональную экономику.

Е. И. Борисова и Л. И. Полищук в своем исследовании выделяют два основных методологических подхода к оценке эффективности НКО: эмпирический и сравнительный. При этом авторы отмечают, что эмпирические методы часто страдают от недостатка объективности из-за сложности получения количественных данных [3].

Т. Б. Якимова рассматривает НКО как ключевых партнеров органов государственной власти в решении социальных проблем регионов. Особенно актуальным это становится для территорий с особыми социально-экономическими условиями [18].

Существенный вклад в разработку методологии оценки эффективности НКО внесли W. A. Brown и C. Guo, предложившие комплексную систему критериев, включающую как количественные, так и качественные показатели влияния некоммерческого сектора на социально-экономическое развитие территорий [20].

Е. Г. Тарханова [17] выделяет специфические проблемы оценки эффективности СО НКО, связанные с:

- ◆ сложностью количественного измерения социального эффекта;
- ◆ отсутствием единой методологии оценки;
- ◆ многообразием целей и направлений деятельности.

В контексте оценки влияния СО НКО на экономику регионов в зоне СВО особый интерес представляет исследование И. В. Мерсияновой, где автор анализирует роль некоммерческого сектора в развитии территорий с особым социально-экономическим статусом [11].

R. D. Herman и D. O. Renz предложили методику оценки эффективности НКО через призму достижения заявленных социальных результатов и их влияния на целевые группы благополучателей [22].

Для оценки экономического эффекта деятельности СО НКО Salamon L. M. [25] рекомендует использовать следующие показатели:

- ◆ количество созданных рабочих мест;
- ◆ объем привлеченных внебюджетных средств;
- ◆ экономия бюджетных средств за счет замещения государственных услуг;
- ◆ мультипликативный эффект от деятельности НКО в регионе.

Российские исследователи [6; 12] подчеркивают необходимость учета региональной специфики при оценке эффективности СО НКО, особенно в регионах с особыми социально-экономическими условиями.

В качестве методов исследования использовались: анализ литературы, научных исследований, включая общедоступные базы данных, а также информация об отдельных некоммерческих организациях. Для оценки деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций в России и субъектах РФ в зоне специальной военной операции применялись графическое представление статистической информации, систематизация и обобщение. Проведено экономико-математическое моделирование возможного влияния деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на экономику субъектов РФ в зоне СВО при помощи корреляционного и регрессионного анализа на основе фактических данных по Республике Крым и г. Севастополю, а также смоделированных данных по новым российским регионам. Формирование выводов строилось на логическом и сравнительном анализе теоретических и практических аспектов функционирования национальных некоммерческих организаций.



Переходя от контекста к методологическим основам, можно отметить, что составители «Руководства ООН для некоммерческих организаций» выделили пять типов переменных, на основе которых можно анализировать вклад НКО. Они состоят из: 1) финансовых переменных (рыночный доход, государственные компенсации, добровольные вклады, потребление, доход от собственности, трансферты по текущему счету и т. д.); 2) структурных переменных (количество штатных сотрудников, набор волонтеров, членов, клиентов, с которыми работали и т. д.); 3) переменных оценок производства оказываемых услуг и масштаба (денежные и неденежные показатели выпуска); 4) переменных клиентов и операционных пользователей (общие размеры клиентов, участие, вовлеченность, удовлетворенность услугами и т. д.); 5) переменных воздействий и производительности (эффективность, справедливость в распределении, справедливость в расширении социальных прав и возможностей). Примечательно, что представленные статистические переменные составлены по критерию полноты, т. е. они ориентированы не только на сбор экономической (поступивших средств и понесенных расходов), но и социальной, трудовой деятельности. Собранный таким образом статистика позволяет оценить весь институциональный сектор НКО и его подсекторы.

Однако, доступность статистических оценок, касающихся НКО в новых регионах и социально-экономических показателей их функционирования, а также переменных воздействия и эффективности, весьма низкая. Измерение переменных осложняется не только отсутствием данных, но и тем фактом, что услуги, предоставляемые НКО, различаются в зависимости от сектора. Согласно официальной статистике, количество пользователей услуг можно оценить только по отдельным группам НКО, оказывающих стационарные социальные услуги. Кроме того, можно отметить невозможность получить данные из регионов в зоне действия НКО, поэтому предлагаем рассмотреть влияние данного сектора на регионы, присоединившиеся к РФ в 2014 г. Республику Крым и г. Севастополь.

В табл. 2 представлены показатели деятельности НКО в Республике Крым и г. Севастополе.

Затем мы провели корреляционно-регрессионный анализ для оценки влияния. Результаты расчета коэффициентов корреляции представлены в табл. 3.

Как мы видим, в соответствии со шкалой Чеддока наблюдается высокая положительная связь между ВРП регионов и объемом выделенного финансирования в обоих субъектах РФ, в г. Севастополе наблюда-

Таблица 2

Показатели деятельность НКО в Республике Крым и г. Севастополе, млрд руб.

Крым							
Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Крым							
Объем выделенного финансирования, млн руб.	18,7	31,6	40,2	40,4	37,7	48,7	41,9
Количество НКО — участников конкурса Фонда президентских грантов, ед.	129	178	143	148	137	48,7	114
Количество НКО-победителей, ед.	12	21	21	21	25	21	19
ВРП	385	437,4	475,5	517,1	614,3	655,9	706,88
Севастополь							
Объем выделенного финансирования, млн руб.	40	30,6	22,1	33,3	63,6	54,2	103,9
Количество НКО — участников конкурса Фонда президентских грантов, ед.	82	89	65	102	96	153	148
Количество НКО-победителей, ед.	15	15	16	17	25	25	43
ВРП	101,3	121,7	137,9	143	188	229,7	238,2

Источник: авторское обобщение по данным Росстат (Национальные счета // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> и Проекты. Фонд президентских грантов // URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>).



Таблица 3

Коэффициенты корреляции для оценки влияния деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на экономику Республики Крым и г. Севастополь

	Объем выделенного финансирования, млн руб.	Количество НКО, принявших участие в конкурсе Фонда президентских грантов, ед.	Количество НКО-победителей конкурса Фонда президентских грантов, ед.
ВРП Крымская республика	0,77711233	-0,60861	0,481978
ВРП г. Севастополь	0,797803431	0,875551	0,864983

Источник: авторский расчет.

ется также высокая связь между ВРП и количеством участников конкурса Фонда президентских грантов, тогда как для Республики Крым по данному показателю связь слабая.

Далее мы провели регрессионный анализ по показателям Крымской Республики, поскольку регрессионная статистика данного анализа показала достоверность исследования (табл. 4).

Таблица 4

Регрессионная статистика оценки влияния деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на экономику Республики Крым

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,941314
R-квадрат	0,886071
Нормированный R-квадрат	0,772142
Стандартная ошибка	25,57323
Наблюдения	7

R-квадрат показывает, что построенная нами модель объясняет 88,6 % вариации зависимой величины, в данном случае динамики ВРП региона. Полученная модель представлена формулой (1):

$$ВРП_{рег} = 372,01 + 5,36 * X_1 - 1,21 * X_2 + 6,31 * X_3 \quad (1)$$

где:

У-пересечение 372,0080388

Переменная X 1 5,358036616

Переменная X 2 -1,207408421

Переменная X 3 6,307936977

Полученные коэффициенты регрессии подтверждают результаты корреляционного анализа между ВРП и:

♦ объемом финансирования НКО — связь высокая положительная;

♦ участниками конкурса — связь слабая отрицательная;

♦ победителями конкурса — связь высокая положительная.

Полученные коэффициенты были использованы для построения прогноза динамики ВРП регионов в зоне СВО. Поскольку статистических данных о фактических объемах ВРП данных регионов нет, мы использовали имеющуюся информацию по динамике ВРП Украины и доле новых регионов в общем объеме ВРП Украины (рис. 1).

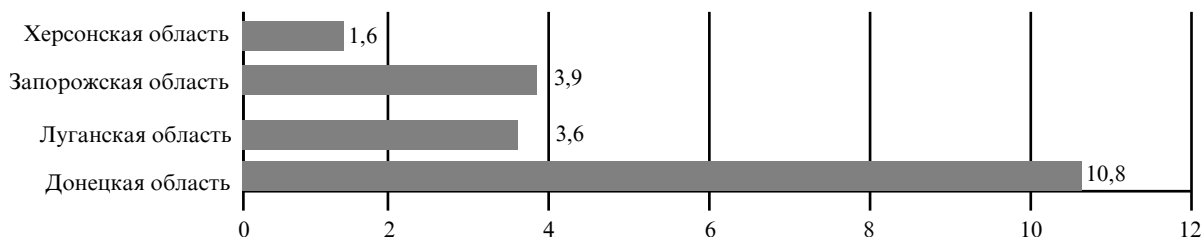


Рис. 1. Доля новых регионов РФ в общем объеме ВРП Украины, %

Источник: авторский расчет по данным Росстат (Национальные счета // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> и Новые российские регионы оказались дотационными почти на 90 % // URL: <https://www.forbes.ru/finansy/490324-novye-rossijskie-regiony-okazalis-dotacionnymi-pocti-na-90>).



Расчетные значения ВРП новых регионов РФ, млрд руб.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Донецкая область	726,49	828,29	1046,36	1247,26	1204,31	1157,02	1550,94
Луганская область	242,16	276,10	348,79	415,75	401,44	385,67	516,98
Запорожская область	262,34	299,11	377,85	450,40	434,89	417,81	560,06
Херсонская область	107,63	122,71	155,02	184,78	178,42	171,41	229,77

Расчетные значения ВРП новых регионов РФ представлены в табл. 5.

Прогноз динамики ВРП новых регионов России за счет влияния деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на экономику

был сформирован при помощи смоделированных данных об изменениях ВРП за период с 2017–2023 гг. и регрессионных коэффициентов, полученных при регрессионном анализе аналогичной связи в Республике Крым (рис. 2).

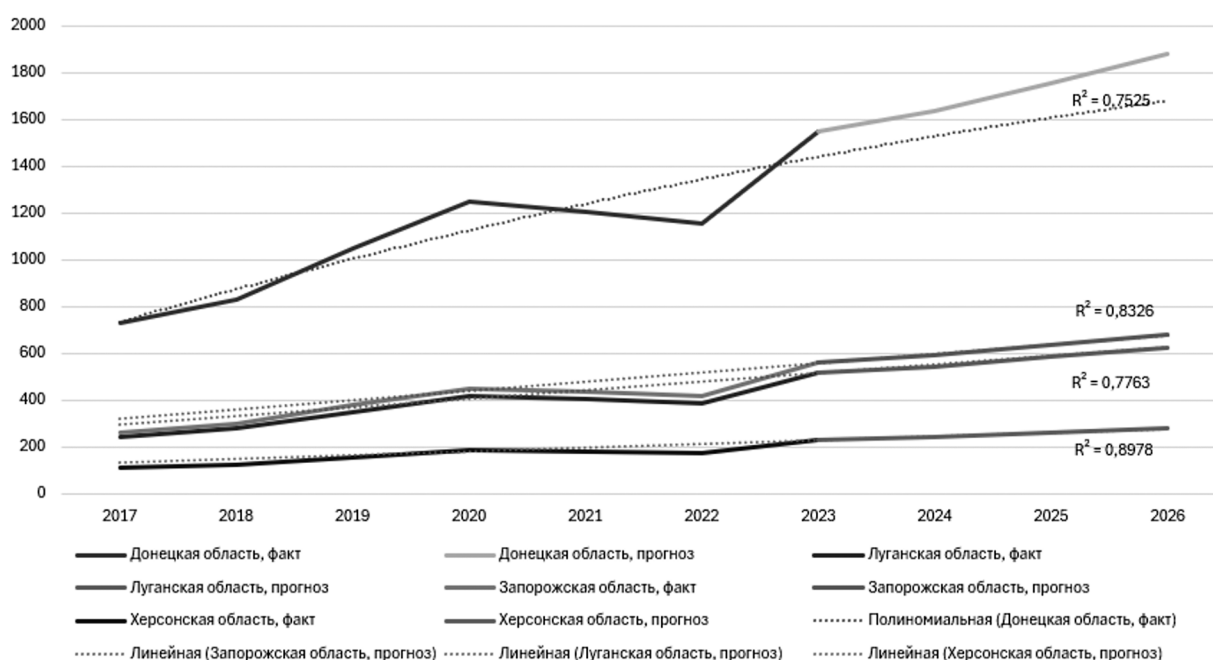


Рис. 2. Прогноз динамики ВРП новых регионов России за счет влияния деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на экономику

Источник: авторский расчет.

Как мы видим, прогноз положительный; при этом он больше аналогичного прогноза без влияния переменных, характеризующих деятельность СО НКО. Можно отметить, что коэффициент детерминации недостаточно высокий, но это связано с использованием в модели неопределенных факторов, которые в настоящее время серьезно ограничивают развитие регионов в зоне СВО. К таким факторам мы относим: специальную военную операцию, которая еще не закончилась, борьбу за выживание в освобожденных районах и пр.

Сложившийся подход поставил некоммерческий сектор в иерархии субъектов народного хозяйства как самостоятельных общественных акторов, действующих

во имя конкретной миссии [8]. Между тем, некоммерческие организации создавались как там, где небольшое местное сообщество собиралось во имя общего видения, отвечающего социальным потребностям, так и наряду с динамично действующими частными и государственными структурами, часто выходящими за рамки теоретически предполагаемых рамок некоммерческого сектора. В то же время, создавались организации, формально независимые от субъектов, действующих на рынке, с кадровой базой¹.

¹ The Role of NGOs in Society & Communities with Low Income // URL: <https://www.transparenthands.org/the-role-of-ngos-in-society-communities-with-low-income/>



Некоторые виды деятельности приняли форму благотворительности [14]. Каждая инициатива имела свой контекст, но указания на однородность некоммерческого сектора и соответствие теоретической модели далеки от истины. Возрождение некоммерческих организаций обусловлено различными факторами. Однако, несмотря на достижения многих субъектов некоммерческого сектора, многие патологические явления можно выявить с точки зрения функционирования институтов и социальных структур. Основной проблемой стало проникновение отраслевых границ в поисках выгод, выходящих за рамки миссионерского измерения [13]. Объединение некоммерческого, делового и государственного секторов имеет как хорошие, так и плохие аспекты. Создание институциональной и финансовой базы для ведения общественно полезной деятельности облегчает получение ресурсов, необходимых для достижения намеченных результатов. В то же время, возникает проблема прозрачности деятельности с привлечением крупных государственных и частных средств. Обесценивание предполагаемой социальной роли некоммерческих организаций во многом является результатом создания сектора как потребителя государственных средств, часто благодаря лидерам, представляющим эту среду. Организации некоммерческого сектора, даже чрезвычайно социально полезные, становятся объектом критики и даже стигматизации в свете многочисленных свидетельств патологий в их функционировании [23].

Однако, в конечном итоге, степень использования потенциала некоммерческих организаций определяется стандартами управления этих организаций [19]. Обычно они остаются в компетенции лидеров, часто основателей, которые становятся функциональными членами организации. В каждом из сомнительных случаев самым слабым звеном были люди: от тех, кто создавал правила, до тех, кто обеспечивал их соблюдение и тех, кто взял на себя роль квази-предпринимателей. До сих пор полученные значительные средства, обычно в форме субсидий, часто направлялись предприятиям, лишь номинально отнесенным к третьему сектору. Вопрос миссии и позитивных социальных последствий также слишком часто уступал место корыстным интересам. Существует множество примеров, показывающих явно положительное влияние деятельности некоммерческих организаций как на решение местных социальных проб-

лем, так и на удовлетворение существующих потребностей малых сообществ [2; 26; 24; 25]. Дисбаланс, закраившийся в некоммерческий сектор, помимо реального, хотя и неформального, выхода из сектора, сравним с рыночной борьбой между субъектами малого бизнеса и корпорациями, направляющими свои предложения на одну и ту же целевую группу. В случае некоммерческих организаций потенциальной угрозой является дискреционная поддержка этих организаций посредством грантов из государственной и частной сферы [16].

Некоммерческие организации являются одним из важных столпов государства, их деятельность дополняет государственный и частный секторы. Они возникают в ответ на недостаточную реализацию социальных задач государством и рынком. Именно поэтому на стыке свободного рынка и государственного управления есть место третьему сектору, как называют некоммерческие организации. Они могут предлагать услуги, которые государство не предлагает, потому что они касаются более слабых потребителей, или оно предоставляет их неэффективно, и рынок их вообще не производит².

Основным принципом деятельности СО НКО является конституционный принцип субсидиарности, предполагающий поддержку гражданских инициатив и поддержку государственными институтами социальных групп и институтов в достижении поставленных целей. Однако, на практике зачастую именно НКО выполняют общественные задачи, входящие в компетенцию местного самоуправления. В результате НКО выполняют задачи, поставленные государственным управлением, что, по сути, является нарушением принципа субсидиарности. Существующая система финансирования может благоприятствовать зависимости НКО от государственных институтов (реже частных спонсоров), что может привести к смещению концентрации деятельности организаций с областей их интересов на те, которые волнуют спонсоров. Для качества функционирования НКО большое значение имеет их открытость и чувствительность к изменениям внешней среды, поскольку она постоянно генерирует новые ценности, нормы и условия, что требует от СО НКО адаптивных действий.

² Оценка уровня организационного развития НКО. ВШЭ. 2022 // URL: <https://pulsngo.ru/orgdevelopment22>



К задачам НКО новых регионов РФ относятся, помимо традиционных³:

1) оказание консультационной поддержки и повышение правовой и финансовой грамотности населения в связи с переходным периодом с Украинского законодательства на Российское;

2) повышение доверия населения новых субъектов РФ к деятельности НКО посредством различных направлений информационной поддержки;

3) помощь при взаимодействии НКО и органов государственной и муниципальной власти, межведомственные связи;

4) формирование благоприятных условий для популяризации социально ориентированных некоммерческих организаций среди жителей новых регионов;

5) межрегиональный обмен опытом управления и развития после перехода на Российское законодательство (на примере Республики Крым и г. Севастополя);

6) межрегиональный обмен молодежью — приобщение к культурным и семейным ценностям через организацию поездок детей в регионы РФ (экскурсии, детские лагеря, молодежные фестивали, учебные олимпиады и пр.).

Некоммерческие организации среди субъектов национальной экономики составляют лишь немногим более 3 % от всех зарегистрированных субъектов, но факт заключается в том, что в последние годы в этом секторе наблюдается значительный рост. По состоянию на январь 2024 г. Министерством экономического развития зарегистрировано 49 353 социально ориентированных НКО, средства финансирования которых выделяются из федерального и регионального бюджетов; в 2022 г. выделено в общей сложности 430,5 млрд руб. 17 838 НКО (рис. 3).

Как мы видим, большая часть средств выделяется из федерального бюджета, на одну организацию в

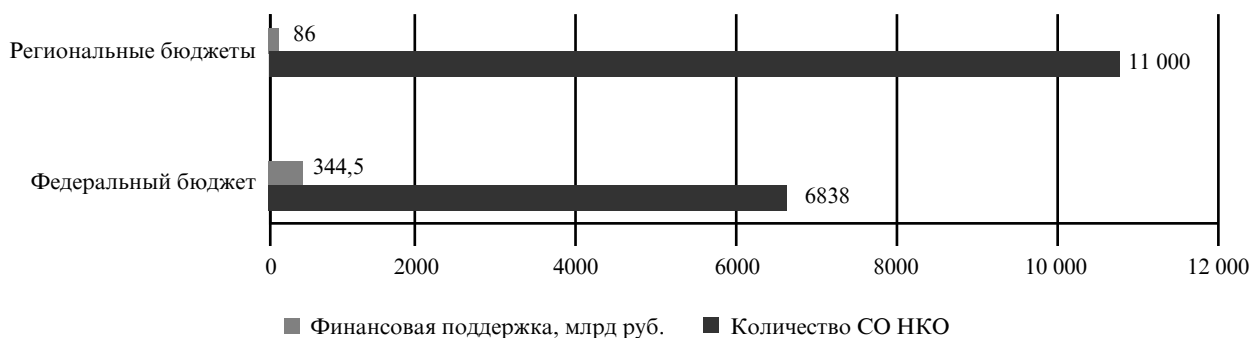


Рис. 3. Финансирование СО НКО в 2022 г.

Источник: [5].

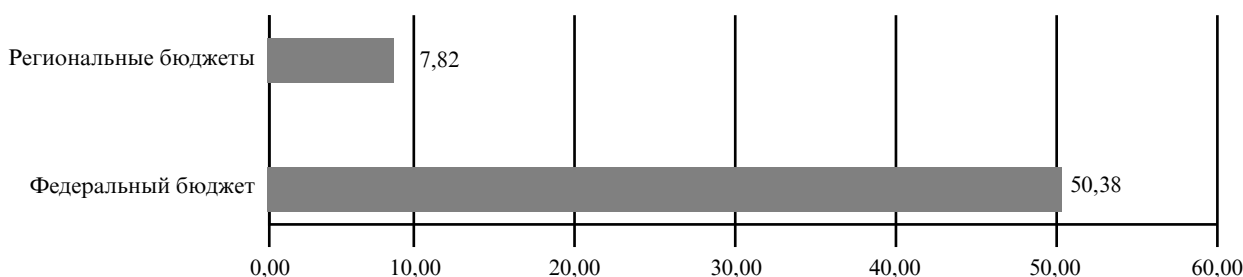


Рис. 4. Финансирование СО НКО в 2022 г. в среднем на одну организацию, млн руб.

Источник: [5].

среднем было выделено из федерального бюджета — 50,38 млн руб., из регионального — 7,82 млн руб. (рис. 4).

Помимо бюджетных средств на деятельность СО НКО выделяются и гранты президента, в 2023 г. было профинансировано 1504 проектов на сумму 3,5 млрд руб. Для получения гранта СО НКО должны предо-

ставить пакет документов, описывающих проект, которые проверяются экспертами. Самостоятельно НКО привлекли софинансирование на сумму 2,8 млрд

³ В новых регионах России действуют 777 НКО. 2023 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/19109549>; как развивается НКО-сектор в новых регионах России. 2023 // URL: <https://asi.org.ru/2023/02/16/kak-razvivaetsya-nko-sektor-v-novyh-regionah-rossii/>



руб. (82 %). Из указанных проектов 184 проекта на сумму в 534 млн руб. (с учетом софинансирования общая сумма составила 948 млн руб.) направлены на обеспечение поддержки нуждающимся в новых регионах, вынужденным переселенцам и семьям участников СВО⁴. Гранты получили шесть некоммерческих организаций из Луганской народной республики, две — из Донецкой народной республики, 32 организации из разных регионов России, которым разрешено участвовать в деятельности на территории четырех новых субъектов РФ.

На территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей сейчас зарегистрировано более 700 НКО⁵. На территориях ДНР, ЛНР и Запорожской области зарегистрированы и действуют Ресурсные центры поддержки общественных инициатив, оказывающие помощь НКО на территории новых регионов. Отдельно стоит отметить такие проекты, как АНО «Атлас НКО» «Стираем границы — строим мосты» и РЦ Каменск-Шахтинского «Точка роста НКО — Донбасс» [5].

Самая популярная форма поддержки — это, конечно же, различные виды финансовых и материальных сборов. Потребности огромны, потому что каждый день тысячи людей нуждаются в помощи. Многие НКО также способны оказать психологическую поддержку, что, безусловно, очень важно для людей, столкнувшихся с различными последствиями войны. Помощь можно получить в первую очередь по телефону, либо лично.

Помимо поддержки населения, СО НКО из регионов, находящихся в зоне СВО, осуществляют деятельность по восстановлению окружающей среды, которая серьезно пострадала от военных действий. Бомбардировки, которые затрагивают промышленную и энергетическую инфраструктуру, приводят к загрязнению воздуха, воды и почвы, кроме того, есть также воздействие на экосистемы и леса. Пока нет точных данных о влиянии войны на природные пространства, поскольку боевые действия все еще продолжаются. Ученым сложно выехать на эти территории и оценить ущерб, на территории до сих пор есть мины, поэтому поехать туда и точно установить ущерб пока невозможно. Однако по некоторым данным от пожаров пострадало не менее 200 тыс. гектаров лесов, хотя это не означает, что они полностью уничтожены. В энергетическом плане регионы в зоне СВО в настоящее время сосредоточены на обеспече-

нии населения минимумом электроэнергии и отоплением, несмотря на нападения на объекты. В основном, можно говорить о восстановлении поврежденной инфраструктуры [9].

СО НКО в новых регионах различаются не только по размеру, но и по способу связи с участвующими в них людьми. Большинство организаций уже имеют историю и работают там несколько лет и осознают свою миссию: поддержка социальной и профессиональной активации людей, противодействие социальной изоляции молодежи, распространение идеи помощи, поддержка инвалидов, а также их семей и лиц, осуществляющих уход, поддержка развития детей и молодежи, проведение образовательной деятельности на каждом этапе развития человека путем поддержки всеобщего доступа к государственному детскому, дошкольному и школьному уходу, пропаганда здорового образа жизни, расширение доступа общества к культуре и искусству. Это подтверждает ориентацию НКО на людей и их готовность творчески подходить к удовлетворению их потребностей. Однако, важно, что организации обычно не четко различают миссию, стратегию и деятельность, вытекающие из устава. Большинство НКО также предлагают своим партнерам выгодные для них возможности, что усиливает их роль в решении местных социальных проблем. Это подтверждается тем, что НКО относятся к сетевой категоризации, основанной на сотрудничестве, конкуренции и кооперации, где победа одного игрока означает победу остальных или отсутствие проигравших.

Спектр сфер деятельности этих организаций также весьма разнообразен, охватывая практически все сферы, связанные с жизнью отдельных людей, социальных групп, организованных образований (в том числе занимающихся предпринимательской деятельностью), а также функционирования целых территорий. Как уже указывалось, не только количество, но и роль организаций, создающих третий сектор, постоянно возрастает. Согласно ныне действующим концепциям нового государственного управления или местного самоуправления, они являются важным партнером местных и региональных властей в созда-

⁴ НКО младше полугодия из новых регионов смогут претендовать на гранты президента. 2023 // URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/44960/>

⁵ В новых регионах России действуют 777 НКО. 2023 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/19109549>



нии и реализации процессов территориального развития. Одним из чрезвычайно важных факторов развития, несомненно, является уровень, а точнее, качество человеческого капитала, доступного на данной территории.

Большинство НКО действуют в сферах: здравоохранения, культуры и искусства, спорта, экологии и образования. Вопросами детей и молодежи занимаются многие организации, в том числе студенческие. Важную роль также играют организации, борющиеся за права человека и равные права, а также активизирующие местные и сельские сообщества.

Одной из главных проблем российских некоммерческих организаций является нехватка финансовых ресурсов для реализации отдельных проектов и планов. Основными доходами НКО являются средства от государства, субсидии спонсоров и пожертвования. Часть денег на деятельность благотворительных организаций собирается в ходе организованных благотворительных акций. Однако самой большой проблемой является отсутствие соответствующих компетенций, необходимых для реализации проектов и поиска спонсоров.

Из-за низкой прозрачности деятельности некоммерческих организаций в России спонсоры неохотно поддерживают социальные инициативы, не зная, куда пойдут жертвуемые ими средства. Это, в свою очередь, приводит к трудностям, связанным как с продвижением деятельности, так и с привлечением членов. Недостаточно и количество обучающих занятий для членов и сотрудников СО НКО (очень часто те же СО НКО не видят необходимости направлять свои средства на повышение квалификации сотрудников, в том числе волонтеров) что проясняет проблему подготовки волонтеров, поскольку зачастую, им не хватает знаний и умений, необходимых для реализации проектов. Но при должном обучении волонтеров, НКО смогут масштабировать свою деятельность, так как на исполнение проектных задач будет затрачено меньше времени и средств (рост КРП).

Как показывает анализ существующей ситуации в России, многие некоммерческие организации не имеют стратегий, в которых была бы видна типичная для СО НКО миссия или видение. Не все организации имеют конкретные ценности, которым такие организации должны быть верны. Как показали исследования, потеря стратегических целей и ценно-

стей негативно влияет на имидж организации. Кроме того, положение СО НКО в России с каждым годом становится все лучше и лучше. Все больше жителей активно участвуют в организациях такого типа. Значительное влияние на улучшение ситуации оказали и принятые законы, классифицирующие и систематизирующие деятельность российского третьего сектора.

На практике значительная часть задач, реализуемых в рамках некоммерческого сектора, является результатом положительной оценки лишь априорных целей. Заявки, поданные в рамках конкурсных процедур, представляют собой сочетание писательского искусства и бюджетного планирования. Пересечение последующих межотраслевых границ приводит некоторые организации к ситуации, в которой реализация миссии становится второстепенным элементом, а многие усилия направляются, прежде всего, на поддержание финансовой ликвидности. Параллельно с постепенным разрушением предполагаемой сущности некоммерческого сектора формулируются требования о необходимости либерализации законодательства в сфере функционирования некоммерческих организаций.

С учетом вышеизложенных фактов и, в то же время, принимая во внимание масштаб высокобюджетных инициатив, реализуемых в рамках некоммерческого сектора, необходимо отметить как явные функциональные дефициты, присущие государственной политике, так и дефицит финансирования некоммерческого сектора в регионах зоны СВО. В конечном счете, однако, можно сказать, что именно государство через свои институты и органы государственной власти может принять решение о выделении государственных средств на их деятельность. В этом случае может произойти положительное влияние деятельности СО НКО на экономику новых регионов. Однако, не стоит забывать о необходимости контрольных мероприятий по целевому использованию выделяемых средств.

Некоммерческие организации играют все более значимую роль в развитии экономики регионов, особенно в зонах проведения специальной военной операции. Анализ деятельности социально-ориентированных НКО в новых субъектах РФ показывает, что они оказывают существенное влияние на ключевые социально-экономические показатели территорий. По данным исследования, в новых регионах



России на начало 2024 г. действует 777 некоммерческих организаций, при этом наблюдается устойчивый рост их количества и масштабов деятельности. Проведенный корреляционный анализ на основе данных по Республике Крым и г. Севастополю за 2014–2023 гг. выявил сильную положительную связь ($r = 0,82$) между объемом финансирования НКО и динамикой валового регионального продукта. Построенная регрессионная модель показала, что увеличение грантового финансирования НКО на 1 млн руб. приводит к росту ВРП в среднем на 3,5 млн руб. с лагом в один год.

Сравнительный анализ функционирования НКО в зоне СВО с теоретической моделью некоммерческого сектора выявил ряд существенных отклонений. В частности, наблюдается смещение фокуса деятельности с классических направлений (социальная защита, образование, здравоохранение) в сторону гуманитарной помощи, психологической поддержки пострадавшего населения и восстановления инфраструктуры. Более 65 % НКО в новых регионах сконцентрированы именно на этих направлениях. Также отмечается более тесное взаимодействие с государственными структурами и военными подразделениями, что нехарактерно для традиционной модели некоммерческого сектора.

На основе проведенного исследования предложена типология «нового» некоммерческого сектора в зоне СВО, включающая четыре основных типа организаций: 1) гуманитарные НКО, занимающиеся сбором и распределением помощи; 2) инфраструктурные НКО, участвующие в восстановлении объектов; 3) социально-психологические НКО, работающие с населением; 4) координационные НКО, обеспечивающие взаимодействие с государственными структурами. Данная типология отражает специфику деятельности некоммерческого сектора в условиях СВО и может быть использована для повышения эффективности государственной поддержки НКО в затронутых конфликтом регионах.

Анализ показывает существенное позитивное влияние деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на экономическое развитие регионов РФ. Согласно данным на январь 2024 г., в России зарегистрировано 49 353 СО НКО, что составляет более 3 % от всех зарегистрированных субъектов экономики. В 2022 г. общий объем финансирования СО НКО достиг 430,5 млрд руб.,

распределенных между 17 838 организациями, что свидетельствует о значительной финансовой поддержке данного сектора.

Проведенный регрессионный анализ на примере Республики Крым демонстрирует высокую зависимость между деятельностью СО НКО и динамикой валового регионального продукта. Построенная модель объясняет 88,6 % вариации ВРП (R -квадрат = 0,886), что указывает на статистически значимую взаимосвязь. Выявлена сильная положительная корреляция между ВРП и объемом финансирования НКО, а также между ВРП и количеством победителей конкурсов президентских грантов.

Особое значение СО НКО приобретают в регионах, находящихся в зоне СВО. На основе моделирования данных по новым российским регионам (Донецкая, Луганская, Запорожская и Херсонская области) прогнозируется увеличение ВРП на 5–6 % за счет деятельности некоммерческого сектора. При этом важно отметить, что в этих регионах СО НКО выполняют дополнительные специфические функции, включая:

- ◆ консультационную поддержку населения при переходе на российское законодательство;
- ◆ повышение правовой и финансовой грамотности;
- ◆ содействие межрегиональному обмену опытом;
- ◆ организацию культурно-образовательных программ;
- ◆ психологическую поддержку населения;
- ◆ восстановление социальной инфраструктуры.

Однако существуют факторы, ограничивающие потенциал влияния СО НКО на экономику:

- 1) недостаточная формализация и систематизация третьего сектора;
- 2) проблемы с привлечением стабильного финансирования;
- 3) дефицит квалифицированных кадров;
- 4) зависимость от государственного финансирования;
- 5) сложности в оценке социального эффекта деятельности.

Проведенный анализ позволяет предложить комплексную модельную схему функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций, которая базируется на принципе субсидиарности и представляет собой многоуровневую систему взаимодействий. В основе данной схемы лежат шесть



ключевых компонентов, обеспечивающих эффективную работу СО НКО.

Организационно-правовой компонент включает обязательную регистрацию в качестве СО НКО, соблюдение законодательных требований, наличие необходимой уставной документации, обеспечение прозрачной отчетности и соответствие критериям социальной ориентированности. Финансово-экономический компонент предполагает диверсификацию источников финансирования через государственные субсидии, гранты и пожертвования, эффективное распределение и целевое использование средств, достижение экономической устойчивости и финансовой независимости.

Функциональный компонент охватывает четкое определение миссии и целей организации, конкретизацию направлений деятельности, внедрение измеримых показателей эффективности, осуществление регулярного мониторинга результатов и получение обратной связи от благополучателей. Кадровый компонент обеспечивается через формирование профессионального штата сотрудников, развитие волонтерского движения, создание системы обучения и развития персонала, внедрение эффективных мотивационных механизмов и компетентное управление.

Коммуникационный компонент строится на взаимодействии с органами власти, сотрудничестве с бизнес-структурами, партнерстве с другими НКО, обеспечении информационной открытости и общественного контроля. Территориальный компонент учитывает региональную специфику, предусматривает координацию с местными органами власти, взаимодействие с локальными сообществами, территориальное планирование и масштабирование успешных практик.

Количественные параметры эффективности данной модельной схемы включают достижение доли собственных средств не менее 30 %, охват целевой аудитории от 1000 благополучателей в год, создание минимум пяти рабочих мест, привлечение не менее 20 постоянных волонтеров и реализацию как минимум трех социальных проектов ежегодно. Для регионов в зоне СВО схема дополняется элементами антикризисного управления, механизмами быстрого реагирования, усиленной системой безопасности, особыми форматами отчетности и дополнительными мерами поддержки персонала.

Выявленные отклонения от предложенной модельной схемы чаще всего проявляются в чрезмерной зависимости от государственного финанси-

рования, недостаточной квалификации персонала, слабой системе оценки эффективности, неразвитости партнерских отношений и отсутствии долгосрочного планирования. Данная модельная схема может служить ориентиром как для оценки эффективности действующих СО НКО, так и для создания новых организаций в регионах с особыми социально-экономическими условиями.

Анализ функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций выявляет ряд существенных отклонений от модельной схемы их деятельности. Эти отклонения можно систематизировать по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых отражает специфические проблемы в работе СО НКО.

В финансово-экономической сфере наблюдается чрезмерная зависимость организаций от государственного финансирования при недостаточной диверсификации источников доходов. Это сопровождается низкой финансовой устойчивостью, случаями нецелевого использования полученных средств, слабой экономической самостоятельностью и отсутствием стабильных источников самофинансирования. Такая ситуация создает риски для долгосрочной устойчивости СО НКО.

Организационно-управленческие отклонения проявляются в недостаточной формализации и систематизации деятельности, отсутствии долгосрочного планирования и слабой системе оценки эффективности. Многие организации страдают от непрозрачности отчетности и несоответствия заявленной миссии реальной деятельности, что подрывает доверие к сектору в целом.

В кадровой сфере основные проблемы связаны с дефицитом квалифицированных специалистов и низким уровнем профессиональной подготовки персонала. Отсутствие системы обучения и развития, неэффективные мотивационные механизмы и слабое развитие волонтерского движения существенно ограничивают потенциал организаций.

Коммуникационные отклонения характеризуются неразвитостью партнерских отношений и слабым взаимодействием с бизнес-структурами. Недостаточная информационная открытость, формальный характер сотрудничества с другими НКО и низкий уровень общественного контроля препятствуют формированию эффективной системы взаимодействия в секторе.



Функциональные отклонения проявляются в смещении фокуса деятельности в сторону интересов спонсоров и подмене социальных целей коммерческими. Формальное выполнение уставных задач, отсутствие измеримых показателей результативности и слабая обратная связь от благополучателей снижают социальную эффективность организаций.

В территориальном аспекте наблюдается недостаточный учет региональной специфики и слабая координация с местными органами власти. Формальное взаимодействие с локальными сообществами, отсутствие территориального планирования и неэффективное масштабирование успешных практик особенно актуальны для регионов в зоне СВО, где указанные отклонения усугубляются дополнительными факторами неопределенности и риска.

Список источников

1. Архипова Е. Б., Старшинова А. В., Бородкина О. И. Факторы развития негосударственного сектора социальных услуг в российских регионах // Мир России. Социология. Этнология. 2023. № 4. С. 96–118.
2. Богданова Е. Государственное регулирование НКО: сила и слабость российского гражданского общества. Введение // *Laboratorium*. 2017. № 3. Т. 9. С. 11–17.
3. Борисова Е. И., Полищук Л. И. Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения // *Экономический журнал ВШЭ*. 2009. № 1. С. 80–100.
4. Бородкина О. И., Старшинова А. В., Архипова Е. Б. Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития // *Terra Economicus*. 2022. Т. 20. № 2. С. 99–110.
5. Киселева А., Белова С. НКО по поддержке семьи дадут статус социально ориентированных // *Ведомости*. 2024. 31 янв.
6. Клишина Ю. Е. Оценка эффективности деятельности некоммерческих организаций в новых экономических условиях // *Финансы и кредит*. 2016. № 25 (697). С. 24–32.
7. Кулькова В. Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 г. // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2020. № 80. С. 5–21.
8. Ларионов А. В. Функции государственных реестров НКО в развитии третьего сектора: российский опыт // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2021. № 4. С. 90–113.
9. Малинецкий Г. Г. Системный анализ специальной военной операции России на Украине // *Стратегическая стабильность*. 2023. № 3 (104). С. 61–71.
10. Мартынов М. Ю. Социально-ориентированные некоммерческие предприятия — обретение легитимности? // *Социологические исследования*. 2019. № 10. С. 83–93.
11. Мерсиянова И. В. Роль НКО в развитии территорий с особым социально-экономическим статусом // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 3. С. 116–137.
12. Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2017.
13. Мещерякова Л. А., Горбунова В. В., Бруснева В. В. Негосударственный сектор на рынке социальных услуг современной России: проблемы и тенденции развития // *Региональная экономика: теория и практика*. 2019. № 1. Т. 17. С. 103–120.
14. Москвина А. Ю. Участие некоммерческих организаций в социальном предпринимательстве: влияние акселерационной деятельности (на примере акселератора ЦРНО 2015–2017 гг.) // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. № 18 (3). С. 379–394.
15. Ромодина А. М., Черепанова Л. Б. Взаимодействие НКО и государства в сфере оказания социальных услуг в РФ // *Управление в современных системах*. 2022. № 4 (36). С. 22–33.
16. Старшинова А. В., Бородкина О. И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. № 5. С. 224–236.
17. Тарханова Е. Г. Методы оценки эффективности деятельности некоммерческих организаций // *Известия ИГЭА*. 2012. № 2 (82). С. 108–111.
18. Якимова Т. Б. Некоммерческие организации как основной институт гражданского общества в России // *Вестник ТГПУ*. 2014. № 8 (149). С. 114–119.
19. Ashley S., Faulk L. Nonprofit competition in the grants marketplace: Exploring the relationship between nonprofit financial ratios and grant amount // *Nonprofit Management and Leadership*. 2010. Vol. 21 (1). P. 43–57.



20. Brown W. A., Guo C. Exploring the Association Between Board and Organizational Performance in Nonprofit Organizations // *Nonprofit Management and Leadership*. 2010. Vol. 20. No. 4. P. 481–496.

21. Cropanzano R., Mitchell M. S. Social Exchange Theory: An Interdisciplinary Review // *Journal of Management*. 2005. No. 31 (6). P. 874–900.

22. Herman R. D., Renz D. O. Advancing Nonprofit Organizational Effectiveness Research and Theory: Nine Theses // *Nonprofit Management and Leadership*. 2008. Vol. 18. No. 4. P. 399–415.

23. Ivashinenko N., Varyzgina A. Socially oriented NGOs and local communities in a Russian region: ways to build up their relationship // *Laboratorium*. 2017. Vol. (3). P. 82–103.

24. Sadykov R., Bolshakova N., Khamadeeva R. Social activities of non-governmental organizations in relation to families with children // *University Bulletin*. 2021. P. 189–194.

25. Salamon L. M., Toepler S. Government-non-profit cooperation: anomaly or necessity? // *Voluntas*. 2015. Vol. 26 (6). P. 2155–2177.

26. Borzaga C., Tortia E. The Economics of Social Enterprises. An Interpretative Framework. In: L. Becchetti, C. Barzaga (eds.) *The Economics of Social Responsibility: The World of Social Enterprises*. London : Routledge, 2010. P. 15–33.

References

1. Arkhipova E. B., Starshinova A. V., Borodkina O. I. Factors in the Development of the Non-State Sector of Social Services in Russian Regions // *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2023. No. 4. P. 96–118.

2. Bogdanova E. State Regulation of NPOs: The Strength and Weakness of Russian Civil Society. Introduction // *Laboratorium*. 2017. No. 3. Vol. 9. P. 11–17.

3. Borisova E. I., Polischuk L. I. Efficiency Analysis in the Non-Profit Sector: Problems and Solutions // *HSE Economic Journal*. 2009. No. 1. P. 80–100.

4. Borodkina O. I., Starshinova A. V., Arkhipova E. B. Social Investment: Problems and Development Strategies // *Terra Economicus*. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 99–110.

5. Kiseleva A., Belova S. NPOs providing family support will be granted the status of socially oriented ones // *Vedomosti*. 2024. January 31.

6. Klishina Yu. E. Assessing the effectiveness of non-profit organizations in the new economic conditions // *Finance and Credit*. 2016. No. 25 (697). P. 24–32.

7. Kulkova V. Yu. The non-profit sector and state support for non-profit organizations in the service sector in the Russian Federation during the 2020 crisis // *Public administration. Electronic bulletin*. 2020. No. 80. P. 5–21.

8. Larionov A. V. Functions of state registries of NPOs in the development of the third sector: Russian experience // *Issues of public and municipal administration*. 2021. No. 4. P. 90–113.

9. Malinetsky G. G. Systems Analysis of Russia's Special Military Operation in Ukraine // *Strategic Stability*. 2023. No. 3 (104). P. 61–71.

10. Martynov M. Yu. Socially Oriented Non-Profit Enterprises — Gaining Legitimacy? // *Sociological Research*. 2019. No. 10. P. 83–93.

11. Mersyanova I. V. The Role of NPOs in the Development of Territories with Special Socioeconomic Status // *Issues of Public and Municipal Administration*. 2019. No. 3. P. 116–137.

12. Mersyanova I. V., Yakobson L. I. Non-governmental Non-Profit Organizations: Institutional Environment and Performance Efficiency. M. : Publ. HSE House, 2017.

13. Meshcheryakova L. A., Gorbunova V. V., Brusneva V. V. Non-governmental sector in the social services market of modern Russia: problems and development trends // *Regional Economy: Theory and Practice*. 2019. No. 1. Vol. 17. P. 103–120.

14. Moskvina A. Yu. Participation of non-profit organizations in social entrepreneurship: the impact of acceleration activities (on the example of the CRNO accelerator 2015–2017) // *Journal of Social Policy Studies*. 2020. No. 18 (3). P. 379–394.

15. Romodina A. M., Cherepanova L. B. Interaction between NGOs and the state in the provision of social services in the Russian Federation // *Management in modern systems*. 2022. No. 4 (36). P. 22–33.

16. Starshinova A. V., Borodkina O. I. Sustainability Strategies for Socially Oriented NPOs: Grant Support Mechanism // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. No. 5. P. 224–236.

17. Tarkhanova E. G. Methods for Assessing the Performance of Non-Profit Organizations // *Izvestiya IGEA*. 2012. No. 2 (82). P. 108–111.

18. Yakimova T. B. Non-Profit Organizations as the Main Institution of Civil Society in Russia // *Bulletin of TSPU*. 2014. No. 8 (149). P. 114–119.

19. Ashley S., Faulk L. Nonprofit competition in the grants marketplace: Exploring the relationship between



nonprofit financial ratios and grant amount // *Nonprofit Management and Leadership*. 2010. Vol. 21 (1). P. 43–57.

20. Brown W. A., Guo C. Exploring the Association Between Board and Organizational Performance in Nonprofit Organizations // *Nonprofit Management and Leadership*. 2010. Vol. 20. No. 4. P. 481–496.

21. Cropanzano R., Mitchell M. S. Social Exchange Theory: An Interdisciplinary Review // *Journal of Management*. 2005. No. 31 (6). P. 874–900.

22. Herman R. D., Renz D. O. Advancing Nonprofit Organizational Effectiveness Research and Theory: Nine Theses // *Nonprofit Management and Leadership*. 2008. Vol. 18. No. 4. P. 399–415.

23. Ivashinenko N., Varyzgina A. Socially oriented NGOs and local communities in a Russian region: ways to build up their relationship // *Laboratorium*. 2017. Vol. (3). P. 82–103.

24. Sadykov R., Bolshakova N., Khamadeeva R. Social activities of non-governmental organizations in relation to families with children // *University Bulletin*. 2021. P. 189–194.

25. Salamon L. M., Toepler S. Government-non-profit cooperation: anomaly or necessity? // *Voluntas*. 2015. Vol. 26 (6). P. 2155–2177.

26. Borzaga C., Tortia E. The Economics of Social Enterprises. An Interpretative Framework. In: L. Becchetti, C. Barzaga (eds.) *The Economics of Social Responsibility: The World of Social Enterprises*. London: Routledge, 2010. P. 15–33.

Библиографический список

1. Скокова Ю. А., Рыбникова М. А. Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы

различий // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. № 25 (1). С. 70–102.

2. Смирнов В. А. Эффективность грантовой поддержки российских социально-ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // *Социологические исследования*. 2020. № 9. С. 79–89.

3. Старшинова А. В., Бородкина О. И. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. № 3. С. 411–428.

4. Benevolenski V. Tools of government for support of SONPOs in Russia: in search of cross-sector cooperation in the delivery of social services // *SSRN Electronic Journal*. 2014. 10.2139/ssrn.2487094.

Bibliographic list

1. Skokova Yu. A., Rybnikova M. A. The Size of the Non-Profit Sector in Russian Regions: Factors of Differences // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022. No. 25 (1). P. 70–102.

2. Smirnov V. A. The Effectiveness of Grant Support for Russian Socially Oriented Non-Profit Organizations (Based on the Presidential Grants Fund) // *Sociological Research*. 2020. No. 9. P. 79–89.

3. Starshinova A. V., Borodkina O. I. Activities of NPOs in the Sphere of Social Services: Public Expectations and Regional Practices // *Journal of Social Policy Studies*. 2020. No. 3. P. 411–428.

4. Benevolenski V. Tools of government for support of SONPOs in Russia: in search of cross-sector cooperation in the delivery of social services // *SSRN Electronic Journal*. 2014. 10.2139/ssrn.2487094.

Информация об авторе

М. Ю. Грядун — доцент кафедры социально-экономических дисциплин, математики и информатики Московского областного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор научного центра «Доктрина», кандидат экономических наук.

Information about the author

M. Yu. Gryadunov — Associate Professor of the Department of Socio-Economic Disciplines, Mathematics and Computer Science of the Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Scientific Center «Doctrine», Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 336.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-182-188>

EDN: <https://elibrary.ru/ivwppt>

ИПОН: 2003-0059-5/25-395

MOSURED: 77/27-003-2025-05-594

Об отдельных аспектах правового регулирования инициативного бюджетирования в свете реализации реформы местного самоуправления

Наталья Алексеевна Гузь¹, Инна Владимировна Липатова²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ naguz@fa.ru

² ilipatova@fa.ru

Аннотация. Гармоничное развитие местных сообществ представляет собой неотъемлемый элемент укрепления правопорядка в государстве, обеспечивая сбалансированность публичных интересов как на общегосударственном, так и на муниципальном уровнях с учетом территориальной и социально-экономической специфики. Анализируются правовые аспекты федерального законодательства, регулирующего практики инициативного бюджетирования в Российской Федерации. Указывается на ряд противоречий, в частности, недостаточно полную реализацию принципа участия граждан в бюджетном процессе, противопоставление понятий «инициативное бюджетирование» и «инициативный проект» и ряд др.

Ключевые слова: реформа местного самоуправления, инициативное бюджетирование, финансовый контроль, общественный контроль, инициативный проект, правовое регулирование, инициативные платежи, стратегическое планирование

Для цитирования: Гузь Н. А., Липатова И. В. Об отдельных аспектах правового регулирования инициативного бюджетирования в свете реализации реформы местного самоуправления // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 182–188. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-182-188>. EDN: IVWPPT.

Original article

On certain aspects of the legal regulation of initiative budgeting in the light of the implementation of local government reform

Natalya A. Guz¹, Inna V. Lipatova²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ naguz@fa.ru

² ilipatova@fa.ru

Abstract. The harmonious development of local communities is an integral element of strengthening the rule of law in the state, ensuring a balance of public interests at both the national and municipal levels, taking into account territorial and socio-economic specifics. The article analyzes the legal aspects of federal legislation regulating the practice of initiative budgeting in the Russian Federation. A number of contradictions are pointed out, in particular, the insufficiently complete implementation of the principle of citizen participation in the budget process, the opposition of the concepts of «proactive budgeting» and «initiative project», and a number of others.

Keywords: local government reform, proactive budgeting, financial control, public control, initiative project, legal regulation, initiative payments, strategic planning

For citation: Guz N. A., Lipatova I. V. On certain aspects of the legal regulation of initiative budgeting in the light of the implementation of local government reform. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):182–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-182-188>. EDN: IVWPPT.

Органы местного самоуправления, выступая наиболее приближенным к населению уровнем публичной власти, определяют характер восприятия гражданами государственного управления в целом [1]. На сегодняшний день особую значимость приобретает формирование оптимальной модели функционирования органов местного самоуправления, предпола-

гающей их эффективное взаимодействие с федеральными и региональными органами государственной власти, а также с населением, при обеспечении надлежащего правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Инициативное бюджетирование — форма вовлечения граждан в распределение бюджетных средств,

© Гузь Н. А., Липатова И. В., 2025



посредством которой жители разрабатывают и выдвигают проекты местного значения; проекты участвуют в конкурсном отборе, проводимом администрацией; победившие инициативы реализуются, в том числе за счет средств муниципального бюджета. Механизм позволяет населению напрямую влиять на решение актуальных вопросов развития территории. В отличие от мировой практики «партиципаторного бюджетирования», которая, опираясь на децентрализацию и делиберацию, способствует развитию партиципаторной демократии — российское инициативное бюджетирование является инструментом государственного и муниципального управления [2].

Цель исследования состоит в том, чтобы обозначить некоторые противоречия федерального законодательства, регламентирующего практику инициативного бюджетирования в Российской Федерации и предложить варианты возможных поправок в действующие нормативные правовые акты.

В работе использованы общенаучные методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, обобщение, систематизация, классификация, исторический и логический анализ.

Авторы попытались осмыслить возможные противоречия — между интересами граждан и приоритетами местной администрации, между тематикой инициативных проектов и стратегическими целями развития территорий. Реформирование системы местного самоуправления, результатом которой стало упразднение на отдельных территориях «поселенческого» уровня как самостоятельного органа публичной власти, создает угрозу, что поселенческие инициативы могут противоречить стратегии развития муниципального округа, частью которого они стали. Выявлены отдельные несовершенства федерального законодательства, допускающие возможность нарушений и злоупотреблений на этапах выдвижения и отбора проектов и препятствующие осуществлению общественного контроля.

Настоящее исследование открывает возможности для новых исследований, формулируя ряд проблемных вопросов. Например, в какой степени практики инициативного бюджетирования способствуют (или противоречат) достижению целей Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. Исследование, в частности, могло выявить недостатки в системе финансового

контроля при реализации проектов инициативного бюджетирования и предложить рекомендации по их устранению.

В относительно сжатые сроки Россией пройден значительный путь — от появления точечных локальных практик до формирования целостно выстроенного процесса инициативного бюджетирования. Регионы с «продвинутой» практикой реализации инструментов участия граждан в бюджетном процессе, в частности, инициативного бюджетирования, приняли соответствующие нормативные акты. В числе первых был Пермский край, утвердивший 2 июня 2016 г. Закон № 654-ПК «О реализации проектов инициативного бюджетирования в Пермском крае» [3].

На начало 2025 г. правовая основа для реализации механизмов инициативного бюджетирования была сформирована в подавляющем большинстве регионов страны. Как показал анализ, соответствующая нормативная база утверждена в 82 субъектах Федерации, общее число принятых актов достигло 190. Преимущественно мероприятия по развитию данной практики включены в качестве отдельных разделов в более масштабные документы — 99 региональных государственных программ. Ключевыми сферами для применения инициативного бюджетирования были определены: городская среда и сельские территории (благоустройство, комплексное развитие); социальная сфера (образование, культура, туризм, спорт, социальная защита); инфраструктура; укрепление гражданского общества (поддержка инициатив и проектов).

Одним из направлений реализации Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г. [13] является «повышение уровня осведомленности граждан об инициативном бюджетировании и развитие соответствующих практик», а ключевым индикатором — стопроцентный охват субъектов Российской Федерации практиками инициативного бюджетирования. С принятием указанной Стратегии, появилась новая категория — региональные госпрограммы повышения финансовой грамотности, содержащие, в том числе, мероприятия по развитию инициативного бюджетирования.

По итогам состоявшегося 21 апреля 2025 г. второго Всероссийского муниципального форума «Малая родина — сила России» Президентом было дано



соответствующее поручению Правительству Российской Федерации — «расширить практику включения в федеральные проекты и (или) государственные программы Российской Федерации мероприятий по софинансированию за счет средств федерального бюджета проектов, реализуемых на базе принципов инициативного бюджетирования» [9].

Практика инициативного бюджетирования, реализуемая на территории Российской Федерации уже достаточно длительное время, на федеральном уровне получила правовое закрепление лишь фрагментарно. Например, ст. 28 Бюджетного кодекса Российской Федерации в перечне принципов бюджетной системы Российской Федерации зафиксировано участие граждан в бюджетном процессе, однако расшифровки указанного принцип до настоящего времени не получил. Федеральным проектом «Создание комфортной городской среды» прописано возможное участие граждан посредством инициативных платежей, но механизм такого участия законодателем не прописан.

Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 236) были внесены важные изменения, касающиеся отдельных аспектов финансирования инициативных проектов граждан.

Ст. 26.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 131) устанавливает процедуру разработки, подачи и оценки проектов, а также требования к их содержанию, включая информацию о финансировании и участии заинтересованных лиц. Одним из которых является предоставление информации о планируемом финансировании [4], имущественном и (или) трудовом участии заинтересованных лиц в реализации данного проекта, а также указание на объем средств местного бюджета в случае, если предполагается использование этих средств на реализацию инициативного проекта.

Ст. 56.1 упомянутого закона определяет в числе возможных источников финансирования:

- ◆ предусмотренные решением о местном бюджете бюджетные ассигнования на реализацию инициативных проектов;
- ◆ инициативные платежи граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, за-

числяемые в местный бюджет в целях финансирования (софинансирования) реализации инициативных проектов;

- ◆ межбюджетные трансферты из бюджета субъекта Российской Федерации, предоставляемые в целях финансового обеспечения реализации инициативных проектов [4].

Согласно Методическим рекомендациям Минфина России [10], межбюджетные трансферты местным бюджетам на реализацию инициативных проектов могут предоставляться в форме бюджетных субсидий [4]. Однако для этого необходимо принятие региональных нормативных актов, которые должны установить:

- ◆ условия предоставления средств;
- ◆ методику расчета размера трансфертов;
- ◆ конкретную форму финансовой поддержки.

Таким образом, действующее федеральное законодательство (ст. 139 БК РФ) допускает финансирование муниципальных обязательств по инициативным проектам за счет субсидий бюджета субъекта Российской Федерации.

Источники финансирования инициативных проектов могут включать:

- ◆ субсидии из бюджета субъекта РФ;
- ◆ ассигнования бюджета муниципального образования;
- ◆ добровольные финансовые поступления от граждан и организаций в местный бюджет (включая инициативные платежи);
- ◆ имущественное или трудовое участие заинтересованных лиц.

Такой многосторонний подход к финансированию позволяет гибко реализовывать инициативные проекты с учетом местных условий и возможностей. Финансирование инициативных проектов подчиняется ключевым бюджетным принципам. Адресность и целевой характер предполагают, что средства должны четко доводиться до конкретных получателей; иметь строго определенные цели использования; эффективность расходования предполагает достижение максимальных результатов при минимальных затратах; оптимальное использование выделенного объема средств.

Правовой основой системы государственного (муниципального) финансового контроля за соблюдением указанных принципов [4] являются: ст. 157 БК РФ (бюджетные полномочия контрольных орга-



нов) и положения Стратегии развития инициативного бюджетирования до 2030 г. [11]. Возможные механизмы реализации включают: ведомственный контроль; общественный мониторинг; аудит эффективности. Подобный подход обеспечивает прозрачность и результативность использования средств в рамках инициативного бюджетирования.

Государственный (муниципальный) финансовый контроль играет ключевую роль в обеспечении эффективного использования бюджетных средств и предотвращении коррупции [5]. Грамотное распределение финансов для продуктивной работы с выделением большего количества средств на более выгодные проекты как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде, без допущения коррупции и с выделением меньшего количества средств на второстепенные проекты — одна из главных задач, стоящих перед государством. В зависимости от источников финансирования проектов [4], такими органами должны выступать региональные и муниципальные институты внешнего финансового контроля.

В соответствии со ст. 26.1 ФЗ № 131, помимо государственного (муниципального) контроля, инициативное бюджетирование может подвергаться общественному контролю. В его проведении вправе участвовать: инициаторы проекта, граждане, проживающие на территории его реализации, собрания и конференции граждан. Общественный контроль включает проверку, анализ и оценку принимаемых решений и нормативных актов. Согласно ст. 6 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 212), он основывается на принципе добровольности — никто не может быть принужден к его осуществлению [6].

Надзор за выполнением инициативного проекта могут осуществлять как его инициаторы, так и граждане, проживающие на территории соответствующего муниципального образования. Общественный контроль за реализацией инициативных проектов осуществляется в формах, не противоречащих законодательству Российской Федерации. Общественный контроль в соответствии с ФЗ № 212, представляет собой деятельность субъектов общественного контроля, направленную на наблюдение за работой органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, а также других органов и организаций,

осуществляющих определенные публичные полномочия в соответствии с федеральными законами [7]. Целями общественного контроля являются: обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, учет общественного мнения при принятии решений государственными органами, а также оценка и анализ деятельности указанных органов и организаций с целью защиты интересов общественных объединений и некоммерческих организаций.

Несмотря на добровольный характер реализации, общественный контроль способствует: повышению эффективности реализации инициативных проектов, противодействию коррупции (что соответствует одной из его ключевых задач). Кроме того, органы власти обязаны рассматривать итоговые документы, подготовленные по результатам общественного контроля, а также учитывать предложения и рекомендации последнего. Это делает общественный контроль с гражданской инициативой действенным инструментом мониторинга исполнения инициативных проектов. Проектом Стратегии развития инициативного бюджетирования до 2030 г. НИФИ Минфина России [11] предусмотрен механизм мониторинга реализации соответствующих программ и практик, который представляет собой систематическую деятельность по отслеживанию хода и результатов внедрения инициативного бюджетирования в регионах, регулярной оценке количественных показателей и индикаторов.

Результаты мониторинга оформляются в виде итогового документа — ежегодного доклада Минфина России [12], который включает: общую статистику по развитию инициативного бюджетирования; описание уникальных региональных и муниципальных методик. Такой подход позволяет не только контролировать процесс внедрения инициативного бюджетирования, но и выявлять наиболее эффективные практики для их дальнейшего тиражирования.

Для оценки качества государственных (муниципальных) закупок текущим законодательством РФ предусмотрен метод мониторинга, который является формой текущего контроля. Согласно федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», мониторинг закупок представляет собой систему наблюдений, осуществляемых на постоянной основе, посредством



сбора, обобщения, систематизации и оценки информации об осуществлении закупок, в том числе реализации планов-графиков. На основе предоставляемой прозрачной информации, установленной текущим законодательством РФ в сфере контрактных закупок, граждане могут проанализировать ее на предмет подозрительных закупок.

При рассмотрении планов закупок граждане могут обратить внимание, соблюдается ли принцип необходимости при планировании конкретных закупок. Признаками подозрительных закупок могут быть: объявление о закупке после того, как значительная часть работ уже сделана; нереалистичный срок исполнения работ (например, разработка проектно-сметной документации за одну неделю); завышенная цена (например, закупается партия товара, оптовая цена за единицу которого в ходе закупки оказалась выше, чем розничная).

В случае обнаружения гражданами признаков подозрительных закупок, они могут обратиться в Федеральную антимонопольную службу. Также возможна инициация проверки путем обращения в: прокуратуру; контрольно-счетный орган муниципального образования; на имя главы муниципального образования; к муниципальному заказчику, к депутату по соответствующему избирательному округу.

Принятием нового федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — ФЗ № 33) определены направления ее реформирования. Требуется самостоятельного изучения влияние реформы местного самоуправления (переход на одноуровневую систему, укрупнение муниципалитетов, упразднение сельских поселений как самостоятельных органов публичной власти, трансформация муниципальных районов в муниципальные округа, возникновение малых городов и опорных населенных пунктов и др.) на специфику проектов инициативного бюджетирования.

Итак, система организации местного самоуправления в настоящий момент переживает переход к одноуровневой модели. Для того, чтобы сельские поселения, лишаясь статуса самостоятельного органа муниципальной власти, не утратили присущих им функций, администрациями новых муниципальных округов должны быть сформированы на поселенческом уровне соответствующие территориальные отделы. Важным связующим звеном между жителями поселе-

ний и местной администраций являются органы территориального общественного самоуправления (ТОС) и сельские старосты, нередко выступающие в роли инициаторов проектов.

Считаем, что требуются некоторые точечные изменения правового статуса участников ТОС, которые бы давали населению дополнительные возможности. Действующее законодательство устанавливает: участником ТОС может быть только лицо по месту жительства в границах ТОС, таким образом, «отсекая» собственников недвижимости на территории соответствующего поселения, формально не являющихся зарегистрированными жителями. По аналогии с институтом сельских старост, которыми могут быть избраны, в том числе собственники жилых помещений на территории сельского населенного пункта, предлагается применить подобный подход и в отношении членов ТОС. ТОС и сельские старосты, являясь факультативными институтами местного самоуправления, ориентированными на небольшие локации, обеспечивают механизмы общественного участия граждан в бюджетном процессе.

Итак, в действующем федеральном законодательстве, применяемом в отношении практик инициативного бюджетирования, на сегодняшний день нашло свое отражение только понятие «инициативный проект». Последний, являясь одной из многообразия практик инициативного бюджетирования, не может быть распространен на всю их совокупность.

Таким образом, инициативное бюджетирование остается важным инструментом участия граждан в бюджетном процессе, однако, требующим более тщательной юридической проработки [8]. Открытым остается вопрос о том, каким образом практики инициативного бюджетирования, реализуемые на муниципальном уровне, будут соответствовать целям документов стратегического планирования РФ — Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г., национальных проектов — «Туризм и гостеприимство» и «Инфраструктура для жизни».

Инициативное бюджетирование, которое активно внедряется во многие субъекты РФ и муниципальные образования, предполагает участие граждан в бюджетном процессе путем предложения инициатив, голосования за проекты, участия в обсуждении приоритетов расходования средств, что является прямым проявлением инициативы гражданского общества и его связи с государством (муниципалитетом). Однако



для эффективного функционирования системы инициативного бюджетирования необходимо обеспечить прозрачность и обозначить ответственность в использовании бюджетных средств для обеспечения эффективного финансового контроля. Исследование не только помогло выявить проблемы и недостатки в системе финансового контроля при реализации проектов инициативного бюджетирования и предложить рекомендации по их устранению.

Список источников

1. Бабичев И. В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 51–57.
2. Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Муниципальная демократия: от теории к практике. М. : Юрлитинформ, 2020.
3. Вагин В. В., Шаповалова Н. А. Особенности нормативно-правового регулирования инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации // Российские регионы: взгляд в будущее. 2021. № 3. Т. 8. С. 34–53.
4. Федоров К. Е. Финансовый контроль в сфере инициативного бюджетирования // Научноград наука производство общество. 2025. № 1. С. 14–17.
5. Павлов Н. В. К вопросу об административно-правовой природе производства по осуществлению муниципального контроля // Административное право и процесс. 2014. № 11. С. 59–63.
6. Шугрина Е. С. Муниципальная демократия: тенденции развития в материалах правоприменительной практики // Правоприменение. 2019. № 3. Т. 3. С. 108–124.
7. Фролова Т. А. Развитие законодательства об организации публичной власти в российских городах // Правоприменение. 2025. № 1. Т. 9. С. 94–103.
8. Миронова С. М. Правовое обеспечение финансового участия населения в реализации проектов инициативного бюджетирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 2 (24). С. 85–90.
9. Поручение Президента Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № ПП-1223 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/77072>
10. Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации (в ред. от 5 декабря

2023 г.). // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=305101-metodicheskie_rekomendatsii_po_podgotovke_i_realizatsii_praktik_itsiativnogo_byudzhetrovaniya_v_rossiiskoi_federatsii_v_red._ot_05.12.2023

11. Проект «Стратегия развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации на 2023–2030 годы» // URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2023/strategyIB_2030.pdf

12. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2024/Doklad_IB_2024_rus.pdf

13. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 октября 2023 г. № 2958-р) // URL: <https://minfin.gov.ru/>

References

1. Babichev I. V. Constitutional novels for local self-government: some analysis // Constitutional and municipal law. 2021. No. 2. P. 51–57.
2. Narutto S. V., Shugrina E. S. Municipal democracy: from theory to practice. M. : Yurлитinform, 2020.
3. Vagin V. V., Shapovalova N. A. Features of regulatory and legal regulation of initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation // Russian regions: a look into the future. 2021. No. 3. Vol. 8. P. 34–53.
4. Fedorov K. E. Financial control in the field of initiative budgeting // Science city science production society. 2025. No. 1. P. 14–17.
5. Pavlov N. V. On the issue of the administrative and legal nature of municipal control proceedings // Administrative law and process. 2014. No. 11. P. 59–63.
6. Shugrina E. S. Municipal democracy: development trends in law enforcement practice materials // Law enforcement. 2019. No. 3. Vol. 3. P. 108–124.
7. Frolova T. A. Development of legislation on the organization of public authority in Russian cities // Law enforcement. 2025. No. 1. Vol. 9. P. 94–103.
8. Mironova S. M. Legal support for financial participation of the population in the implementation of initiative budgeting projects // Bulletin of Surgut State University. 2019. No. 2 (24). P. 85–90.
9. Order of the President of the Russian Federation No. PR-1223 dated May 29, 2025 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/77072>



10. Methodological recommendations for the preparation and implementation of proactive budgeting practices in the Russian Federation (as amended by dated December 5, 2023) // URL: https://minfin.gov.ru/document?id_4=305101-metodicheskie_rekomendatsii_po_podgotovke_i_realizatsii_praktik_initsiativnogo_byudzhetrovaniya_v_rossiiskoi_federatsii_v_red._ot_05.12.2023

11. The project «Strategy for the development of initiative budgeting in the Russian Federation for 2023–

2030» // URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2023/strategyIB_2030.pdf

12. Report on the best practices in the development of initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation and municipalities // URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2024/Doklad_IB_2024_rus.pdf

13. Strategy for improving financial literacy and developing a financial culture until 2030 (approved by the Order of the Government of the Russian Federation of October 24, 2023 No. 2958-r) // URL: <https://minfin.gov.ru/>

Информация об авторах

Н. А. Гузь — доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент;

И. В. Липатова — доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

N. A. Guz — Associate Professor of the Public Finance Department of the Financial Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

I. V. Lipatova — Associate Professor of the Public Finance Department of the Financial Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 29.09.2025.

	ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
	Учебное пособие Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Г. Я. Остаев, Б. Н. Хосиев, Н. Д. Эриашвили
	Исследованы направления развития теории и методики судебной экономической экспертизы. В пособие включены также тестовые вопросы и задачи ситуационного характера. Для магистров, аспирантов, преподавателей экономических специальностей, а также аудиторов, экспертов, экономистов, бухгалтеров и финансовых менеджеров организаций.



Научная статья
УДК 336.71
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-189-194>
EDN: <https://elibrary.ru/apnfsl>

НИОН: 2003-0059-5/25-396
MOSURED: 77/27-003-2025-05-595

Проектирование институтов экономической безопасности банковского сектора

Сергей Васильевич Ештокин

Научное учреждение «Экспертно-аналитический центр», Москва, Россия, sssr250505@gmail.com

Аннотация. Прослеживается поиск инструментов обеспечения экономической безопасности банковского сектора в условиях растущей неопределенности внешней среды. Определяется роль институционального проектирования в предупреждении и нейтрализации угроз для экономической безопасности российского банковского сектора. Проведен контент-анализ научных публикаций, посвященных содержанию и функциям, выполняемым институтами в банковском секторе. Результатом выступает тезис о необходимости разработки и реализации проектов формирования новых и модернизации действующих институтов с учетом выполняемых ими функций для обеспечения устойчивого развития банковской системы Российской Федерации. Особое место уделено сравнительному анализу теоретико-методических подходов к анализу институциональной среды, что позволило определить необходимость интеграции инструментов институционального проектирования в систему обеспечения экономической безопасности банковского сектора и входящих в его состав организаций. Отличием авторской позиции выступает анализ транзакционных издержек как показателя эффективности инструментов обеспечения экономической безопасности банковского сектора.

Ключевые слова: экономическая безопасность, банковский сектор российской экономики, институциональное проектирование, формальные и неформальные институты, эффективность институциональной среды, транзакционные издержки

Для цитирования: Ештокин С. В. Проектирование институтов экономической безопасности банковского сектора // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 189–194. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-189-194>. EDN: APNFSL.

Original article

Designing institutions for economic security in the banking sector

Sergey V. Eshtokin

Scientific Institution «Expert Analytical Center», Moscow, Russia, sssr250505@gmail.com

Abstract. There is a search for tools to ensure the economic security of the banking sector in the face of growing environmental uncertainty. The role of institutional design in preventing and neutralizing threats to the economic security of the Russian banking sector is being determined. A content analysis of scientific publications on the content and functions performed by institutions in the banking sector was carried out. The result is the thesis on the need to develop and implement projects for the formation of new and modernization of existing institutions, taking into account their functions to ensure the sustainable development of the banking system of the Russian Federation. Particular attention is paid to a comparative analysis of theoretical and methodological approaches to the analysis of the institutional environment, which made it possible to determine the need to integrate institutional design tools into the system of ensuring the economic security of the banking sector and its constituent organizations. The difference between the author's position is the analysis of transaction costs as an indicator of the effectiveness of tools to ensure the economic security of the banking sector.

Keywords: economic security, banking sector of the Russian economy, institutional design, formal and informal institutions, institutional environment effectiveness, transaction costs

For citation: Eshtokin S. V. Designing institutions for economic security in the banking sector. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):189–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-189-194>. EDN: APNFSL.

Введение. Первая четверть XXI в. характеризуется повышением уровня неопределенности факторов внешней среды, появлением новых и усилением имеющихся угроз для устойчивого развития российской экономики и входящих в ее состав сегментов. Ситуация усугубляется в результате реализации рядом недружественных правительств мер, которые вводят санкционные ограничения в отношении Российской Федерации, перекрывающие доступ к мировым рын-

кам капитала, а также препятствующие эффективному использованию ресурсного потенциала субъектов реального и банковского секторов экономики. Это находит отражение в колебаниях макроэкономической конъюнктуры, для сглаживания которых требуется разработка антициклических мер, адаптированных к современному этапу развития экономики. В этих условиях особое значение приобретают инструменты денежно-кредитного регулирования, направ-

© Ештокин С. В., 2025



ленные на обеспечение устойчивости национальной денежной системы, предупреждение высоких темпов инфляции и активное развитие реального сектора экономики. Выполнение кредитными организациями функций аккумуляции денежных средств и перераспределения финансовых ресурсов между секторами национальной экономики и ее агентами обуславливает зависимость основных макроэкономических индикаторов от состояния экономической безопасности банковской системы в целом и входящих в ее состав организаций. В свою очередь, для своевременного выявления и нейтрализации растущих угроз требуется разработка адаптированных к современному этапу развития национальной экономики инструментов обеспечения экономической безопасности банковского сектора. Поскольку эффективность инструментов обеспечения защищенности от внутренних и внешних угроз определяется состоянием институциональной среды, дальнейших исследований требуют проекты формирования и развития институтов экономической безопасности. Недостаточный уровень изученности связи институтов с показателями экономической безопасности банковского сектора российской экономики препятствует разработке эффективных решений, направленных на предупреждение угроз и (или) преодоление последствий их реализации. Это определяет выбор темы исследования, его теоретическую и практическую значимость.

Институциональная среда банковского сектора, как совокупность норм и правил, регламентирующих процессы аккумуляции и использования свободных денежных средств на принципах срочности, возвратности и платности, определяет эффективность инструментов выявления и нейтрализации внешних и внутренних угроз. Институциональная среда включает в себя формальные институты, которые являются результатом целенаправленных действий со стороны государства и кредитных организаций по формированию и внедрению новых и модернизации существующих норм и правил поведения, а также неформальных институтов (обычаев делового оборота), регулирующих взаимодействие между индивидуальными и агрегированными экономическими субъектами. В случае эффективности институциональной среды вероятность возникновения угроз снижается.

В качестве цели исследования выступает обоснование теоретических подходов к содержанию институтов банковского сектора, а также оценке их влияния на уровень защищенности от внешних и внутренних угроз. Для достижения цели в ходе исследования ис-

пользованы общенаучные методы, в том числе, контент-анализ, сравнительный и факторный анализ, классификация и обобщение. В качестве информационной базы использованы аналитические материалы Центрального Банка РФ, научные публикации, посвященные проблемам институционального проектирования, анализу угроз экономической безопасности и особенностям их проявления в банковском сегменте.

Обсуждение. Существует несколько подходов к анализу закономерностей трансформации институциональной среды в банковском секторе. В работах С. А. Уразова [1] обоснован тезис, согласно которому для институциональной динамики в рассматриваемом секторе характерна форма волны, совпадающая с Кондратьевскими циклами. Соответственно, для восходящего тренда волны характерны банковские реформы, а для нисходящего тренда — распределительные отношения. Однако, развитие российского банковского сектора в период исследования показывает, что волновые характеристики институциональной динамики в российском банковском секторе были со временем утрачены, но не искоренены полностью [2]. Согласно позиции С. Г. Кирдиной-Чэндлер и ее соавторов [3; 4], институциональная динамика в российском банковском секторе (а также в реальном и финансовом секторе экономики в целом) уже достаточно продолжительное время определяется не моделью «государство-регулятор», но моделью «государство-инвестор». Среди прочего такая модель государственного участия в финансовом и реальном секторе негативно влияет на экономический рост и может стать причиной стагнации во втором из упомянутых секторов, а также причиной кризиса в первом из упомянутых секторов.

По мнению ряда других российских ученых [5; 6; 7], в последние три года институциональная динамика российского банковского сектора определяется темпами и глубиной цифровой трансформации, которая формирует свои «правила игры» для традиционного банкинга, цифрового банкинга и нео-банков. Однако, вряд ли цифровая трансформация является определяющей в институциональной динамике в российском банковском секторе, поскольку, по общему определению, институт — это устойчивая форма организации совместной деятельности людей, а также совокупность норм, правил, регламентов, регулирующих качественно однородные общественные, экономические, юридические или иные отношения внутри одной отрасли (правовой, экономической, финансовой, общественной и др.) [8; 9; 10].



Согласно традиционному подходу, институты — это механизмы организации и ведения хозяйственной (экономической) деятельности, которые включают:

а) правила и нормы поведения экономических акторов (физических и юридических лиц);

б) структуры управления (организационные структуры), определяющие взаимодействие экономических акторов.

С момента появления трудов Р. Коуза [11; 12], Д. Ходжсона [13; 25], О. Вильямсона [14; 15] и других ученых, посвященных влиянию институтов на экономическую динамику (в том числе трудов, описывающих тенденции и закономерности новой институциональной экономики), институты были включены в состав источников социально-экономического развития, наряду с капиталом и технологиям. В то же время, необходимо учитывать роль институциональной среды, которая регулирует экономический обмен, мультиплицирующий выгоды для его непосредственных участников и третьих лиц. Непосредственные участники — это экономические акторы (субъекты хозяйствования, включая реальный и финансовый сектор; работники, самозанятые, инвесторы, стейкхолдеры и др.). К реципиентам внешних эффектов относятся: государство, получающее выгоды в виде налогов, и общество, получающее выгоды в виде роста благосостояния и социальной поддержки от государства.

Результаты. Согласно авторскому подходу, институты экономической безопасности банковского сектора — это совокупность норм, правил и регламентов, определяющих принципы организации и ведения банковской деятельности, которые способствуют тому, что:

а) все коммерческие банки имеют равный конкурентный доступ к ресурсам, необходимым для ведения указанной деятельности;

б) операции, проводимые в банковском секторе, характеризуются непрерывностью и прозрачностью;

в) негативные внешние или внутриэкономические факторы нивелируются стимулирующей банковской деятельностью институциональной динамикой.

Для того, чтобы институты, призванные обеспечить экономическую безопасность банковского сектора, выполняли свои функции, они должны быть формальными и продуктивными [16; 17; 18]. Формальные институты — это институты, которые имеют четко сформулированный, единый для всех акторов (в данном случае — коммерческих банков) инфор-

мент, т. е. механизм принуждения к исполнению норм и правил, для которого [механизма] имеется специальный гарант. В случае с институтами, обеспечивающими экономическую безопасность российского банковского сектора, гарантами формальных институтов следует считать: Совет Безопасности Российской Федерации; Центральный Банк Российской Федерации (Банк России), который одновременно выполняет функции макрорегулятора в банковском секторе, т. е. осуществляет макропруденциальный надзор. К числу гарантов формальных институтов относятся органы исполнительной власти, в том числе субъекты государственного и муниципального управления, подчиняющиеся, в том числе, нормам и законам, определенным законодательной властью.

Соответственно, неформальные институты — это нормы и правила, не имеющие единого информера и специализированного гаранта [19; 20], т. е. в рамках данной темы исследования — это деловые традиции взаимодействия экономических акторов и управления банковской деятельности, которые не должны вступать в противоречие с формальными институтами. Однако на практике противоречие между формальными и неформальными институтами может иметь место, поэтому в идеальной экономике формальные институты должны доминировать над неформальными институтами. Доминирование формальных институтов означает единство правового пространства российского государства и равные для всех условия осуществления экономической, в том числе, банковской деятельности.

Деление институтов на формальные и неформальные, а также по функциональному признаку (например, экономические, социальные, политические, институты гражданского общества и т. д.) — это общепринятый теоретический подход в рамках институциональной теории и ее неинституциональной парадигмы. В трудах Г. Б. Клейнера [21] предложен иной подход к классификации и систематизации институтов с функциональной точки зрения. Опираясь на исследования И. Адизеса [22], посвященные основным функциям управления в социально-экономической системе, Г. Б. Клейнер предлагает выделять четыре функциональных назначения институтов в экономике в целом и в ее отдельных секторах:

1) функция институтов «предпринимательство» представляет собой нормы и правила, определяющие и стимулирующие деловую активность в экономике;

2) функция институтов «интеграция» представляет собой нормы и правила, призванные объединять раз-



розненных экономических акторов, субъектов хозяйствования в более крупные агломерации для получения синергии положительных экономических эффектов;

3) функция институтов «администрирование» представляет собой нормы и правила, регулирующие мониторинг экономической деятельности, включая ее легитимность, налоговую ответственность и прочие параметры;

4) функция институтов «достижение результатов» представляет собой нормы и правила, на основе которых исследуется динамика развития отраслей и сфер национальной экономики, а также определяются проблемные места.

В работе О. А. Золотаревой [23] предложено рассматривать институты банковского сектора с использованием концепции институциональных матриц. В соответствии с денным подходом выделяются:

1) организационно-структурный аспект, в который следует включать систему органов, отвечающих за проведение денежно-кредитной политики, правовое обеспечение такой политики, систему формальных и неформальных взаимосвязей между институтами денежно-кредитной политики и другими макроэкономическими институтами;

2) понятийно-оценочный аспект, в который следует включать финансовый капитал, доверие и репутацию экономических акторов, гарантии государства (как мета-института), контроль денежно-кредитной политики, финансовые, банковские, и иные риски. Эти понятия и оценки формируют системообразующие, производные и вспомогательные институты.

В соответствии с подходом, разработанным О. А. Золотаревой, определена структура институциональной среды экономической безопасности банковского сектора (рис. 1).

Эффективность институтов определяется способностью обеспечить порядок, предсказуемость и вероятность экономических отношений в заданных условиях, при имеющихся возможностях и ограничениях внешней среды, что и выражается в мультипликации экономических выгод, которые получают не только сами коммерческие банки, включая их работников, акционеров, инвесторов, прочих стейкхолдеров, но и третьи лица через фискальную функцию государства [24; 26]. Эффективность институтов экономической безопасности оценивается с учетом уровня угроз, снижение которых свидетельствует об обоснованности управленческих решений субъектов проектирования.



Рис. 1. Проектирование институциональной среды экономической безопасности банковского сектора с использованием положений концепции институциональных матриц
Источник: разработано автором с использованием источника [23].



Выводы. Проведенное исследование показывает, что институционализация экономической безопасности банковского сектора заключается, прежде всего, в создании благоприятных и стимулирующих банковскую деятельность условий на основе проектирования в указанном секторе формальных институтов. Эффективная институциональная среда формируется органами государственной власти, Центрального Банка РФ при непосредственном участии кредитных организаций. Показателем эффективности институциональной среды выступает динамика уровня угроз экономической безопасности, который должен снижаться при одновременном снижении транзакционных издержек, их идентификации и имплантации инструментов нейтрализации в систему государственного регулирования банковского сектора.

Список источников

1. Уразова С. А. Волны реформ и контрреформ банковской системы России в динамике долгосрочных экономических циклов Н. Д. Кондратьева // *Финансовые исследования*. 2015. № 3 (48). С. 79–90.
2. Верников А. В. Структурные или институциональные сдвиги? // *Экономическая наука современной России*. 2018. № (2). С. 115–131.
3. Кирдина С. Г., Кузнецова А. В., Сенько О. В. Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // *Социологические исследования*. 2015. № 9. С. 3–13.
4. Кирдина-Чэндлер С. Г. Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике // *Экономическая наука современной России*. 2021. № 3 (94). С. 17–32.
5. Косарев В. Е. О цифровой эволюции банков в направлении небанков // *Финансовые рынки и банки*. 2020. № 3. С. 56–60.
6. Уличкина И. А. Эволюция банковского дела в России // *Финансовые рынки и банки*. 2020. № 4. С. 35–41.
7. Сидорова О. В. Цифровые финансовые активы в современной экономике // *Экономика и управление*. 2021. № 3. С. 11–14.
8. Дементьев В. В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? // *Terra Economicus*. 2009. № 1. Т. 7. С. 13–30.
9. Тамбовцев В. Л. Качество институтов: проблемы определения и оценки // *Вопросы экономики*. 2021. Т. 7. С. 49–67.
10. Тамбовцев В. Л. Что могут делать институты? Метафоры организационного институционализма // *Вопросы теоретической экономики*. 2022. № 2. С. 22–38.
11. Coase R. H. Law economics // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
12. Coase R. The new institutional economics // *The American economic review*. 1998. Vol. 88. No 2. P. 72–74.
13. Hodgson G. M. Institutional economic theory: the old versus the new // *Review of Political Economy*. 1989. Vol. 1. No 3. P. 249–269.
14. Williamson O. E. The institutions of governance // *The American economic review*. 1998. Vol. 88. No. 2. P. 75–79.
15. Williamson O. E. The new institutional economics: taking stock, looking ahead // *Journal of economic literature*. 2000. Vol. 38. No 3. P. 595–613.
16. Kaufmann W., Hooghiemstra R., Feeney M. K. Formal institutions, informal institutions, and red tape: A comparative study // *Public Administration*. 2018. Vol. 96. No 2. P. 386–403.
17. Аузан А. А. Развитие и «колея» зависимости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 10. Т. 61. С. 96–105.
18. Полтерович В. М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики*. 2016. Т. 11. С. 5–23.
19. Аузан А. А., Никишина Е. Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // *Журнал экономической теории*. 2013. № 4. С. 48–57.
20. Шаститко А. Е., Комкова А. А., Курдин А. А. Что экономическая теория может рассказать об адвокатировании конкуренции? // *Общественные науки и современность*. 2016. № 1. С. 47–62.
21. Клейнер Г. Б. Перспективы системного расширения институциональной экономической теории // *Экономическая наука современной России*. 2021. № 3. С. 7–17.
22. Adizes I. *The Accordion Player: My Journey from Fear to Love*. Newtown, PA : WS Press, 2023.
23. Золотарева О. А. Институты денежно-кредитной политики: сущность, виды, взаимодействие // *Российское предпринимательство*. 2014. № 20. С. 29–43.
24. North D. C. Institutions and productivity in history // *Economic History*. 1994. Т. 94. P. 11003.
25. Hodgson G. M. The approach of institutional economics // *Journal of economic literature*. 1998. Vol. 36. No. 1. P. 166–192.
26. Akhremenko A., Petrov A., Yureskul E. Institutions, productivity change, and growth // *Business Cycles in BRICS*. 2019. P. 29–54.



References

1. Urazova S. A. Waves of Reforms and Counter-Reforms of the Russian Banking System in the Dynamics of Long-Term Economic Cycles by N. D. Kondratieva // *Financial Studies*. 2015. No. 3 (48). P. 79–90.
2. Vernikov A. V. Structural or Institutional Shifts? // *Economic Science of Modern Russia*. 2018. No. (2). P. 115–131.
3. Kirdina S. G., Kuznetsova A. V., Senko O. V. Climate and Institutional Matrices: A Cross-Country Analysis // *Sociological Studies*. 2015. No. 9. P. 3–13.
4. Kirdina-Chandler S. G. Systemic Paradigm and Prospects of «Institutional Synthesis» in the Economy // *Economic Science of Modern Russia*. 2021. No. 3 (94). P. 17–32.
5. Kosarev V. E. On the Digital Evolution of Banks Towards Neobanks // *Financial Markets and Banks*. 2020. No. 3. P. 56–60.
6. Ulichkina I. A. Evolution of Banking in Russia // *Financial Markets and Banks*. 2020. No. 4. P. 35–41.
7. Sidorova O. V. Digital Financial Assets in the Modern Economy // *Economics and Management*. 2021. No. 3. P. 11–14.
8. Dementyev V. V. What Do We Study When We Study Institutions? // *Terra Economicus*. 2009. No. 1. Vol. 7. P. 13–30.
9. Tambovtsev V. L. The Quality of Institutions: Problems of Definition and Assessment // *Economic issues*. 2021. Vol. 7. P. 49–67.
10. Tambovtsev V. L. What Can Institutions Do? Metaphors of Organizational Institutionalism // *Economic issues*. 2022. No. 2. P. 22–38.
11. Coase R. H. Law Economics // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
12. Coase R. The New Institutional Economics // *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No. 2. P. 72–74.
13. Hodgson G. M. Institutional Economic Theory: The Old versus the New // *Review of Political Economy*. 1989. Vol. 1. No. 3. P. 249–269.
14. Williamson O. E. The Institutions of Governance // *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No. 2. P. 75–79.
15. Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 3. P. 595–613.
16. Kaufmann W., Hooghiemstra R., Feeney M. K. Formal Institutions, Informal Institutions, and Red Tape: A Comparative Study // *Public Administration*. 2018. Vol. 96. No. 2. P. 386–403.
17. Auzan A. A. Development and the Path of Dependence // *Global Economy and International Relations*. 2017. No. 10. Vol. 61. P. 96–105.
18. Polterovich V. M. Positive Cooperation: Factors and Mechanisms of Evolution // *Economic issues*. 2016. Vol. 11. P. 5–23.
19. Auzan A. A., Nikishina E. N. Long-Term Economic Dynamics: The Role of Informal Institutions // *Journal of Economic Theory*. 2013. No. 4. P. 48–57.
20. Shastitko A. E., Komkova A. A., Kurdin A. A. What Can Economic Theory Tell Us About Competition Advocacy? // *Social Sciences and Modernity*. 2016. No. 1. P. 47–62.
21. Kleiner G. B. Prospects for the Systemic Expansion of Institutional Economic Theory // *Economic Science of Contemporary Russia*. 2021. No. 3. P. 7–17.
22. Adizes I. *The Accordion Player: My Journey from Fear to Love*. Newtown, PA : WS Press, 2023.
23. Zolotareva O. A. Monetary Policy Institutions: Essence, Types, and Interaction // *Russian Entrepreneurship*. 2014. No. 20. P. 29–43.
24. North D. C. Institutions and Productivity in History // *Economic History*. 1994. Vol. 9411003.
25. Hodgson G. M. The Approach of Institutional Economics // *Journal of Economic Literature*. 1998. Vol. 36. No. 1. P. 166–192.
26. Akhremenko A., Petrov A., Yureskul E. Institutions, productivity change, and growth // *Business Cycles in BRICS*. 2019. P. 29–54.

Информация об авторе

С. В. Ештокин — ведущий научный сотрудник научного учреждения «Экспертно-аналитический центр», кандидат экономических наук.

Information about the author

S. V. Eshtokin — Leading Researcher of the Scientific Institution «Expert Analytical Center», Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.
The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 338:339.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-195-202>

EDN: <https://elibrary.ru/bduhqq>

НИОН: 2003-0059-5/25-397

MOSURED: 77/27-003-2025-05-596

Роль импортозамещения и параллельного импорта медицинского оборудования в обеспечении экономической безопасности региона

Ася Аслановна Кушхова¹, Людмила Николаевна Иванова²

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, kushkhova_mvd@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, livanova82@mvd.ru

Аннотация. Современные условия социально-экономического развития России характеризуются усилением санкционного давления, оказывающего значительное влияние на функционирование отраслей экономики, связанных с высоким уровнем импортозависимости. Особую значимость данная проблема приобретает в сфере здравоохранения, где устойчивое обеспечение медицинским оборудованием напрямую влияет не только на социальную стабильность, но и на уровень экономической безопасности регионов.

Санкции ограничили доступ к критически важному медицинскому оборудованию и технологиям, что поставило под угрозу выполнение государственных программ по развитию здравоохранения и реализации национальных проектов. В этих условиях возрастают значение импортозамещения и параллельного импорта как инструментов снижения зависимости от внешних поставок и укрепления устойчивости региональных экономик. Однако потенциал импортозамещения в медицинской промышленности ограничен высоким уровнем технологической зависимости от зарубежных производителей, а параллельный импорт требует правового и институционального регулирования. В этой связи комплексное исследование роли импортозамещения и параллельного импорта в обеспечении экономической безопасности региона представляется актуальным и востребованным как с научной, так и с практической точек зрения.

Ключевые слова: импортозамещение, параллельный импорт, региональная экономика, экономическая безопасность, здравоохранение, российская экономика, социальная сфера

Для цитирования: Кушхова А. А., Иванова Л. Н. Роль импортозамещения и параллельного импорта медицинского оборудования в обеспечении экономической безопасности региона // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 195–202. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-195-202>. EDN: BDUHQQ.

Original article

The role of import substitution and parallel import of medical equipment in ensuring the economic security of the region

Asya A. Kushkhova¹, Lyudmila N. Ivanova²

¹ Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kushkhova_mvd@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, livanova82@mvd.ru

Abstract. The current conditions of Russia's socio-economic development are characterized by increased sanctions pressure, which has a significant impact on the functioning of economic sectors associated with a high level of import dependence. This problem is particularly important in the healthcare sector, where the sustainable provision of medical equipment directly affects not only social stability, but also the level of economic security of regions.

The sanctions have restricted access to critical medical equipment and technologies, which has jeopardized the implementation of government programs for the development of healthcare and the implementation of national projects. Under these conditions, import substitution and parallel imports are becoming increasingly important as tools to reduce dependence on external supplies and strengthen the resilience of regional economies. However, the potential for import substitution in the medical industry is limited by the high level of technological dependence on foreign manufacturers, and parallel imports require legal and institutional regulation. In this regard, a comprehensive study of the role of import substitution and parallel imports in ensuring the economic security of the region seems relevant and in demand both from a scientific and practical point of view.

Keywords: import substitution, parallel import, regional economy, economic security, healthcare, Russian economy, social sphere

For citation: Kushkhova A. A., Ivanova L. N. The role of import substitution and parallel import of medical equipment in ensuring the economic security of the region. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):195–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-195-202>. EDN: BDUHQQ.

© Кушхова А. А., Иванова Л. Н., 2025



Экономическая безопасность региона трактуется как состояние защищенности его социально-экономической системы от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие и удовлетворение базовых общественных потребностей [8]. Для сектора здравоохранения критической потребностью является непрерывная обеспеченность медицинским оборудованием и расходными материалами. Санкционные ограничения 2022–2025 гг. обострили проблему зависимости от зарубежных поставок, сделав актуальными два взаимодополняющих инструмента — импортозамещение и параллельный импорт [13; 18].

Ключевые индикаторы экономической безопасности региона в сфере обеспечения медицинским оборудованием представлены в табл. 1. Каждый показатель характеризует уровень устойчивости системы здравоохранения к внешним ограничениям, связанным с санкционным давлением и нарушением цепочек поставок.

Наиболее критичными индикаторами являются доля функционирующего критического оборудования, сроки поставки расходных материалов и запасных частей, а также запасы критических расходников. Поддержание высоких значений этих параметров обеспечивает бесперебойное оказание медицинских услуг. Например, снижение доли исправного оборудования ниже 85 % свидетельствует о высоких рисках сбоев в оказании медицинской помощи, что в долгосрочной перспективе может трансформироваться в социально-экономическую нестабильность.

Индикаторы, связанные с сервисным обслуживанием, также имеют высокое значение. Доля оборудования, обеспеченного локальным сервисом, является

индикатором технологической независимости региона: при падении данного показателя ниже 50 % существенно возрастают затраты на ремонт и увеличиваются простои техники.

Важным фактором экономической устойчивости выступает индекс закупочных цен. Его рост выше 200 % по сравнению с базовым 2021 г. означает критическую нагрузку на региональные бюджеты и медицинские организации, особенно в условиях ограниченного финансирования.

Показатели, характеризующие структуру импорта и локализацию производства, играют роль в долгосрочной перспективе. Высокая доля отечественных изделий (не менее 40 %) снижает зависимость от внешних поставщиков, тогда как превышение доли параллельного импорта более чем 40 % сигнализирует о чрезмерной уязвимости к внешним каналам поставки. Особое внимание заслуживает доля контрактов «жизненного цикла», предполагающих долгосрочные обязательства поставщиков по сервисному сопровождению оборудования. Увеличение данного показателя выше 30 % способствует формированию предсказуемой и устойчивой инфраструктуры здравоохранения.

Современная трансформация мирохозяйственных связей, обусловленная усилением санкционного давления, структурными сдвигами глобальных цепочек добавленной стоимости и технологической фрагментацией рынков, радикально меняет условия обеспечения экономической безопасности регионов. Наиболее остро эти изменения проявляются в отраслях с высокой степенью технологической сложности и регуляторной насыщенности. Сектор медицин-

Таблица 1

Индикаторы экономической безопасности региона

Доля функционирующего критического оборудования, %	≥ 95	< 85
Среднее время простоя оборудования, часы/месяц	< 24	≥ 72
Доля отмененных процедур из-за технической недоступности, %	< 2	≥ 10
Срок поставки расходников и ЗИП, дней	< 7	≥ 30
Доля оборудования с локальным сервисом, %	≥ 80	< 50
Запасы критических расходников, дни автономности	≥ 30	< 10
Индекс закупочных цен (2021 = 100)	≤ 120	≥ 200
Доля отечественных изделий, %	≥ 40	< 20
Доля поставок по параллельному импорту, %	≤ 15	≥ 40
Доля контрактов «жизненного цикла», %	≥ 30	< 10



ского оборудования относится именно к таковым, он характеризуется высокой долей наукоемких компонентов, длительными циклами разработки и сертификации, жесткими требованиями к качеству и прослеживаемости поставок, а также критически важной ролью послепродажного обслуживания и цифровой интеграции.

В этой связи региональная экономическая безопасность, понимаемая как состояние защищенности социально-экономической системы субъекта федерации от внутренних и внешних угроз при сохранении способности к устойчивому развитию, в значительной мере зависит от устойчивости обеспечения медицинским оборудованием [6, с. 350].

В современных условиях глобализации особое значение приобретают механизмы обеспечения экономической независимости регионов, их устойчивость к внешним и внутренним угрозам, способность поддерживать социальную стабильность и обеспечивать высокое качество жизни населения [9, с. 280], а в условиях ограниченного доступа к зарубежным технологиям и комплектующим, сбоев логистики и усложнения финансовых расчетов перед региональными системами здравоохранения и промышленной политикой встают две взаимосвязанные задачи. Первая — наращивание потенциала импортозамещения через создание и освоение отечественных технологий, локализация критических производств, развитие компетенций и кооперационных цепочек; вторая — использование параллельного импорта как легитимного механизма быстрого восполнения дефицита, обеспечивающего непрерывность оказания медицинской помощи в переходный период.

Для региональных органов управления здравоохранением предлагается мониторинговая панель из трех блоков (рис. 1). Пороговые значения индикато-

ров и их связь с уровнями риска «низкий/умеренный/высокий» определяются с учетом региональной типологии исходя из уровня медицинской сети, демографии, логистики и т. д.

Многочисленные подходы к определению экономической безопасности региона подчеркивают ее полидисциплинарный характер: сочетание производственно-технологических, институциональных и социально-демографических измерений [10]. В контексте здравоохранения ключевыми детерминантами выступают доступность критических технологий, надежность сервисной поддержки и поставок, ценовая устойчивость и регуляторная предсказуемость.

Предлагаемая модель связывает «доступность технологий» с системным риском: рост времени простоя оборудования (downtime) повышает вероятность недооказания медпомощи и, как следствие, социально-экономические потери, например, снижение производительности труда, рост смертности/инвалидизации, бюджетные издержки. Следовательно, политика обеспечения оборудованием, это прямой инструмент снижения рисков экономической безопасности на региональном уровне.

С 2022 г. Россия столкнулась с беспрецедентным масштабом ограничительных мер, что привело к перестройке торговых потоков, ограничению доступа к сервису и расходникам для высокотехнологичной техники, такой как КТ, МРТ, лабораторное оборудование, ИВЛ, мониторы пациента и др. [18]. При этом рынок медоборудования продемонстрировал рост в стоимостном выражении, в том числе за счет переориентации поставок и ценовых эффектов: оценочно в 2024 г. объем рынка достиг порядка 850 млрд руб. (+14% к 2023 г.) [12].

Среднегодовой прирост объема рынка примерно 62,5 млрд руб., наиболее заметный рост на-



Рис. 1. Индикативная методика оценки вклада в экономическую безопасность региона

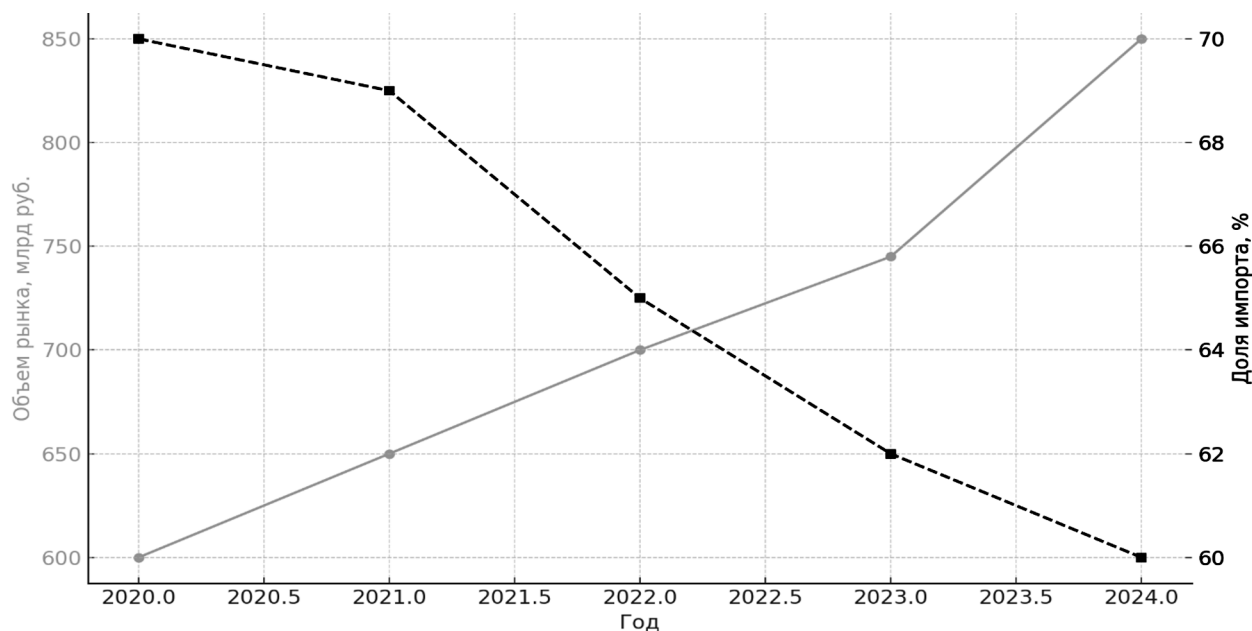


Рис. 2. Динамика рынка медицинского оборудования и импортозависимость в 2020–2024 гг.

блюдается между 2023 и 2024 гг. — прирост составляет 105 млрд руб., что говорит о стимулирующих факторах, возможно, государственная поддержка или рост спроса на медоборудование. Доля импорта падает с 70 до 60 % за пять лет, это говорит о постепенном росте локального производства оборудования или замещении импортных товаров отечественными аналогами. Рост объема рынка на фоне снижения доли импорта говорит о том, что рынок развивается не только за счет увеличения импорта, но и за счет внутреннего производства.

По сегменту лабораторной техники до 2022 г. импортная доля оценивалась около 70 %, с доминантой производителей США, Германии и Республики Корея [16]. Эти параметры указывают на высокую технологическую уязвимость регионов, в которых

потребление оборудования и расходников концентрировано в крупных медицинских организациях и референс-лабораториях.

На рис. 3 представлена динамика структуры импорта медицинского оборудования в Россию в 2021 и 2024 гг., отражающая изменения, вызванные необходимостью переориентации внешнеэкономических связей.

В 2021 г. ключевыми поставщиками выступали США и Германия, совокупно обеспечивавшие почти половину импортируемого объема. Значимую долю занимала Южная Корея, тогда как Китай и Индия играли второстепенную роль. Прочие страны формировали 25 % импорта, что свидетельствовало о достаточно диверсифицированной структуре поставок с доминированием западных стран.

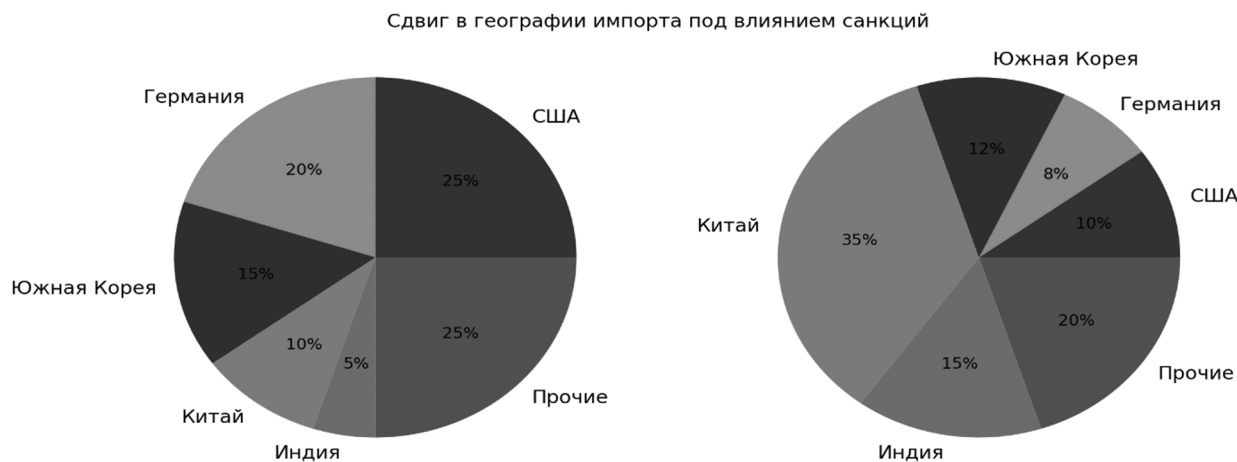


Рис. 3. Структура импорта медицинского оборудования 2021–2024 гг.



К 2024 г. структура импорта изменилась радикально. Китай стал основным поставщиком, заняв 35 % рынка, что более чем втрое превысило его долю по сравнению с 2021 г. Индия также существенно усилила позиции с 5 до 15 %, закрепившись в числе ключевых партнеров. При этом доля США сократилась более чем в два раза с 25 до 10 %, а Германии — почти в 2,5 раза с 20 до 8 %. Южная Корея снизила участие до 12 %, а совокупная доля «прочих» стран уменьшилась до 20 %.

Таким образом, можно констатировать выраженный сдвиг в географии импорта медицинского оборудования; западные страны утратили статус ведущих поставщиков, тогда как азиатские государства, прежде всего Китай и Индия, заняли доминирующее положение.

Эти изменения отражают адаптацию российской экономики к санкционным ограничениям и стратегический поворот во внешнеэкономической политике в сторону Востока. Подобный процесс имеет долгосрочные последствия, формируется новая архитектура международного сотрудничества, где ключевую роль начинают играть азиатские страны, а традиционные поставщики из США и Европы утрачивают влияние на российском рынке.

В 2022 г. Правительство Российской Федерации легализовало параллельный импорт оригинальных товаров для удовлетворения внутреннего спроса, предоставив Минпромторгу России полномочия утверждать перечни товарных групп, на которые не распространяются отдельные положения ст. 1359 и 1487 ГК РФ (эксклюзивные права и принцип исчерпания прав) [1]¹. В 2023–2025 гг. перечни уточнялись, включая категории, релевантные для медицинской техники, с актуализацией в 2024–2025 гг. [3; 4; 11].

При этом для медицинских изделий сохраняются отраслевые регуляторные требования, такие как государственная регистрация, соответствие ТР ЕАЭС, правила ввоза образцов и эксплуатационной документации, а в 2024 г. обновлены Правила государственной регистрации медицинских изделий [2]. Практика показывает, что применение параллельного импорта к медицинским изделиям сталкивается с исключениями, включая ограничения по брендам/кодам, сервисной поддержке, совместимости расходников, что может вызывать задержки поставок [15], а также требует аккуратного документирования происхождения и введения в оборот за пределами России.

Стратегические ориентиры импортозамещения в отрасли включают рост доли отечественных изделий и развитие технологической самостоятельности в приоритетных сегментах таких как диагностика, мониторинг, реанимация, лаб-In-Vitro, информатизация и т. д. [7]. Вместе с тем, в 2022–2025 гг. сохраняется доминирование зарубежных решений в высокотехнологичных узких нишах, отечественная продукция быстрее наращивается в среднетехнологичных сегментах и комплектующих. Обозреваемые академические и отраслевые оценки подчеркивают, что импортозамещение эффективно при наличии сервисной экосистемы, сети авторизованных и независимых сервисных компаний, доступа к компонентной базе и устойчивому спросу (закупочные контуры, лизинг, долгосрочные сервисные контракты) [14].

При сопоставлении инструментов импортозамещения и параллельного импорта очевидно, что в краткосрочном периоде параллельный импорт выступает «мостом» для предотвращения простоев и дефицитов, позволяя поддержать эксплуатацию имеющегося парка оборудования и обеспечить закупки расходников. Параллельный импорт снижает операционные риски, такие как срыв процедур, рост очередей, но повышает юридико-таможенные и сервисные риски (гарантии, обновления ПО, калибровки). Материалы федеральных и региональных обсуждений показывают, что в сегменте лабораторного оборудования быстрое «закрытие дыр» обеспечивалось именно через параллельный импорт, с последующей локализацией расходников и сервисной поддержки, рынок оценочно достиг 176 млрд руб. в 2024 г., что подтвердило высокую платежеспособную потребность и чувствительность к задержкам поставок. На макроуровне в 2024–2025 гг. наблюдалась корректировка перечней параллельного импорта с целью балансировки спроса.

Однако в средне- и долгосрочном горизонте действий, при условии обеспечения качества, совместимости и сервисной готовности, драйвером устойчивости становится импортозамещение. С одной стороны, импортозамещение снижает санкционные риски, но с другой, сопряжено с технологическими и ры-

¹ Базовый перечень утвержден приказом Минпромторга России от 19 апреля 2022 г. № 1532 и неоднократно корректировался, разъяснения по таможенному оформлению даны ФТС [5].



ночными ограничениями, такими как отставание по ТТХ, узкий спрос, высокая себестоимость [17].

Таким образом, параллельный импорт и импортозамещение, это не альтернативы, а комплементарные инструменты обеспечения экономической безопасности региона. Первый минимизирует краткосрочные риски срывов оказания помощи и простоя оборудования, второй формирует технологическую устойчивость и ценовую предсказуемость. Эффективность обоих инструментов определяется качеством регуляторной навигации, развитием сервисной инфраструктуры и продуманной закупочной политикой на региональном уровне. Предложенный набор индикаторов позволяет выстраивать риск-ориентированное управление и отслеживать вклад мер в устойчивость системы здравоохранения.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // URL: <https://government.ru/news/44987/>
2. Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2024 г. № 1684 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» // URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/medproducts/regi-stration>
3. Приказ Министерства и промышленности Российской Федерации от 1 апреля 2015 г. № 1572 «О внесении изменений в перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия, утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 21 июля 2023 г. № 2701» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1312660515>
4. Приказ Министерства и промышленности Российской Федерации от 8 октября 2024 г. № 4611 «О внесении изменений в перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия, утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 21 июля 2023 г. № 2701» // URL: <https://kodeks.ru/news/read/utocnen-perecen-tovarov-dlia-parallelnogo-importa>
5. Письмо ФТС России от 30 июня 2022 г. № 14-35/К-6853 «О заполнении ДТ в условиях легализации параллельного импорта» // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22p06853/>
6. Иванов А. П., Петрова Е. В. Региональная экономика и экономическая безопасность. М. : Экономика, 2020.
7. Импортозамещение в здравоохранении: новые точки роста // URL: <https://forumspb.com/archive/2022/programme/97166/>
8. Кузнецова М. А., Иванов Д. С. Теоретические основы понятия «экономическая безопасность региона» // Вестник науки. 2023. № 4. С. 15–23.
9. Кузнецов С. М., Орлова Л. В. Институциональные аспекты экономической безопасности региона. СПб. : Питер, 2019.
10. Котенев А. Д., Альбеков А. У., Пархоменко Т. В. Экономическая безопасность региона: теоретико-методологические аспекты // Russian Journal of Management. 2023. № 11 (2).
11. Минпромторг РФ подготовил обновления перечня... (вступление поэтапно, 2025–2026) // URL: <https://trans.ru/news/ministerstvo-promishlennosti-i-torgovli-rf-podgotovilo-ocherednoe-obnovlenie-perechnya-tovarov-dlya-parallelnogo-importa>
12. Медицинское оборудование (рынок России) // URL: [https://zdrav.expert/index.php/Статья:Медицинское_оборудование_\(рынок_России\)](https://zdrav.expert/index.php/Статья:Медицинское_оборудование_(рынок_России))
13. Пастухова Е. В. Экономическая безопасность региона: подходы к определению // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 2. С. 64–72.
14. Параллельный импорт медицинского оборудования. Пути оптимизации // URL: <https://www.centrattek.ru/info/parallel-import/>



15. Погарская А. С. К вопросу параллельного импорта медицинских изделий и комплектующих к ним в Российскую Федерацию в условиях санкционной политики // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. № 1. С. 43–51.

16. Поддержат своих: сложности импортозамещения лабораторного оборудования // URL: <https://rg.ru/2025/08/19/reg-cfo/podderzhat-svoih.html>

17. Тонконог В. В. Особенности таможенного оформления медицинских изделий при ввозе в Российскую Федерацию // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. № 1. С. 65–72.

18. Шадеркин И. А., Шадеркина В. А. Развитие цифровых технологий и медицинского оборудования в период санкций // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. № 8 (4). С. 61–71.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2022 No. 506 «On Goods (groups of goods) in respect of which Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Protection of Exclusive Rights to the results of Intellectual Activity Expressed in such Goods and the means of individualization with which such goods are labeled cannot be applied» // URL: <https://government.ru/news/44987/>
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 30, 2024 No. 1684 «On Approval of the Rules for State Registration of medical devices» // URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/medproducts/registration>
3. Order of the Ministry of Industry of the Russian Federation dated April 1, 2015 No. 1572 «On Amendments to the List of Goods (Groups of Goods) for which the Provisions of Articles 1252, 1254, Paragraph 5 of Article 1286.1, Articles 1301, 1311, 1406.1, Subparagraph 1 of Article 1446, Articles 1472, 1515 and 1537 of the Civil Code of the Russian Federation do not Apply, subject to the Introduction of these goods (groups of Goods) put into circulation outside the territory of the Russian Federation by copyright holders (patent holders), as well as with their consent, approved by the order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated July 21, 2023. No. 2701» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1312660515>
4. Order of the Ministry of Industry of the Russian Federation dated October 8, 2024 No. 4611 «On Amendments to the List of Goods (Groups of Goods) for which the Provisions of Articles 1252, 1254, Paragraph 5 of Article 1286.1, Articles 1301, 1311, 1406.1, Subparagraph 1 of Article 1446, Articles 1472, 1515 and 1537 of the Civil Code of the Russian Federation do not Apply, subject to the Introduction of these goods (groups of Goods) put into circulation outside the territory of the Russian Federation by copyright holders (patent holders), as well as with their consent, approved by the order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated July 21, 2023. No. 2701» // URL: <https://kodeks.ru/news/read/utocnen-perecen-tovarov-dlia-parallelnogo-importa>
5. Letter from the Federal Customs Service of Russia dated June 30, 2022 No. 14-35/K-6853 «On filling out the data sheet in the context of legalizing parallel imports» // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22p06853/>
6. Ivanov A. P., Petrova E. V. Regional economy and economic security. M. : Ekonomika, 2020.
7. Import substitution in healthcare: new growth points // URL: <https://forumspb.com/archive/2022/programme/97166/>
8. Kuznetsova M. A., Ivanov D. S. Theoretical foundations of the concept of «economic security of the region» // Bulletin of Science. 2023. No. 4. P. 15–23.
9. Kuznetsov S. M., Orlova L. V. Institutional aspects of economic security of the region. St. Petersburg : Peter, 2019.
10. Kotenev A. D., Albekov A. U., Parkhomenko T. V. Economic security of the region: theoretical and methodological aspects // Russian Journal of Management. 2023. No. 11 (2).
11. The Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation has prepared updates to the list... (entry in stages, 2025–2026) // URL: <https://trans.ru/news/ministerstvo-promishlennosti-i-torgovli-rf-podgotovilo-ocherednoe-obnovlenie-perechnya-tovarov-dlya-parallelnogo-importa>
12. Medical equipment (Russian market) // URL: [https://zdrav.expert/index.php/Статья:Медицинское_оборудование_\(рынок_России\)](https://zdrav.expert/index.php/Статья:Медицинское_оборудование_(рынок_России))
13. Pastukhova E. V. Economic security of the region: approaches to definition // Economics and Management: a scientific and practical journal. 2022. No. 2. P. 64–72.
14. Parallel import of medical equipment. Optimization paths // URL: <https://www.centrattek.ru/info/parallel-import/>



15. Pogarskaya A. S. On the issue of parallel import of medical devices and their components to the Russian Federation in the context of sanctions policy // *Problems of social hygiene, public health and the history of medicine*. 2024. No. 1. P. 43–51.

16. They will support their own: the difficulties of import substitution of laboratory equipment // URL: <https://rg.ru/2025/08/19/reg-cfo/podderzhat-svoih.html>

17. Tonkonog V. V. Features of customs clearance of medical products upon importation into the Russian Federation // *Problems of social hygiene, public health and the history of medicine*. 2025. No. 1. P. 65–72.

18. Shaderkin I. A., Shaderkina V. A. Development of digital technologies and medical equipment during the sanctions period // *Russian Journal of Telemedicine and Electronic Health*. 2022. No. 8 (4). P. 61–71.

Библиографический список

1. Алиева М. З. Экономическая безопасность региона: подходы к оценке // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 3 (1). С. 11–18.

2. Тонконог В. В. Актуальные вопросы импорта медицинских изделий и оборудования в Россию // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2024. № 32. С. 1176–1180.

Bibliographic list

1. Alieva M. Z. Economic security of the region: approaches to assessment // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020. No. 3 (1). P. 11–18.

2. Tonkonog V. V. Actual issues of import of medical products and equipment to the Russian Federation // *Problems of social hygiene, public health and the history of medicine*. 2024. No. 3. P. 1176–1180.

Информация об авторах

А. А. Кушкова — начальник отдела обеспечения бюджетных инвестиций и обоснования бюджетных ассигнований управления финансового обеспечения государственного оборонного заказа и бюджетных инвестиций Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России, кандидат экономических наук;

Л. Н. Иванова — начальник кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Kushkhova — Head of the Department for Ensuring Budget Investments and Justifying Budget Allocations of the Financial Support Department of the State Defense Order and Budget Investments of the Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences;

L. N. Ivanova — Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 05.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 05.10.2025.



Научная статья

УДК 33.336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-203-207>

EDN: <https://elibrary.ru/diklyf>

НИОН: 2003-0059-5/25-398

MOSURED: 77/27-003-2025-05-597

Значение информационных технологий в деятельности правоохранительных органов: реальность и перспективы

Мария Михайловна Милославская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mmmson@yandex.ru

Аннотация. На основании анализа статистических данных о количестве выявленных экономических правонарушений сделан вывод о том, что наблюдаемое снижение выявленных преступлений в условиях цифровизации экономики не свидетельствует о снижении их фактического количества, а указывает на затруднения в процессах выявления и доказывания. Современные экономические правонарушения характеризуются высокой степенью латентности, транснациональностью и сложностью правовой оценки, что требует от сотрудников правоохранительных органов оперативного реагирования, глубокого анализа финансовой документации и высокого уровня профессиональной подготовки. В связи с этим процесс цифровизации экономики, а точнее процесс выявления и доказывания экономических правонарушений имеет свои плюсы и минусы, однако это становится неотъемлемой частью современного общества.

Ключевые слова: экономические правонарушения, интернет-пространство, информационные технологии, негативные аспекты цифровизации, электронная система ведения бухгалтерского учета

Для цитирования: Милославская М. М. Значение информационных технологий в деятельности правоохранительных органов: реальность и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 203–207. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-203-207>. EDN: DIKLYF.

Original article

The importance of information technology in law enforcement agencies: reality and prospects

Maria M. Miloslavskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mmmson@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of statistical data on the number of detected economic offenses, it is concluded that the observed decrease in detected crimes in the context of the digitalization of the economy does not indicate a decrease in their actual number, but indicates difficulties in the detection and proof processes. Modern economic offenses are characterized by a high degree of latency, transnationality, and complexity of legal assessment, which requires law enforcement officials to respond promptly, analyze financial documentation in depth, and provide a high level of professional training. In this regard, the process of digitalization of the economy, or rather the process of identifying and proving economic offenses, has its advantages and disadvantages, but it is becoming an integral part of modern society.

Keywords: economic offenses, Internet space, information technology, negative aspects of digitalization, electronic accounting system

For citation: Miloslavskaya M. M. The importance of information technology in law enforcement agencies: reality and prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):203–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-203-207>. EDN: DIKLYF.

В условиях современных экономических преобразований и глобализации мировая экономика усиливает меры борьбы с экономическими правонарушениями, которые создают серьезную угрозу для экономической безопасности любого государства. Одним из ключевых аспектов деятельности

органов по экономической безопасности и противодействию коррупции является выявление и пресечение экономических правонарушений, которые зачастую связаны с нарушениями в области бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Все это делает актуальным вопрос об оценке необходимо-

© Милославская М. М., 2025



сти использования специальных познаний в области бухгалтерского учета в деятельности сотрудников отдела экономической безопасности и противодействия коррупции.

Специальные знания бухгалтерского учета позволяют более точно и эффективно выявлять правонарушения, скрытые в отчетности хозяйствующих субъектов, а также анализировать следы такой преступной деятельности. Таким образом, специальные бухгалтерские знания становятся частью профессиональной подготовки сотрудников отдела экономической безопасности и противодействия коррупции и играют важную роль в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации.

Ежегодно в Российской Федерации совершается более 100 тыс. зарегистрированных экономических правонарушений, большая часть которых связана с нарушениями ведения бухгалтерского учета.

На рис. 1 представлены общие статистические показатели тенденций совершения экономических правонарушений в Российской Федерации.

Полученные статистические данные позволяют утверждать, что с 2021 г. сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции ежегодно выявляется меньше экономических правонарушений и в таком случае стоит отметить, что прежде всего, снижение числа выяв-

ленных экономических правонарушений говорит не о фактическом уменьшении преступной активности, а скорее, свидетельствует о недостатках в системе их выявления и расследования. На рис. 1 видно, что количество зафиксированных правонарушений экономической направленности демонстрирует нисходящий тренд, несмотря на рост общего объема финансовых операций. По этой причине снижение числа выявленных правонарушений может быть обусловлено высокой латентностью экономических правонарушений. Многие правонарушения в данной сфере остаются не выявленными из-за их специфики — они носят скрытый характер, а пострадавшие (например, жертвы мошенников) не всегда могут быстро обнаружить факт обмана и, соответственно, нанесенный им ущерб. В отличие от насильственных правонарушений, экономические правонарушения зачастую остаются незаметными на протяжении длительного времени, а их выявление требует тщательного анализа бухгалтерской документации, финансовых отчетов и банковских выписок.

В рамках проведенного анализа были выявлены тенденции по увеличению числа экономических правонарушений, а также проведенный анализ по данным Отчета «5-БЭП» позволяет говорить о совершенствовании преступных схем. Современные преступные схемы все чаще реализуются в онлайн-

КОЛИЧЕСТВО ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ВЫЯВЛЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ЭБИПК

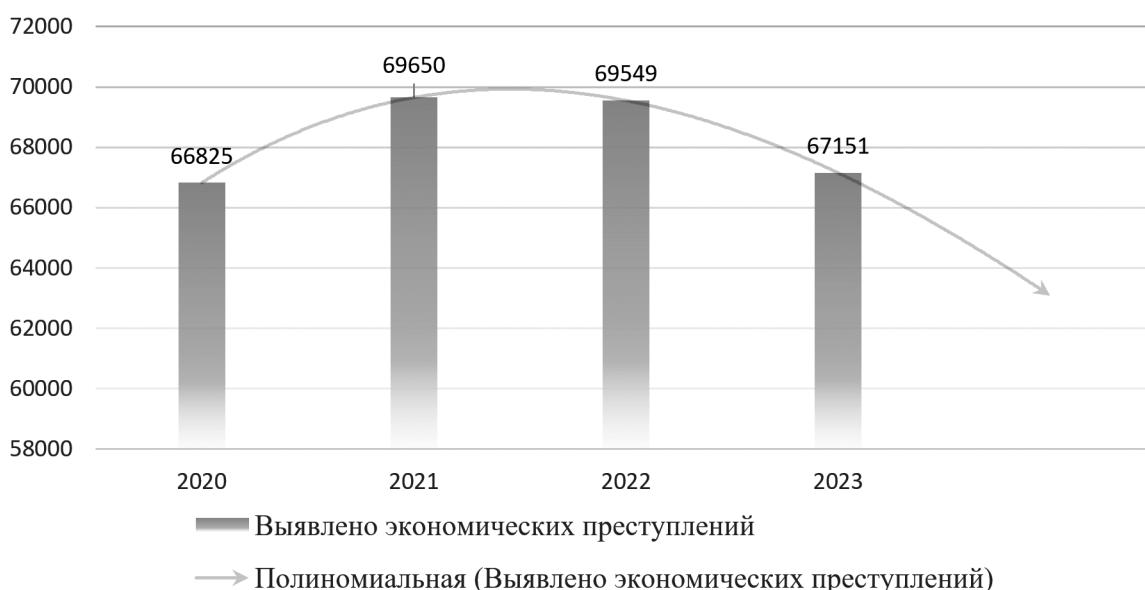


Рис. 1. Сведения о правонарушениях экономической направленности, выявленных подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации
Источник: составлено автором на основе [1].



пространстве, что усложняет их выявление и расследование.

Анализ данных Отчета «5-БЭП» подтверждает тенденцию роста экономических правонарушений, связанных с использованием бухгалтерской документации, особенно с 2021 г., что требует усиления контроля, а именно разработка новых мер противодействия и повышение эффективности работы органов внутренних дел.

Кроме того, значительное число экономических правонарушений за последние годы перешло в интернет-пространство, что еще больше усложнило их выявление. Если ранее налоговые махинации, мошенничество с бухгалтерскими отчетами и хищения денежных средств проводились через традиционные финансовые инструменты, то теперь преступники активно используют цифровые технологии.

Например, схемы незаконного обналичивания денежных средств и вывода капиталов все чаще осуществляются через криптовалютные биржи и анонимные платежные системы, что затрудняет отслеживание преступных денежных потоков.

Также широко распространены правонарушения, связанные с фальсификацией финансовой отчетности с использованием программного обеспечения для бухгалтерского учета, когда вносятся ложные сведения в автоматизированные системы, такие как 1С-Бухгалтерия, скрывая реальные финансовые операции. Еще одним распространенным явлением стало создание фиктивных интернет-магазинов и онлайн-сервисов, через которые отмываются преступные доходы или оформляются подложные сделки.

Помимо перехода правонарушений в цифровую сферу, значительно усложнились сами схемы их совершения. Если раньше правонарушения в области экономической безопасности были относительно простыми — например, фиктивное завышение расходов, незаконное списание средств или банальное хищение наличности, — то теперь они представляют собой сложные, многоуровневые механизмы с использованием нескольких юридических лиц и «полулегальных» инструментов налоговой оптимизации. В результате сотрудникам ОЭБиПК становится все сложнее не только выявлять правонарушения, но и собирать доказательную базу, достаточную для привлечения виновных к ответственности. Таким образом, снижение числа выявленных экономических правонарушений, отраженное на рис. 1, указывает

не на реальное сокращение преступной активности, а скорее, на существующие проблемы в деятельности правоохранительных органов.

Проведенная оценка динамики совершения экономических правонарушений позволяет нам говорить о наличии тесной взаимосвязи исследуемого явления с развитием информационных технологий. А именно сегодня классические формы организации преступных схем значительно видоизменились, став более совершенными и скрытными. Информационные технологии открывают новые возможности по ведению бухгалтерского учета в компаниях, но не все организации имеют возможности по созданию надежных и эффективных систем учета. Опишем подробнее негативные аспекты развития информационных технологий для деятельности предприятий, которые способствуют совершению экономической преступности, связанной с использованием бухгалтерских документов.

1. Недостаточное финансирование.

Одна из наиболее острых проблем, особенно для организаций малого и среднего бизнеса, заключается в ограниченных финансовых возможностях. Создание и поддержание современных информационных систем учета, включающих элементы автоматизации, шифрования и защиты данных, требуют значительных затрат. Многие предприятия не имеют доступа к инвестиционным ресурсам или не готовы выделять бюджеты на внедрение передовых информационных технологий, предпочитая использовать устаревшие, уязвимые или даже бесплатные системы ведения бухгалтерского учета. Такая экономия нередко приводит к появлению лазеек в системе внутреннего контроля и учета, которыми могут воспользоваться как недобросовестные работники самой организации, так и внешние киберпреступники. Отсутствие регулярного обновления программного обеспечения, недостаток квалифицированных кадров и слабая система контроля цифровых процессов создают идеальные условия для совершения экономических правонарушений, завуалированных под легитимную бухгалтерскую деятельность.

2. Слабая корпоративная этика по вопросам цифровизации.

Во многих организациях, особенно малых и средних, отсутствует устоявшаяся культура информационной безопасности и цифровой ответственности всех сотрудников. Это выражается как в пре-



небрежении к защите корпоративных данных, так и в отсутствии четких регламентов работы с бухгалтерской документацией в цифровом виде. Нередко сотрудники компаний, особенно на низовом уровне, не осознают важности «цифровой гигиены» и с легкостью передают логины и пароли на сторонние сайты или в быту. В отдельных случаях имеет место сознательная передача конфиденциальной информации третьим лицам — так называемые «сливы» информации, осуществляемые с целью личной выгоды или под давлением извне. Отсутствие должной правовой и этической подготовки сотрудников, а также формального подхода к вопросам цифровой безопасности приводит к тому, что сотрудники компании становятся участниками или соучастниками экономических правонарушений.

3. Недостаточная кибербезопасность используемых систем.

Наличие автоматизированных систем бухгалтерского учета, их архитектура и степень защищенности не всегда соответствуют актуальным угрозам. Хакерские атаки, фишинг, внедрение вредоносного программного обеспечения, атаки через удаленный доступ — все это представляет реальную угрозу для информационной системы любого предприятия. Компании, не обладающие достаточной цифровой защитой и ресурсами, становятся легкой мишенью.

При этом важно отметить, что утечка или подделка бухгалтерской документации в цифровом виде часто не требует физического доступа — достаточно одной уязвимости в системе. Отсутствие двухфакторной аутентификации, незащищенные каналы передачи данных, использование устаревших версий программ — все это снижает уровень контроля за операциями и позволяет злоумышленникам исказить, подделывать или скрывать информацию, необходимую для совершения экономических правонарушений.

Таким образом, негативные аспекты цифровизации, несмотря на очевидные плюсы технологического прогресса, в условиях отсутствия должной регуляции, культуры и финансирования, превращаются в рискованные факторы, способствующие росту преступности в сфере экономики, особенно в части использования бухгалтерских документов как инструмента реализации противоправных схем.

Внедрение электронных систем ведения бухгалтерского учета, обработки и хранения данных, автоматизация отчетности изменили характер докумен-

тооборота в организациях. Эти трансформации не могли не затронуть деятельность сотрудников органов внутренних дел, особенно в рамках исследования вопроса борьбы с экономическими правонарушениями, которые связаны с использованием бухгалтерских документов.

Безусловно, цифровизация бухгалтерского учета открыла для сотрудников органов внутренних дел новые возможности:

- ♦ повышение прозрачности и доступности информации, где электронный формат хранения данных облегчает анализ, позволяет быстрее выявлять подозрительные операции и устанавливать правильную хронологию событий совершенного правонарушения;

- ♦ ускорение проведения проверочных мероприятий. Так, использование программных продуктов, совместимых с аналитическими инструментами, позволяет оперативно обрабатывать большие массивы данных любых организаций;

- ♦ расширение доказательной базы. Создаваемые цифровые следы, журналирование операций, автоматическое резервное копирование и шифрование создают дополнительные возможности и источники доказательств при расследовании правонарушений;

- ♦ интеграция системы учета. Уже многие добросовестные субъекты хозяйственной деятельности настраивают системы автоматической передачи данных в налоговые службы, что способствует снижению возможностей для уклонения и совершения экономической преступности.

Однако, вместе с положительными моментами, цифровизация принесла и ряд отрицательных аспектов, усложняющих работу сотрудников правоохранительных органов:

- ♦ совершенствование схем сокрытия правонарушений. Современные технологии позволяют злоумышленникам использовать анонимные счета, фальсифицировать данные в учетных системах, применять удаленные серверы и скрытые протоколы передачи данных;

- ♦ сложность восстановления удаленных или измененных данных. Сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с данной проблемой, где преступники используют технологии анонимизации, шифрования и удаления следов цифровой активности, что значительно затрудняет проведение расследований;



♦ распределенность данных, где в процессе оперативной разработки или расследования может быть установлено, что бухгалтерские документы хранятся в облачных сервисах за пределами юрисдикции ОВД (за пределами Российской Федерации), что усложняет их изъятие и анализ [2];

♦ длительность процесса расследования. Из-за необходимости получения судебных санкций на доступ к цифровым данным, а также анализа больших объемов информации, сроки оперативной разработки или расследований экономических правонарушений значительно увеличиваются;

♦ необходимость повышения знаний сотрудников ОВД в области работы с информационными системами по ведению бухгалтерского учета. Эффективное расследование современных экономических правонарушений требует от сотрудников ОВД обладания знаниями в сфере цифровой криминалистики и бухгалтерского программного обеспечения [3].

Таким образом, влияние цифровых технологий на деятельность сотрудников ОВД носит двойственный характер. С одной стороны, они создают условия для повышения эффективности работы, с другой, — требуют адаптации, дополнительного обуче-

ния и модернизации технической базы правоохранительных органов. Учитывая масштабы цифровизации, данные изменения становятся неотъемлемой частью профессиональной деятельности в условиях современного информационного общества.

Список источников

1. URL: <https://мвд.рф/folder/101762>
2. Горбачева А. В., Леонов А. И., Мамкин А. Н. и др. Актуальные проблемы назначения и производства судебно-экономических экспертиз // Право и практика. 2024. № 2.
3. Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Глушкова Е. М. Кризисный тип экономической преступности // Юридическая наука. 2022. № 11.

References

1. URL: <https://мвд.рф/folder/101762>
2. Gorbacheva A. V., Leonov A. I., Mamkin A. N. and others. Actual problems of appointment and production of forensic economic examinations // Law and practice. 2024. No. 2.
3. Zatsepin M. N., Zatsepin A. M., Glushkova E. M. Crisis type of economic crime // Legal science. 2022. No. 11.

Информация об авторе

М. М. Милославская — заместитель начальника кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. M. Miloslavskaya — Deputy Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 26.08.2025.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 26.08.2025.



Научная статья

УДК 338.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-208-211>

EDN: <https://elibrary.ru/eibype>

НИОН: 2003-0059-5/25-399

MOSURED: 77/27-003-2025-05-598

Моделирование технологических направлений обеспечения национальной безопасности России

Ольга Владимировна Сараджева

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Saradzheva.OV@rea.ru

Аннотация. Рассматривается концепция технологического суверенитета как ключевого элемента национальной безопасности России. Классический подход к этой теме часто основывается на статичном восприятии, а введение более динамической модели позволяет выявить парадокс технологического суверенитета, где критическая масса технологической автономии запускает механизм самоусиления и трансформирует защитную стратегию в наступательную. Предложенная модель технологического цикла безопасности содержит фазы, позволяющие идентифицировать угрозы, мобилизовать ресурсы, осуществить технологические разработки, консолидировать результаты и генерировать новые прорывы в системе национальной безопасности России.

Ключевые слова: технологический суверенитет, национальная безопасность, динамическая модель

Для цитирования: Сараджева О. В. Моделирование технологических направлений обеспечения национальной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 208–211. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-208-211>. EDN: EIBYPE.

Original article

Modeling of technological directions of ensuring Russia's national security

Olga V. Saradzheva

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Saradzheva.OV@rea.ru

Abstract. The concept of technological sovereignty as a key element of Russia's national security is considered. The classical approach to this topic is often based on static perception, and the introduction of a more dynamic model makes it possible to identify the paradox of technological sovereignty, where a critical mass of technological autonomy triggers a mechanism of self-reinforcement and transforms a defensive strategy into an offensive one. The proposed model of the technological security cycle contains phases that allow identifying threats, mobilizing resources, implementing technological developments, consolidating results, and generating new breakthroughs in Russia's national security system.

Keywords: technological sovereignty, national security, dynamic model

For citation: Saradzheva O. V. Modeling of technological directions of ensuring Russia's national security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):208–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-208-211>. EDN: EIBYPE.

Традиционный подход к технологическому суверенитету основывается на статичном понимании: страна либо обладает технологической независимостью, либо нет. Линейная модель обеспечения национального технологического суверенитета «условие → результат» имеет фундаментальные ограничения:

- ◆ во-первых, статичный характер (линейная модель не учитывает эволюционный характер технологий, фактически не отражает специфику протекания новейшей индустриальной революции);

- ◆ во-вторых, односторонний характер (линейная модель игнорирует обратное влияние результатов на условия обеспечения национального технологического суверенитета);

- ◆ в-третьих, детерминистичность (линейная модель крайне плохо отражает стохастический характер технологического развития).

Парадокс технологического суверенитета заключается в том, что достижение критической массы технологической автономии запускает механизм самоусиления, превращающий защитную стратегию в наступательную. Система переходит от режима догоняющего развития к режиму опережающего лидерства.

Высокий уровень технологического суверенитета превращает страну из объекта технологического давления в субъект, способный:

- ◆ во-первых, устанавливать технологические стандарты;

© Сараджева О. В., 2025



- ◆ во-вторых, контролировать критические технологические цепочки;

- ◆ в-третьих, формировать альянсы вокруг своих технологий.

Ключевыми факторами успеха в обеспечении устойчивости самогенерации технологий и инноваций выступают: институциональная гибкость, проявляющаяся в способности национальных технологических систем быстро и успешно адаптироваться к изменениям, в балансе между планированием и рыночными механизмами технологического развития, а также в международной открытости, безопасных форматах, прежде всего в технологическом партнерстве с дружественными странами; продуктивный человеческий капитал, мультипликация которого основывается на непрерывном развитии компетенций, привлечении (в том числе трансграничном) и удержании талантов; формирование предпринимательской культуры в бизнесе и, прежде всего, на высокотехнологичных предприятиях; технологическая диверсификация, включающая, помимо прочего, развитие портфеля технологий, достижение многолетнего баланса между прорывными и инкрементальными инновациями в национальной и региональных экономиках, а также междисциплинарную интеграцию. Освоение одной ключевой технологии автоматически создает компетенции для развития смежных направлений, формируя каскадный эффект технологического прорыва.

Обеспечение технологического суверенитета как самогенерирующейся системы представляет фундаментальный механизм трансформации экономической безопасности из защитной стратегии в наступательную. Понимание и правильное использование данного механизма позволяет государствам не только обеспечить национальную технологическую безопасность, но и создать условия для долгосрочного технологического лидерства в глобальной экономике.

Технологический суверенитет характеризуется наличием критических порогов, преодоление которых качественно меняет характер развития системы:

- ◆ порог технологической автономии, достижение которого в национальной технологической системе характеризуется комплексом следующих признаков: система способна к самостоятельному функционированию; значительное снижение критических зависимостей от функционирования отдельных отраслей и/или международного сотрудничества;

формирование базовых компетенций в высокотехнологичной экономике;

- ◆ порог технологической конкурентоспособности, со следующими признаками: технологии достигают международного уровня качества; запуск экспорта технологических решений (например, в отношениях с дружественными странами); формирование национальных чемпионов;

- ◆ порог технологического лидерства, при достижении и прохождении которого ключевые технологии превосходят мировые аналоги, обеспечено создание новых технологических стандартов; наблюдается формирование полноценных рыночных экосистем вокруг национальных технологий.

Каждый достигнутый уровень технологической автономии высвобождает ресурсы, ранее тратившиеся на импорт технологий, которые автоматически направляются на развитие следующих технологических направлений.

С учетом изложенного для решения комплекса практико-ориентированных задач достижения необходимого (высокого) уровня национальной экономической безопасности РФ предлагается модель технологического цикла безопасности (ТЦБ), исходя из признания динамической природы технологического суверенитета, когда каждый достигнутый уровень становится основой для качественно нового витка развития.

Структура модели ТЦБ включает пять взаимосвязанных фаз, представленных в графическом виде на рис. 1.

1. Фаза идентификации — выявление технологических зависимостей и угроз.

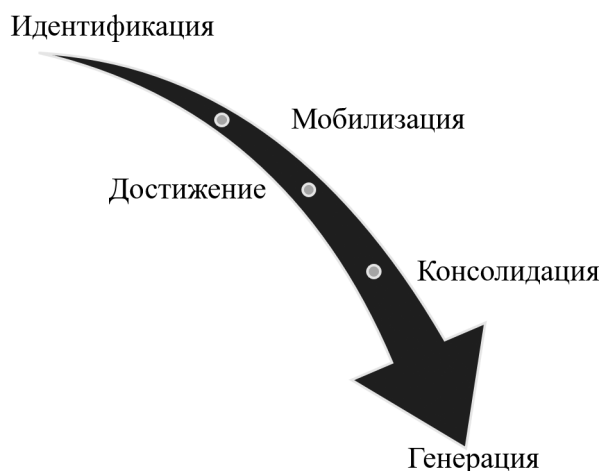


Рис. 1. Структура модели технологического цикла безопасности

Источник: разработано автором.



2. Фаза мобилизации — концентрация ресурсов для преодоления критических зависимостей.

3. Фаза достижения — создание отечественных технологических решений.

4. Фаза консолидации — укрепление и масштабирование достигнутых результатов.

5. Фаза генерации — трансформация достигнутого суверенитета в источник новых технологических прорывов и обеспечение заданного (высокого) уровня экономической безопасности.

Для выбора технологических направлений обеспечения национальной экономической безопасности предлагается следующая матрица приоритизации, разработанная автором и визуализированная на рис. 2.

Циклическую природу технологического суверенитета подтверждает передовой международный опыт, в частности развития технологических экосистем Китая, Южной Кореи и Израиля. Например, достижение Китаем суверенитета в области телекоммуникаций (5G) стало основой для прорывов в искусственном интеллекте и квантовых технологиях [1]. В Южной Корее масштабные инвестиции чешолей в полупроводниковые технологии создали основу для лидерства в производстве смартфонов, дисплеев и электромобилей, демонстрируя каскадный эффект технологического развития [2]. В Израиле достижение суверенитета в области кибербезопасности и военных технологий стало катализатором для создания одной из самых развитых экосистем технологических стартапов в мире [3].

Предлагаемые типология и система стратегий, направленные на разработку продуктивных политик в области экономической безопасности, призваны дать возможность правительству оптимально распределять ресурсы для обеспечения технологического суверенитета, фокусируясь на наиболее критичных

направлениях при сохранении гибкости в реагировании на изменения технологического ландшафта.

Преимущества циклической модели технологического суверенитета в контексте обеспечения национальной экономической безопасности включают:

- ♦ рекурсивность (каждый цикл создает условия для следующего);

- ♦ аккумулятивность (эффекты накапливаются и усиливаются);

- ♦ адаптивность (предлагаемая модель учитывает изменения внешней среды);

- ♦ прогностичность (применение модели позволяет предсказывать и затем комплексно учитывать технологические тренды).

Именно в этом и находит свое концептуальное выражение парадигма национальной экономической безопасности Российской Федерации, закреплённой в Стратегии ЭБ и понимаемой как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Итак, технологический суверенитет представляет собой динамическую категорию, характеризующуюся свойством самовоспроизводства через механизм положительной обратной связи от национальной экономической системы и ее подсистем. Изначально оборонительная концепция импортозамещения при преодолении пороговых значений автоматически превращается в инструмент технологического лидерства и геополитического влияния. Международный опыт Китая, Южной Кореи и Израиля подтверждает, что технологический суверенитет одновременно выступает и необходимым условием экономиче-

Стратегическая важность (низкая → высокая)	Быстрые победы	Стратегические приоритеты
	Стратегия: массированное инвестирование Примеры: фармацевтические субстанции, базовые материалы Горизонт реализации: 1–3 года	Стратегия: долгосрочные государственные программы Примеры: микроэлектроника, квантовые технологии Горизонт реализации: 5–10 лет
	Отложенные решения	Технологический задел
	Стратегия: мониторинг без активных инвестиций Примеры: бытовая техника, товары для детей Горизонт реализации: по мере необходимости	Стратегия: селективные инвестиции в НИОКР Примеры: экзотические материалы, биотехнологии Горизонт реализации: 10–15 лет
Уровень технологической сложности (низкий → высокий)		

Рис. 2. Матрица приоритизации технологических направлений обеспечения национальной экономической безопасности

Источник: разработано автором.



ской безопасности, и стратегической целью национального развития. Успешная реализация концепции технологического суверенитета требует баланса между защитой критических технологий и открытостью к международному сотрудничеству, что обеспечивает устойчивость самогенерирующихся процессов технологического развития.

В достижение технологического суверенитета как условия и цели обеспечения национальной экономической безопасности России должна быть положена идея формирования технологического цикла безопасности как способности экономической системы не только противостоять технологическим шокам, но и трансформировать их в источники конкурентных преимуществ.

Список источников / References

1. Papageorgiou M., Can M., Vieira A. China as a threat and balancing behavior in the realm of emerging technologies // *Chinese Political Science Review*. 2024. 9. No. 4. Vol. P. 441–482.
2. Kyung H., Lee J. Changes in Semiconductor Geopolitics and the Way Forward for Korea // *Korea Institute for Industrial Economics and Trade Research Paper*. 2022. Vol. 22. P. 07–02.
3. Freilich C. D., Cohen M. S., Siboni G. Israel and the cyber threat: How the startup nation became a global cyber power. Oxford University Press. P. 440.

Библиографический список

1. Кузнецова Е. И. Управление устойчивым развитием в обеспечении экономической безопасности регионов // *Вестник Московского университета МВД России*. 2025. № 1. С. 214–219.
2. Наумов И. В., Красных С. С. Пространственное моделирование влияния научно-исследовательского потенциала на динамику научно-технологического

развития регионов России // *Journal of Applied Economic Research*. 2023. № 3. Т. 22. С. 630–656.

3. Сараджева Е. В. Модернизация институциональной среды как условие обеспечения экономической безопасности России // *Экономика сегодня*. М. : Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2025.
4. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy // *Intereconomics*. 2021. No 6. Vol. 56. P. 348–354.
5. March C., Schieferdecker I. Technological sovereignty as ability, not autarky // *International Studies Review*. 2023. No. 2. Vol. 25.

Bibliographic list

1. Kuznetsova E. I. Sustainable Development Management in Ensuring the Economic Security of Regions // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 1. P. 214–219.
2. Naumov I. V., Krasnykh S. S. Spatial modeling of the impact of scientific and research potential on the dynamics of scientific and technological development of Russian regions // *Journal of Applied Economic Research*. 2023. No. 3. Vol. 22. P. 630–656.
3. Saradzheva E. V. Modernization of the institutional environment as a condition for ensuring Russia's economic security // *Economics Today*. М. : A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), 2025.
4. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy // *Intereconomics*. 2021. No 6. Vol. 56. P. 348–354.
5. March C., Schieferdecker I. Technological sovereignty as ability, not autarky // *International Studies Review*. 2023. No. 2. Vol. 25.

Информация об авторе

О. В. Сараджева — профессор кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Saradzheva — Professor of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 05.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 05.10.2025.



Научная статья

УДК 336.71

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-212-217>

EDN: <https://elibrary.ru/bkaypk>

NIION: 2003-0059-5/25-400

MOSURED: 77/27-003-2025-05-599

Оценка состояния национальной экономической безопасности с учетом влияния миграционных потоков

Айдар Миралимович Туфетулов¹, Юлия Николаевна Балабанова²

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ ajdar-t@yandex.ru

² iylia_b@mail.ru

Аннотация. В условиях изменения мирохозяйственного устройства и активизации межгосударственных взаимодействий активизируются миграционные потоки, которые оказывают существенное влияние на состояние экономической безопасности государств-участниц мирохозяйственных отношений. Это определяет актуальность разработки инструментов мониторинга экономической безопасности с учетом расширенного состава факторов, оказывающих влияние на ее состояние.

Обосновывается методический подход к оценке состояния экономической безопасности государства с учетом угроз, инициируемых активизацией миграционных потоков в условиях формирования многополярного мира. На основании анализа изменений в характере мирохозяйственных отношений, демографической ситуации в развитых странах и состояния рынка труда выявлены объективные предпосылки активизации миграционных потоков и превращения Российской Федерации в центр притяжения для трудовых мигрантов в рамках региональной экономической интеграции. Проанализированы альтернативные подходы к оценке влияния миграционных потоков на динамику макроэкономических индикаторов; сделан вывод о том, что их выбор определяется составом исследовательских задач. Сформулирована гипотеза исследования, согласно которой миграционный поток не может изменить атрибутивные характеристики экономической системы принимающего государства, однако он оказывает существенное влияние на темпы развития национальной экономики, состав и уровень угроз. Представлена методика оценки влияния трудовой миграции на динамику показателей экономической безопасности, которая основана на использовании интегрального индекса и пороговых значений защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз. В ходе оценки состояния экономической безопасности используется метод среднего геометрического, что повышает информативность полученных результатов и обеспечивает практическую направленность сформулированных положений. Верифицируемость полученных результатов обеспечивается использованием в качестве источника информации официальных данных государственной статистики. Сделан вывод, что использование предложенной системы частных показателей и интегрального индекса обеспечивает объективность результатов мониторинга угроз экономической безопасности.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция, угрозы, миграционные потоки, трудовая миграция, методика оценки экономической безопасности, показатели уровня экономической безопасности, государственная миграционная политика

Для цитирования: Туфетулов А. М., Балабанова Ю. Н. Оценка состояния национальной экономической безопасности с учетом влияния миграционных потоков // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 212–217. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-212-217>. EDN: BKAYPK.

Original article

Assessing the state of national economic security taking into account the impact of migration flows

Aidar M. Tufetulov¹, Yulia N. Balabanova²

^{1,2} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹ ajdar-t@yandex.ru

² iylia_b@mail.ru

Abstract. In the context of the changing world economic structure and the intensification of interstate interactions, migration flows are becoming more active, which have a significant impact on the state of economic security of the participating States in world economic relations. This determines the relevance of developing tools for monitoring economic security, taking into account the expanded range of factors affecting its condition.

A methodological approach to assessing the state of economic security of the state is substantiated, taking into account the threats initiated by the intensification of migration flows in the context of the formation of a multipolar world. Based on the analysis of changes in the nature of world economic relations, the demographic situation in developed countries and the state of the labor market, objective prerequisites for the intensification of migration flows and the transformation of the Russian Federation into a center of attraction for labor migrants within the framework of regional economic integration have been identified. Alternative approaches to assessing the impact of migration flows on the dynamics of macroeconomic indicators are analyzed and it is concluded that their choice is determined by the composition of research tasks. The hypothesis of the study is formulated, according to which the migration flow

© Туфетулов А. М., Балабанова Ю. Н., 2025



cannot change the attributive characteristics of the economic system of the host state, but it has a significant impact on the pace of development of the national economy, the composition and level of threats. A methodology for assessing the impact of labor migration on the dynamics of economic security indicators is presented, which is based on the use of an integral index and thresholds for the protection of the national economy from external and internal threats. In the course of assessing the state of economic security, the geometric mean method is used, which increases the information content of the results obtained and ensures the practical orientation of the formulated provisions. The verifiability of the obtained results is ensured by using official state statistics data as a source of information. It is concluded that the use of the proposed system of private indicators and an integral index ensures the objectivity of the results of monitoring threats to economic security.

Keywords: regional economic integration, threats, migration flows, labor migration, economic security assessment methodology, economic security level indicators, state migration policy

For citation: Tufetulov A. M., Balabanova Yu. N. Assessing the state of national economic security taking into account the impact of migration flows. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(5):212–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-212-217>. EDN: BKAYPK.

Введение. Формирование многополярного мира сопровождается становлением новых и трансформацией действующих региональных международных организаций, что нашло отражение в активизации сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), организации БРИКС и других межгосударственных объединений. В условиях внедрения сквозных цифровых технологий и активного развития транснациональной транспортной инфраструктуры углубление международного разделения труда способствует активизации миграционных потоков и становлению новых точек притяжения для трудовых ресурсов. При этом глубокие изменения в технико-технологическом укладе развитых государств вызвали изменения в структуре спроса на рынке труда в части количества и профессионально-квалификационных характеристик работников, тогда как демографические диспропорции предопределили сокращение численности и удельного веса экономически активного населения. Дефицит трудовых ресурсов в целом и недостаточное количество высококвалифицированных работников стало существенным ограничением экономического роста. Подобные изменения в демографической и социальной структуре инициировали активные миграционные процессы, которые, с одной стороны, способствовали увеличению предложения на рынке труда принимающего государства, с другой стороны, стали причиной угроз для устойчивого развития социальной сферы, стимулировали процессы криминализации общества и дали начало для активных дискуссий, посвященных инструментам государственного регулирования трудовой миграции. Тем самым, системная трансформация, имеющая место в начале XXI в., наряду с вызовами геополитического, экологического, энергетического и иного характера, привела к возникновению новых угроз для экономической безопасности российского государства, которые при недостаточном уровне эффективности миграционной политики мо-

гут негативно повлиять на уровень и качество жизни принимающего общества, а также стать препятствием для достижения целевых ориентиров его развития. В этой связи возникает необходимость разработки новых инструментов воздействия на миграционные потоки и их включения в состав системы экономической безопасности с целью усиления положительных и предупреждения отрицательных последствий трудовой миграции для государства-реципиента. Анализ миграционной политики, реализуемой на разных этапах эволюции российского и зарубежных государств, показывает, что ее инструменты традиционно были предметом исследования со стороны представителей научного сообщества и политиков. Однако глубокая трансформация всех сторон общественной жизни предопределяет необходимость адаптации методов целенаправленного воздействия, используемых органами государственного управления, с учетом характера влияния трудовой миграции на уровень национальной экономической безопасности. Последнее становится возможным при наличии практикоориентированных методик оценки уровня экономической безопасности государства с учетом активизации миграционных потоков. Использование уполномоченными органами государственной власти системы верифицируемых показателей позволяет проводить мониторинг состояния экономической безопасности государства, а также успешно адаптировать инструменты управления миграционными потоками к современным вызовам. Это определяет выбор темы исследования, его теоретическую и практическую значимость.

Обсуждение. Фундаментальные положения о миграции как о явлении, которое оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие государства-отправителя и принимающего государства, сформулированы в работах Э. П. Плетнева [5], А. Портеса [10] и др. Трудовая миграция в системе факторов экономической безопасности и



инструменты оценки ее влияния нашли отражение в работах Ю. Н. Балабановой [1; 2], В. Л. Сенчагова, С. Н. Митякова [6], А. В. Топилина [7], А. М. Туфетулова [1] и др. Анализ динамики показателей экономического развития государства-реципиента с учетом миграционных потоков проведен в работах Т. Н. Юдиной, Т. М. Бормотовой [9] и других российских специалистов.

При всем многообразии попыток провести оценку влияния миграции на уровень экономической безопасности они основываются на одном из трех методических подходов. Первый подход исходит из положений теории экономической динамики и рассматривает миграцию как один из ее эндогенных факторов (М. Кудяева, И. Редозубов [3] и др.). Второй подход представлен в программных документах Международной организации труда и исходит из признаний различий в результатах деятельности работников-резидентов и иммигрантов; третий подход предполагает проведение оценки миграции на уровень угроз экономической безопасности (Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова [4] и др.). Предпочтение одного из представленных выше подходов обусловлено фундаментальными принципами, которые положены в основу исследовательской программы, а также составом решаемых задач.

Методы. В рамках данного исследования представлена методика оценки уровня экономической безопасности с учетом влияния миграционных потоков, что предполагает использование интегрального индекса вследствие многоаспектности и многоуровневого характера системы экономической безопасности. Преимуществом данного подхода выступает возможность использования большого массива данных о состоянии экономической безопасности как образования, различные показатели которого агрегированы в рамках отдельных групп на основе выделения однородных характеристик исследуемого явления. Подобный подход позволяет идентифицировать источники угроз, а также анализировать динамику их показателей, что может быть использовано для разработки действенных инструментов воздействия и последующей оценки эффективности их применения. В качестве метода расчета интегрального показателя используется метод среднего геометрического, который, в отличие от других методов нормализации разнородных показателей, не допускает компенсации низких значений одних показателей высокими значениями других, а также позволяет агрегировать показатели, представленные в несравнимых единицах измерения.

В соответствии с предлагаемой методикой оценка состояния экономической безопасности осуществляется с использованием одного порогового значения индикатора определяющих его факторов. Это предполагает сопоставление фактических показателей, отражающих влияние трудовой миграции на уровень защищенности национальной экономики, с пороговыми значениями. При этом в качестве последних рассматриваются нормативные и рекомендуемые показатели, которые получили отражение в программных документах российского государства, определяющих стратегии национальной экономической безопасности, инструменты регулирования миграционных потоков и национальные цели развития.

Результаты. Частные показатели экономической безопасности с учетом влияния трудовой миграции, агрегируемые в рамках интегрального индекса, отражены в табл. 1.

Источником данных о динамике представленных в табл. 1, частных показателей выступают официальные данные государственной статистики. Создание 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза стало фактором активизации потоков трудовой миграции. В этой связи анализ миграционных потоков и их влияния на динамику показателей экономической безопасности в период с 2015 г. по настоящее время отражает геополитические сдвиги, которые будут определять мироустройство в долгосрочном периоде. Учет пороговых значений, используемых в ходе исследования показателей экономической безопасности, позволяет оценить ее уровень и определить его как нормальный, безопасный и кризисный, что соответствует средней, низкой и повышенной вероятности реализации угроз, инициируемых миграционными потоками.

Многоаспектность системы экономической безопасности и разнообразие показателей ее состояния определяет необходимость их нормализации. Для решения данной задачи использована модель, предложенная в работах В. К. Сенчагова и С. Н. Митякова [6] в рамках зонной теории ранжирования индикаторов. Если значение нормализованного показателя менее 1, то отражаемый им фактор оказывает отрицательное воздействие на состояние системы экономической безопасности; если значение нормализованного показателя больше 1, то отражаемый им фактор оказывает положительное воздействие на состояние системы экономической безопасности.

Интегральный индекс экономической безопасности принимающего государства с учетом влияния



потоков трудовых мигрантов определяется как среднее геометрическое частных показателей. Преимуществом использования данного подхода выступает слабая зависимость результата от случайных

колебаний частных показателей, что обеспечивает объективность оценки.

Выводы. Анализ состояния экономической безопасности государства с учетом миграционных пото-

Таблица 1

Частные показатели, агрегируемые с использованием интегрального индекса экономической безопасности и учитывающие влияние трудовой миграции

Показатели	Наименование показателя	Пороговые значения	
		Не менее	Не более
X1	Индекс физического объема валового внутреннего продукта (ВВП)	101,5	
X2	Валовой внутренний продукт на душу населения, тыс. руб.	1000	
X3	Индекс промышленного производства	100	
X4	Индекс производительности труда	100	
X5	Индекс денежной массы (денежные агрегаты М2)		12
X6	Чистый вывоз капитала, % к ВВП		5
X7	Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %	15	
X8	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте	20	
X9	Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения	35	
X10	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума		5
X11	Индекс предпринимательской уверенности предприятий обрабатывающих производств	2	
X12	Темп роста реальных располагаемых доходов населения	100	
X13	Оборот розничной торговли, % к пред. году	100	
X14	Коэффициент напряженности на рынке труда	1	
X15	Уровень инфляции		4
X16	Уровень преступности в сфере экономики		0,5
X17	Динамика среднедушевых денежных доходов населения по Российской Федерации, %	104	
X18	Среднемесячная номинальная начисленная зарплата, руб.	40 000	
X19	Уровень безработицы		6
X20	Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, %	350	
X21	Удельный вес населения в возрасте 14 лет и старше с высоким уровнем образования к общей численности населения	0,3	
	В том числе мигрантов	0,1	
X22	Удельный вес населения в возрасте 14 лет и старше со средним уровнем образования к общей численности населения	0,3	
	В том числе мигрантов	0,5	
X23	Удельный вес населения в возрасте 14 лет и старше с начальным уровнем образования к общей численности населения		0,1
	В том числе мигрантов		0,01

Источник: составлено авторами с использованием показателей, представленных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. [8]. Состав частных показателей разработан в ходе диссертационного исследования Ю. Н. Балабанова [2].



ков позволяет сделать вывод о том, что трудовая миграция является источником высокого уровня угроз, реализация которых может быть сопряжена с негативными последствиями для всех секторов жизнедеятельности российского общества. Это определяет необходимость совершенствования инструментов государственной миграционной политики, выделения данных угроз в качестве самостоятельной группы в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., а также расширения состава пороговых значений национальной безопасности за счет включения в их состав индикаторов угроз, обусловленных трудовой миграцией и ее последствий.

Заключение. В ходе исследования состояния системы экономической безопасности с учетом растущего влияния миграционных потоков выделена группа частных показателей, отражающих различные аспекты данного явления. Выбор в качестве временного интервала исследования динамики показателей экономической безопасности периода с 2015 г. по настоящее время обусловлено созданием Евразийского экономического союза, что стало причиной активизации трудовой миграции, центром притяжения которой выступает преимущественно Российская Федерация. Разнородность частных показателей предопределила необходимость их нормализации с учетом их минимального или максимального порогового значения, а также с применением метода среднего геометрического. Полученные в ходе расчетов нормализованные индикаторы позволяют определить уровень угроз экономической безопасности государства и оценить их на основе сопоставления с пороговыми значениями.

Мониторинг уровня угроз, обусловленных входящими потоками трудовых мигрантов, выступают предпосылкой формирования действенных мер, которые направлены на их предупреждение и нейтрализацию. Проведенный анализ показывает, что к числу наиболее значимых угроз, обусловленных активизацией миграционных потоков, относятся:

- ◆ изменение структуры предложения труда и его несоответствие спросу на труд по профессионально-квалификационным характеристикам мигрантов;
- ◆ рост уровня преступности в принимающем обществе;
- ◆ этно-демографические диспропорции в принимающем обществе; высокая нагрузка на объекты социальной инфраструктуры, представленные образовательными, медицинскими и другими учреждениями и др.

Расчет интегрального индекса экономической безопасности Российской Федерации как центра притяжения потоков трудовых мигрантов и разработка вариативных сценариев его динамики позволит уточнить состав инструментов миграционной политики и дать объективную оценку эффективности их применения. В качестве инструментов миграционной политики выступают инструменты институционального проектирования, которые предполагают внесение изменений в программные документы российского государства в части состава мер воздействия на угрозы, обусловленные активизацией миграционных потоков, а также инструменты бюджетно-финансового и денежно-кредитного регулирования, которые направлены на привлечение высококвалифицированных специалистов и образовательную миграцию. Все это доказывает необходимость комплексного подхода к разработке инструментов миграционной политики в составе стратегии обеспечения экономической безопасности российского государства, что выступает необходимым условием устойчивого экономического роста.

Список источников

1. Балабанова Ю. Н., Туфетулов А. М. Влияние миграционных процессов на экономическое сотрудничество Российской Федерации со странами СНГ // Экономические науки. 2022. № 217. С. 483–489.
2. Балабанова Ю. Н. Обеспечение национальной экономической безопасности с учетом миграционных потоков: дисс. ... канд. эконом. наук. Казань, 2025.
3. Кудаева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте // URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/131869/wp_khab_dec.pdf
4. Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция населения в контексте экономической безопасности и социальной стабильности // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 56–72.
5. Плетнев Э. П. Международная миграция рабочей силы. М., 1962.
6. Сенчагов В. К., Митяков С. Н. Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник экономической безопасности МВД России. 2011. № 5. С. 41–50.
7. Топилин А. В., Воробьева О. Д. Миграционные процессы и безработица на региональных рынках труда России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2017. С. 424–441.



8. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/

9. Юдина Т. Н., Бормотова Т. М. Миграционная преступность в современном мегаполисе: управление рисками // Управление. 2019. № 4. Т. 7. С. 140–147.

10. Portes A. Modes of Structural Incorporation and Present Theories of Labor Migration, in Kritz M. M., Keely C. B., Tomasi S. M. (eds.) *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements*. New York, 1981. P. 279–297.

References

1. Balabanova Yu. N., Tufetulov A. M. The Impact of Migration Processes on Economic Cooperation of the Russian Federation with the CIS Countries // *Economic Sciences*. 2022. No. 217. P. 483–489.

2. Balabanova Yu. N. Ensuring National Economic Security Taking into Account Migration Flows: diss. ... candidate of economic sciences. Kazan, 2025.

3. Kudayeva M., Redozubov I. The Impact of Migration Flows on Economic Activity and the Labor Market in Russia as a Whole and in a Regional Aspect // URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/131869/wp_khab_dec.pdf

4. Lipatova L. N., Gradusova V. N. Population Migration in the Context of Economic Security and Social Stability // *Management Consulting*. 2020. No. 1. P. 56–72.

5. Pletnev E. P. *International Labor Migration*. M., 1962.

6. Senchagov V. K., Mityakov S. N. Using the Index Method to Assess the Level of Economic Security // *Bulletin of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011. No. 5. P. 41–50.

7. Topilin A. V., Vorobyeva O. D. Migration processes and unemployment in the regional labor markets of Russia // *Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. 2017. P. 424–441.

8. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/

9. Yudina T. N., Bormotova T. M. Migration crime in a modern metropolis: risk management // *Management*. 2019. No. 4. Vol. 7. P. 140–147.

10. Portes A. Modes of Structural Incorporation and Present Theories of Labor Migration, in Kritz M. M., Keely C. B., Tomasi S. M. (eds.) *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements*. New York, 1981. P. 279–297.

Информация об авторах

А. М. Туфетулов — заведующий кафедрой экономической безопасности и налогообложения Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор экономических наук, профессор;

Ю. Н. Балабанова — старший преподаватель кафедры экономической безопасности и налогообложения Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. M. Tufetulov — Head of Department of Economic Security and Taxation of the Institute of Management, Economics and Finance of the Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Economic Science, Professor;

Yu. N. Balabanova — Senior Lecturer of Department of Economic Security and Taxation of the Institute of Management, Economics and Finance of the Kazan (Volga Region) Federal University, Candidate of Economic Sciences.

Сведения о вкладе каждого автора

А. М. Туфетулов — научное руководство, концепция исследования, развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы;

Ю. Н. Балабанова — проведение расчетов, написание исходного текста, итоговые выводы, доработка текста.

Contribution of the authors

A. M. Tufetulov — scientific management, research concept, methodology development, writing the draft, final conclusions;

Yu. N. Balabanova — making calculations, writing the draft, final conclusions, follow-on revision of the text.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.



Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-218-227>

EDN: <https://elibrary.ru/bxfjzm>

НИОН: 2003-0059-5/25-401

MOSURED: 77/27-003-2025-05-600

Проблема рисков деструктивного поведения старших школьников

Георгий Меджидович Гогиберидзе¹, Артур Александрович Реан²

^{1,2} Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

¹ giya28@mail.ru

² profrean@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема рисков деструктивного поведения старшеклассников с учетом особенностей подготовки к ЕГЭ, изменения и усложнения содержания учебного материала, повышения уровня требований, а также ситуативных факторов, оказывающих негативное влияние на юных граждан России. Исследование специфики влияния новой социальной реальности на старших школьников, анализ научных работ и обобщение педагогического опыта по данной проблеме позволили сделать вывод о том, что факторы риска, связанные со взаимоотношениями, складываются на трех разных уровнях (микро-, мезо-, макро-), каждый из которых имеет свои характерные черты и последствия. При этом некоторые риски и угрозы (доксинг, дропперство и др.) носят сквозной, разноуровневый характер. Кроме того, доказано, что интегральный показатель риска деструктивного поведения и степень жизнестойкости находятся в обратно пропорциональной зависимости. Воспитание жизнестойкости — одно из важнейших условий формирования иммунитета, защищающего школьников от потенциального риска оказаться жертвой мошенников и манипуляторов. Такой иммунитет проявляется в способности личности сохранять устойчивость в среде с психотравмирующими воздействиями.

Ключевые слова: деструктивное поведение старшеклассников, психологический прессинг, микро-, мезо- и макроуровни ситуативных факторов риска, жизнестойкость

Для цитирования: Гогиберидзе Г. М., Реан А. А. Проблема рисков деструктивного поведения старших школьников // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 218–227. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-218-227>. EDN: BXFJZM.

Original article

The problem of the risks of destructive behavior of high school students

Georgy M. Gogiberidze¹, Artur A. Rean²

^{1,2} Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russia

¹ giya28@mail.ru

² profrean@yandex.ru

Abstract. The problem of risks of destructive behavior of high school students is considered, taking into account the peculiarities of preparation for the exam, changes and complication of the content of educational material, an increase in the level of requirements, as well as situational factors that have a negative impact on young citizens of Russia. The study of the specifics of the impact of the new social reality on older students, the analysis of scientific works and the generalization of pedagogical experience on this problem made it possible to conclude that the risk factors associated with relationships are added at three different levels (micro-, meso-, macro-), each of which has its own characteristic features and consequences. At the same time, some risks and threats (doxing, droppery, etc.) are cross-cutting, multi-level in nature. In addition, it has been proven that the integral risk indicator of destructive behavior and the degree of resilience are inversely proportional. The upbringing of resilience is one of the most important conditions for the formation of immunity, which protects schoolchildren from the potential risk of being a victim of fraudsters and manipulators. Such immunity is manifested in the ability of the individual to maintain stability in an environment with traumatic effects.

Keywords: destructive behavior of high school students, psychological pressure, micro-, meso- and macro-levels of situational risk factors, resilience

For citation: Gogiberidze G. M., Rean A. A. The problem of the risks of destructive behavior of high school students. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):218–227. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-218-227>. EDN: BXFJZM.

Отечественная система образования как форма общественной практики опирается на многовековую педагогическую традицию, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность духовных и культурных ценностей, связанных с воспитанием и обучением подрастающего поколения. Эта система нацелена, в том числе, на раскрытие внутреннего потенциала обучающихся, на обретение субъектности в

© Гогиберидзе Г. М., Реан А. А., 2025



общественной жизни и в собственной судьбе. С этой точки зрения образовательный процесс ориентирован на формирование качеств «обеспечивающих не только адаптивность, эмоциональную стабильность и позитивное отношение к себе и собственной жизни, но и способность принимать решения, совершать выбор, созидать и действовать» [1, с. 4]. Именно такой уровень и вектор развития старшего школьника предполагает подготовка к ЕГЭ, который с 2009 г. по настоящее время является единственной формой выпускных экзаменов в школе, а его результаты служат основным критерием при поступлении в вузы России.

Споры о ЕГЭ как в педагогическом сообществе, так и в родительской среде не утихают на протяжении всего периода его существования. С одной стороны, единый экзамен имеет целый ряд серьезных преимуществ. Это и возможность, появившаяся у выпускников школ, подавать документы сразу в несколько вузов, и открывшиеся перспективы для одаренной молодежи из самых отдаленных уголков страны поступать в престижные столичные университеты и многое другое. С другой стороны, наряду с отдельными недостатками, такими как необоснованность некоторых заданий, несогласованность содержания экзаменационных материалов с действующей школьной программой, размытость критериев оценивания второй части экзамена, ЕГЭ еще и представляет собой дополнительный фактор риска деструктивного поведения старших школьников. Не секрет, что каждый год страну сотрясают новости о драматических, а порой и трагических случаях, связанных с их стрессовым состоянием. Об этом также свидетельствуют результаты социологических опросов. По данным исследований, проведенных специалистами сервиса онлайн-образования Skysmart в 2023–2024 учебном году, 57 % одиннадцатиклассников испытывают сильный стресс из-за предстоящего ЕГЭ. Еще большее количество опрошенных десятиклассников (63 %) признались в том, что они подвержены хроническому стрессу. Свыше четверти старших школьников (26 %) вынуждены проводить по 5–6 часов на дополнительных занятиях еженедельно, что крайне негативно отражается не только на физическом, но и на психологическом здоровье [2].

В настоящее время распространенность различных проявлений деструктивных поведенческих нарушений среди старших школьников приобретает

все более угрожающие масштабы. Академик РАО А. А. Реан в своем докладе на научном семинаре «Деструктивное поведение несовершеннолетних: проблемы и технологии работы», который состоялся в декабре 2023 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, подчеркнул, что «проблема агрессии в современном образовании характерна в большей степени для школьного образования» [3]. Докладчик представил результаты многолетних исследований, которые свидетельствуют о весьма существенной связи рисков деструктивного поведения со школьным климатом и его компонентами. Кроме того, как указывает М. Н. Кузнецова, в перечень деструктивного поведения входят конфликты с применением физической силы, употребление психоактивных веществ, случаи травли и насилия, попытки суицида, нахождение подростка в запрещенных деструктивных субкультурах и интернет-сообществах [1, с. 6].

Психологический прессинг, в котором вольно или невольно участвуют некоторые педагоги, родители, репетиторы, СМИ, интернет-сайты и отдельные форумы в блогосфере, крайне негативно влияет на познавательные и коммуникативные способности старшеклассников. Это вызывает тревожные эмоциональные переживания и, как следствие, возрастают риски деструктивного поведения. Так, по данным Ж. В. Садовниковой, «79,5 % опрошенных учителей указали на ослабление эмоционального контакта обучающихся с одноклассниками; 77,2 % педагогов отметили проявление у старших школьников агрессии; 74,4 % школьных предметников усмотрели в поведении старшеклассников признаки отчужденности и указали на снижение коммуникативных навыков» [4, с. 4]. Эффект усиливает медиасреда, где сцены агрессии, насилия, убийств и разрушений идут сплошным потоком. Все это становится обыденностью, которую впитывают юные россияне.

При этом следует учитывать, что обучение в 10–11-х классах связано со внушительным усложнением и изменением содержания и структуры учебного материала, увеличением его объема, повышением уровня требований. Все это происходит на фоне усиливающегося стремления к индивидуализации способностей и интересов, свойственного раннему юношеству. Возникающие сомнения в собственной уникальности и осознание своих слабых сторон нередко сопровождается всплеском негативных эмоций, кото-



рый, в свою очередь, усиливает риски деструктивного поведения. Экспрессия проявляется ярко, порой чрезмерно, а способность управлять ею в этом возрасте еще только формируется. Отсюда резкие перепады настроения, обостренная чувствительность к внешним оценкам и критике, проявления неконтролируемой агрессии. В состоянии стресса манипулирование сознанием старшеклассников в различных целях — от мошеннических для обогащения, до экстремистских и террористических — представляет собой реалии нашего времени. Очевидно, что враждебные силы «используют отсутствие жизненного опыта, критического мышления, инфантилизм обучающихся для формирования неестественного состояния их психической зависимости, потери самостоятельности, недоверия к рациональному мышлению» [5, с. 245]. Так, например, «троих подростков 15, 16 и 17 лет отправили под арест по обвинению в покушении на теракт... По версии следствия, в августе 2025 г. некий куратор дал молодым людям задание совершить террористический акт на объекте оборонно-промышленного комплекса в Ижевске. Оперативная информация о намерениях юношей поступила в УФСБ по Удмуртии и благодаря «оперативному эксперименту» преступление было предотвращено» [6]. В том же месяце (август 2025 г.) в Новосибирской области двое старшеклассников «получили «заказ» на одном из интернет-ресурсов по поиску быстрого заработка. В дальнейшем их деятельность координировалась с территории Украины. Злоумышленники намеревались применить токсичные химические вещества с целью физического устранения российского офицера» [7]. Эти и многие другие аналогичные факты красноречиво свидетельствуют о том, что в настоящее время одной из важнейших угроз является психологическая война, которая предполагает перенос боевых действий с физического ландшафта в психологическую плоскость. При этом социально-демографическую группу раннего юношеского возраста, которую в основном составляют старшеклассники и их ровесники — студенты колледжей, различного рода эмиссары рассматривают как свой целевой ресурс. «Служба безопасности Украины, — заявил первый заместитель руководителя администрации Президента РФ С. В. Кириенко, — выбрала для себя российских старшеклассников в качестве мишени, они пытаются их спровоцировать на противоправные действия» [8].

Академик РАО И. А. Баева с коллегами выделяет три группы факторов риска в образовательной среде: условия обучения, учебная нагрузка, взаимоотношения. При этом ученые отмечают, что именно взаимоотношения являются самым исследуемым фактором как со стороны психологов, так и со стороны педагогов [9]. Существуют и другие подходы и типологии рисков образовательной среды. Анализ отечественных и зарубежных научных работ и обобщение накопленного педагогического опыта по данной проблеме позволяет нам сделать вывод о том, что ситуативные факторы риска, связанные со взаимоотношениями, как правило, складываются на трех разных уровнях (микро, мезо, макро), каждый из которых имеет характерные причины возникновения, свою специфику проявления и свойственные только конкретному уровню последствия. Рассмотрим каждый из них.

Микроуровень включает в себя взаимоотношения между субъектами образовательного процесса. Риски деструктивного поведения несовершеннолетних на этом уровне, лежащие в плоскости отношений между ними, а также отношений с учителями и родителями, тесно связаны с эмоциональным благополучием и уровнем жизнестойкости. В процессе выстраивания лично и социально значимых взаимосвязей старшеклассники могут использовать опыт ближайшего микросоциального окружения. Известный американский психолог, автор теории экзистенциального выбора, С. Мадди описал способы взаимодействия педагогов и родителей с обучающимися, которые нацелены на формирование и развитие жизнестойкости несовершеннолетних. Результаты опытно-экспериментальных исследований, проведенных ученым и его коллегами в Калифорнийском университете, показали, что жизнестойкость по сравнению с такими интегральными личностными характеристиками, как оптимизм, эрудиция, религиозность, является более продуктивным предиктором психологического здоровья формирующейся личности [10]. Однако, в реальной жизни некоторые педагоги и родители российских старшеклассников подпитывают гнетущие представления о ЕГЭ, руководствуясь прагматичными (с их точки зрения) соображениями о том, что сумма полученных баллов подводит черту всей школьной жизни и определяет будущее экзаменуемого. Исходя из этой логики, не сдать экзамен или набрать недостаточное количество баллов — значит испортить себе



всю дальнейшую жизнь. Подобные установки оказывают на еще неокрепшую юношескую психику крайне негативное давление, подтачивая основы жизнестойкости. Нередко возникает парадоксальная ситуация, когда именно семья и школа выступают в роли предикторов деструктивного поведения. В этих условиях обучающимся «приходится самостоятельно искать новые, свои собственные, способы действия в конфликтной ситуации, которые могут как содействовать успешной адаптации, так и оказаться деструктивными с грубым нарушением общественных норм и правил, проявлением агрессии и самоагрессии» [1, с. 4]. Так, например, судя по результатам исследований, проведенных Н. Ф. Масловой, заниженная самооценка педагогов связана с отрицательной установкой относительно школьников, с внушением им чувства вины за ошибки, за непонимание учебного материала, за неверные ответы на вопросы и пр. [11]. При этом ключевой доминантой эмоционального насилия со стороны педагога следует рассматривать феномен ингибции, который проявляется «в резких замечаниях, приказном тоне, нетактичных высказываниях в адрес одних учеников и неаргументированном восхвалении других, единоличном определении общих целей работы без учета индивидуально-психологических особенностей учащихся» [12]. Все это описывается таким понятием, как дидактогения, за которым стоит причинение вреда нервно психическому здоровью школьников непрофессиональными действиями педагога. Что касается различных рисков и угроз со стороны родителей (родственников, опекунов) обучающихся, то они касаются как психоэмоционального, так и физического насилия. Как следствие это приводит к нанесению реального или потенциального вреда личностному развитию старшего школьника.

Мезоуровень предполагает взаимодействие старших школьников с учреждениями дополнительного образования, а также с волонтерскими организациями, фан-клубами музыкальных групп, объединениями болельщиков за спортивные команды, книжными клубами, танцевальными и театральными студиями местного значения. Кроме того, сюда входит участие юных граждан в локальных сетевых сообществах. Как правило, такие социально-демографические группы объединены общими интересами, целями, ценностями или характеристиками, которые определяют взаимодействие их участников. Чаще всего старшеклассники активно включаются в поиск приятелей

и/или партнеров по увлечениям в том случае, если традиционные способы социализации и самореализации дают сбои. Риски и угрозы на этом уровне представляют собой определенные соцсети, фан-клубы, движения и секты, а также отдельные кибермошенники, которые под маской благородных идей стараются войти в доверие к юным гражданам, чтобы использовать их в своих корыстных, а порой и экстремистских целях. Втягивание старшеклассников в деструктивные сообщества стало возможным, в частности, и по той причине, что воспитательная работа и вовлечение обучающихся в социально приемлемые формы досуга в значительной мере были упущены из сферы актуального внимания. «Следует признать, что представления и запросы российских школьников несовместимы с устаревшими, изжившими себя формами учебно-воспитательной работы. Современное образовательное пространство нуждается в очищении от авторитарных методов воспитания, формализма, рутины, заорганизованности, ура-патриотических лозунгов и деклараций» [13, с. 369].

Проблема рисков поведенческих девиаций школьников на микроуровне не ограничивается отдельными проявлениями педагогического или родительского деструктивного влияния. Угроза травли, издевательства, буллинга, запугивания со стороны одноклассников сохраняет свою актуальность среди старшеклассников, хотя такие формы агрессии в большей степени характерны для отношений между обучающимися средних классов. Но в 10–11-х классах из-за перехода на профильное обучение меняется состав обучающихся, и процесс адаптации к новому микросообществу, новым учителям и классному руководителю происходит в разных психолого-педагогических условиях. Стремление к доминированию, конкуренция и деструктивное соперничество нередко приводят к тому, что некоторые обучающиеся, пытаясь продемонстрировать свои успехи и достижения, а порой и свое превосходство над другими, начинают делить одноклассников на «друзей» и «врагов». Поиск жертвы, системное и осознанное агрессивное преследование в этих случаях становятся поводом для объединения старших школьников в деструктивные подгруппы. Кроме того, необходимо учитывать, что современные школьники развиваются в атмосфере сравнения, которая связана с наличием/отсутствием дорогих гаджетов и одежды люксовых брендов, представленных на страницах инфлюэнсеров в социальных



сетях. В таких условиях часть обучающихся, семьи которых ограничены в материальных ресурсах, ищут иные способы самоутверждения: через провокации, демонстративное нарушение общепринятых норм и правил, а порой и через преступления.

Однако самые жестокие формы агрессии старших школьников, как правило, являются ответной реакцией на накопившиеся за достаточно длительный период обучения обиды и унижения в результате травли, остракизма, запугивания и дискриминации. Так, например, на заре XXI в. появился и стал интенсивно распространяться склуштинг — массовый расстрел педагогов и учеников в стенах школы как форма протеста против ненавистного общества в лице ближайшего окружения. В 1999 г. впервые в истории криминалистики американские старшеклассники Эрик Харрис и Дилан Клиболд открыли хаотичную стрельбу в здании старшей школы Колумбайн, в результате чего 13 человек погибли на месте и 23 были ранены. После этого несовершеннолетние преступники покончили с собой. Инцидент получил международный резонанс, а у Харриса и Клиболда появилось такое количество подражателей и последователей по всему миру, что феномен «колумбайн» превратился в международное террористическое движение, которое в настоящее время запрещено на территории Российской Федерации. Только в нашей стране аналогичные преступления были совершены в Москве, Ивантеевке, Керчи, Казани, Перми, Ижевске и на сегодняшний день, несмотря на запреты, нет гарантии, что такое не повторится. Стоит подчеркнуть, что «колумбайн» приобрел черты глобальной молодежной субкультуры, но в ее основе по-прежнему лежат отношения между участниками образовательной среды, т. е. ситуативные факторы риска микроуровневого характера. «Оценка и систематический анализ лучших практик противодействия девиантному и делинквентному поведению является научно-практической задачей, требующей постоянной актуализации в контексте изменений социальной ситуации развития современных подростков и молодежи, связанных, во многом, с высоким уровнем цифровизации и легкостью доступа к различным видам информации» [14].

Сложность нынешнего этапа воспитательной работы заключается в том, что поколение, к которому принадлежат современные старшеклассники, по меткому выражению известного канадского ученого Д. Тапскотта, «с самого рождения купается в битвах, и

для него новые электронные медиа стали естественным социальным ландшафтом» [15, с. 30]. Лица с деструктивной направленностью, действующие в сети Интернет в поисках очередной жертвы, демонстрируют готовность понять и принять представителей юношеской возрастной группы, особенно тех, кто испытывает в данный момент психологический пресинг со стороны родителей, педагогов или одноклассников. Проявляя запредельный уровень «заботы», «понимания», «сочувствия» и «доброты», они представляют собой крайне опасную и непредсказуемую угрозу старшим школьникам. Создание иллюзорного идеального микромира, где все организовано в соответствии с интересами и запросами юношеской возрастной группы, нацелено на то, чтобы сформировать в сознании обучающихся искаженное представление о действительности, что, в свою очередь, может разрушить связи с реальным миром. Все это способствует отторжению от реальности, отказу от использования продуктивных социальных практик, ослаблению мотивации к самосовершенствованию. Такие «доброжелатели» пытаются заменить собой традиционные формы общения, что, согласно теории отчуждения, чревато социальной изоляцией, а в конечном итоге — потерей смысла жизни. Известный представитель русского экзистенциализма Н. А. Бердяев считал, что «отчуждение приводит к созданию «квазиреальности», в результате которой человек, обезличиваясь, социализируется в раба» [16].

Таким образом, в условиях новой социальной реальности значительно возрастает ответственность педагогов и родителей за психологическое благополучие старшеклассников, которое обеспечивается «совмещением концепций демократического стиля, включающего наличие «обратной связи» и «эффективного поощрения», что можно назвать основой позитивного педагогического общения» [17, с. 195]. На практике это выражается «в более внимательном и бережном отношении к личности ученика, а также в снижении груза ответственности за допущенные ошибки» [14, с. 370], что является одним из важнейших условий формирования иммунитета, защищающего школьников от потенциального риска оказаться жертвой мошенников и манипуляторов. Такого рода иммунитет проявляется в способности личности сохранять устойчивость в среде с психотравмирующими воздействиями и сопротивляться деструктивным внешним воздействиям.



Макроуровень ситуативных факторов риска деструктивного поведения старших школьников затрагивает глобальные геополитические конфликты, ключевую роль в которых играют враждебные спецслужбы, международные организации экстремистского толка и псевдорелигиозные организации. Кроме того, значительную роль в формировании новых рисков и угроз играет высокий уровень мобильности населения и нарастающие миграционные потоки. Все эти процессы межрегионального и международного масштаба втягивают в орбиту противостояния, прежде всего, подростков и молодежь. Стоит подчеркнуть, что актуальность проблемы минимизации негативных последствий макроуровневых рисков деструктивного поведения юных граждан и обеспечения психологической безопасности обучающихся в последнее десятилетие постоянно возрастает. Анализ публикаций в наукометрических базах данных высвечивает отчетливую тенденцию увеличения количества исследований по психологической безопасности образовательной среды в последние пять лет. Востребованность данных исследований обусловлена «новыми социальными вызовами и задачами, к числу которых можно отнести: изменения условий развития молодых людей и недостаток актуальных знаний о том, как эти изменения влияют на них; новые условия организации жизнедеятельности молодежи в условиях проведения специальной военной операции; особенности интеграции в образовательную среду мигрантов и вынужденных переселенцев; специфику социальной, социально-психологической, психологической адаптации старших школьников на новых, присоединившихся к России территориях; усиление рисков, связанных с социально-психологической дезадаптацией обучающихся, их виктимизацией» и др. [18].

Наибольшую опасность на этом уровне представляют собой новые мировоззренческие установки, формируемые, в том числе, недружественно настроенными по отношению к России идеологами и миссионерами, которые пытаются девальвировать традиционные духовно-нравственные ценности народов России. Юным гражданам настойчиво навязывается чуждая культура, у которой нет субъекта, за которую никто не несет ответственности, и потому она может быть какой угодно: порочной, бездуховной, разрушительной и пр. Такая культура находится за гранью добра и зла, она формирует примитивные

формализованные реакции на различные проблемные ситуации и не оставляет выбора действий, целей и средств, которые соответствовали бы хоть какой-либо позиции моральной шкалы ценностей. Именно с помощью манипуляции сознанием, утраты традиционных ценностей, отрыва от исторических корней наиболее доверчивые старшеклассники и студенты колледжей могут встать на путь экстремизма и терроризма. Риски деструктивного поведения именно этой социально-демографической группы все чаще приобретают опасные черты:

- ◆ обучающиеся попадают под влияние международных структур экстремистского характера;
- ◆ вербовщики подростков и молодежи опираются на обширную финансовую базу;
- ◆ в целях пропаганды используются новейшие цифровые и психологические технологии, нацеленные на юных граждан;
- ◆ масштаб деятельности деструктивных организаций размывает государственные границы.

Таким образом, современный этап развития информационно-цифровых технологий характеризуется неограниченной доступностью деструктивного контента, где достаточно вольготно чувствуют себя различного рода эмиссары международных центров, а также миссионеры псевдорелигиозных организаций и провокаторы, которые через интернет-сайты и форумы в блогосфере, соответствующие интересам юных граждан, привлекают их в свои ряды. Используя новейшие информационные и психологические технологии, опытные манипуляторы навязывают своим реципиентам контрпродуктивные цели и ценности. При определенных жизненных условиях и наличии питательной среды (разрыв семейных связей, неудачи в поиске самоидентичности, дезадаптация в школьной среде, мировоззренческая неустойчивость, религиозный фанатизм, отсутствие критического мышления) отдельные представители раннего юношества могут быть введены в состояние аддикции и использованы в качестве пускового механизма деструктивной активности.

Следует признать, что не все риски, связанные с ситуативными факторами взаимоотношений старших школьников с внешним миром, четко разграничены по трем предложенным уровням. Существуют также угрозы разноуровневого характера, которые в последние годы стали довольно интенсивно распространяться в юношеской среде. К ним можно



причислить такие относительно новые явления, как, например, доксинг и дропперство.

Доксинг представляет собой незаконный сбор и распространение личных данных в целях шантажа. В настоящее время это киберугроза, с которой ежедневно сталкиваются тысячи интернет-пользователей. Как показывает практика, доксингу чаще других подвергаются старшеклассники и их ровесники, которых шантажируют как представители из ближайшего окружения, так и специализированные каналы в мессенджерах и социальных сетях. В результате зафиксированы многочисленные случаи психологического давления и прямого мошенничества. Заполучив личные данные, либо видео- или фотоматериалы интимного характера с помощью утечек или самих жертв (когда у обучающихся выуживают информацию личного характера или уговаривают прислать фото либо включить веб-камеру), шантажисты не только вымогают деньги, но и склоняют к противоправным действиям, например, к участию в порносъёмках. Однако особую опасность практика доксинга представляет в ситуации, когда «инициаторами или координаторами становятся недобросовестные официальные структуры или аффилированные с ними организации. В этом случае масштабы и последствия могут быть намного более серьезными: от целенаправленных информационных атак на критически важные объекты инфраструктуры до дестабилизации социально-политической обстановки» [19].

Дропперство. Вовлечение старших школьников в незаконную деятельность по обналаживанию похищенных денежных средств приобретает угрожающие масштабы. По сведениям Центрального банка Российской Федерации, «ежемесячно дропперами становятся около 80 тыс. человек. В Сбербанке выяснили, что около 60 % всех дропперов на сегодня — это молодежь в возрасте от 14 до 24 лет; т. е. каждый месяц почти 50 тыс. юношей и девушек, многие из которых еще учатся в школе, могут оказаться в тюрьме из-за участия в незаконных финансовых операциях» [20].

При этом следует понимать, что юные жертвы не осознают последствий продажи своей карты через Интернет или, например, выполнения, на первый взгляд, невинной просьбы приятеля помочь снять деньги с карты. На Уральском форуме «Кибербезопасность в финансах», состоявшемся в феврале 2025 г. в Екатеринбурге, обсуждались меры борьбы с незаконными финансовыми схемами. Докладчик, пред-

ставитель правоохранительных органов, привел такой пример: «в одном из колледжей, где были задержаны два юных дроппера, студентов спросили: «Кто из вас продавал свои карты третьим лицам»? Руки подняла вся группа. Это крайне негативный факт, к сожалению, почти закономерный. Сейчас подросток с банковской картой, не привязанной к родительскому счету, похож на дитя, играющее с огнем. У него в руках опасный инструмент, и как управлять им, не имеющий опыта и элементарной грамотности подросток не знает [20]. В настоящее время при оформлении кредитных карт российские банки не дифференцируют клиентов по возрастным группам, поэтому любой старшеклассник, обладая паспортом (как известно, первый внутренний паспорт граждане России получают в 14 лет), может рассчитывать на те же лимиты, что и взрослый клиент. Так, например, по некоторым типам кредитных карт можно снять наличные до 500 тыс. руб. в день и до 1,5 млн руб. в месяц. С точки зрения мошенников, школьник, обладающий такой картой, является идеальным дроппером. Сложность заключается еще и в том, что порой родители обучающихся, не обладая достаточной финансовой грамотностью и не подозревая подвоха, поддаются на различные уловки злоумышленников и с радостью «благословляют» своих детей на дропперство. Ведь «работодатели», вербующие юных россиян, как правило, открыто не предлагают им войти в состав преступной группировки и заниматься противоправной деятельностью. Напротив, они чаще всего обещают высокие доходы и делают завуалированные, но весьма заманчивые предложения в своих объявлениях, например: «для студентов и старшеклассников открылась вакансия на удаленную работу в крупной финансовой организации с отличными карьерными перспективами» и т. п.

Масштаб разрастания дропперства убедительно свидетельствует о том, что назрела острая необходимость в разработке системы профилактических и ограничительных мер по борьбе с этим злом. Следует признать, что с июля этого года в УК РФ вступили в силу изменения, согласно которым предусматривается уголовная ответственность для лиц, предоставляющих свои банковские карты и реквизиты в целях осуществления незаконных финансовых операций. Однако, не менее значимой задачей является повышение качества финансового просвещения старшеклассников. Постигание азов финансовой грамот-



ности в профильных классах с углубленным изучением экономики и права на факультативных занятиях и курсах по выбору — явно недостаточная мера.

Таким образом, в структуру риска деструктивного поведения старших школьников включены ситуативные факторы, связанные с взаимоотношениями, которые могут складываться на разных уровнях (микро, мезо и макро): от особенностей общения с родителями, закладывающих основу формирования отношения к миру и к самому себе, до контактов с макросоциальным окружением с учетом возможностей всемирной паутины. При этом последние в условиях формирования многополярного мира, социально-политических трансформаций и обострения международным конфликтов представляют собой серьезную угрозу для молодого поколения, которое, согласно «Концепции культурной травмы» (П. Штомпка), «находится в континууме двух типов: либо использование стратегий совладания с трудностями, либо стратегии примирения с ними» [21, с. 42]. С учетом того, что угроза распространения ситуативных факторов, оказывающих крайне негативное влияние на поведение старшеклассников, носит многоуровневый характер, особую актуальность приобретает такое направление воспитательной работы, как формирование навыков жизнестойкости и ее основных компонентов: адаптивности, эмоциональной стабильности, асертивности, конструктивной саморегуляции. Интегральный показатель риска деструктивного поведения и степень жизнестойкости со всеми ее составляющими имеют обратно пропорциональную зависимость. Отсюда можно сделать вывод о том, что достаточный уровень жизнестойкости именно в старшем школьном возрасте является одним из важнейших условий снижения данного риска. При этом проблема деструктивного поведения становится мультидисциплинарной, так как все более отчетливо прорисовывается необходимость комплексного подхода к профилактической деятельности, который учитывал бы генетические, психолого-педагогические, этнорелигиозные, социокультурные и социально-экономические детерминанты агрессивного поведения обучающихся.

Список источников

1. Кузнецова М. Н. Типы и предикторы деструктивного поведения личности: дисс. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2023.
2. Слово на три буквы: как перегибы на ЕГЭ рушат психику школьников // URL: <https://novosti Volgograda.ru/news/2024-06-10slovo-na-tri-bukvy>
3. Деструктивное поведение несовершеннолетних обсудили на научном семинаре // URL: <https://psy.su/pubs/11834/?ysclid=mdk7y5bmre757241545>
4. Садовникова Ж. В. Теоретические основы системы работы школы по профилактике деструктивного поведения подростков: дисс. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2025.
5. Гогиберидзе Г. М. Профилактика вовлечения подростков в деструктивные секты // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. Вып. 2. С. 240–247.
6. Обещали немного денег // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007667?ysclid=mf3pw9cm1x773583351>
7. В Новосибирске задержаны двое подростков, готовивших покушение на военнослужащего // URL: <https://www.5-tv.ru/news/5032678/vnovosibirsk-zaderzany-dvoe-podrostkov-gotovivshih-pokusenie-na-voennosluzhashego?ysclid=me5o2og6m165890654>
8. Кириенко заявил, что старшеклассники стали мишенью для СБУ // URL: <https://woman.rambler.ru/children/51286522-kirienko-zayavil-chto-starsheklassniki-stali-mishenyu-dlya->
9. Баева И. А., Лактионова Е. Б., Конакова И. В. и др. Ресурсы психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде: обзор теоретических и эмпирических исследований // Психолого-педагогические исследования. 2024. № 2. Т. 16. С. 3–29.
10. Мадди С. Смислообразование в процессе принятия решений / пер. с англ. Е. Н. Осина // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 87–101.
11. Маслова Н. Ф. Личностно ориентированная модель интегративной подготовки социальных педагогов // Образовательные технологии. 2017. № 4. С. 71–82.
12. Печеркина А. А., Борисов Г. И., Тарасов Д. А. Структура эмоционального благополучия школьников // Российский психологический журнал. 2025. № 22 (1). С. 118–138.
13. Реан А. А., Коновалов И. А., Новикова М. А., Молчанова Д. В. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта. СПб. : Коста, 2021.
14. Гогиберидзе Г. М. Модернизация патриотического воспитания в современной школе на основе



принципов позитивной психологии // Психология человека в образовании. 2023. № 3. Т. 5. С. 366–375.

15. Тапскотт Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все / пер. с англ. П. Миронова. М. : Сбербанк, 2011.

16. Пахарь Л. И., Петрова Р. А. Отчуждение: теоретическое осмысление проблемы // Философская мысль. 2021. № 8. С. 78–88.

17. Реан А. А., Ставцев А. А., Егорова А. В. Позитивная психология как инструмент модернизации процесса социализации школьников // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 191–207.

18. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. № 3. Т. 1. С. 5–19.

19. В МВД рассказали, что такое доксинг и чем он опасен // URL: <https://ria.ru/20250906/doksing-2040185800.html?ysclid=mf8ydrfv26476254>

20. Вгоняют молодежь во друп: почему подростки — идеальные посредники для кибермошенников // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/531765vgonautomolodez-vo-drop-pocemu-podrostki-ideal-nye-posredniki-dla-kibermosennikov?ysclid=mff1v9mm6c120328122>

21. Гогиберидзе Г. М., Скрынник М. А. Патриотизм как целевой ориентир взаимодействия социальных институтов образования и культуры: аксиологический аспект // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 33–46.

References

1. Kuznetsova M. N. Types and Predictors of Destructive Personality Behavior: diss. ... candidate of psychological sciences. Chelyabinsk, 2023.

2. A Three-Letter Word: How Excesses on the Unified State Exam Destroy the Psyche of Schoolchildren // URL: <https://novostivolgograda.ru/news/2024-06-10slovo-na-tri-bukvy>

3. Destructive Behavior of Minors Discussed at a Scientific Seminar // URL: <https://psy.su/pubs/11834/?ysclid=mdk7y5bmre757241545>

4. Sadovnikova Zh. V. Theoretical Foundations of the School System for the Prevention of Destructive Behavior in Adolescents: diss. ... doctor of pedagogical sciences. Volgograd, 2025.

5. Gogiberidze G. M. Prevention of adolescent involvement in destructive sects // Herzen Readings: Psychological Research in Education. 2019. Issue 2. P. 240–247.

6. They Promised a Little Money // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007667?ysclid=mf3pw9cm1x773583351>

7. Two Teenagers Preparing to Assassinate a Serviceman Detained in Novosibirsk // URL: <https://www.5-tv.ru/news/5032678/vnovosibirske-zaderzany-dvoe-podrostkov-gotovivsih-pokusenie-navoennosluzasego/?ysclid=me5o2og6m165890654>

8. Kiriienko Stated that High School Students Have Become a Target for the SBU // URL: <https://woman.rambler.ru/children/51286522-kiriienko-zayavilchto-starsheklassniki-stali-mishenyu-dlya->

9. Baeva I. A., Laktionova E. B., Konakova I. V. et al. Resources of psychological safety of students in a tense sociocultural environment: a review of theoretical and empirical research // Psychological and pedagogical studies. 2024. No. 2. Vol. 16. P. 3–29.

10. Maddi S. Meaning formation in the decision-making process / translated from English by E.N. Osina // Psychological Journal. 2005. No. 6. P. 87–101.

11. Maslova N. F. Personally oriented model of integrative training of social educators // Educational technologies. 2017. No. 4. P. 71–82.

12. Pecherkina A. A., Borisov G. I., Tarasov D. A. The structure of emotional well-being of schoolchildren // Russian Psychological Journal. 2025. No. 22 (1). P. 118–138.

13. Rean A. A., Konovalov I. A., Novikova M. A., Molchanova D. V. Prevention of Aggression and Destructive Behavior in Young People: An Analysis of World Experience. St. Petersburg : Costa, 2021.

14. Gogiberidze G. M. Modernization of Patriotic Education in Modern Schools Based on the Principles of Positive Psychology // Human Psychology in Education. 2023. No. 3. Vol. 5. P. 366–375.

15. Tapscott D. Wikinomics. How Mass Collaboration Changes Everything / translated from English by P. Mironova. М. : Сбербанк, 2011.

16. Pakhar L. I., Petrova R. A. Alienation: A Theoretical Understanding of the Problem // Philosophical Thought. 2021. No. 8. P. 78–88.

17. Rean A. A., Stavtsev A. A., Egorova A. V. Positive Psychology as a Tool for Modernizing the Process of Schoolchildren's Socialization // Siberian Psychological Journal. 2021. No. 82. P. 191–207.

18. Baeva I. A. Psychological Safety of the Educational Environment: Formation of a Direction and Development Prospects // Extreme Psychology and Personal Safety. 2024. No. 3. Vol. 1. P. 5–19.



19. The Ministry of Internal Affairs explained what doxing is and why it is dangerous // URL: https://ria.ru/20250906/doksing-2040185800.html?ysclid=mf8ydp_rvfv26476254

20. They drive young people into the drop: why teenagers are ideal intermediaries for cyber fraudsters // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/531765-vgonaut-molo->

[dez-vo-drop-pocemu-podrostki-ideal-nye-posredniki-dla-kibermosennikov?ysclid=mff1v9mm6c120328122](https://www.forbes.ru/tekhnologii/531765-vgonaut-molo-dez-vo-drop-pocemu-podrostki-ideal-nye-posredniki-dla-kibermosennikov?ysclid=mff1v9mm6c120328122)

21. Gogiberidze G. M., Skrynnik M. A. Patriotism as a target guideline for the interaction of social institutions of education and culture: axiological aspect // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series «Philosophical Sciences». 2022. No. 1 (41). P. 33–46.

Информация об авторах

Г. М. Гогиберидзе — главный научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, доктор педагогических наук, профессор;

А. А. Реан — заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, председатель научного совета Российской академии образования по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

Information about authors

G. M. Gogiberidze — Chief Scientific Officer of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

A. A. Rean — Head of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the Prevention of Aggression and Destructive Behavior in Students, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 05.10.2025. The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 05.10.2025.

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРОВ

Учебное пособие
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
А. Г. Караяни, В. Л. Цветков

Раскрыты теоретические основы психологии общения и переговорного процесса, а также психологически обоснованные пути и способы овладения сотрудниками правоохранительных органов умениями и навыками эффективного взаимодействия. Кроме того, представлены технологии и конкретные психотехники вербального и невербального общения в различных обстоятельствах, в том числе и ведения переговоров с преступниками, захвативших заложников. Предложены способы эффективного ведения переговоров, построения контактов с партнерами-манипуляторами, продуктивного разрешения конфликтных ситуаций. Показаны возможности социально-психологического тренинга (СПТ) в развитии коммуникативной компетентности специалиста-переговорщика.

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, сотрудников органов внутренних дел, а также всех, кто интересуется данной проблематикой.

Психология общения и переговоров

А. Г. Караяни
В. Л. Цветков





Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-228-232>

EDN: <https://elibrary.ru/cspnod>

ИПОН: 2003-0059-5/25-402

MOSURED: 77/27-003-2025-05-601

Специфика взаимосвязей показателей целевого компонента структуры рефлексивного Я субъектов учебной деятельности

Екатерина Игоревна Мишина¹, Валерий Сергеевич Агапов²

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, mashina-katya@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, agapov.vs@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика взаимосвязей показателей целевого компонента структуры рефлексивного Я субъектов учебной деятельности. С помощью коэффициента корреляции Спирмена выявлена статистически значимая связь между восемью показателями (целеустремленность, планомерность, ориентация на настоящее, осознанность жизни, цель жизни, процесс жизни, результат жизни, общий показатель смысложизненных ориентаций), формирующими данный компонент. На основании полученной статистики делается вывод, что целевой компонент, непосредственно связанный с деятельностью субъекта, является значимым фактором в развитии рефлексивного Я.

Ключевые слова: целевой компонент, целеустремленность, планомерность, ориентация на настоящее, осознанность жизни, цель жизни, процесс жизни, результат жизни, общий показатель смысложизненных ориентаций, рефлексивное Я, субъект учебной деятельности

Для цитирования: Мишина Е. И., Агапов В. С. Специфика взаимосвязей показателей целевого компонента структуры рефлексивного Я субъектов учебной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 228–232. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-228-232>. EDN: CSPNOD.

Original article

The specifics of the interrelationships of the indicators of the target component of the structure of the reflexive Self of the subjects of educational activity

Ekaterina I. Mishina¹, Valery S. Agapov²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, mashina-katya@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, agapov.vs@mail.ru

Abstract. Examined the specifics of the internal links between the indicators of the target component of self-reflection structure during student's educational activity. Using the Spearman's rank correlation, a statistically significant connection was found between eight indicators (determination, planning, orientation to the present, awareness of life, purpose of life, life process, life result, general indicator of meaningful orientations) forming this component. Based on the statistics obtained, it can be concluded that the target component directly related to the activity of the subject is a significant factor in the Self-reflection development.

Keywords: determination indicator, planning indicator, present orientation indicator, awareness of life indicator, purpose of life indicator, life process indicators, life result indicators, general indicator of meaningful orientations, Self-reflection, subject of educational activity

For citation: Mishina E. I., Agapov V. S. The specifics of the interrelationships of the indicators of the target component of the structure of the reflexive Self of the subjects of educational activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):228–232. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-228-232>. EDN: CSPNOD.

Современное российское образование призвано откликаться на быстрорастущий запрос личности понять свой внутренний мир. Значительная часть молодого поколения, а в нашем случае — субъектов учебной деятельности, выбирая путь развития и образования имеет внутренний запрос на попытку ответить самому себе на вопрос: «Кто Я?», «Куда иду?» и «Куда приду?». Внутри каждого из этих вопросов

кроется специфика отношения личности к самому себе, а также влияние этого отношения на все аспекты его психологического состояния, его поведение, его постановку жизненных и профессиональных целей. Чтобы ответить на эти вопросы, мы попытались создать структуру рефлексивного Я, включающую шесть компонентов (целевой, мотивационный, операциональный, деятельностный, регулятивный, эмо-

© Мишина Е. И., Агапов В. С., 2025



циональный). В данной статье мы решили проанализировать один из выделенных нами компонентов — целевой, который на наш взгляд, непосредственно связан с идеей развития рефлексивного Я субъектов учебной деятельности.

Проблема целеполагания, цели, и других схожих по смыслу определений, как одних из фундаментальных проблем жизнедеятельности человека, находится в центре внимания философских и психологических наук, являясь одним из важных звеньев процесса учебной деятельности субъекта в исследованиях отечественных и зарубежных авторов, начиная с античности.

Сократ сумел понять нравственную суть человеческой души через принцип «благотворности и целесообразности». Его стремление постичь внутреннюю закономерность человеческой деятельности опиралось на цель жизни [3].

Аристотель говорил о невозможности существования всего живого без цели. Анализируя целевые причины, философ писал: «...о причине говорится в смысле цели, а цель — это то, ради чего» [2, с. 79].

В отечественной психологии существуют различные теоретические подходы к определению сущности целеполагания как компонента рефлексии деятельности.

Проблема целеполагания с ее классическим подходом существует в рамках теории деятельности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна: «...ценное умение, проявляющееся в самостоятельном навыке индивида помогает ему в достижении социально значимых целей», т. е. каким образом деятельность субъекта учебной деятельности связана с целями, которые он перед собой ставит [4; 9].

Согласно С. Л. Рубинштейну, целеполагание осуществляется на двух уровнях — внешнем (конкретные цели) и внутреннем (взаимосвязь целеполагания и самоконтроля). Таким образом, согласно С. Л. Рубинштейну, процесс целеполагания непосредственно связан с деятельностью и реализуется в ней. Цель — это образ нужного результата, на который направлено действие индивида [9].

Б. Ф. Ломов предложил использовать целеполагание в рамках развития личности, которое формируется самим индивидом, и непосредственно связано с развитием его интеллектуальной деятельности [5].

В. Д. Шадриков в вопросах целеполагания опирался на собственную концепцию, представленную

как «цель – образ» (ориентированную на общее регулирование деятельности), и «цель – задача» (ориентированную на контроль индивидом собственного результата). Цель деятельности, будучи принята индивидом, с одной стороны, превращает его в субъекта деятельности, с другой, формирует связь с результатом этой деятельности. Таким образом, подход В. Д. Шадрикова определяет цель как детерминант процессов принятия решений, программ деятельности, активацию учебной и профессиональной деятельности [11].

В свое определение целеполагания Д. А. Леонтьев включает практическое осмысление индивидом процесса и результата своей деятельности с точки зрения пошаговой деятельности в качестве формулирования, постановки, реализации целей, при выборе оптимальных средств их достижения [4].

В. А. Петровский термин «цель» определил как «образ возможного через прообраз действительного». Наличие цели характеризует личность индивида, придает ему толчок к действию на реализацию «возможного будущего». «Возможное будущее», как рефлексивный активатор «Я могу», переходит в действие, если отсутствует более мощное противодействие формата «не могу», «запрещено» и т. д. [8].

Г. В. Акопов рассматривал целеполагание как последовательность процессов, которая исходит из формирования образа будущего результата деятельности, приводящего к осознанию и интериоризации этого образа и, в конечном счете, регулированию деятельности в зависимости от полученного результата [1].

Н. Ф. Наумова в своей книге определяет целеполагание как один из критериев сформированности личности. Целеполагание обеспечивает направленность и целесообразность жизненного пути, так как коррелирует с мотивами, планами и целями жизни, определяя которые, субъект проходит свой жизненный путь [7].

Согласно подходу О. К. Тихомирова, в процессе жизни у индивида формируется образ необходимого результата действий, и эти действия как «цель жизни» могут сопровождать субъекта на протяжении всего жизненного пути. В своих работах О. К. Тихомиров показывает, что в ходе решения определенной задачи индивид может ставить перед собой и промежуточные цели, ориентированные на настоящее. Данная концепция навела нас на мысль попытаться исследовать целевой компонент, не только с точки зрения бу-



душего, но и настоящего. Опираясь на валидные методики, перечисленные выше, мы включили в целевой компонент ряд таких показателей, как — «ориентация на настоящее», «процесс жизни», которые непосредственно освещают данную концепцию. Данные показатели в структуре целевого компонента мы рассмотрим ниже в нашей статье [10].

Теоретический обзор дал нам понимание, что общее в подходах вышеперечисленных теорий заключается в признании актуальности проблемы целеполагания как важного инструмента в становлении рефлексивного Я субъектов учебной деятельности.

Специфическое мы видим во включении целевого компонента в авторскую теоретическую модель рефлексивного Я, который, наряду с другими выделенными автором пятью компонентами, (мотивационным, операциональным, деятельностным, регулятивным, эмоциональным), является основой этого феномена.

В данной статье мы рассматриваем целевой компонент, в который мы включили восемь показателей опираясь на три валидные методики такие как: опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой, позволяющий рассмотреть такие показатели, как: целеустремленность, планомерность, ориентация на настоящее; опросник «Жизненной позиции личности» (Д. А. Леонтьев и А. Е. Шильманская) позволяющий рассмотреть показатель — осознанность жизни; Тест смысловых ориентаций (Д. А. Леонтьев) характеризующий наличие таких показателей как: цель жизни, процесс жизни, результат жизни, а также общий показатель смысловых ориентаций. Результаты этих исследований мы представим ниже [6].

Исследование с использованием данных методик проводилось на выборке, общее количество которой составило 888 человек из которых 210 мужчин (24 %) и 678 женщин (76 %) в возрасте от 19 до 47 лет. Базой для проводимого исследования стал Российский государственный гуманитарный университет. В исследовании принимали участие студенты с первого по пятый курс, обучающиеся по программе бакалавриата и магистратуры психологического факультета, факультета документоведения, факультета журналистики, факультета истории искусств.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась методами математической статистики: коэффициента корреляции r -Пирсона, t -критерий Стьюдента, U -критерий Манна-Уитни.

На основании полученных данных, было выявлено, что существуют значимые различия коэффициента корреляции Спирмена в общей выборке по целевому компоненту между показателями «ориентация на настоящее» и «целеустремленность» (0.111***); это свидетельствует о том, что текущее положение дел не всегда устраивает субъекта учебной деятельности и существует внутренняя потребность в улучшении той «точки жизни», в которой субъект находится в данный момент. Между показателями «планомерность» и «целеустремленность» (0.274***) также существует тесная связь, которая статистически доказывает, что испытуемые ставят перед собой цель через план реализации деятельности. Между показателями «осознанность жизни» и «целеустремленность» (0.257***) присутствие значимой корреляции свидетельствует о том, что испытуемые оказывают влияние на свою жизнь, не готовы плыть по течению, им свойственна рефлексия и самоанализ. Значимая корреляция между показателем «цель в жизни» и показателями «целеустремленность» (0.590***), «планомерность» (0.123***), «осознанность жизни» (0.153***) может означать готовность испытуемых к эмоционально насыщенному, наполненному смыслом процессу жизни, активной жизненной позиции, направленность к концентрации и выстраиванию жизненного плана. Между показателями «цель в жизни» и «процесс жизни» присутствует ярко выраженная корреляция (0.820***), предположительно это связано с проявлением у испытуемых волевых качеств и настойчивости в планировании собственной деятельности, и, как результат, — выработку положительного образа себя. Между показателями «процесс жизни» и «результат жизни» (0.764***) установленная связь отражает удовлетворенность уже пройденного отрезка жизненного пути и его осмысленности. У «общего показателя смысловых ориентаций» максимально выражена корреляция (0.870***) с показателем «процесс жизни»; предположительно, это говорит о присутствии рефлексии у испытуемых, как неотъемлемой части их жизненного пути; наименьшая с показателем «ориентация на настоящее» (0.132***), может касаться фиксации не на настоящем, а на будущем, что может также свидетельствовать о личностной рефлексии, осознанности жизненного пути, желанию стоять планы на будущее.

На основании вышеизложенного материала, сформулируем следующие выводы.



1. Проанализировав теоретические подходы к исследованию целеполагания можно говорить о том, что началом формирования готовности к деятельности является определение цели. Целеполагание является отправной точкой для развития рефлексивного Я, а рефлексия помогает субъекту учебной деятельности актуализировать цели.

2. Максимальный коэффициент корреляционных связей был выявлен между показателями «процесс жизни» и «общий показатель смысло-жизненных ориентаций» (0.870***) целевого компонента в структуре рефлексивного Я субъектов учебной деятельности, что доказывает готовность испытуемых к развитию рефлексивного Я.

3. Слабая корреляционная связь была выявлена между показателями «ориентация на настоящее» и «целеустремленность» (0.111***), что может свидетельствовать о фиксации не на настоящем, а на будущем, о наличии личностной рефлексии, осознанности жизненного пути, желании строить далеко идущие планы.

Дальнейшее исследование предполагает изучение мотивационного компонента в структуре рефлексивного Я субъектов учебной деятельности, а также его взаимосвязь с целевым компонентом в эмпирическом поле теоретической модели рефлексивного Я субъектов учебной деятельности.

Список источников

1. Акопов Г. В. Социальная психология образования М. : Флинта, 2000.
2. Аристотель. Метафизика. Л. : Соцэкгиз, 1934.
3. Асмус В. Ф. Античная философия: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1976.
4. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика М. : Смысл, 2024.
5. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984.
6. Мишина Е. И. Программа и методики эмпирического исследования рефлексивного Я субъектов учебной деятельности: учеб. пособие. М. : Белый ветер, 2023.
7. Наумова Н. Ф. Целеполагание как системный процесс. М. : ВНИИСИ, 1982.
8. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М. : Горбунок, 1992.
9. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1993.

ПСИХОЛОГИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие

Гриф НИИ образования и науки

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований

Под ред. В. Л. Цветкова, Н. А. Кузьмина,

И. Б. Лебедева, А. Ю. Федотова

Психология ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Третье издание



Учебное пособие включает систему основных понятий психологии оперативно-розыскной деятельности, рекомендации эффективного самоопределения в ситуациях взаимодействия с лицами, представляющими оперативный интерес, а также основы психотехники решения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел. Его содержание соответствует рабочим программам учебной дисциплины для обучающихся по специальностям 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка».

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.



10. Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии. М., 1992.

11. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека. М., 1996.

References

1. Akopov G. V. Social psychology of education. М. : Flint, 2000.

2. Aristotle. Metaphysics. Translation and approx. L. : Sotsekis, 1934.

3. Asmus V. F. Antique philosophy Tutorial. Ed. 2nd, add. М. : Higher school, 1976.

4. Leontiev D. A. Personal potential: structure and diagnostics. М. : Meaning, 2024.

5. Lomov B. F. Methodological and theoretical problems of psychology. М. : Nauka, 1984.

6. Mishina E. I. Program and methods of empirical research of the reflexive Self of subjects of educational activity: textbook. manual. М. : White Wind, 2023.

7. Naumova N. F. Goal setting as a system process. М. : VNIISI, 1982.

8. Petrovsky V. A. Psychology of non-adaptive activity. М. : Gorbunok, 1992.

9. Rubinstein S. L. Problems of general psychology. М., 1993.

10. Tikhomirov O. K. Concepts and principles of general psychology. М., 1992.

11. Shadrikov V. D. Psychology of human activity and abilities М., 1996.

Информация об авторах

Е. И. Мишина — доцент кафедры психологии и педагогики образования института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент;

В. С. Агапов — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

E. I. Mishina — Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Education of the Vygotsky Institute of Psychology of the Russian State University for the Humanities, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

V. S. Agapov — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.